Роджер Желязны

ХРОНИКИ ЭМБЕРА

VII-VIII

«ТЕРРА» — «АЗБУКА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самый знаменитый в мире фэнтезийный сериал, выдержавший многомиллионные тиражи! «ЯНТАРНЫЕ ХРОНИКИ» — магический роман Роджера Желязны в десяти книгах, известный в России под названием «ХРОНИКИ ЭМБЕРА»…

В течение многих десятилетий кто-то пытается убить Мерлина. Мерлин упорно ищет пропавшего отца, спасает друга и любимую девушку. Магическая сила Мерлина растет. Он проходит через кэрролловскую Страну Чудес, выдерживает заточение в Хрустальном Гроте…

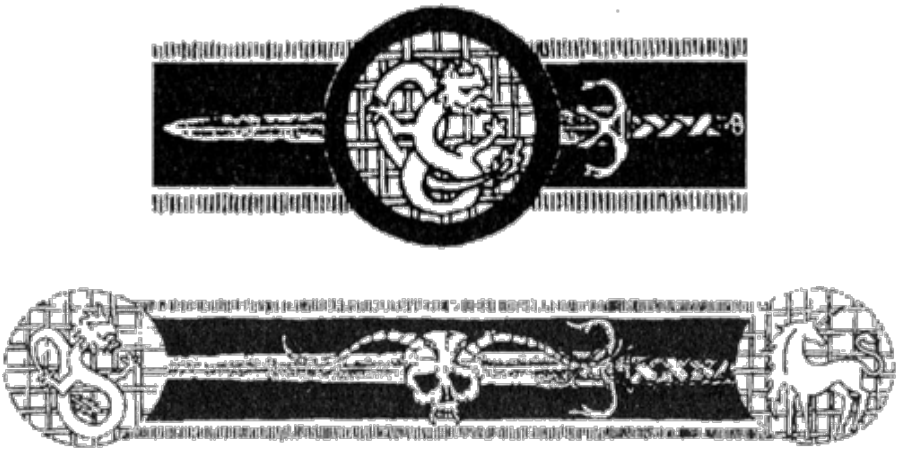
- Роджер Желязны
  - Кровь Янтаря
    -
    -
    - Раздумья в хрустальном гроте
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
    - XI
    - XII
  - Знак Хаоса
    -
      -
      -
      - I
      - II
      - III
      - IV
      - V
      - VI
      - VII
      - VIII
      - IX
      - X
      - XI

        - XII
    - Словарь имен
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40
    - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

Роджер Желязны
Хроники Эмбера. Книга 7-8

Кровь Янтаря



Кирби МакКоули

Раздумья в хрустальном гроте

Восемь лет я жил относительно спокойно — если не считать того, что каждый год именно тридцатого апреля кто-то пытался

угробить меня наиразнообразнейшими способами. Так или иначе, моя учеба и изыскания в области компьютерной техники продвигались довольно успешно, а четыре года работы на «Гранд Дизайн» обеспечили мне богатый практический опыт и позволили применить его на практике, работая на сторону над собственным проектом. И был у меня давний друг Льюк Рейнар, он работал в той же компании, в отделе сбыта. Я хаживал на собственной яхточке, бегал по утрам трусцой…

Все пошло прахом после нынешнего тридцатого апреля, когда мне уже казалось, что все начало складываться как нельзя лучше. Взлелеянный мною проект, Колесо-Призрак, был закончен; я уволился с работы, запаковал шмотки и был готов двинуть на тени, где побольше свежего воздуха. В городе я задержался лишь потому что близок был волнующий смертельной опасностью день, и я намеревался выяснить, кто же стоял за покушениями на мою жизнь и зачем нужна была ему моя смерть.

В то утро во время завтрака возник Льюк с запиской от моей бывшей подружки Джулии. В записке говорилось, что она вновь захотела увидеть меня. Я заскочил к ней домой, где и нашел ее тело, растерзанное той же собакоподобной тварью, что через мгновение набросилась на меня. Мне удалось убить чудище. Прежде чем покинуть место происшествия, я наскоро обыскал комнату и обнаружил тощенькую колоду странных игральных карт, которые, естественно, прихватил с собой. Карты были слишком похожи на магические Таро Янтаря и Хаоса, чтобы столь искусный колдун, как я, пренебрег этим сходством.

Да, я колдун. Я — Мерлин, сын Корвина из Янтаря и Дары из Дворов Хаоса, известный здешним друзьям и знакомым под именем Мерль Кори: яркий, очаровательный, остроумный, спортивный… Остальные эпитеты найдете у Кастильоне и лорда Байрона[1], а сам я скромен, скрытен и стараюсь держаться в тени.

Карты оказались доподлинно магическими, — я узнал, что Джулия, после того как мы с ней расстались, водила дружбу с оккультистом по имени Виктор Мелман. Визит в студию этого джентльмена привел к тому, что он попытался заколоть меня ритуальным кинжалом. Я сумел уклониться от участия в этой церемонии и успел навести у Мелмана кой-какие справки, прежде чем моя настойчивость и агрессивность местного окружения не привели его к преждевременной кончине. Перестарался он с ритуалами.

Я достаточно узнал от Мелмана, чтобы удостовериться, что он был всего лишь орудием. Явно и очевидно — кто-то другой подговорил его совершить жертвоприношение… и казалось

вполне возможным, что за смерть Джулии и мою коллекцию памятных тридцатых апреля отвечает именно этот кто-то.

Чтобы поразмыслить над этим, времени оказалось мало, ибо вскорости меня укусила (так-то вот!) привлекательная рыжеволосая женщина, которая материализовалась в квартире Мелмана. Знаменательное это событие произошло сразу после того, как я пытался в кратком телефонном разговоре с нею прикинуться Мелманом — за что и пострадал. Ее укус парализовал меня, но прежде, чем яд сработал, я сумел отвалить, воспользовавшись одной из магических карт, найденных в квартире Джулии. Карта перенесла меня к Сфинксе; та позволила мне отдохнуть, дабы я смог сыграть с ней в глупую игру, в которую так любят играть сфинксы, — они загадывают загадки, вы проигрываете, вас съедают. О нашей игре могу сказать лишь то, что конкретно эта Сфинкса оказалась скверным игроком.

Затем я вернулся на тень Земля и обнаружил, что за время моего отсутствия дом Мелмана сгорел. Я попытался прозвониться к Льюку (хотел пообедать с ним) и узнал, что он съехал из мотеля, оставив мне записку. Там было сказано, что Льюк убыл в Нью-Мексико по делам, и объяснялось, где он остановится. Клерк отдал мне забытый Льюком перстень с синим камнем, и я взял перстень с собой, чтобы вернуть хозяину при встрече.

Я полетел в Нью-Мексико и в конце концов встретился с Льюком в Санта-Фе. Пока он переодевался к обеду, я ждал его в баре. Там ко мне привязался некий человек по имени Дэн Мартинес. У меня сложилось впечатление, что Льюк предполагает провернуть с ним какую-то сделку и Мартинес хочет удостовериться, что надежный ли партнер Льюк и сможет ли он обеспечить поставки. Пообедав, мы поехали с Льюком прошвырнуться в горы. Пока мы стояли, наслаждаясь вечерним пейзажем, Мартинес, который, похоже, шел по пятам, решил пострелять в нас. Наверное, решил, что Льюк все-таки не сможет обеспечить поставки. Льюк тут же достал пушку и пристрелил Мартинеса, чем несказанно меня удивил. Затем случилась еще более странная вещь. Льюк назвал меня по имени — он назвал мое настоящее имя, которого я никогда ему не говорил, — сослался на моих родителей и посоветовал сесть в машину и убираться к дьяволу. Слова он подкрепил выстрелом в землю возле моих ботинок. Его предложение, судя по всему, обсуждению не подлежало, так что я удалился. Вдогонку он крикнул, чтобы я уничтожил те странные Козыри, что единожды уже спасли мне жизнь. Плюс ко всему в разговоре с Льюком всплыло, что Виктора Мелмана он знал…

Далеко я не уехал. Но бросил машину в предгорье и пешком

вернулся к месту действия. Льюка не было. Тела Мартинеса — тоже. В отель Льюк не вернулся ни той ночью, ни на следующий день, так что я счел за лучшее съехать оттуда. Единственным человеком, которому, по моему мнению, я мог доверять и кто действительно мог дать дельный совет, был Билл Ротт, адвокат из Нью-Йорка, лучший друг моего отца. Я отправился к Биллу и рассказал ему все.

Обсудив с Биллом сложившееся положение, я пришел к выводу, что прежде явно недостаточно интересовался Льюком. Я смог вспомнить, что, помимо прочих достоинств, Льюк был росл, сообразителен, шевелюру имел ярко-рыжую, сложен был атлетически и вдобавок редкостный сорвиголова. Но хоть мы с Льюком и дружили много лет, ничего сверх перечисленного я Биллу поведать не смог.

Вокруг дома Билла вдруг начал ошиваться странноватый соседский парень по имени Джордж Хансен. Юноша интересовался делами, которые его мало касались. Был еще таинственный телефонный звонок — звонивший задавал приблизительно те же вопросы. Оба любопытствующих, похоже, жаждали узнать, как звали мою мамочку. Естественно, я им наврал. То, что моя мать принадлежала к темной аристократии Дворов Хаоса, было явно не их собачьим делом. Однако тот, кто звонил, говорил на тари, и этого хватило, чтобы разогреть мое любопытство. Я предложил ему встретиться тем же вечером в баре местного клуба и обменяться информацией.

Но до того, как состоялась встреча, дядя Рэндом, король Янтаря, вызвал меня домой. Мы с Биллом как раз вышли погулять. Джордж Хансен, как оказалось, ненавязчиво составлял нам компанию и настолько не хотел с нами расставаться, что чуть не отправился следом, когда мы с Биллом двинули сквозь тени реальности. Что было достаточно рискованно — Билла не приглашали. Но я прихватил его с собой: не хотел оставлять с человеком, который вел себя столь нетривиально.

Рэндом сообщил, что от пули наемного убийцы погиб дядя Кэйн и что кто-то пытался убить дядю Блейса, но смог только ранить. Похороны Кэйна были назначены на следующий день.

И все же я сходил тем вечером на свидание в названный клуб, но таинственного знатока тари не обнаружил. Впрочем, впустую вечер не прошел — я свел знакомство с симпатичной дамочкой по имени Мег Девлин… и — слово за слово — она пригласила меня к себе, и мы познакомились поближе. Затем, когда я пребывал в убеждении, что ее мысли бродят где угодно, только не в тех краях, она вдруг спросила, как зовут мою мать. Какого черта, подумал я — и сказал. Лишь потом мне пришло в голову, что

свидание в баре назначила именно она.

Наш роман был бестактно прерван — позвонили в дверь. Звонил, по словам Мег, ее муж. Я поступил как джентльмен. Быстро свалил ко всем чертям.

Тете Фионе — кстати, колдунье, хотя работает она совсем в ином стиле, нежели я, — мое свидание не понравилось. И похоже, еще меньше ей понравился Льюк. Я кое-что рассказал о нем, она заинтересовалась и спросила, нет ли у меня его портрета. Я вытащил из бумажника фотографию, на которой, среди других парней, был запечатлен и Льюк. Могу поклясться — она его узнала, хотя и не призналась в этом. Да и то, что она вместе с Блейсом той же ночью исчезла из Янтаря, говорит само за себя.

После чего события понеслись галопом. На следующий день, сразу же после похорон Кэйна, была предпринята наглая попытка броском бомбы ухлопать большую часть семьи. Неудачливый бомбист сбежал. Затем Рэндома расстроила беглая демонстрация возможностей Колеса-Призрака — моего любимого детища, моего хобби, моего развлечения в течение всех лет работы в «Гранд Дизайн». Колесо-Призрак — это… ну, начиналось все как разработка компьютера, которому требовался для работы иной набор физических законов, нежели те, которые преподают в школе. В этот набор должно было входить и то, что принято называть магией. Я нашел-таки место, где такую штуковину можно было построить и задействовать, там я его и собрал. Когда я с ним расстался, Колесо-Призрак все еще был на стадии самоорганизации. Но теперь он, похоже, окончательно дозрел и обрел самосознание — думаю, это-то и напугало Рэндома. Он приказал мне немедленно отправиться и выключить машину. Задание оказалось не слишком-то по душе, но я пошел.

На пути сквозь Тень меня преследовали; меня доставали, мне угрожали, на меня даже напали. Из огня меня спасла странная леди, которая тут же погибла в озере. Некто защитил меня от злющих зверей, он же спас меня от какого-то жуткого землетрясения… Оказалось, моим ангелом-хранителем был Льюк. Он сопровождал меня до последнего, помогая выдержать напор Колеса-Призрака. Под занавес мое творение слегка рассердилось на меня и турнуло нас теневой бурей — в такие осадки не слишком славно попадать, как с зонтом, так и без него. Из этой передряги мы выбрались — я воспользовался одним из Козырей Судьбы (как я назвал необычные карты из квартиры Джулии).

Нас вышвырнуло возле пещеры, стены которой мерцали синим хрусталем, и Льюк затащил меня внутрь. Старина Льюк! Он позаботился, чтобы в этой пещере мне всего было вдосталь, а затем запер меня там. Льюк поведал, кто он такой, — и тогда я

сообразил, что же так напугало Фиону, когда она увидела его на фотографии: сходство с отцом. Льюк был сыном Брэнда, убийцы и архиизменника, который несколько лет назад был чертовски близок к тому, чтобы уничтожить королевство, а заодно и всю остальную вселенную. К счастью, Кэйн убил его раньше, чем Брэнд успел исполнить замысел. Именно Льюк, как я затем узнал, убил Кэйна — он мстил за отца. (Как оказалось, известие о смерти Брэнда он получил тридцатого апреля — вот откуда мои ежегодные развлечения по этим дням, такой вот нестандартный способ праздновать годовщины был у моего друга.) Как и на Рэндома, на него тоже произвел впечатление Колесо-Призрак, и Льюк заявил, что я останусь его пленником, так как могу ему еще пригодиться, когда он надумает взять управление этой машинкой на себя. Машинка, как он небезосновательно предполагал, могла стать превосходным оружием для стирания в порошок остальных членов нашей семьи.

Он удалился, чтобы спокойно разобраться со всеми накопившимися заморочками, а я очень скоро обнаружил, что какие-то необычные свойства пещеры блокируют мою магию, и поговорить-то мне тут не с кем, разве что с тобой, Фракир, и нет тут никого, кого ты могла бы придушить…

I

Когда клинок разлетелся на куски, я отбросил рукоять. В поединке с морской синевой камня оружие пользы не принесло — хотя я долбил стену в самом, как мне казалось, тонком участке. Удалось лишь отбить несколько осколков. Я поднял их и скреб друг о друга. Это явно не выход. Видимо, выбраться отсюда

действительно можно единственным путем — через вход. А вход закрыт.

Я вернулся в мои апартаменты — то есть в ту часть пещеры, где лежал спальник. Я сел на него, выбил из бутылки пробку и глотнул вина. Проклятая стена заставила меня попотеть.

Фракир зашевелилась на левом запястье, раскрутилась, скользнула по ладони и обвилась вокруг осколков синего камня, которые я по-прежнему держал в руке. Она захлестнула камни и свесилась с моей руки, покачиваясь как маятник. Я отставил бутылку и стал наблюдать. Качалась она, наверное, с минуту, строго повторяя направление обжитого мной коридора. Затем Фракир метнулась вверх и замерла, добравшись до тыльной стороны моей ладони. Она оставила осколки у основания среднего пальца и заняла привычное место на запястье.

Так… Я поднял мигающий масляный светильник и вгляделся. Этот цвет…

Да.

Камни на моей ладони чрезвычайно походили на тот, что был вправлен в перстень Льюка, который я забрал из мотеля «Нью-Лайн». Совпадение? Или тут есть связь? На какую мысль хочет навести меня моя удавка? И где я видел другой такой же камень?

Брелок Льюка. Синий камень, оправленный в металл… А где я мог видеть еще один?

Гроты, где я был заключен, блокировали действие Козырей и магию Логруса. Если Льюк выковыривает из этих стен камушки, чтобы постоянно таскать их с собой, на то должны быть веские причины. Что же таит в себе этот хрусталь?

Похоже, я не меньше часа пытался разузнать что-нибудь о его свойствах, но в результате лишь удостоверился в том, что Логрусовы зонды в эти камушки не проникают. В конце концов я раздраженно запихал осколки в карман, съел хлеба с сыром и глотнул вина.

Затем поднялся и сделал еще несколько обходов, проверяя ловушки. Я сижу в этих гротах по меньшей мере месяц. Все эти туннели, коридоры и залы я исходил вдоль и поперек в поисках выхода. Выхода не было нигде. Сперва я бегал по пещерам с одержимостью маньяка и до крови ободрал кулаки о холодные стены. Потом я резко сбавил темп и принялся целенаправленно и скрупулезно разыскивать трещины и замаскированные проходы. Я много раз пытался сдвинуть булыжник, которым был заткнут выход, — без толку. Он был подбит клиньями, и я даже не сумел пошевелить его. Похоже, что застрял я надолго.

Ловушка…

Со времени последней инспекции ничего не изменилось.

Булыжники как булыжники, висят себе на сводах — но готовы рухнуть, едва кто-нибудь зацепит скрытые тенью обрезки шнура, который я содрал с ящиков в кладовой.

Кто-нибудь?

Льюк, конечно. Кто ж еще? Разве не он упек меня сюда? И если он вернется, — нет, когда он вернется! — ловушки-сюрпризы будут наготове[2]. Он вооружен. У него преимущество — он появится сверху, я торчу внизу. Не выйдет. Внизу меня не будет. Я заставлю его спуститься… и тогда…

Задумавшись, я вернулся в свои апартаменты.

Закинув руки за голову, я лежал и мысленно проглядывал планы кампании. В ловушке человека может убить, а смерти Льюка я не желал. И не от избытка сентиментальности. Льюка я считал своим лучшим другом — пока не узнал, что он убил дядю Кэйна и, кажется, жаждал уничтожить всю нашу родню. И все из-за того, что Кэйн убил отца Льюка — дядю Брэнда, — человека, прикончить которого был бы рад любой из нашей семьи. Да, мы с Льюком… то есть, как выяснилось, Ринальдо… были двоюродными братьями, и у него имелась причина развязать новую внутрисемейную вендетту[3]. Тем не менее охоту сразу на всех родственников я посчитал бы несколько самонадеянной.

Но на демонтаж ловушек подвигли меня вовсе не родственные чувства. Льюк мне нужен был живым, потому что со мной случилось много такого, чего я не понимал и никогда бы не понял, если б убил его без предварительного собеседования.

Джасра… Козыри Судьбы… как меня сумели так быстро выследить в Тени… знакомство Льюка с безумным художником и оккультистом Виктором Мелманом… и что Льюку было известно о Джулии и ее смерти…

Я начал все сначала. Я разобрал ловушки. Новый план был прост и основывался на обстоятельствах, о которых Льюк, кажется, не подозревал.

Я перетащил спальник на новое место — в туннель, который начинался сразу же за гротом с выходом в кровле, и перенес туда кое-что из припасов. Я решил оставаться поблизости от входа как можно дольше.

Новая западня была проще некуда — примитивная и потому абсолютно надежная. И раз уж я этот капкан поставил, оставалось только ждать. Ждать и вспоминать. И строить новые планы. Нужно будет предупредить своих. Придется хорошенько разобраться с Колесом-Призраком. Нужно выяснить, что же на самом деле знала Мег Девлин. Нужно… много еще чего.

Я ждал. Я думал о теневых бурях, снах, странных Козырях и Озерной Леди. Я слишком долго плыл по течению — теперь этот

этап кончился, и жизнь принялась один за другим выбрасывать чертовски важные вопросы. Затем — новая напасть: вынужденное безделье. Единственное утешение — время в этой тени, похоже, бежало быстрее, чем в большинстве прочих. Сейчас для меня это важно. Месяц, проведенный здесь, может оказаться всего лишь сутками в Янтаре — а то и меньше. Если я здесь не задержусь, следы, которые меня интересуют, могут еще и не совсем остыть.

Потом я погасил светильник и уснул. Сквозь стены моей темницы просачивалось достаточно света, который то усиливался, то тускнел, так что я мог прикинуть, день сейчас или ночь, и, подчиняясь этому ритму, влачить бремя повседневной тоски.

В течение трех следующих дней я перечитывал дневник Мелмана — набитый туманными намеками и скудный на полезную информацию — и почти убедил себя, что Особой Под Капюшоном (так Мелман называл являвшегося ему наставника) был Льюк. Правда, меня поставило в тупик встретившееся несколько раз упоминание об андрогинии[4] Скрытого. К концу тетради начались упоминания о необходимости свершить жертвоприношение Сына Хаоса — я принял это на свой счет, учитывая, что Мелман заранее планировал меня кокнуть. Но если это дело рук Льюка, как тогда объяснить его странное поведение в горах Нью-Мексико, когда он посоветовал мне уничтожить Козыри Судьбы и уехать — как будто пытался защитить меня от чего-то? Потом он признался, что подготовил несколько первых покушений на меня, — но отрицал свою причастность к последним. Если он приложил руку ко всем покушениям, какой смысл признавать одни и отказываться от других? Что еще могло сюда припутаться? И кто? И как? В головоломке явно не хватало нескольких деталей, но я чувствовал, что все самое важное у меня уже есть и стоит появиться какой-то мизерной крохе новой информации — останется лишь слегка встряхнуть коробку, чтобы все фрагменты встали по местам и получился на удивление знакомый расклад…

Я мог бы предположить, что ко мне пожалуют ночью. Мог бы, но не предположил. Приди мне это в голову, я бы спал меньше и держал ухо востро. Даже если я и верил в стопроцентную надежность моей ловушки, в истинно совершенных планах следует учитывать все до последней мелочи.

Спал я крепко, а стук камня о камень звучал глухо. Я продирал глаза чересчур медленно, но стук продолжался, и через несколько секунд мозги у меня встали на место и я начал соображать, что происходит. Я сел (в извилинах явно скопился песок) и скорчился у стенки ведущего к выходу туннеля, протирая

глаза, поправляя прическу и отыскивая оставленную на том берегу реки сна ясность мысли.

Разбудивший меня стук, должно быть, означал, что из-под камня, закрывавшего вход, выбивают клинья. Это было мерное постукивание — приглушенное, не рождавшее эха.

Я рискнул быстро выглянуть в грот. Отверстие в потолке было еще закрыто — звезд я не увидел. Возня наверху продолжалась. Стук сменился громким продолжительным шорохом и скрипом. Сквозь прозрачный хрусталь свода видно было пятно света, окруженное гало. Я решил, что это лампа, — для факела свет слишком ровный. К тому же в такой ситуации факел непрактичен.

В своде возник просвет — полумесяц неба, на нижнем роге две звезды. Просвет расширялся — я слышал тяжелое хриплое дыхание, как я определил, двух человек.

Я почувствовал, как в кровь ухнула добрая доза адреналина и принялась крутить там гормональные сальто — по рукам мурашки помчались. Я не предполагал, что Льюк приведет кого-то с собой. Мой план, защищенный от вмешательства любого абстрактного дурака, оказался беззащитен перед дураком конкретным… в смысле, передо мной.

Валун теперь двигался быстрее, и мне не оставалось времени даже на богохульства. Мысли неслись галопом, нужно было срочно сосредоточиться, придумать подходящий план, подготовиться и приступить к его претворению в жизнь.

Я вызвал Логрус, и тот сформировался у меня перед глазами. Я поднялся, держась у стены, и начал с простеньких пассов, стараясь согласовать движения рук с непредсказуемыми, на первый взгляд, движениями двух ответвлений Логруса. К тому моменту, когда я добился удовлетворительного результата, шум наверху стих.

Выход был свободен. Мгновением позже лампу подняли и поднесли к отверстию.

Я шагнул в грот и поднял руки. Мой первоначальный план был окончательно похоронен, когда на фоне неба появились темные угловатые силуэты двух приземистых типов. В правой руке каждый держал обнаженный poig-nard. Ни один из парней даже отдаленно не напоминал Льюка.

Я вытянул руки, обтянутые Логрусовыми перчатками, взял этих двоих за глотки и давил, пока они не обмякли. Я подержал их еще чуть-чуть и отпустил.

Как только эти ребята исчезли из виду, я зацепился мерцающими энергетическими жгутами за край колодца и подтянулся. По пути я на секунду задержался, чтобы забрать

Фракир, свернувшуюся под лазом. В этом, собственно, и заключалась моя западня. Льюк, или любой другой, рискнувший полезть в пещеру, сам сунул бы голову в удавку, готовую мгновенно затянуться на его шее.

Ну-с, что у нас…

Полоса пламени тянулась справа от меня вниз по склону — это был керосин из разбившейся лампы, сбегающий огненным ручейком к подножию холма. Типы, которых я придушил, навзничь лежали по левую руку от меня. Слева и чуть сзади обнаружился валун, которым прежде было заткнуто отверстие. Я занимал выгодную позицию: завис в колодце, опираясь на локти, — голова и плечи над отверстием. Изменчивые формы Логруса танцевали перед глазами, его силовые линии жаркими иглами покалывали мне руки. Фракир переползла с левого предплечья к бицепсу.

Все вышло как-то слишком просто. Зная Льюка, я не мог представить, чтобы он доверил допросить меня, убить или куда-нибудь переправить — без разницы — двум шестеркам. Поэтому я не спешил вылезать из колодца и продолжал спокойно осматривать ночной пейзаж из относительно безопасного укрытия.

Благоразумие следовало проявить хотя бы ради разнообразия. Ибо эта ночь делила свой полог как минимум на двоих. Здесь был кто-то еще. Темно, нормальное зрение пасует, ночное зрение блокировано горящим керосином, и ориентироваться в таких условиях трудновато. Но когда я подключу к этому Логрус, поползновения недругов будут как на ладони…

Так и есть — под деревом, слева от меня, среди колышущихся теней, где ни один глаз не увидел бы человеческую фигуру, — там парил узор силовых линий. Это был странный рисунок, я увидел в нем черты Образа Янтаря; узор разворачивался, словно расцветал фейерверк, вытягивая мутно-желтые щупальца света. Это плыло ко мне сквозь ночь, и я смотрел, смотрел и изумлялся, уже зная, что буду делать, когда настанет время.

Четыре отростка; они медленно приближались, осторожно нащупывая путь. Когда до меня оставалось несколько ярдов, они приостановились, определили цель, а затем ударили, словно четыре кобры. Я выставил руки вперед ладонями, сведя их вместе, — одна чуть сдвинута относительно другой, отростки Логруса вытянуты. Одним взмахом я развел ладони, чуть наклонив их вперед. Отростки ударили в желтые щупальца, отбросив те далеко в стороны и заставив подтянуться к узору. В момент касания я ощутил покалывание в предплечьях. Затем,

используя продолжение правой руки как клинок, я, как в центр щита, сделал быстрый выпад в сердцевину восстановившегося узора. Узор помутнел, я услышал короткий резкий вскрик и — вновь ударил, выпрыгнул из дыры и бросился по склону вниз. Правая рука ныла.

Чем бы ни была та картинка, она поблекла и исчезла. Зато теперь я ясно различил очертания фигуры — человек стоял, прислонившись к стволу дерева. Мне показалось, что это женщина, но я никак не смог разобрать лица: она держала перед глазами какой-то небольшой предмет. Опасаясь, что это оружие, я шарахнул по этой штуке отростком Логруса, надеясь выбить ее из руки моей неприятельницы.

Отдача получилась такая, что я споткнулся, а руку чуть не свело судорогой. Похоже, я стукнул по неслабой магической вещичке. Так или иначе, леди, к моему удовольствию, покачнулась. Она снова коротко вскрикнула — но свою игрушку, к сожалению, так и не выпустила.

Мгновением позже фигура окуталась едва заметным радужным мерцанием, и я наконец сообразил, что же это за предмет. Я использовал силу Логруса против Козыря. Теперь я просто обязан был добраться до незнакомки — хотя бы для того, чтобы выяснить, кто она такая.

Уже на подлете я понял, что не успеваю. Если только…

Я сорвал с плеча Фракир и метнул ее вдоль силовой линии Логруса. Пока удавка летела, я вывел ее на курс и поставил боевую задачу.

На бегу в слабом радужном ореоле, окружавшем женщину, я разглядел наконец ее лицо. Это была Джасра, которая когда-то укусила меня в квартире Мелмана и чуть не прикончила. Упусти я ее сейчас, и шансы получить ответы на некоторые вопросы — от которых могла зависеть моя жизнь — сделали бы мне ручкой.

— Джасра! — завопил я, пытаясь нарушить ее сосредоточенность.

Мои усилия оказались бесполезными — зато Фракир сработала отлично. Мой душащий шнурок, сверкнув серебром, обвился вокруг шеи Джасры и свободным концом захлестнулся на ближайшей ветке слева.

Женщина начала истаивать, явно не осознавая, что отступать слегка поздновато. Теперь она смогла бы козырнуться, только распрощавшись с головой.

Но она это быстро уяснила. Я услышал придушенный хрип, она шагнула назад, обрела ясные очертания, потеряла ореол, выронила Козырь и принялась хвататься за шнур, стягивающий ей

горло.

Я подошел, протянул руку, и Фракир отмоталась от дерева и обвилась вокруг моего запястья.

— Вечер добрый, Джасра, — сказал я и запрокинул ей голову. — Попробуешь кусаться — и тебе придется ставить на шею фиксатор. Все ясно?

Джасра попыталась что-то сказать, но не сумела. Тогда она просто кивнула.

— Если не возражаешь, я чуть ослаблю петлю, — сказал я. — Тебе, кажется, не терпится ответить на мои вопросы.

Я чуть сдвинул узел Фракир. Джасра закашлялась и подарила мне взгляд, от которого песок превратился бы в стекло. Ее магическая защита совсем иссякла, и я решил, что о Логрусе тоже можно пока забыть.

— Ну, так почему ты меня преследуешь? — спросил я. — Что я тебе сделал?

— Сын погибели! — выдавила она и хотела было в меня плюнуть, но, должно быть, во рту у нее совсем пересохло.

Я чуть потянул Фракир, и Джасра вновь захрипела.

— Ответ не принят, — сказал я. — Попробуй еще разок.

Глядя куда-то мне за спину, она улыбнулась. Я рискнул оглянуться, не затягивая Фракир. Воздух справа и позади задрожал — кто-то явно готовился к нам козырнуться.

Я решил, что вряд ли смогу в такой ситуации достойно встретить еще одного посетителя, поэтому сунул свободную руку в карман и вытащил пригоршню собственных Козырей. Сверху лежал Козырь Флори. Ладно, сойдет.

Я толкнул сознание сквозь тусклое свечение карты на тот край мира, к лицу Флори. Я почувствовал отклик — рассеянное внимание, быстро сменившееся тревогой.

Затем:

Да?..

— Помоги пройти! Скорее! — сказал я.

Это срочно? — спросила она.

— Поверь на слово, — сказал я.

Н-ну… Иди.

Появилась картинка — она в постели. Картинка становилась все отчетливей, все ясней. Флори протянула мне руку.

Я потянулся и схватил ее за пальцы. Я услышал, как зазвенел голос Льюка, крикнувшего: «Стой!» — но я уже перемещался, уходил — волоча за собой Джасру. Она пыталась сопротивляться и сумела-таки тормознуть меня, когда я наткнулся на край кровати. Потом я увидел, что на дальнем краю постели, выпучив на меня глаза, сидит бородатый брюнет.

— Кто?.. Что?.. — бормотал он.

Я таинственно улыбнулся и выпрямился.

Позади моего «языка» обозначились расплывчатые контуры фигуры Льюка. Он потянулся, схватил пленницу за руку и потащил обратно. От рывка Фракир затянулась, и Джасра придушенно захрипела.

Проклятье! Что же делать?

Флори вдруг вскочила, лицо ее исказилось. Надушенная лавандой простыня упала, когда кулак моей тетушки молнией устремился вперед.

— А-а, — вскричала она. — Помнишь меня, сука?!

Удар пришелся Джасре в подбородок — я едва успел освободить Фракир, чтобы не улететь вместе с Джасрой в распахнутые объятия Льюка.

Они оба исчезли, и радужное мерцание пропало.

Брюнет уже вылетел из постели и спешно собирал по комнате детали своего туалета. Как только все тряпки оказались у него в руках, он, даже не озаботившись что-нибудь на себя натянуть, начал отступать к двери, прикрывая отход ворохом одежды.

— Рон! Куда же ты? — спросила Флори.

— Ухожу! — ответил он, открыл спиной дверь и вышел.

— Подожди!

— Ни за что! — донеслось из соседней комнаты.

— Проклятье! — сказала Флори, сверля меня взглядом. — У тебя что, хобби такое — жизнь людям портить? — Затем она снова воззвала: — Рон! Ты разве не останешься пообедать?

— Мне срочно нужно к психоаналитику, — ответствовал Рон. Вслед за этим грохнула еще одна дверь.

— Надеюсь, ты уже понял, сколь прекрасный роман разрушил? — сказала мне Флори.

Я вздохнул и спросил:

— Давно познакомились?

Флори нахмурилась.

— Допустим, вчера. И нечего ухмыляться! Чувство от этого не зависит. Я и сейчас могу сказать, что это было бы нечто особенное. А исповедоваться таким грубиянам, как ты или твой папочка, это все равно что опошлять шедевры…

— Ну извини, — сказал я. — Спасибо, что вытащила меня. А он вернется, не сомневайся. Мы только напугали его до судорог, вот и все. Как он может не вернуться, раз уж был с тобой?

Флори улыбнулась.

— Да, ты *похож* на Корвина. Грубиян, но не дурак.

Она поднялась, подошла к шкафу, вынула и накинула на себя пахнущий лавандой халат.

— Ну и что это было? — сказала она, завязывая пояс.

— Долгая история…

— Тогда лучше отложим до ленча. Голоден?

Я ухмыльнулся.

— Сейчас выясним. Пошли.

Мы прошли через гостиную во французском провинциальном стиле в большую кухню, разукрашенную медью и изразцами. Я спросил, не надо ли ей помочь, но Флори указала на стул и приказала мне сесть.

Пока она выгружала из холодильника гору продуктов, я сказал:

— Во-первых…

— Да?

— Где мы?

— В Сан-Франциско, — отозвалась она.

— С чего это ты решила стать домохозяйкой?

— Закончив дельце Рэндома, я решила здесь пожить. Городок производит приятное впечатление.

Я прищелкнул пальцами. Ее же послали выяснить, кому принадлежит дом, где Мелман снимал студию и квартиру и где «Склады Брута» хранили боеприпасы, пригодные для стрельбы в Янтаре.

— Так кому принадлежит то помещение?

— «Дж. Б. Рэнд, инкорпорэйтед».

— Адрес?

— Офис в Сосалито. Был освобожден пару месяцев назад.

— У владельцев здания есть домашний адрес съемщика?

— Номер абонентского ящика. Абонирование не возобновлялось.

Я кивнул.

— Чего-то подобного я и ожидал, — сказал я. — Теперь расскажи о Джасре. Похоже, вы давно знакомы с этой леди.

Флори фыркнула.

— Еще чего — леди! Королевской подстилкой, вот кем она была тогда.

— Где?

— В Кашфе.

— Где это?

— Этакое занятное маленькое королевство в Тени, почти сразу за границами Золотого Круга королевств, с которыми торгует Янтарь. Примитивная варварская роскошь и все такое прочее. Окультуренное болото.

— Тогда откуда ты все это знаешь?

Флори ненадолго замолчала, помешивая что-то в миске.

— Ну, я как-то водила знакомство с одним дворянином из Кашфы. Встретила его однажды в лесу. Он развлекался соколиной охотой, а меня угораздило подвернуть щиколотку…

— А-а, — бросил я вскользь, надеясь, что прочие детали мы опустим. — А Джасра?

— Она была тогда женой короля, старого Мениллана. Крутила им как хотела.

— Ты что-то имела против этого?

— Пока меня не было в городе, она увела Джасрика.

— Джасрика?

— Моего дворянина. Граф Кронклеф.

— А что об этом думали его величество Мениллан?

— Он так и не узнал о ее подвигах. Он в то время готовился отдать концы. Что вскорости и сделал. Собственно, потому ей и нужен был Джасрик. Он был начальником дворцовой стражи, а брат у него был генералом. Когда Мениллан скончался, они стали ее козырными тузами во время дворцового переворота. Последнее, что я слышала, — она стала королевой Кашфы, а Джасрика пустила под откос. Обслужила его по полной программе, я бы сказала. Видимо, он нацелился на трон, а она не собиралась ни с кем делиться. Она казнила и его, и брата — под предлогом какой-нибудь государственной измены. А он на самом деле был симпатичным парнем… Хоть и не слишком ярким.

— А у жителей Кашфы есть какие-нибудь… ну… особенности физиологии? — спросил я.

Флори улыбнулась.

— Ну, Джасрик был сам черт, а не парень. Но я бы не стала употреблять термин особенности, говоря о…

— Нет, нет, — прервал я. — Я имел в виду особенности в строении челюстей — выдвижные клыки, жало или что-то еще в этом духе.

— Фу-у, — сказала она, краснея. Может, стояла слишком близко к плите? Но не стану зарекаться. — Ничего такого. Стандартная анатомия. А почему ты спрашиваешь?

— Когда в Янтаре я рассказывал свою историю, то кое-что опустил. Джасра меня укусила и, кажется, впрыснула какой-то яд. Я едва успел козырнуться. Все онемело, руки-ноги парализовало, а потом еще слабость…

Флори покачала головой.

— Жители Кашфы ничего такого не делают. Но Джасра, конечно же, не из Кашфы.

— Да? И откуда?

— Не знаю. Но она точно не оттуда. Говорили, ее привезли работорговцы. Или она сама забрела в Кашфу и попалась на глаза

Мениллану. Ходили слухи, что она колдунья. Не знаю…

— Зато я знаю. Это не слухи.

— Правда? Вот как, значит, она окрутила Джасрика!..

Я пожал плечами.

— Давно ты… э-э… сталкивалась с Джасрой?

— Лет тридцать-сорок назад, наверное.

— И она все еще королева Кашфы?!

— Не знаю. В тех краях я давно не бывала…

— А у Янтаря с Кашфой плохие отношения?

— Да никаких особенных отношений, — Флори опять покачала головой. — Я же говорила: они слегка в стороне от торговых путей. Другие тени доступнее, а торговать Кашфе вроде как, по большому счету, и нечем…

— У Джасры есть причина ненавидеть именно нас?

— Не больше, чем у кого-то другого.

От плиты текли запахи. Я сидел, принюхивался и мечтал о том, как залезу после ленча под горячий душ и буду тысячу лет им наслаждаться. И тут Флори произнесла то, чего я ждал в течение почти всего разговора:

— Человек, который тащил Джасру обратно… Знакомое лицо. Кто это?

— Тот, о ком я рассказывал тогда, в Янтаре, — ответил я. — Льюк. Любопытно, он тебе кого-нибудь напоминает?

— Вроде бы… — сказала она, помедлив. — Но не могу вспомнить, кого.

Флори по-прежнему стояла ко мне спиной.

— Если ты держишь в руках что-нибудь, что может разбиться или пролиться, — сказал я, — пожалуйста, поставь это на стол.

Я услышал, как что-то поставили на столешницу. Затем Флори повернулась. Судя по лицу, она была заинтригована.

— Ну?

— Его настоящее имя Ринальдо, он сын Брэнда, — сказал я. — Он больше месяца держал меня в плену в другой тени. Я только что сбежал.

— Ох ты, — прошептала она. Затем: — И что ему надо?

— Отмщения, — ответил я.

— Кому-то конкретно?

— Нет. Всем нам. Кэйн, ясное дело, был в списке первым.

— Конечно…

— Пожалуйста, не пережарь чего-нибудь, — сказал я. — Я так давно мечтал хорошенько пожрать.

Она кивнула и отвернулась.

— Ты давно его знаешь, — сказала она чуть погодя. — Что он за человек?

— Всегда казался славным парнем. Если он такой же псих, как его папочка, он хорошо это скрывал.

Флори откупорила бутылку вина, наполнила два бокала и поставила один рядом со мной. Затем принялась сервировать стол.

Когда мы уже приступили к трапезе, она замерла, не донеся вилку до рта, и сказала куда-то в пространство:

— Кто бы мог предположить, что эта сволочь начнет размножаться?

— Фиона, по-моему, — сказал я. — Ночью, перед похоронами Кэйна, она спрашивала, нет ли у меня фото Льюка. Я показал ей карточку. Кажется, она забеспокоилась, но ничего мне не сказала.

— А на следующий день они с Блейсом смылись, — заметила Флори. — Да. Теперь я вспоминаю — он чертовски похож на Брэнда, каким тот был в молодости. Так давно… Льюк крупнее и крепче сложен, но сходство несомненное.

Флори вновь принялась за еду.

— Очень вкусно, между прочим, — сказал я.

— Спасибо, — она вздохнула. — Я так понимаю, что мне придется подождать, пока ты наешься, прежде чем я услышу твою историю целиком.

Я кивнул — молча, потому что рот у меня был набит. Пусть империя гибнет — я голоден.

II

Приняв душ, подстригшись, сделав маникюр и переодевшись в свеженаколдованный костюм, я позвонил в справочную, а затем — по единственному номеру, зарегистрированному на фамилию Девлин в том районе, где жил Билл Ротт. Ответил мне женский голос. Телефон искажал тембр, но я все-таки узнал.

— Мег? Мег Девлин? — сказал я.

— Да, — донесся ответ. — Кто это?

— Мерль Кори.

— Кто?

— Мерль Кори. Недавно мы провели приятную ночь…

— Простите, — сказала она. — Должно быть, вы ошиблись.

— Если ты не можешь сейчас говорить открыто, я перезвоню — только скажи, когда. Или позвони мне сама.

— Я вас не знаю, — сказала она и повесила трубку.

Я уставился на аппарат. Даже если ее муж был дома, она могла бы сыграть похитрее и, как минимум, дать понять, что

узнала меня и что мы сможем поговорить в другой раз. Я не стал связываться с Рэндомом — он тут же отозвал бы меня в Янтарь, а я хотел сначала переговорить с Мег. Тратить время на визит к ней я не мог. Я не понимал, почему она так круто меня завернула, но, по меньшей мере, связаться с ней можно. Потом я вспомнил, что у меня осталась еще одна ниточка, и решил подергать за нее. Я снова позвонил в справочную и узнал номер Хансенов, соседей Билла.

Трубку подняли после третьего звонка — и вновь ответил женский голос. Это была миссис Хансен (я как-то встречался с ней, но во время прошлого визита к Биллу мы не виделись).

— Миссис Хансен, — начал я. — Это Мерль Кори.

— А, Мерль… Ты, кажется, заезжал недавно в наши края?

— Было дело. Жаль, не смог задержаться подольше и зайти в гости. Только вот с Джорджем парой слов перекинулись… Собственно, он-то мне и нужен. Можно его позвать?

Ответ я услышал только через несколько долгих секунд.

— Джордж… Джордж сейчас в больнице, Мерль. Что-нибудь ему передать?

— Да нет, ничего срочного, — сказал я. — А что с ним случилось?

— Ничего… да так, ничего страшного. Он уже поправился, сегодня у него осмотр у врача и какие-то процедуры. У него… что-то вроде… вроде как целый месяц вывалился из памяти. Что-то вроде амнезии на несколько дней, и никак не могли выяснить, из-за чего это началось.

— Из-за чего же…

— На снимках вроде бы никаких повреждений… но, похоже, он где-то ударился головой, или что-то такое… Теперь с ним все нормально. Врачи говорят, все будет хорошо. Они просто хотят его еще немного понаблюдать. Вот и все…

Вдруг на нее будто снизошло вдохновение, и она спросила:

— А когда ты разговаривал с ним, как он тебе показался?

Я ожидал этого вопроса, и ответ был у меня уже готов.

— Да нормальный он был, когда мы говорили, — ответил я. — Хотя, конечно, я его раньше не знал, так что не могу сказать, может, он и вел себя не так, как всегда.

— Да, понимаю, — сказала она. — Так что, передать ему, чтобы он позвонил тебе, когда сможет?

— Не стоит. Я уезжать собираюсь, — сказал я, — а когда вернусь, не знаю. Да и ничего особо важного нет… Я перезвоню на днях.

— Ладно. Я передам, что ты звонил.

— Спасибо. До свидания.

Чего-то такого я и ожидал — после того, как позвонил Мег. Джордж вел себя загадочно — особенно под конец. Меня все больше беспокоило, что он, кажется, знал, кто я на самом деле, знал о Янтаре — даже хотел пройти следом за мной через Козырь. Такое впечатление, что и им, и Мег кто-то манипулировал…

Мне тут же пришло в голову, что это могла быть Джасра. Но она вроде бы заодно с Льюком — а Мег предупреждала меня, чтобы я его остерегался. Если она была под контролем Джасры, зачем бы это ей так поступать? Никакого смысла. Кто же еще из моих знакомых способен на такой трюк?

Скажем, Фиона. Да, но она же помогла мне вернуться на эту тень из Янтаря. И она же вытащила меня после вечера с Мег. И она, похоже, не меньше меня была озадачена поворотом событий.

Вот черт! В жизни полно дверей, которые не открываются на стук, и хуже всего то, что они чередуются с дверями, которые открываются именно тогда, когда тебе это совсем не нужно.

Я постучал в дверь спальни. Флори сказала, что я могу войти. Она сидела у зеркала и накладывала макияж.

— Как дела? — спросила она.

— Не слишком хорошо. А если честно — совсем никуда, — резюмировал я.

— И что ты теперь будешь делать?

— Свяжусь с Рэндомом, — сказал я. — Доложусь. Чувствую, что после моего доклада он захочет меня видеть. Так что я хочу сказать «до свидания» — и спасибо за помощь. Прости, что подпортил тебе роман.

Флори пожала плечами, по-прежнему сидя ко мне спиной и изучая в зеркале свое отражение.

— Не принимай близко…

Окончания предложения я не услышал, хотя губы Флори продолжали шевелиться. По ощущениям, со мной кто-то пытался связаться через Козырь, и я сосредоточился, чтобы установить контакт. Приготовился ответить и стал ждать. Ощущение контакта становилось сильнее, но я никак не мог понять, кто меня вызывает. Я отвернулся от Флори.

— Мерль, что с тобой? — услышал я ее голос.

Я поднял руку и жестом попросил ее не мешать. Ощущение выхода на связь усиливалось. Казалось, передо мной открылся длинный черный туннель, на противоположном конце которого не было никого.

— Не знаю, — сказал я, вызывая Логрус и принимая контроль над одним из его щупалец. — Призрак? Это ты? Хочешь поговорить? — спросил я.

Ответа не было. Я почувствовал, как по спине пробежал

холодок, но оставался на связи и ждал. Никогда прежде такого со мной не случалось. Было сильное ощущение, что, если я двинусь вперед, меня куда-то перекинет. Что это — вызов на поединок? Ловушка? Как бы то ни было, только дурак принял бы такое приглашение невесть от кого. Если судить по моему опыту, я снова мог бы очутиться в хрустальном гроте.

— Если ты чего-то хочешь, — сказал я, — тебе придется назваться и заговорить. Вслепую я на свидания не хожу.

Повеяло ощущением присутствия, но ничего хоть сколько-нибудь знакомого…

— Ну что ж, — сказал я. — Сам я не пойду, а тебе сказать нечего. Остается предположить, что ты хочешь пройти ко мне. Если так, валяй…

Я протянул вперед обе руки. Казалось, что в них ничего нет, но вокруг левой ладони свилась наготове моя невидимая удавка, а правая несла незримое смертельное копье Логруса. Случай был из тех, когда следует быть вежливым ровно настолько, насколько дозволено профессионалам.

Во тьме туннеля эхом прошелестел тихий смешок. Однако это была лишь ментальная проекция — холодная, бестелесная и бесполая.

Твое приглашение, разумеется, ловушка, — донеслось до меня затем. — *Ты же не круглый дурак… И все же я ценю твое мужество — не всякий стал бы обращаться к неизвестному. Ты не знаешь, кто пред тобой, — и все-таки ждешь. Даже приглашаешь…*

— Предложение в силе, — заметил я.

Ты никогда не внушал мне опасений.

— Чего ты хочешь?

Увидеть тебя.

— Зачем?

Возможно, когда-нибудь наши дорожки пересекутся.

— Что ж это будут за дорожки?

Снова смех.

Нет. Не сейчас. Пока нет. Сейчас я просто наблюдаю за тобой, изучаю реакции.

— Ну и как? Насмотрелся?

Почти.

— Раз наши дорожки уже пересеклись, пусть драка состоится сейчас, — предложил я. — У меня есть парочка важных дел, а потом мне будет не до отложенных обязательств.

Ценю выдержку. Но когда время придет, решать будешь не ты.

— Могу и подождать, — сказал я, осторожно протягивая щупальце Логруса по темному проходу.

Ничего. Мой щуп ничего не обнаружил…

Ты прекрасно держишься на сцене. Лови!

Что-то ринулось на меня вдоль туннеля. Мой магический щуп дал мне знать, что это рыхлая — настолько рыхлая, что опасности не представляет, — большая прохладная многоцветная куча…

Я встал поустойчивей и потянулся сквозь нее… за нее… далеко… еще дальше… к источнику. Я нащупал что-то осязаемое, но податливое: тело, наверное, а может, и нет — слишком… слишком большое, чтобы его можно было мгновенно перетащить сюда.

Но тут же я нащупал и несколько предметов помельче, твердых и достаточно легких. Я ухватил один из них, вырвал из того, на чем он там держался, и потащил к себе.

И в то же мгновение, одновременно с мчащейся ко мне кучей и возвращающимся щупальцем Логруса, до меня долетел безмолвный всплеск страха.

Вокруг меня все взорвалось. Фейерверк: цветы, цветы, цветы… Фиалки, анемоны, нарциссы, розы…[5] Я услышал, как ахнула Флори, когда в комнату хлынули сотни цветов. Контакт немедленно оборвался. Я почувствовал в правой руке что-то небольшое и твердое. В ноздри хлынул тяжелый густой запах цветочного рынка.

— Что это за чертовщина? — воскликнула Флори.

— Точно не знаю, — ответил я, стряхивая с рубашки лепестки. — Любишь цветы? Вот, можешь оставить себе.

— Спасибо, но я предпочитаю более продуманные букеты, — сказала она, разглядывая многоцветный курган у моих ног. — Кто их послал?

— Безымянный некто с того конца темного туннеля.

— Но зачем?

— Может, цветы на могилку. Не уверен. Разговор был достаточно напряженным…

— Буду чрезвычайно признательна, если перед уходом ты поможешь мне привести в порядок этот цветник.

— Конечно, — сказал я.

— На кухне и в спальне есть вазы. Пойдем.

Я пошел следом за ней и собрал все вазы. Попутно я рассмотрел предмет, который вытащил по каналу связи. Это оказалась синяя пуговица, оправленная в золото. На ушке лохматились обрывки темно-синих ниток. На камне был вырезан причудливый четырехлепестковый узор. Я показал пуговицу

Флори. Та покачала головой.

— Ничего подобного не видела, — сказала она.

Я покопался в кармане и выудил осколки камня из хрустального грота. Похоже, камень был тот же… Когда я проносил пуговицу мимо Фракир, моя змейка едва заметно шевельнулась и замерла — кажется, ей чертовски надоело предупреждать меня об опасности, исходящей от синих камней. Все равно я явно не собирался ничего с ними делать.

— Странно, — сказал я.

— Мне нравится, когда на столике в спальне стоит букет роз, — сказала Флори, — и один-два смешанных букета — на туалетном. Между прочим, мне никто не присылал цветов так изобретательно. Интригующее вступление. Ты уверен, что они предназначались тебе?

Я пробурчал что-то по поводу анатомии или теологии и собрал розовые бутоны.

Позже, когда мы на кухне предавались кофе и размышлениям, Флори заметила:

— Есть в этом нечто потустороннее.

— Да.

— Может быть, после разговора с Рэндомом тебе стоит обсудить это с Фи?

— Может быть.

— И раз уж мы заговорили об этом, не вызвать ли Рэндома?

— Может быть.

— Может быть, ты скажешь что-нибудь, кроме «может быть»? Предупредить-то его надо.

— Верно. Правда, у меня такое чувство, что для него было бы безопаснее не задавать мне некоторые вопросы, ответы на которые я знаю.

— Что у тебя на уме, Мерль?

— У тебя есть машина?

— Да, купила пару дней назад… А что?

Я вытащил из кармана пуговицу и камни, разложил на столе и еще раз осмотрел.

— Пока мы возились с цветочками, я вспомнил, где еще мог видеть такие же камушки.

— Ну и?

— Я не вспомнил раньше только из-за стресса: у Джулии, когда я ее нашел… Припоминаю — у нее, кажется, была подвеска с синим камнем. Может быть, это просто совпадение, но…

Флори кивнула.

— Может быть. Так или иначе, эта штука теперь в полиции.

— Да не нужна мне эта безделушка… Но я вспомнил, что не осмотрел квартиру Джулии как следует: пришлось в темпе сваливать. Я хочу снова там оглядеться, прежде чем вернусь в Янтарь. Меня смущает, как эта… тварь… туда попала.

— А что, если там все вычистили? Или сдали кому-то?

Я пожал плечами.

— Есть только один способ это выяснить.

— О'кей, я тебя отвезу.

Через несколько минут мы сидели в машине, и я объяснял, как ехать. Ехали мы около двадцати минут. Я развлекался тем, что пялился на перистые облака, располосовавшие чистое послеполуденное небо, и одновременно готовил к работе Логрус. К моменту, когда мы приехали на место, я был готов.

— Поворачивай вон там, — я указал где, — и поезжай вокруг квартала. Я покажу, куда парковаться, если найдется место.

Место нашлось совсем недалеко от места моей прежней парковки.

Когда машина остановилась у тротуара, Флори взглянула на меня.

— Что теперь? Просто поднимемся и постучим?

— Я сделаю нас невидимыми, — сказал я. — Пока мы в доме, нас никто не увидит. Только держись рядом со мной, чтобы видеть друг друга.

Флори кивнула.

— Когда-то Дваркин уже делал меня невидимой, — сказала она. — В детстве. Мы шпионили тогда за кем ни попадя, — она хихикнула. — Я и забыла уже…

Несколькими штрихами я завершил сложное заклинание и накинул на нас. Мир за ветровым стеклом померк. Я как будто смотрел на окружающее через дымчатые очки. Мы выбрались из машины, перескочив через дверцу, не спеша дошли до угла и свернули направо.

— Этому заклинанию трудно выучиться? — спросила меня Флори. — Полезная штука…

— К сожалению, трудно, — сказал я. — И хуже всего, его не произнести так, чтобы оно подействовало с ходу, его нужно устанавливать заранее… у меня-то оно было заготовлено. А вообще, с предварительной подготовкой, на него уходит минут двадцать…

Мы повернули на дорожку, ведущую к большому старому дому.

— Какой этаж? — спросила Флори.

— Последний.

Мы добрались до парадной двери и обнаружили, что она

заперта. С чего это народ нынче стал так ревностно оберегать жилье?

— Выбьем? — шепнула Флори.

— Слишком шумно, — ответил я.

Я взялся за дверную ручку и подал безмолвную команду Фракир. Она отмотала два витка с моего запястья, став видимой, скользнула по накладке замка и нырнула в скважину. Поерзав, она затвердела и сделала несколько резких движений.

Негромкий щелчок дал понять, что язычок замка отодвинут. Я повернул ручку и осторожно потянул на себя. Дверь открылась. Фракир вернулась на мое запястье и снова стала невидимой.

Мы вошли и тихо прикрыли за собой дверь. В старом рябом зеркале не было наших отражений. Я повел Флори вверх по лестнице.

Из комнаты на втором этаже доносились негромкие голоса. Вот и все. Ни ветерка. Ни захлебывающихся лаем собак. Когда мы поднялись этажом выше, затихли и голоса.

Дверь квартиры Джулии была заменена. Новая дверь была чуть темнее прежней, в нее был врезан новенький блестящий замок. Я тихо постучал. Мы подождали. Ответа не последовало. Через полминуты я опять постучал, и мы подождали еще.

Из квартиры не доносилось ни звука, поэтому я толкнул дверь. Она была заперта, но Фракир повторила свой фокус, а вот я замешкался. Я вдруг вспомнил, как пришел сюда в тот раз, — и у меня дрогнула рука. Я знал, что за дверью не увижу растерзанного трупа. Я знал, что меня там не подстерегает зверь-убийца. И все же воспоминания заставили меня сделать паузу в несколько вдохов.

— Что такое? — шепнула Флори.

— Ничего, — сказал я и распахнул дверь.

В квартире еще оставалась старая мебель — софа, столики, несколько кресел, большой стол, — но все вещи Джулии исчезли. На полу лежал новый ковер, а сам пол был наново отполирован. Похоже, что квартира пока никому не сдана: никаких личных вещей я не заметил.

Мы вошли. Я закрыл дверь, снял прикрывавшее нас заклинание и принялся осматривать комнаты. Как только магическая вуаль растаяла, в квартире заметно посветлело.

— По-моему, ничего ты не найдешь, — сказала Флори. — Пахнет мылом, дезинфектантом и краской…

— Кажется, ничего вещественного мы здесь не найдем, — кивнул я. — Но я хотел попробовать кое-что другое…

Я привел мысли в порядок и взглянул на мир сквозь Логрус. Следы магии найти можно только так. Затем я медленно

двинулся по гостиной, стараясь увидеть всю обстановку под всеми возможными углами. Флори держалась чуть в стороне и вела собственное расследование — заключалось оно в том, что она заглядывала подо все что можно. Комната для меня слегка мерцала, пока я сканировал диапазоны, на которых проявления магии были бы наиболее заметны, — по крайней мере, на языке этой тени о том, чем я занимался, яснее не скажешь.

Я не упустил ничего, что мог бы упустить, — ни крупных, ни мелких деталей. Не проявилось ничего. Через несколько долгих минут я перешел в спальню.

Должно быть, Флори услышала вырвавшийся у меня вздох, потому что через секунду она уже стояла рядом со мной и упиралась взглядом в комод, перед которым я замер.

— Что — то внутри? — поинтересовалась она, протянула и тут же отдернула руку.

— Нет. Позади, — сказал я.

Когда квартиру приводили в порядок, комод передвинули. До того он стоял на несколько футов правее. То, что я увидел, немного выступало за корпус комода слева и сверху, хотя большей частью все еще находилось позади него. Я взялся за комод и сдвинул его вправо — на то место, которое он занимал раньше.

— Все равно ничего не вижу, — сказала Флори.

Я взял ее за руку и растянул проекцию Логруса, чтобы Флори тоже увидела то, что видел я.

— Как… — она подняла другую руку и провела по прямоугольному контуру на стене. — Выглядит как… дверь.

Я вгляделся в тусклую черту гаснущего пламени. Ясно было, что эта хреновина недавно была наглухо запечатана. Со временем стык рассосется совсем и исчезнет.

— Это и *есть* дверь, — ответил я.

Флори потащила меня обратно в гостиную и принялась осматривать стену с другой стороны.

— Ничего, — объявила она. — Сквозь стену она не ведет.

— Дарю гениальную идею, — сказал я. — Она ведет куда-то еще.

— Куда?

— Туда, откуда пришла тварь, которая убила Джулию.

— Открыть можешь?

— Буду стоять перед ней и пробовать, — сказал я, — пока не допробуюсь.

Я вернулся в спальню и вновь осмотрел стену.

— Мерлин, — сказала Флори, когда я отпустил ее руку и сделал первый пасс, — а ты не думаешь, что сейчас самое время

связаться с Рэндомом, рассказать ему, что произошло, и, может быть, позвать Джерарда прикрывать тылы, — на случай, если ты откроешь дверь?

— Конечно, так и нужно сделать, — согласился я. — Только я этого делать не буду.

— Почему?

— Потому что Рэндом меня туда не пустит.

— Может, он будет прав?

Я опустил руки и повернулся к ней.

— Рад сообщить, но этот раунд ты выиграла, — сказал я. — Давно пора все рассказать Рэндому. Я, должен признать, слишком долго откладывал. А сейчас сделай вот что: возвращайся в машину и жди. Если через час я не выйду, свяжись с Рэндомом, расскажи ему все, что рассказал тебе я… и об этом тоже расскажи.

— Ну, не знаю, — сказала она. — Если ты не появишься, Рэндом меня живьем съест.

— Расскажешь ему, что я уперся как осел и ты ничего не смогла поделать. Успокойся, поразмышляй — и ты поймешь, что так оно и есть на самом деле.

Флори надула губы.

— Так не хочется оставлять тебя одного… хотя и идти с тобой мне вроде незачем. Противотанковая граната нужна? — она полезла в ридикюль.

— Спасибо, обойдусь. Зачем ты их таскаешь?

Флори улыбнулась.

— В этой тени я их ношу постоянно. Полезные штучки — иногда. Ну ладно, я иду ждать.

Она легонько чмокнула меня в щеку и отвернулась.

— Если не появлюсь, попробуй связаться с Фионой, — сказал я. — Расскажи ей нашу историю. Она может подкинуть несколько дельных мыслей на этот счет.

Флори кивнула и удалилась. Я подождал, пока закроется дверь, и сосредоточился на мерцающем контуре. Очертания его выглядели достаточно однообразными — лишь кое-где на них заметны были утолщения, участки поярче или потусклей. Я медленно провел правой ладонью вдоль контура примерно в дюйме от стены и ощутил тепло и слабое покалывание. Само собой, на более ярких участках покалывание было сильнее. Я рискнул предположить, что здесь печать менее надежна. Отлично. Скоро я точно узнаю, можно ли пробить эту фигню, но наступление начать надо именно отсюда.

Я все плотнее оплетал руки Логрусом, пока эйдолоны не стали такими, как я хотел, — подвижными, как кольчужные

перчатки, твердыми, как сталь, чувствительными, как язык. Я поднес правую руку к ближайшему утолщению на контуре — приблизительно на уровне бедра — и коснулся. Старое заклинание слабо пульсировало под пальцами. Я сузил отросток, примерился, сделал его еще тоньше, потом еще — пока он не протиснулся в щель. Пульсация стала сильной и ровной. Я повторил процедуру на левой вертикали контура — только чуть выше.

Я стоял, ощущая силу, что запечатывала проход, и тонкие паутинки отростков вонзались в ее структуру. Я попытался сместить их — сначала вверх, потом вниз. Правый проскользнул в обоих направлениях немного дальше, чем левый, но тоже быстро увяз в стене. Я подкачал энергии из Логруса, радугой переливавшегося во мне и передо мной, и влил эту энергию в перчатки, — лишь только я сделал это, Логрус вновь сменил форму. Я еще раз попытался пошевелить отростками — правый скользнул вниз, наверное, на целый фут, прежде чем пульсация сдавила его; тогда я толкнул его вверх — и он поднялся почти до упора. Я попробовал проделать то же самое с левым отростком — он проскочил до самого верха, но когда я повел его вниз, он прошел, наверное, дюймов шесть от стартовой точки.

Я тяжело дышал, мокрая рубашка липла к спине. Я снова влил в перчатки энергию и сумел протолкнуть отростки чуть дальше вглубь. Сопротивление стало упорнее, а пульсация ощущалась так сильно, будто огромное чужое сердце билось у меня в руках и отзывалось в самом центре груди. Я остановился, отдохнул, затем увеличил интенсивность воздействия сразу на целый порядок. Логрус вновь перекосило, я протолкнул обе руки к самому полу и, задыхаясь, опустился на колени. Теперь нужно было пробивать горизонталь вдоль пола, по нижней линии контура. Тот, кто запирал дверь, явно предполагал, что она больше никогда не будет открыта. Искусством здесь и не пахло. Примитивная тупая сила.

Когда щупальца сошлись на середине, я отодвинулся и взглянул на свою работу. Тонкие красные линии справа, слева и понизу стали широкими огненными полосами. Я ощущал их пульсацию даже не поднося к ним рук, на расстоянии.

Я встал, поднял руки и принялся обрабатывать верхний отрезок, начав с углов и сдвигая щупальца к середине. Теперь дело шло гораздо быстрее. Энергия вскрытых участков, казалось, усиливала давление на всю структуру, мои руки чуть ли не сами плыли навстречу друг другу. Когда они встретились, я услышал что-то похожее на вздох. И вот я уже стряхивал напряжение с рук и обозревал результаты моих трудов. По сияющему контуру будто

бежали волны — круг за кругом…

Несколько минут я собирался с силами, снимал напряжение, отдыхал и успокаивался. Приводил нервы в порядок. Знал я лишь то, что дверь ведет в другую тень. И означать это могло что угодно. Может быть, стоит мне открыть дверь, как из-за нее выпрыгнет какая-нибудь зверюга и кинется на меня. Впрочем, дверь была запечатана. Если там и есть западня, то, наверное, совсем не такая. Скорее всего, когда я открою дверь, не произойдет ничего страшного. У меня будет выбор — или оценить ситуацию отсюда, из комнаты, или войти. Вероятно, отсюда ничего особенного и не увидишь…

Я снова вытянул отростки Логруса, взялся за дверь справа и слева и толкнул. Дверь поддалась справа, так что слева я разжал пальцы и все силы бросил на правый край — и эта хреновина вдруг распахнулась…

Я глядел вдоль жемчужного туннеля, который, казалось, через несколько шагов расширялся. Еще дальше в туннеле рябило — будто марево над автострадой в жаркий солнечный день. В этой ряби колыхались какие-то красные и черные пятна. Я с полминуты подождал, но из туннеля ничего не появилось.

На всякий случай я подготовил Фракир. Восстановил связь с Логрусом. Подошел к проходу, вытянул перед собой щупальца. Прошел.

Спиной я внезапно ощутил резкий перепад давления. Я оглянулся. Дверь закрылась. Теперь она была гораздо меньше и выглядела крошечным красным квадратиком вдали. М-да. Похоже, по здешним законам природы, несколько шагов могли перенести меня на огромное расстояние…

Я шел дальше, а следом тек горячий ветер, он охватывал меня, слетал к ногам… Стены прохода раздались, впереди что-то продолжало плясать и рябить, шагать стало труднее — как будто я шел в гору. С того места, где мое зрение начало шалить, я услышал вдруг какое-то смачное хрюканье; левый отросток Логруса на что-то наткнулся — и это что-то чуть дрогнуло. По щупальцу передалась аура опасности, и одновременно зашевелилась Фракир. Я вздохнул. В общем-то, я и не ждал, что все пройдет без проблем. Если бы это представление ставил я, то простым запечатыванием двери не ограничился бы.

— Доигрался, козел? Стой там и не рыпайся! — громыхнул голос впереди.

Я невозмутимо топал дальше.

— Я сказал — стоять! — вновь прогрохотало впереди.

Вокруг меня все заколебалось, поплыло, и внезапно справа и

слева оказались грубые стены, а сверху — потолок, они сближались, сходились…

Громоздкая покатая фигура, которая живо напомнила мне статую Будды с ушами летучей мыши, выкрашенную в пурпурный цвет, преграждала мне путь. Когда я подгреб поближе, прояснились детали: выступающие из пасти клыки, желтые глаза, напрочь, кажется, лишенные век, длинные красные когти на огромных руках и ногах. Все это сидело посередь туннеля и даже не делало вид, что собирается приподняться. Одежды на этом персонаже не было в принципе, но определить, мальчик это или девочка, было трудновато: на коленях его возлежал громадный живот, который скрывал все, что могло бы дать ключ к разрешению этой проблемы. Голос, правда, звучал по-мужски грубо, а пахло от него… Я решил, что запах достался ему в наследство от поколений немытых предков.

— Привет, — сказал я. — Погодка нынче удалась, правда?

Оно зарычало, и вокруг, похоже, стало чуть жарче. Фракир пришла в ярость; я мысленно ее успокоил.

Тварь наклонилась вперед и блестящим когтем процарапала на каменном полу дымящуюся линию. Я остановился.

— Перешагнешь черту, колдун, и тебе хана, — сказало оно.

— Почему? — спросил я.

— Потому что я так сказал.

— А-а, ты собираешь пошлину, — предположил я. — Сколько с меня?

Оно покачало башкой.

— Выход отсюда не покупается.

— Э-э… а с чего ты решил, будто я колдун?

Он распахнул помойную яму на своей роже, продемонстрировав куда больше припрятанных зубов, чем я предполагал, и извлек из недр глотки звук, напоминающий дребезжание кровельного железа.

— Я почувствовал твои щупики, — сказал он. — Колдовской трюк. К тому же только колдун добрался бы до того места, где ты стоишь.

— Похоже, ты не слишком уважаешь специалистов моего профиля.

— Я колдунов ем, — сказало оно.

Я скорчил рожу и принялся вспоминать всех знакомых мне по прежним делам старпёров.

— Всех без разбору, — сказал я. — Будь это он, она или оно… Так что, будем торговаться? На фиг нужен проход, если по нему не пройти? Как пройти-то? Давай колись.

— Ты не пройдешь.

— Хочешь, на загадку отвечу?

— Со мной не прокатит, — сказал он. Но глазки у него заблестели. — Хотя ладно, давай: что такое — зеленое, красное, ходит все по кругу, по кругу, по кругу?

— Ага, ты тоже знаком со Сфинкс!

— Во бля! — огорчился он. — Уже разболтали…

Я пожал плечами.

— Так я пошел?

— В другую сторону? Вали.

Я всмотрелся. Раз уж это поставлено здесь заворачивать колдунов, оно должно быть защищено от магии. Физически оно тоже ничего себе, впечатление производит. Интересно, а реакция у него хорошая? Может, удастся проскочить мимо и — ноги? Я решил, что проводить такой эксперимент мне совсем не хочется.

— У меня дело срочное, — сказал я. — Надо пройти, хоть тресни.

— Вот зануда…

— Слушай, если не секрет, что ты с этого имеешь? Похоже, ты отхватил себе ту еще работенку — сидишь тут посреди туннеля…

— Я работу люблю. Для работы я создан.

— Какого ж черта ты позволил уйти Сфинкс?

— Ну… магические существа не в счет.

— Да?

— Ой, только не вкручивай, что ты тоже магическое существо. А то некоторые еще фокусы показывать начинают… Я эти штучки насквозь вижу.

— Да верю, верю. Как тебя зовут-то?

Презрительное фырканье.

— Пока ля-ля, зови меня Скроф. А ты кто?

— Зови меня Кори.

— Отлично, Кори. Я ничего не имею против того, чтобы посидеть здесь, пока ты мне вешаешь лапшу на уши. Правилами это не возбраняется. А вообще, у тебя есть на выбор три варианта — и только один из них откровенно дурацкий. Можешь разворачиваться и топать туда, откуда пришел, — и плохого ничего не случится. Можешь встать лагерем и торчать здесь, пока не посинеешь, — я и пальцем не шевельну, пока ты будешь паинькой. А дурацкий вариант — переступить вот эту черту. Попробуешь — и тебе хана. Это — Порог, а я — Обитающий на нем. И пройти тут я никому не позволю.

— Мерси за разъяснения. Чувствительно тебе благодарен.

— Ну-ну, работа такая… Так что ты выбираешь?

Я поднял руки, и на кончике каждого пальца закрутились лезвия силовых линий. Фракир свесилась с запястья и принялась

заковыристо вытанцовывать.

Скроф ухмыльнулся.

— Я не только колдунов ем, я еще и их магию ем… Только существа, исторгнутые первозданным Хаосом, могут похвастать такой способностью… Но если ты думаешь, что сможешь что-то этому противопоставить, — милости прошу…

— Из Хаоса, да? Исторгнутые первозданным Хаосом?

— Угу. Редко кто выстоит в схватке с ними…

— Ну, разве что Повелитель Хаоса, — отозвался я и активировал множество точек по всему телу. Гнусная работка. И чем быстрее ее делаешь, тем больнее получается.

Вновь дребезжание кровельного железа.

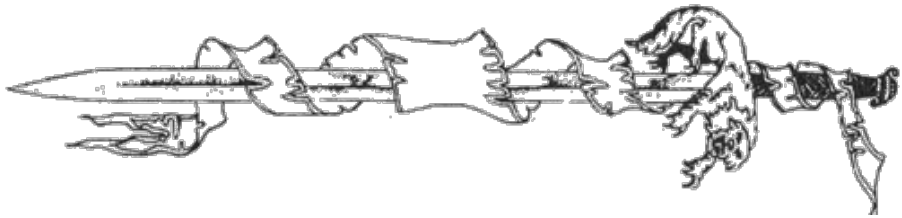
— А ты знаешь, что в драчке между Повелителем Хаоса, зашедшим так далеко, и Обитающим ставки идут один к трем в мою пользу? — заметил Скроф.

Руки у меня стали удлиняться, я почувствовал, как лопнула на спине рубашка, когда я наклонился вперед. Лицевые кости смещались, грудь становилась все шире и шире…

— Сегодня будет игра в одни ворота, — отозвался я, когда трансформация завершилась.

— Вот уж говнюк, так говнюк, — сказал Скроф, когда я пересек черту.

III



Я немного постоял у выхода из пещеры. Левое плечо болело, саднила правая ступня… Неприятные ощущения при анатомической перетасовке можно свести к минимуму, если унять боль еще до обратной трансформации. Впрочем, само перевоплощение отнимает уйму сил, а два превращения в течение часа могут кого хочешь довести до изнеможения — а ведь еще пришлось драться с Обитающим! Так что я счел за лучшее

постоять там, где заканчивался жемчужный туннель, отдохнуть, а заодно воспользовался возможностью полюбоваться открывшимся с высоты пещерного лаза пейзажем.

Далеко внизу и слева раскинулась синева штормящего моря. Белоснежные барашки волн гибли, как камикадзе, в безнадежных атаках на серые прибрежные скалы; упругий ветер подхватывал брызги и развешивал на занавеси тумана лоскутья радуги.

Прямо передо мной и пониже раскинулась изрыгая, растрескавшаяся и дышащая густыми испарениями равнина, которую то и дело потряхивало. Равнина тянулась приблизительно на милю и упиралась в высокие мрачные стены огромного и изумительно сложного сооружения, которое я, ни секунды не задумавшись, окрестил Горменгхастом[6]. Это был редкостный архитектурный винегрет, еще более заморочистый, чем дворец Янтаря, чем даже сам Янтарь, — да что там Янтарь! — чем даже сама Преисподняя. К прочим достоинствам зрелища следовало добавить и то, что замок штурмовали.

В чистом поле невдалеке от стен маршировали войска, стараясь держаться подальше от крепости — где земля, по крайней мере, не была обуглена и на ней даже что-то росло, хотя трава и была тщательно вытоптана, а деревья почти все срублены. Агрессор был оснащен длинными лестницами и прочим осадным оборудованием. Впрочем, таран в тот момент простаивал, а лестницы были сложены на земле. Под самой стеной густо дымили развалины догорающих пристроек. Там же грудами лежали тела. Как я понял — жертвы последнего штурма.

Взгляд мой скользнул чуть правее и наткнулся на выступающее из-за крепости яркое белое пятно. Похоже было, что это блестел на солнце край огромного ледника, вокруг него ветер расшвыривал облака ледяной крупы — точно так же, как слева над морем он в пыль размалывал брызги.

Казалось, ветер вечно странствует под этим небом — ни на миг его песня не смолкала над моей головой. Когда я наконец шагнул из пещеры и взглянул наверх, то обнаружил, что нахожусь где-то на середине каменистого подъема к вершине высокого холма — или невысокой горы, это уж как посмотреть, — и с расколотой вершины неслись еще более громкие завывания. Тут за спиной у меня раздался мощный «чмок», и, обернувшись, я не обнаружил входа в пещеру. Значит, как только я вышел из пещеры, путь мой от огненной двери закончился и волшебный туннель за ненадобностью прикрылся. Возможно, при желании я сумел бы отыскать на каменистом откосе его контур, но подобного желания у меня не было. Я сложил там, где стоял, кучку из камней, а затем снова обратил взор на окрестности.

Направо, петляя среди валунов, уходила узкая тропинка. Я двинулся по ней и через несколько шагов почувствовал запах дыма. Откуда его принесло — с поля битвы или от вулканической равнины, я определить не сумел. Небо казалось серой мешковиной с щедро приметанными голубыми заплатами. Там, где тропинка проходила между двух валунов, я остановился и принялся высматривать — как там дела у ребят на равнине. Осаждающие перестраивались и волокли к стенам лестницы. У дальней башни Цитадели возник вихрь, похожий на торнадо, и не спеша направился против часовой стрелки вдоль стен. Я подумал, что, если он не остановится и не рассеется, ребятам на лестницах мало не покажется. Хитро. Главное, это не в мои ворота.

Я вернулся на каменистый откос и расположился на невысоком уступе. Там я — без спешки и излишнего перенапряжения — приступил к обратной трансформации. На нее ушло около получаса. Некоторые считают смену человеческого облика на что-нибудь чуть менее привычное и чуть более жутковатое и обратно отвратительным. Какого черта? Если подумать, тем же самым все мы занимаемся чуть ли не каждый день — только способы разные. Скажете, нет?

Когда трансформация была завершена, я улегся на спину и принялся глубоко дышать, слушая ветер. Камни скрывали меня от шквальных порывов, и только вечная песня его доносилась до меня. Я почувствовал, как дрогнула от далекого сотрясения земля, и подумал, что легкий расслабляющий массаж мне сейчас не повредит… Мой костюм расползся по швам, а я слишком устал, чтобы вызывать новый. Плечо болело все меньше, покалывание в ноге едва ощущалось — и исчезало, исчезало… На несколько мгновений я закрыл глаза.

О’кей. Я прошел. И у меня были серьезные основания предполагать, что разгадка убийства Джулии ждет меня в осажденной Цитадели. Просто так пойти туда и начать задавать вопросы было бы слегка самонадеянно. К счастью, этот вариант был не единственным. Я решил здесь отдохнуть, дождаться темноты… если тут вообще принято, чтобы ночь сменяла день. Потом я спущусь с гор, возьму в плен одного из осаждающих и допрошу. Так… А если здесь не темнеет? Придется придумать что-то другое. А лучше всего просто завалиться поспать…

Долго ли я проспал, не знаю. Разбудил меня хруст щебня — кто-то топал по тропе справа. Я насторожился, хотя и не шевельнулся. Тот, кто шел по тропе, не делал ни малейшей попытки остаться незамеченным, а по тому, как именно он шумел (шел он оскальзываясь, как будто был обут в свободные сандалии), я сделал вывод, что ко мне приближается только один

человек. Я поиграл мускулами и сделал несколько глубоких вдохов.

В проходе между валунами возник исключительно заросший мужик. Футов в пять с половиной ростом, невероятно грязный, чресла его обнимала звериная шкура. На ногах у него действительно были сандалии. Он несколько секунд меня разглядывал, а потом осчастливил щербатой улыбкой, дружелюбно оскалив желтые редкие зубы.

— Привет. Ранен? — спросил он на искаженном тари — не помню, чтобы мне прежде доводилось слышать этот диалект.

Я потянулся, чтобы проверить, не ранен ли я, и встал.

— Нет, — ответил я. — А ты что, самый здесь любопытный?

Улыбка не исчезла.

— Я подумал, что тебе, может быть, осточертела эта свалка и ты решил уйти в отставку.

— А-а, ясно. Нет, не угадал…

Он кивнул и шагнул вперед.

— Дэйв меня зовут. А тебя?

— Мерль, — сказал я, пожимая его грязную руку.

— Не бери в голову, Мерль, — сказал он. — Ребят, которые хотят выбраться из этой мясорубки, я ни за что ни про что не закладываю. За твою поимку награду объявили? Нет? Ну вот видишь, бояться нечего… Сам-то я дернул оттуда давным-давно и с тех пор ни разу об этом не пожалел. Раз все идет коню под хвост, так и пусть его, решил я, а у меня пока хватает ума держаться подальше оттуда. Никакой армии ни в жисть не занять эту крепость, и те вояки, думаю, тоже пролетят…

— А что это за место?

Дэйв склонил голову набок, прищурился и пожал плечами.

— Крепость Четырех Миров, — сказал он. — Тебе что, вербовщик ничего не сказал?

Я вздохнул.

— Не-а, — сказал я.

— Курево есть, или как?

— Нету, — ответил я. Весь трубочный табак я действительно скурил в хрустальном гроте. — Ты уж прости.

Я прошел мимо него туда, откуда мог посмотреть вниз. Я хотел еще раз взглянуть на Крепость Четырех Миров. В конце концов, это был еще один шаг к разгадке тайны — бесчисленные туманные ссылки на Крепость в дневнике Мелмана намозолили мне глаза.

Вдоль всей крепостной стены валялись свеженькие трупы — видимо, разметанные смерчем, который теперь не спеша закручивался туда, откуда выкрутился. Несмотря на это,

несколько штурмовых групп все-таки взобрались на стену. Внизу появилась и двигалась к лестницам новая группа. Один из солдат нес знамя, распознать которое я не сумел, хотя оно казалось мне смутно знакомым — пара сцепившихся геральдических зверюг на черно-зеленом фоне. Несколько лестниц устояло, и на зубцах стены, насколько я мог разглядеть, шла яростная потасовка.

— Похоже, на этот раз кое-кто из нападающих проник внутрь, — сказал я.

Дэйв рысью прискакал ко мне и воззрился на Цитадель. Я тут же перебрался на наветренную сторону.

— Ты прав, — признал он. — Ну, это только начало… Вот ежели они смогут открыть эти долбаные ворота и впустить остальных, шанс у них будет. Вот уж не думал, что доживу до таких дел.

— А твоя армия давно штурмовала крепость?

— Может, восемь, девять… может, лет десять назад, — пробормотал Дэйв. — А эти парни, похоже, высший класс…

— А что тут вообще творится-то? — поинтересовался я.

Дэйв повернулся и оглядел меня с ног до головы.

— Ты чё, правда не знаешь?

— Да я только что притопал, — сказал я.

— Пить-есть хочешь?

— Ну, вообще-то да.

— Пошли.

Он схватил меня за руку и потащил по узкой тропинке между камней.

— Куда идем-то? — спросил я.

— Я живу рядом. У меня там пункт откармливания дезертиров, в память о старых добрых временах. Правда, ты не дезертир, но я для тебя сделаю исключение.

— Спасибо.

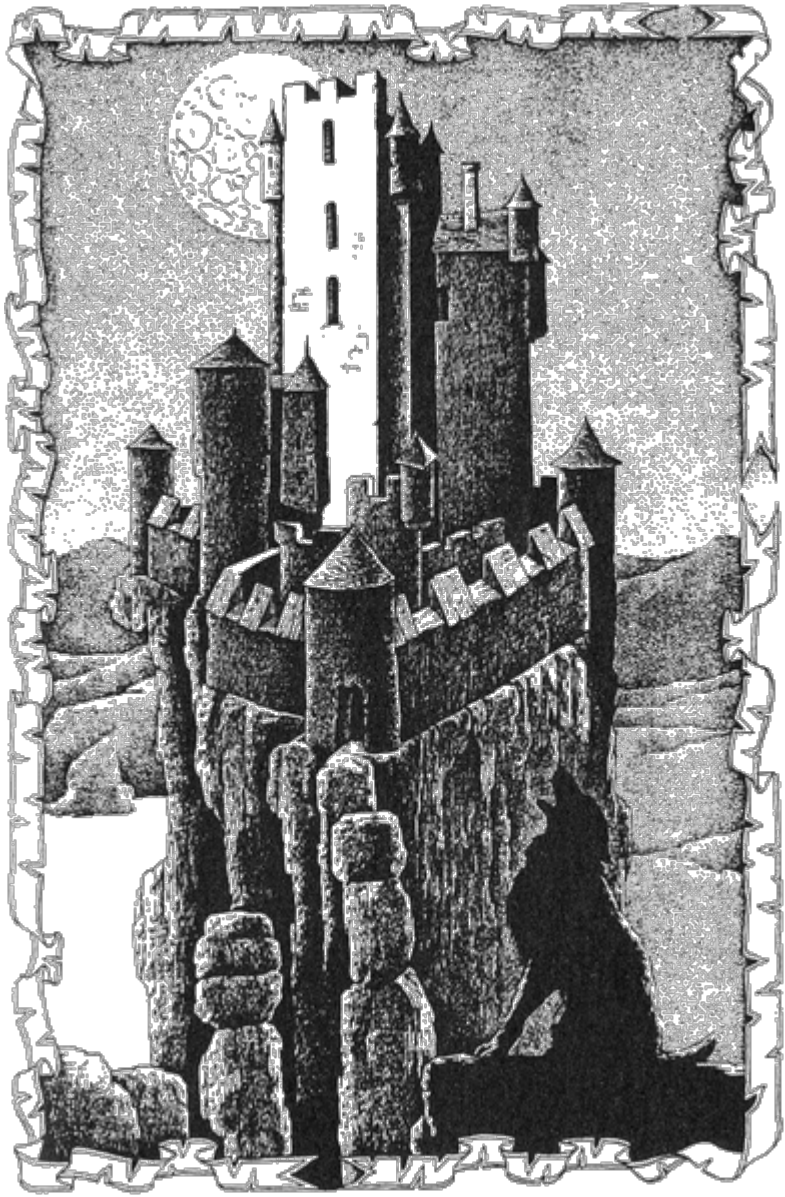
Вскоре тропа разделилась, Дэйв свернул направо, и мы принялись карабкаться вверх по склону. Тропа шла по нескольким скальным уступам — последний был на редкость длинным. Сразу за ним я увидел множество расщелин, в одну из которых и нырнул Дэйв. Я последовал за ним и оказался перед низким входом в пещеру. Из пещеры текла тошнотворная вонь разложения, внутри громко гудели мухи.

— Тут вот я и живу, — объявил Дэйв. — Я бы пригласил тебя войти, но там слегка… э-э…

— Да ладно, — сказал я. — Я подожду.

Дэйв нырнул внутрь, а я попытался представить, что именно Дэйв мог хранить в подобном месте, и сразу почувствовал, что аппетит куда-то пропал.

Мгновением позже Дэйв вынырнул из пещеры. На плече он нес котомку.



— Во, тут у меня куча жратвы, — объявил он.

Я двинулся к выходу из расщелины.

— Эй! Куда пошел?

— На воздух, — сказал я. — Хочу на уступ выйти. А то тут что-то душновато.

— А-а. Ладно, — сказал он и двинулся за мной — шаг в шаг.

Мы устроились на уступе, и Дэйв широким жестом предложил мне открыть сумку. Там оказались две неоткупоренные бутылки вина, несколько фляжек с водой, вполне свежий с виду каравай, мясные консервы, несколько твердых яблок и нетронутая головка сыра. Я занял принципиальную позицию с наветренной стороны, плеснул себе воды и для начала взял яблоко.

— Бурная история у той крепости, — заявил Дэйв, вытаскивая из-за пояса небольшой нож и отрезая себе кусок сыра. — Не знаю даже, кто ее построил и сколько она тут стоит…

Увидев, что он собрался ковырять пробку ножом, я остановил его и незаметно организовал небольшой поиск с помощью Логруса. Через пару секунд в руке у меня был штопор, который я тут же передал Дэйву. Он выдернул пробку из одной бутылки, вручил ее мне, а для себя взял другую. Пить целую бутылку я был не в настроении, но с точки зрения санитарии это было разумно, так что я искренне его поблагодарил.

— Вот что значит «быть готовым ко всему», — сказал Дэйв, изучая штопор. — Мне бы такая штука здорово пригодилась…

— Бери, — великодушно предложил я. — И давай рассказывай дальше. Кто сейчас в крепости? Как ты оказался в армии? Кто там на кого нападает?

Дэйв кивнул и прихлебнул из бутылки.

— С самого начала там, насколько я знаю, хозяйничал колдун Шару Гаррул. А королева наша вдруг ни с того ни с сего возьми да и приедь сюда. — Он замолчал, некоторое время смотрел в пространство, затем фыркнул: — Политика! Представить не могу, чего тогда ей тут понадобилось? Жили себе, об этой крепости и не слыхали — и на тебе… Ну, в общем, подзадержалась она здесь. Люди гадать стали: не то она в плен попала, не то переговоры какие, не то еще какие дела… Кажись, она отсюда письма писала — обычная всякая лажа: жива, мол, здорова, привет соседям. Может, конечно, были какие-нибудь тайные сношения — ну да о таких народу вроде меня никогда и не сообщают. Да и эскорт с ней был — будь здоров! Почетная стража, гвардия, которая не только на парадах горазда топать. Крутые парни, ветераны, их хоть в мундиры одень, хоть в перья… Так что, хрен его знает, что тут произошло.

— Вопрос, если можно, — сказал я. — А как же король? Ты о нем ничего не сказал, а ему-то, кажется, следовало бы знать…

— Помер, — объявил Дэйв. — Оставил, понимаешь, молодую вдову. На нее здорово давили, чтобы замуж вышла. Но она просто принялась менять любовников и натравливала политические фракции друг на друга. Обычно она с военачальниками шашни

водила, с влиятельными придворными — или и то и другое вместе. Но когда она уехала, то оставила вместо себя сына.

— О-о, так у вас взрослый принц был?

— Взрослый… Он-то и затеял эту чертову войну. Собрал войско, только что-то ему не глянулось, ну, он и сговорился с другом детства — тот, в общем-то, вне закона, но у него под командой большая кодла наемников. Звали его Далт…

— Стоп! — сказал я.

Память моя рванула галопом и в два счета нагнала историю, которую как-то рассказал мне Джерард. История та была о необычном человеке, которого звали Далт. Он со своей собственной армией атаковал Янтарь и продвинулся невероятно далеко. Чтобы остановить вторжение, пришлось вызвать самого Бенедикта. Армия Далта была разбита только у подножия Колвира, сам Далт тяжело ранен. Тела его не нашли, но любой человек, получивший такие раны, просто обязан был умереть. Но в рассказе Дэйва было еще кое-что…

— Ты так и не сказал, как называется твоя родина, — сказал я. — Откуда ты, Дэйв?

— Из Кашфы, — отозвался он.

— А королеву твою звали Джасра?

— А, слышал уже… Ты-то сам откуда?

— Из Сан-Франциско, — сказал я.

Дэйв покачал головой.

— Не слыхал.

— И не услышишь… Слушай, у тебя зрение хорошее?

— Ну?

— Когда мы смотрели на бой, там несли флаг… ты не разглядел, какой?

— Глаза уже не те… — вздохнул он.

— Зелено-черный, с какими-то зверями.

Дэйв присвистнул.

— Бьюсь об заклад — лев, терзающий единорога. Похоже, это Далт.

— Что это за символ?

— Янтаритов он ненавидит, вот что это значит. Даже воевать их ходил когда-то.

Я выпил вина. Неплохое…

Значит, тот самый…

— С чего это он их так ненавидит? — спросил я.

— Да они вроде бы мамашу его пришили, — сказал Дэйв. — Какие-то пограничные разборки… В общем, сам черт ногу сломит во всех этих историях. Не знаю…

Я вскрыл консервную банку, отломил от каравая краюху и

сделал себе сэндвич.

— Ну а дальше что было? — сказал я.

— А где я остановился?

— Принц сговорился с Далтом, потому что беспокоился о матери и собирал войска.

— А, ну да, тогда-то меня и забрили в пехоту. Ну и пошли. Еле добрались — принц с Далтом вели нас какими-то жуткими местами. Но дотопали все-таки до этого замка. Вот. А потом началась та же самая петрушка, что и сейчас там творится…

— И все?

Дэйв рассмеялся.

— С самого начала у нас все было плохо, — сказал он. — По-моему, кто бы ни сидел за этой стеной, для него управиться со стихиями — раз плюнуть… ну, тот смерчик ты видел, да? Это еще семечки. Нас всем по порядку попотчевали — землетрясение, буран, молнии. И все равно лезли мы на эти стены. Видел я, как моего брата обварило до смерти кипящим маслом. Вот тогда я и решил, что с меня хватит. Дал деру и залез сюда. Никто за мной не гнался, так что я ждал тут и смотрел. Может, зря, конечно, но хрен его знает, как все могло повернуться… Должно было, конечно, повернуться так, как я и ожидал. А все вышло наоборот, да и возвращаться поздно было. Они бы мне башку оттяпали или еще чего-нибудь, если б я вернулся.

— Что случилось-то?

— По-моему, там Джасра руку приложила. Она явно мечтала сама с Шару Гаррулом разобраться и эту крепость занять. Может, она его разогрела — в доверие втерлась, перед тем как ударить. Она старика побаивалась, похоже. И тут подваливает ее армия, и ей приходится действовать — хотя она еще не готова. Вызвала она старика на колдовской поединок, пока ее гвардия давила его людей. Ну и победила вроде, хотя я понял так, что и ее потрепало неслабо. А на сынка-то как разозлилась — привел, понимаешь, армию без ее приказа. Ну да все равно — гвардия открыла ворота, и Цитадель пала. Потому я и говорил, что ни одной армии Крепости не взять. Разве что изнутри, как в тот раз.

— Откуда ж ты все это знаешь?

— Так я ж говорю, дезертиры все этой дорогой идут, я их кормлю, они мне рассказывают…

— Ты говорил, что кто-то еще штурмовал крепость. Это что, уже после того, как ее заняла Джасра?

Дэйв кивнул и снова глотнул из горлышка.

— Так ведь… пока не было ни королевы, ни принца, в Кашфе переворот произошел. Дворянин один, Касман, брат одного из ейных любовников-покойников — был такой Джасрик… Касман

этот, ясно, захотел убрать с дороги и королеву, и принца. Ну и навалился на Крепость. Раз десять штурмовал, не меньше. Так и не взял. В конце концов у него болт упал, по-моему. Потом Джасра сынка куда-то отослала — набрать еще одну армию, наверное, да и отвоевать Кашфу. Не знаю. Давно это было…

— А при чем там Далт?

— С ним расплатились добычей из Крепости — ох, добра там, наверно, было! — и он отвалил со своим полком туда, где обычно ошивается.

Я сделал еще один глоток вина и отрезал кусок сыра.

— А ты, значит, тут так и сидишь? Похоже, здесь не очень-то разгуляешься…

Дэйв кивнул.

— Так дело-то в чем? Дороги домой не знаю. Сюда нас привели такими дорогами… Я-то думал, что помню, где и как идти, а начал искать — и не нашел. Может, конечно, заплутал я, только никогда раньше мне так не плуталось… А здесь — что, здесь я проживу. Через пару недель слободки отстроятся, крестьяне вернутся — кто бы ни победил. А крестьяне верят, что я святой, молюсь тут и размышляю. Как ни спущусь, благословения просят, пить-есть дают, да и про запас еще…

— Так ты святой?

— Прикидываюсь, — пояснил он. — Им приятно, а мне полезно… Только им не говори.

— Само собой. Да они бы мне и не поверили…

Дэйв вновь рассмеялся.

— Это да…

Я поднялся и немного вернулся назад по тропе — чтобы еще раз взглянуть на Крепость. Лестницы снова валялись на земле, трупов стало еще больше. На стенах и внутри крепости все было тихо.

— Ну что, ворота уже открыты? — крикнул Дэйв.

— Нет. Не думаю, что на этот раз им удалось расковырять эту тыкву изнутри.

— А зелено-черное знамя?

— Нигде не видно.

Дэйв поднялся и подошел, неся обе бутылки. Я взял свою, и мы выпили еще. Войска начали отступать от стен.

— Как думаешь, они насовсем отступают или перестраиваются перед новым приступом?

— Черт их разберет, — ответил я.

— Что так, что эдак — сегодня ночью внизу будет уйма добычи. Если пошустрить, можно набрать, сколько сможешь унести…

— Интересно, — сказал я, — почему Далт нападает, он ведь их союзник — и королеве, и сыну ее…

— По-моему, только сыну, — заметил Дэйв. — А его-то как раз и нету. Старуха же, похоже, настоящая стервоза. Ну, и потом, этот парень наемник. Может, его Касман нанял…

— Может, и ее там нет, — сказал я, вспоминая свое недавнее столкновение с Джасрой. Кто его знает, как здесь идет время… Воспоминание это навело меня на одну мысль.

— Как там зовут твоего принца? — спросил я.

— Ринальдо, — ответил Дэйв. — Большой такой, рыжий…

— Так его мать!.. — вырвалось у меня.

Дэйв рассмеялся.

— Принцами так и становятся, — сказал он. — Надо только, чтоб мамаша была королевой — всего и делов.

Но тогда…

— Брэнд! — сказал я. И добавил: — Брэнд из Янтаря…

Дэйв кивнул.

— Ты и об этом слышал?

— Да нет, в общем… Не все, — отозвался я. — Расскажи.

— Ну, она склеила себе хахаля из Янтаря — принца, его звали Брэнд, — сказал Дэйв. — Ходил слух, что встретились они по каким-то магическим делам, и пошла любовь с первого взгляда. Она все хотела удержать его, я даже слышал, что они и вправду тайно поженились. Но ему трон Кашфы и даром не нужен был, а она в жизни не предложила бы его кому другому. Он где-то шлялся, пропадал. Говорят, это из-за него давным-давно случились Темные Дни, и тогда же он пал от руки какого-то своего родича в великом сражении Хаоса и Янтаря…

— Да… — сказал я, и Дэйв странно на меня посмотрел — наполовину озадаченно, наполовину испытующе. — Расскажи-ка мне еще о Ринальдо, — быстро добавил я.

— Да что говорить, — отозвался он. — Она родила сына и, говорят, научила его кое-каким своим наворотам. Отца он толком-то и не знал, Брэнд все в нетях был… Сынишка вроде как беспризорник рос. Сколько раз из дому убегал да с бандами погуливал…

— С ребятами Далта? — спросил я.

Дэйв кивнул.

— Шастал и с ними, да… хотя мамаша за многие головы из этой команды даже награды назначала.

— Погоди. Ты говоришь, она ненавидела этих наемников…

— «Ненавидела» — это слабо сказано. Раньше ей начхать было, а вот когда сынок ейный начал с ними дружбу водить, она, по-моему, от ярости чуть не сдвинулась.

— Боялась дурного влияния?

— По-моему, ее просто бесило, что Ринальдо больше нравится бродить с изгоями, чем дома с мамочкой сидеть.

— И все-таки она приказала, чтобы Далту заплатили из сокровищ Крепости, и позволила ему уйти после того, как он поддержал ее против Шару Гаррула.

— Ну так… Ринальдо с мамашей крупно на эту тему поспорили. Ну и она в конце концов сдалась. Мне два парня рассказывали, которые при том были. Редкий случай, когда мальчишка круто пошел против нее и победил. Те парни потому и дезертировали. Старуха приказала казнить всех, кто видел их разборку. Кроме них, никто и не ушел…

— Лихая дамочка.

— Это да…

Мы вернулись туда, где сидели, и еще чуть подкрепились. Ветер вдруг яростно взвыл, море заштормило. Я спросил Дэйва, не водятся ли здесь крупные собакообразные зверюги, — он ответил, что собачки эти бродят вокруг косяками и сегодня ночью, похоже, целые своры их будут пировать на поле боя.

— Мы с ними делимся добычей, — сказал он. — Мне нужны жрачка, вино и барахлишко, им — только трупы.

— И что, удается прибарахлиться? — сказал я.

Тут Дэйв явно перепугался — решил, наверное, что я вздумал его ограбить.

— Да ну, ерунда всякая, да много и не соберешь… Экономный я, вот что. Меня послушать, так я тут на сокровищах сижу… Считать я все это буду, что ли? — добавил он.

— Точно, — согласился я.

— А как ты сюда попал, а, Мерль? — без паузы спросил Дэйв. Видно, пытался отвлечь меня от мыслей о его казне.

— Пешком, — сказал я.

— Странно как-то… По доброй воле сюда никто не приходит.

— Да не знал я, что сюда забреду… И не думаю, что здесь задержусь, — сказал я, заметив, что Дэйв вытащил ножик и принялся им поигрывать. — Какой смысл спускаться туда и проситься в гости — времена не те…

— Это точно, — заметил он.

Он что, и впрямь надумал меня пришить из-за своих тухлых припасов? Да и так ли он прост, этот старый псих, одиноко живущий в вонючей дыре и притворяющийся святым?

— А если бы я показал тебе дорогу в Кашфу, — сказал я, — ты бы ушел отсюда?

Дэйв взглянул на меня с хитрецой.

— Ни хрена ты не знаешь о Кашфе, — сказал он, — вон,

выспрашиваешь все… И после этого говоришь, что можешь показать дорогу?

— А что, тебе неинтересно?

Он вздохнул.

— Нет, давно уже нет… Слишком поздно. Я живу здесь. Отшельничаю в свое удовольствие…

Я пожал плечами.

— Ну что ж, спасибо, что накормил, и за новости спасибо. — Я поднялся.

— И куда теперь? — спросил он.

— Осмотрюсь здесь, наверное, а потом — домой… — Я отвернулся, чтобы не видеть безумный блеск, зарождающийся в его глазах.

Дэйв поднял руку, пальцы сомкнулись на рукояти ножа. Потом рука опустилась, и он принялся резать сыр.

— На вот, возьми с собой, если хочешь, — сказал он.

— Спасибо, оставь себе.

— Как знаешь. Думал, может, ты сберечь продукт захочешь… Счастливо добраться.

— Да куда я денусь… Привет.

Все время, пока я спускался к тропе, сверху слышалось его хмыканье. А потом голос ветра сожрал все другие звуки…

Несколько часов я потратил на разведку. Сделал круг по холмам. Спустился на сочащуюся паром, вздрагивающую равнину. Прошелся вдоль берега. Потоптался по ничем не примечательным ландшафтам, зацепив по краю ледовое поле. При этом я старался держаться как можно дальше от Крепости. Надо было покрепче запомнить это место, чтобы суметь потом вернуться к нему через Тень, а не ломиться напрямик через Порог. По дороге мне попалось несколько стай диких псов, но вызвал я у них куда меньший интерес, чем валяющиеся там и сям трупы.

Там, где один ландшафт сменялся другим, мне постоянно попадались камни, исписанные странными знаками. Постепенно меня стал занимать вопрос: что это — разметка, межевые знаки? В конце концов я вывернул один такой булыжник из раскаленной земли и забросил его шагов на пятнадцать на ледяную корку. И тут же грохнулся, сбитый с ног подземным толчком. Я еле успел выскочить из раскрывшейся трещины и уклониться от гейзеров, которым вздумалось проблеваться кипятком. Прошло не более получаса, и жар сожрал ледник на те же самые пятнадцать шагов. К счастью, я догадался быстренько оттуда слинять и за дальнейшими катаклизмами наблюдал с безопасной дистанции. Впрочем, больше ничего ужасного не произошло.

Пройдя по парящей площадке, я добрался до подножия гряды, от которой начал разведку, и присел под скалой. Я отдыхал и лениво наблюдал, как меняет облик растревоженный мною участок. Ветер раскатывал над ним дым и пар. Огромные глыбы вздрагивали, раскалывались и катились; стервятники, чтобы не попасть в потоки раскаленного воздуха, шарахались в стороны.

Затем я увидел, как сдвинутый мной межевой камень чуть приподнялся и завалился набок. Я решил, что это из-за подземного толчка. Мгновением позже, однако, камень подпрыгнул еще выше — он вроде бы даже завис над землей. Затем камень плавно перелетел через выжженный участок, насколько я смог разглядеть, на прежнее место — и там встал. Через мгновение снова начались толчки — на этот раз все пошло в обратном порядке: наплыв ледяного панциря оттеснил пламя до прежней границы.

Я взглянул сквозь Логрус и увидел, что камень окружен темным ореолом. Ореол был связан длинным, прямым и ровным потоком такого же темного света со шпилем дальней башни Цитадели. Потрясающе. Дорого бы я дал за то, чтобы взглянуть на то, что там внутри крепости…

Затем раздался вздох, перешедший в свист, и от башни поднялся смерч. Он рос, темнел, его мотало из стороны в сторону, будто хобот какого-то заоблачного слона, — и вдруг оказался рядом со мной. Я повернулся и рванул наверх, кружа среди скал на склоне горы. Эта зараза преследовала меня, как будто ею кто-то управлял. То, как смерч дрогнул над границей участка, говорило о его искусственном происхождении. Учитывая все прочее — о магическом.

На вызов равноценной магической защиты потребовалось бы время, плюс время на то, чтобы привести ее в боевую готовность. К сожалению, от меня смерч отставал хорошо если на минуту — и разрыв, похоже, уменьшался.

Миновав поворот тропы, я заметил длинную узкую трещину — изломанную, как ветвь молнии. Я лишь на мгновение задержался, чтобы вглядеться в ее глубину, и тут же бросился вниз. Клочья костюма расползались на теле, башня упругого ветра громыхала надо мной…

Я бежал все дальше и дальше по извивам расщелины, задевая за выступы и с трудом вписываясь в крутые повороты. Грохот сменился ревом, меня накрыло облаком пыли, и я закашлялся. Затем меня засыпало мелкими острыми камнями. Тогда я бросился ничком, лег футах в восьми от поверхности и прикрыл голову руками — эта штука явно собиралась проехаться прямо

надо мной.

Лежа, я проборматывал оберегающие заклятия — хотя на такой дистанции и против такой энергетики они были практически неэффективны.

Когда меня накрыло волной тишины, я решил не спешить вставать и отряхивать смокинг. Водитель этого торнадо мог просто убрать энергетическую подпитку и схлопнуть воронку, когда увидел, что меня не достать. К тому же затишье могло означать, что надо мной проходит глаз бури[7], а это значило, что сейчас она навалится на меня снова.

И раз уж я все равно не стал вставать и отряхиваться, я посмотрел наверх (ненавижу пропускать возможность узнать что-нибудь новенькое).

И там, в центре бури, я увидел лицо — вернее, маску, — и эта маска разглядывала меня. Конечно, это была проекция — огромная и явно не вещественная. Голова, покрытая капюшоном; глухая маска яркого кобальтового цвета[8] сильно напоминала хоккейную вратарскую: две вертикальные щели для дыхания, из которых валил дым, — на мой вкус, слишком претенциозно; ниже шел ряд беспорядочных отверстий, придающий маске выражение сардонической кривой ухмылки. До меня донесся приглушенный смех.

— Переигрываешь, приятель, — сказал я, привстал и вывесил между нами Логрус. — Годится, чтобы попугать девчонок на Хэллоуин[9], но мы-то с тобой взрослые дяди. Простое домино — и то было бы эффектней[10]…

— Ты сдвинул мой камень! — сказала маска.

— Из чистого любопытства, честное слово, — я принял непринужденную позу. — Было бы с чего поднимать такой шум… Это ты, Джасра? А то я…

Вновь раздался грохот — поначалу тихий, но все более нарастающий.

— Давай меняться, — сказал я. — Ты организуешь хорошую погоду, а я обещаю больше не сдвигать межу.

Сквозь рев набирающей ярость бури раздался смех.

— Поздно, — донесся ответ. — С тобой кончено. Разве что ты более крепкий орешек, чем кажешься с первого взгляда…

Какого черта! Опыт подсказывает, что в битвах не всегда побеждает самый сильный. Бывает, что поле боя остается и за хорошими парнями — мемуары-то обычно пишут победители… Я дразнил призрачную маску проекциями Логруса, пока не нащупал канал связи, по которому почти сразу вышел на источник. Не зная еще, что там, я ударил — прямо в этот канал, как будто пробил его энергетическим разрядом.

Раздался вопль. Маска исчезла, буря прекратилась, а я вскочил на ноги и бросился бежать. Когда то, по чему я ударил (чем бы оно ни было), придет в себя, я должен быть подальше от этой щели. Иначе меня могло разнести в пыль вместе с окружающими камушками.

Выбор был такой: или рвануть в Тень, или искать возможность форсированного отступления. Если колдун вздумает играть со мной в кошки-мышки, у него хватит мозгов проследить мой путь, когда я начну тасовать тени. Поэтому я выудил Козыри и сдал карту Рэндома. Затем зашел за следующий поворот — мне все равно пришлось бы остановиться, поскольку трещина сужалась и протиснуться еще дальше было невозможно. Я поднял карту и потянулся в нее.

Контакт последовал почти немедленно. Но едва изображение стало обретать реальность, я почувствовал, что меня засекли. Не было сомнений, что Немезида в синей маске вновь начала охоту.

Но Рэндом был уже виден — он сидел за ударной установкой. Через секунду он бросил палочки и поднялся.

— Давно пора, — сказал он, протягивая руку.

Уже когда я потянулся к ней, то ясно ощутил, как на меня что-то несется. Как только наши с Рэндомом пальцы соприкоснулись и я шагнул вперед, меня будто накрыло гигантской волной.

Я был в музыкальной гостиной в Янтаре. Рэндом раскрыл рот, собираясь что-то сказать, и тут на нас обрушилась лавина цветов.

Рэндом смел с рубашки лепестки фиалок и посмотрел на меня.

— Словами не мог, обормот?.. — проворчал он.

IV

Портреты художников, скрестились намерения, температура падает…

Солнечный полдень, мы гуляем после легкого ленча по небольшому парку, долгие паузы и односложные реплики в ответ на потуги оживить беседу — похоже, не слишком-то собеседники жаждут ответа с ответного конца «горячей линии». На скамейку, немного посидеть, глядеть на садовые цветы, а души с телами — врозь, и слова с мыслями — тоже…

— Ладно, Мерлин. Какой счет? — спрашивает она.

— А во что мы играем, Джулия?

— Не умничай. Мне нужен ясный, прямой ответ.

— Ты не задала вопроса.

— Той ночью ты увел меня с пляжа… Куда?

— Это была… ну, страна мечты…

— Не компостируй мне мозги! — Она поворачивается ко мне,

и я вынужден невозмутимо выдержать ее пылающий взгляд. — Сколько раз я потом искала дорогу, по которой мы шли тогда. Нет там пещеры! Там ничего нет! Куда все пропало? Что это значит?

— Может, был прилив и…

— Мерль! Ты меня за идиотку принимаешь? На карте нет таких путей! Местные никогда не слышали о таких красотах! Это невозможно даже географически! Время дня, время года — все постоянно менялось! Как это объяснить — это же сверхъестественно, паранормально… как ни называй, суть не изменится. Что это было? Ты знаешь ответ — и ты просто обязан мне ответить. Что это? Где мы были?

Я отвернулся, скользнув взглядом по своим ботинкам, по цветам на газоне…

— Я… не могу сказать.

— Почему?

— Я…

Что я мог сказать? Что рассказ о сути Тени перевернул бы — нет, разрушил бы ее представления о том, что есть реальность… Хуже того — потом мне придется рассказать ей и о том, откуда это знаю я, что равнозначно тому, чтобы рассказать, кто я на самом деле, откуда я, что я такое… а делиться с ней этим я боялся. Это привело бы к разрыву еще вернее, чем простой отказ рассказать правду. А если уж нам все равно суждено расстаться, я предпочел бы не оставлять ей этих знаний. Позже, много позже я понял, что меня удерживало на самом деле — я уклонялся от ответов на ее вопросы потому, что я не был готов доверять ей — как, впрочем, и любому другому, пусть даже настолько близкому мне человеку. Если бы мы были знакомы подольше — скажем, хотя бы еще год, — я мог бы ей ответить. Может быть… Мы никогда не произносили слово «любовь» — хотя, время от времени, оно приходило ей на ум. Как и мне. Наверное, я любил ее тогда не настолько сильно, чтобы доверять. А потом стало слишком поздно. Поэтому я и произнес тогда — «не могу сказать»…

— Ты обладаешь силой, которой не желаешь делиться.

— Если хочешь, считай так.

— Потребуй чего угодно, любых обещаний — все, что хочешь…

— Нет, Джулия. Есть причины…

Она встает, руки в боки.

— И даже об этих причинах ты не скажешь?

Я качаю головой.

— Как, должно быть, одиноко тебе в этом мире, волшебник.

Ты никого не подпускаешь к себе. Даже тех, кто тебя любит.

Мне хочется думать, что она просто решила применить запрещенный прием, чтобы вытянуть из меня ответ. Я заставил себя сдержаться…

— Я такого не говорил…

— Ну и не надо. Все уже сказано — твоим молчанием. Кстати, если ты знаешь и дорогу в Преисподнюю, почему бы тебе не свалить туда? Скатертью дорога!

— Джулия, не надо…

Она словно не слышит меня.

Спокойная жизнь с цветами…

Пробуждение. Ночь. Осенний ветер за окном. Сны. Кровь жизни без плоти… кружит…

Я спустил ноги на пол и сел, протирая глаза и потирая виски. Когда я дорассказал свою историю Рэндому, был ясный полдень, и Рэндом приказал мне отоспаться. Временные межтеневые скачки здорово утомляют, я чувствовал себя как выжатый лимон. Я не мог даже сообразить, который час.

Я потянулся, встал, привел себя в порядок и облачился в свежий костюм. Я знал, что больше мне не заснуть; к тому же я был голоден. Покидая комнату, я прихватил с собой теплый плащ. Мне скорее хотелось выйти прогуляться, нежели устраивать набег на кладовую. В город я не выходил, кажется, уже несколько лет, а настроение было самое то.

Я сбежал по лестнице, сократил путь через большой холл и несколько залов, двери которых выходили в один и тот же коридор, кончающийся лестницей. Можно было идти и коридором, но тогда я пропустил бы гобелены, перед которыми мне всегда хочется постоять: на одном — идиллическая лесная сцена с парочкой, расположившейся на пикник, на другом — сцена псовой охоты на оленя. Олень был великолепен, казалось, он может уйти от погони — если осмелится на безрассудный прыжок с гобелена…

Я прошел залы навылет и коридором добрался до задней двери. Там на страже скучал малый по имени Джорди; он услышал, что кто-то идет, и принялся вышагивать взад и вперед, демонстрируя бдительность. Я остановился, обменялся с ним приветствиями и выяснил, что его дежурство заканчивается в полночь — а полночь уже два часа как прошла.

— Я в город, — сказал я. — Не знаешь, где ночью прилично кормят?

— А чего именно вы хотите?

— Сегодня у меня рыбный день, — решил я.

— Ну, «Зеленый Скрипач» — это если пройти больше половины по Гран Конкур[11]. Там очень приличная рыбная кухня. Да и местечко приятное…

Я покачал головой.

— Нет у меня настроения для стильных местечек.

— «Сеть», говорят, еще не совсем испортилась… Это на углу улиц Кузнецов и Скобяных Торговцев. Там стилем и не пахнет…

— А ты бы пошел туда?

— Вообще-то я там бывал, — отозвался он. — Но с недавних пор это местечко облюбовали придворные и крупные торговцы. Теперь мне там как-то неуютно… Что-то вроде клуба…

— К черту приятные беседы и великосветскую атмосферу. Я просто хочу поесть свежей рыбы. Куда бы ты сам предпочел пойти?

— Ну, туда долго топать… Все время в сторону доков, к самой бухте, а потом взять чуть западнее… Но, наверное, не стоит. Поздновато, а по соседству там не самые лучшие места для ночных прогулок.

— Это, часом, не Гробовая Аллея?

— Так ее тоже называют, сэр: там, случается, жмуриков по утрам находят. Может, лучше пойти в «Сеть», раз уж вы без компании.

— Джерард водил меня по тем местам — но, правда, днем. Думаю, что дорогу найду, так что тут все нормально. Как называется та забегаловка?

— Э… «У Окровавленного Билла».

— Спасибо. Передам Биллу от тебя привет.

Джорди покачал головой.

— Не выйдет. Кабак переименовали в честь Билла после его кончины. Там теперь заправляет Энди, его кузен.

— Вот как? А как же раньше называлось это заведение?

— «У Окровавленного Сэма», — ответил он.

Ну и черт с ним. Я пожелал стражнику доброй ночи и вышел на прогулку. Вниз по короткой лестнице, аллеей через сад к боковым воротам, где следующий стражник выпустил меня наружу. Ночь была прохладной, ветер нес аромат осени, которая сжигала мир вокруг меня. Я втягивал воздух в легкие и резко выдыхал, шагая по Гран Конкур — далекому, полузабытому, — мерный стук копыт по булыжнику накатывал на меня, как сон, как воспоминание… Ночь была безлунна, но небо полно звезд, а Конкур предо мной был уставлен с обеих сторон высокими колоннами, увенчанными шарами с фосфоресцирующей жидкостью; вокруг шаров толклись длиннохвостые горные мотыльки.

Добравшись до большого перекрестка, я решил для разнообразия пойти в обход. По дороге меня обогнали несколько закрытых экипажей. Старик, выгуливающий на поводке крошечного зеленого дракончика, коснулся шляпы, когда я проходил мимо, и пожелал мне доброго вечера. Он видел, откуда я шел, хотя меня наверняка не знал. Я не слишком-то примелькался в городе. Настроение вскоре чуть исправилось, и я с удовольствием почувствовал, что походка моя снова стала упругой и энергичной.

Я ожидал, что Рэндом разозлится, но он даже и не подумал отправлять меня в новое путешествие, чтобы еще раз попытаться выключить Колесо-Призрак, — впрочем, никакого беспокойства от моего детища пока не проистекло. Мне просто было поручено продумать и предложить план действий. Флори уже успела с ним связаться и рассказала, кто такой Льюк, — кажется, уже само наличие информации о нашем враге каким-то образом добавило Рэндому уверенности. Я спрашивал, как он намерен разобраться с Льюком, но он не счел нужным распространяться на эту тему. Просто сослался на то, что не так давно заслал в Кашфу агента — кое-что проверить, сказал он. Такое впечатление, что на самом деле его куда больше беспокоило то, что объявленный вне закона Далт все еще числился среди живых.

— Что-то с этим человеком не то… — начал Рэндом.

— Что? — спросил я.

— Во-первых, я сам видел, как Бенедикт его отделал. Как правило, после такой обработки люди о карьере не помышляют…

— Крутой сукин сын, — сказал я. — Или чертовски удачливый. Или и то, и другое.

— Если и то, и другое, то он — сын Осквернительницы. Слышал о такой?

— Дила, — сказал я. — Ее так звали, кажется? Какая-то религиозная фанатичка? Воинствующая?

Рэндом кивнул.

— Она устроила нам кучу неприятностей на периферии Золотого Круга — в основном в районе Бегмы. Бывал там?

— Нет.

— Ну, Бегма совсем рядом с Кашфой, в одном поясе, — это делает твою историю особенно занятной. Дила постоянно разоряла Бегму, справиться с ней своими силами там не могли. В конце концов они вспомнили о существовании договора о коллективной безопасности, который мы заключили почти со всеми королевствами Круга… Папочка тогда решил лично преподать ей урок. Она слишком настойчиво пыталась подпалить тамошнее святилище Единорога. Папа взял с собой роту бойцов,

разбил ее вояк, саму ее взял в плен, а кучу ее сподвижников повесил. Впрочем, она сбежала и через пару лет, когда о ней успели подзабыть, вернулась со свежими силами и принялась за старое. Бегма вновь подняла вой, но Папа был чем-то занят и послал туда Блейса с большим отрядом. Произошло несколько малозначительных столкновений — это же были банды, а не регулярная армия, — но в конце концов Блейс загнал их в угол и стер в порошок. Дила шла впереди своих войск и погибла.

— Далт — ее сын?

— По крайней мере, эта версия кое-что объясняет — ведь этот парень изо всех сил старался причинить нам как можно больше неприятностей. Он явно и открыто жаждал воздать нам за смерть мамочки. В конце концов он собрал довольно серьезную армию и устроил налет на Янтарь. Прорвался он гораздо дальше, чем можно было предполагать — к самому подножию Колвира. Тут его ждал Бенедикт со своим личным полком. Бенедикт разнес нападавших в пух и прах, и многие своими глазами видели, как он смертельно ранил Далта. Несколько бойцов сумели вынести Далта с поля боя, так что тела мы так и не увидели. Да и какого черта! Как будто это было так важно…

— И ты думаешь, это может оказаться тот самый парень, с которым Льюк дружил в детстве… и дружит теперь?

— Ну, возраст-то примерно подходит, и родом он как будто из тех же самых мест… Думаю, это возможно.

Я шел и размышлял. Джасре, судя по словам отшельника, этот парень не слишком нравился. Так какую же роль он играл в моей истории? Слишком много неизвестных, решил я. Чтобы ответить на этот вопрос, нужны не домыслы, а конкретная информация. Ну и пропади оно все пропадом, я иду наслаждаться обедом…

Я все еще шел по Гран Конкур. Подойдя почти к его концу, я услышал громкий гогот и заметил несколько пьяных в сосиску парней, крепко обосновавшихся за столиками в открытом кафе. Одним из них был Дроппа, но меня он не засек, и я прошел мимо. Я вовсе не хотел развлекаться напропалую. Я свернул на улицу Ткачей, которая вела туда, где вверх по склону от портового района вьется Западная Виноградная. Высокая дама в маске и серебристом плаще поспешно шла к ожидавшей ее карете. Она оглянулась, и под ее домино расцвела улыбка. Я был уверен, что не знаю ее, и обнаружил, что хочу это упущение исправить. Улыбалась она очень мило. Порыв ветра принес запах дыма чьего-то очага и прошелестел сухими листьями. Я подумал: где-то теперь мой отец…

Затем по улице дальше и налево, на Западную Виноградную… Она уже, чем Гран Конкур, но все же широкая, расстояние между фонарями побольше, но освещения для ночных прогулок вполне достаточно. Мимо процокали копыта — пара всадников распевали песню, которую я не знал. Потом что-то большое и темное пролетело над моей головой и опустилось на крышу дома на той стороне улицы. Оттуда донеслось царапанье, затем все стихло. Дорога теперь походила на американские горки[12] — повороты направо, налево; иногда мне казалось, что

я заплутал в этой мешанине домов. Постепенно уклон становился все круче. На одном повороте меня настиг портовый бриз, донеся первые за тот вечер соленые запахи моря. Еще чуть погодя — через два поворота, по-моему, — далеко внизу я увидел само море: покачивающиеся огни на искрящемся волнующемся черном зеркале, отчеркнутом изгибом редкого пунктира линии фонарей Портовой дороги. Небо на востоке было слегка припудрено. На самом краю мира виднелся намек на горизонт. Разок мне показалось, что я уловил далекий свет Кабры, но дорога сделала еще один поворот — и я вновь потерял маяк из виду.

Лужица света, похожая на пролитое молоко, колыхалась на правой стороне улицы, очерчивая призрачную сетку каменной кладки на дальнем от меня подъеме; разрисованный шест, на котором болтался фонарь, — скорее всего, он поддерживал репутацию какой-то издыхающей цирюльни: треснувшая сфера на его верхушке по-прежнему тлела слабым светом (ни дать ни взять, череп на палке), напоминая мне игру, которой мы когда-то в детстве забавлялись во Дворах. Несколько освещенных отпечатков ног вели прочь, становясь тусклее, еще тусклее, исчезая совсем… Я прошел мимо и услышал вдалеке крики морских птиц. Осенние ароматы поглотил запах океана. Над левым плечом небесная пудра все выше поднималась над водой, расплываясь по морщинистому лику бездны. Скоро…

Аппетит приходит во время ходьбы. Впереди, на другой стороне улицы, я заметил прохожего, одетого в темный плащ; отвороты его сапог тускло мерцали. Я подумал о рыбе, которую скоро буду есть, заторопился, поравнялся с ночным прохожим и обогнал его. Кошка на ближайшем крыльце прекратила вылизывать себе задницу и, не опуская вертикально задранной лапы, стала смотреть, как я прохожу мимо. Наверху, в одном из темных домов, спорили голоса — мужской и женский. Еще один поворот — и из бездны небес вывалился ломоть луны, похожий на всплывающее из глубин и роняющее тяжелые капли величественное животное…

Минут через десять я добрался до доков и двинулся по Портовой дороге, на которой были разбиты почти все фонари, — а те, которые горели, выглядели уцелевшими по чистой случайности. Немного света добавляли освещенные окна, несколько ведер с горящей смолой и сияние только что взошедшей луны. Запах соли и водорослей был здесь сильнее, дорога завалена мусором, прохожие одеты более ярко и более шумны, чем публика на проспекте — если не считать Дроппу. Я дотопал до дальнего изгиба бухты, где шум моря был громче: торопливое, нарастающее приближение волны, потом она

разбивается о волнолом и совсем тихо плещет у самого берега; поскрипывание бортов кораблей, лязг цепей, постукивание лодчонок и маленьких рыбацких шхун о пирс или о причал… Где-то сейчас моя старая добрая «Звездная вспышка»…

По плавному изгибу дороги я пошел вдоль западного берега гавани. В поисках нужного переулка я принялся соваться во все тупики подряд — из одного пара крыс выгнала прямо мне под ноги черного кота. Все прочие запахи здесь перекрывала вонь испражнений — и жидких, и не слишком, — а неподалеку раздались вдруг крики, грохот и шум борьбы. Это навело меня на мысль, что общество здесь собирается самое подходящее. Вдалеке дребезжал бакенный колокол; где-то поблизости прозвучала произнесенная с почти нескрываемой скукой забористая многоэтажная фраза. За фразой воспоследовала парочка матросов — шатаясь, они вывернули из-за угла справа, проковыляли, ухмыляясь, мимо меня и через мгновение грянули песнь. Я подошел и посмотрел на табличку на углу того дома. Надпись гласила: «Переулок Морского Бриза».

Да, это был он — переулок, прозванный местными Гробовой Аллеей. Я свернул туда. Улица как улица. За первые пятьдесят шагов мне не попалось ни одного трупа или хотя бы валяющегося в отключке алкаша. Впрочем, один мужик попытался, не сходя с крыльца, продать мне кинжал, а классический персонаж при напомаженных усах предложил организовать для меня что-нибудь юное и страстное. Оба предложения я отклонил, но зато узнал от сутенера, что до «Окровавленного Билла» уже рукой подать. Я пошел дальше. Случайно оглянувшись, я заметил далеко позади три фигуры в темных плащах: похоже было, что меня преследовали — на Портовой дороге я их тоже заметил. Хотя это могло быть и совпадением. Чтобы не чувствовать себя параноиком, я мысленно разрешил им быть кем угодно и следовать сколь угодно далеко и постановил не обращать на них внимания. И ничего — они продолжали себе идти, а когда я в конце концов обнаружил «Окровавленного Билла» и вошел, они протопали мимо, перешли на другую сторону и направились в небольшое бистро чуть дальше по улице.

Я повернулся и осмотрел заведение. Бар справа, столы — слева, на полу — подозрительные пятна. Деревянная табличка на стене предлагала сделать заказ у стойки и указать, на какой столик его подать. Под дощечкой мелом был расписан дневной улов.

Итак, я вошел и, стряхивая с себя взгляды, подождал, пока ко мне не подошел грузный мужчина с изумительно мохнатыми

седыми бровями и не спросил, чего мне нужно. Я сказал, что нужно мне синего морского ската и указал на пустой стол в глубине. Мужчина кивнул и прокричал заказ в дыру в стене, потом спросил, не желаю ли я освежиться «Мочой Бэйля». Я желал. Он принес стакан и бутылку, откупорил ее и передал мне. Я расплатился, направился к выбранному столу и сел спиной к стене.

На стенах тлели фитилями масляные светильники, прикрытые закопченными стеклами. Три типа — двое помоложе, один постарше — играли за угловым столом в карты и передавали друг другу бутылку. За столом слева от меня устроился другой — еще постарше. Его левую глазницу пересекал зловещий шрам. На стуле справа лежал клинок, на шесть дюймов выглядывающий из ножен. Тип сидел спиной к стене, — как и я. За другим столом расположились музыканты — отдыхали между номерами, как я понял. Я плеснул в бокал желтого вина и сделал глоток: характерный вкус, запоминающийся на годы. Это вино хорошо пить залпом. Барон Бэйль владел виноградниками милях в тридцати на восток от Янтаря. Он был официальным поставщиком вина ко Двору — его красные вина были, как правило, безупречны. С белыми у него получалось гораздо хуже, и он зачастую сливал второсортное пойло на местный рынок. На этих винах стоял его герб и изображение собаки — он любил собачек, — так что иногда вино называли «Собачьей мочой», а иногда — «Мочой Бэйля», в зависимости от того, какой шел разговор. На первое иногда обижались любители собак.

Примерно к тому времени, когда мне принесли заказ, я успел заметить, что два парня, пристроившиеся возле стойки бара, излишне часто поглядывают в мою сторону, негромко переговариваются и все время обмениваются смешками и улыбочками. Я решил их не замечать и принялся за еду. Через минуту мужик со шрамом, не глядя в мою сторону и не наклоняясь ко мне, тихо произнес, едва шевеля губами:

— Бесплатный совет. По-моему, те два парня у стойки заметили, что вы не носите клинка. У вас намечаются неприятности.

— Спасибо, — сказал я.

Н-ну… Не то чтобы меня чрезмерно заботило, смогу ли я с ними справиться, но при случае я предпочел бы избежать резни. Если для этого нужен всего-навсего ножик на видном месте, то это поправимо…

Мгновенное сосредоточение — и передо мной затанцевал Логрус. Вскорости я уже тянулся сквозь него в поисках подходящего оружия — не слишком длинного, не слишком

тяжелого, прилично сбалансированного, с удобной рукоятью — и с широким темным поясом и ножнами для полноты картины. Ушло на все минуты три, отчасти из-за того, что я, полагаю, излишне копался, — какого дьявола, если благоразумие требует обзавестись мечом, то пусть это будет что-нибудь пристойное, — а отчасти из-за того, что в Янтаре возиться с Тенью труднее, чем где бы то ни было.

Когда меч прибыл, я вздохнул и отер лоб. Затем не спеша вытащил его из-под стола — пояс и все прочее, вынул меч на полфута из ножен, убедился в его достоинствах и положил на сиденье справа от себя. Парни у бара, не отрываясь, наблюдали за этой пантомимой. Я им улыбнулся — как можно ласковей. Они принялись совещаться, на этот раз уже без хиханек. Я налил новый стакан и единым духом выдул. Затем вернулся к рыбе — и снова убедился, что Джорди был прав. Еда здесь была очень хорошая.

— Ишь ты. Ловко, — сказал мужик со шрамом. — Небось такому финту непросто научиться?

— Естественно.

— Понятное дело. Со многими хорошими вещами так, иначе бы все их делали. Хотя… эти все равно могут потащиться за вами, если увидят, что вы один. Это зависит от того, сколько они выпили и насколько опрометчивы. Вас это не беспокоит?

— Нет.

— Вот уж не подумал бы… Но кого-нибудь они сегодня точно прибьют.

— Откуда ты знаешь?

Он впервые глянул на меня и гадко ухмыльнулся.

— Это врожденное. В этом они схожи с заводными игрушками… Ладно, пока…

Он кинул на стол монету, встал, застегнул пояс с мечом, взял темную шляпу с пером и направился к двери.

— Поберегись.

Я кивнул.

— Доброй ночи.

Как только он вышел, двое парней опять зашушукались — на этот раз они поглядывали не на меня, а, скорее, ему вслед. Придя к какому-то решению, они выбрали якоря и быстро отвалили. Мгновение меня подмывало пойти следом, но от этого соблазна я удержался. Чуть погодя с улицы донесся шум потасовки. Еще через полминуты в дверном проеме появилась фигура, на мгновение замерла — и рухнула на пол. Это был один из той парочки. У него было перерезано горло.

Энди покачал головой и отправил официанта извещать

местную полицию, а сам взял покойника за ноги и выволок наружу — чтобы не мешался у посетителей под ногами.

Позже, когда я заказывал еще одну порцию рыбы, я заговорил с Энди об этой истории. Он мрачно усмехнулся.

— Глупо становиться на пути посланника Короны, — сказал он. — Туда подбирают крутых ребят.

— Парень, который сидел за тем столом, работает на Рэндома?

Энди пристально посмотрел мне в глаза и кивнул.

— Старина Джон работал еще на Оберона. Как ни пройдет мимо, всегда заходит перекусить.

— Интересно, какое у него нынче поручение?..

Энди пожал плечами.

— Кто знает? Заплатил он валютой Кашфы, а я точно знаю, что он не из Кашфы.

Трудясь над второй порцией, я немного над этим поразмышлял. Что бы там Рэндом ни искал в Кашфе, сейчас новости уже на пути в замок — если, конечно, новости у старого Джона были. Почти наверняка это касается Льюка и Джасры. Интересно, что это за известия и что из них можно выжать…

Задумавшись, я просидел там довольно долго. Выяснилось, что место далеко не такое шумное, как могло показаться на первый взгляд, — даже когда за дело снова взялись музыканты. Может, эти двое парней следили за Джоном, а мы с ним неверно интерпретировали их взгляды в мою сторону? Или они просто решили пойти за первым, кто выйдет без компании? Кажется, я снова начинал думать как житель Янтаря — повсюду выискивая интриги, — а ведь я только-только вернулся. Наверное, что-то такое здесь в атмосфере. Похоже, даже хорошо, что я снова освоил этот образ мышления, раз уж я вляпался так сильно. Может, это совсем неплохое приобретение — с точки зрения самосохранения.

Я допил бокал. В бутылке оставалось еще на несколько глотков, но мне пришло в голову, что вряд ли разумно и дальше притуплять ощущения — особенно если учесть случившееся. Я поднялся и застегнул перевязь с мечом.

Когда я проходил мимо бара, Энди кивнул мне.

— Если наткнетесь на кого-нибудь из дворца, — сказал он тихо, — намекните там — не знал я, что такая пакость готовилась.

— Ты знал их?

— Моряки. Их корыто пришло пару дней назад. У них уже бывали здесь неприятности — сначала все проматывают, потом рыщут в поисках легких деньжат…

— Думаешь, они были профессиональными… э-э… убиралами?

— Это вы из-за Джона так подумали? Да нет… Они уже как-то нарывались — по глупости, в основном. Рано или поздно они должны были нарваться на кого-нибудь, у кого руки из нужного места растут, — ну, вот и получили свое. Не думаю, чтобы кто-то рискнул поручить им серьезное дело.

— Второго он тоже сделал?

— Угу. Там, дальше по улице. Так что можете уверить кого надо, что им просто привелось очутиться не в том месте, да еще и не вовремя.

Я внимательно посмотрел на Энди, и он подмигнул.

— Я видел вас несколько лет назад — там, внизу, с Джерардом. Хорошая привычка — никогда не забывать лица, которые имеет смысл запомнить.

Я кивнул.

— Спасибо. У тебя хорошая кухня.

На улице стало прохладнее. Луна поднялась выше, сильнее стал прибой. Улица была пуста. Откуда-то с Портовой доносились громкая музыка и смех. Мимоходом я заглянул в какое-то окно и увидел на небольшом помосте усталую женщину, похоже, устроившую себе гинекологический осмотр. Неподалеку раздался звон бьющегося стекла. Из узенького проулка на меня вывалился пьяный с вытянутой вперед рукой. Я пошел дальше. В бухте среди мачт вздыхал ветер, и я вдруг подумал: хорошо бы Льюк сейчас был рядом — как в старые добрые времена, до того, как все так запуталось… А не Льюк, так хоть кто-нибудь из людей, близких мне по возрасту и по духу… У всех моих здешних родственничков за кормой было слишком много веков цинизма и мудрости, слишком много, чтобы смотреть на мир и чувствовать его так же, как я.

Через десять шагов Фракир вдруг яростно забилась у меня на запястье. В тот момент рядом со мной никого не было, и я даже не стал хвататься за свой новый клинок — бросился ничком на землю и тут же откатился в тень. В ту же секунду я услышал звонкое «тюк!» на той стороне улицы. Я бросил туда взгляд и обнаружил торчащую в стене стрелу — не увернись я, и она торчала бы сейчас во мне. Судя по углу, под которым стрела вонзилась в стену, откатился я как раз в ту сторону, откуда стреляли.

Я приподнялся ровно настолько, чтобы вытащить клинок, и посмотрел направо. Открытых дверей или освещенных окон в стене, под которой я лежал, не было, сама стена была футах в шести. Между этим домом и следующим был узкий проулок —

исходя из этой диспозиции, я решил, что стрела прилетела откуда-то с той стороны.

Я перекатился поближе к невысокому крытому крыльцу, которое тянулось на всю ширину фасада, заполз на ступеньки и лишь тогда поднялся во весь рост. Прижимаясь к стене, я скользнул к проулку, проклиная неизбежность выбора между бесшумностью и стремительностью. Я был уже совсем рядом с углом и уже готов был ринуться на стрелка — которому, для того чтобы выстрелить снова, нужно было выступить из-за угла. Впрочем, я быстро сообразил, что он запросто может обойти вокруг дома и напасть на меня с тыла. Я снова прижался к стене, вытянув вперед клинок и между делом бросая взгляды назад. Фракир свернулась на левой ладони и приготовилась.

Допустим, я доберусь до угла, а оттуда никто не выйдет — что тогда? Непонятно. По логике, следовало бы применить магию. Но для этого надо было заранее развесить заклинания — а я это дело прохлопал. В ситуациях балансирования между жизнью и смертью не хватает внимания… Я выждал, восстановил дыхание и прислушался…

Стрелок осторожничал, но на крыше кто-то мягко двигался к краю кровли. Это вдобавок к тому — или к тем — за углом… Я понятия не имел, сколько человек могло Ждать в засаде, хотя стал уже подумывать, что для обычного ограбления нападение организовано излишне изобретательно. А раз так, вряд ли они нападут все скопом — скорее всего, они разделили силы — не мытьем, так катаньем. Я стоял в позиции, а мысли мчались галопом. Нападут они согласованно, в этом я был уверен. Я представил лучника за углом — стрела наготове, он ждет сигнала. У того, что на крыше, вероятнее всего, клинок. У других, пожалуй, тоже…

Я решил не отягощать себя раздумьями о том, кто за мной охотится и как они на меня вышли — если они действительно по мою душу. В такие моменты непринципиальные размышления на ситуацию положительно не влияют. Стоило ребятам выполнить задуманное, и мне уже было бы все равно — случайные они головорезы, возжаждавшие моего кошелька, или наемные убийцы.

Опять зашуршало наверху — кто-то пробирался по крыше прямо надо мной. Теперь в любой момент…

С шумом и громким криком с крыши спрыгнул человек. Крик, видимо, был сигналом лучнику — в проулке тут же затоптались, еще сколько-то бросилось ко мне из-за другого угла.

Прежде чем ноги спрыгнувшего с крыши коснулись земли, я швырнул Фракир, приказав убить его. Сам я, взмахнув клинком, бросился на лучника — прежде чем он успел появиться из-за угла.

Удар пришелся через лук по руке и в живот. Бывали у меня и более удачные попадания — хуже было то, что прямо за спиной стрелка стоял человек с обнаженным клинком и еще один бухал сапогами по крыльцу у меня за спиной.

Стрелок скорчился, схватившись рукой за брюхо. Я врезал ему сапогом по ребрам — парень отлетел на человека, стоящего позади него. Я использовал вращательный момент для того, чтобы развернуться, и успел как раз вовремя: широким и стремительным взмахом клинка парировал и тут же принял на клинок удар сверху, которым пробежавший по крыльцу боец хотел раскроить мне череп. Я провел выпад ему в грудь, он парировал, и я периферическим зрением заметил того, что спрыгнул с крыши, — тот упал на колени и терзал собственное горло. Фракир свое дело знала…

Один парень по-прежнему болтался где-то у меня за спиной, и моя спина от этого чувствовала себя не слишком уютно. Нужно было крутиться побыстрее, иначе его клинок уже через мгновение попробует мою шкуру на прочность. Ну…

Вряд ли это был выпад — скорее, я споткнулся, когда менял стойку и переносил тяжесть на другую ногу.

Нападавший сзади рубанул сверху вниз. Я отпрыгнул в сторону и ударил с разворота. Если бы этот малый ухитрился подкорректировать выпад, я бы в два счета схлопотал дырку. Но другого выхода не было и приходилось рисковать.

Даже когда мой клинок вонзился в его тело, я не знал, куда пришелся удар. Это было не так уж важно. Либо попал, либо нет. Нужно было двигаться, двигаться до тех пор, пока я не остановлюсь сам или не буду остановлен сталью.

Я продолжал движение против часовой стрелки, клинком, как рычагом, поворачивая противника так, чтобы он оставался между мной и последним из нападавших.

Маневр частично удался. Надежно прикрыться продырявленным и заваливающимся телом все равно не получилось бы, заставить нападавшего столкнуться с трупом, скорее всего, тоже. Надеялся я лишь на то, что тот, второй, споткнется, шагая с крыльца. Главное — освободить клинок, и тогда схватка будет один на один.

Я потянул…

Черт, черт, черт! Клинок застрял в кости и не вытаскивался. Второй противник уже был на ногах… Я все еще продолжал разворачивать покойника, держа его между нами, а левой рукой пытался взять клинок у только что убитого из по-прежнему сжатого кулака.

Тысяча чертей! Мертвец держал клинок буквально мертвой

хваткой, пальцы обвились вокруг рукояти, как металлические тросы.

Помахивая клинком и примериваясь для удара, бретер гадко улыбнулся. И вот тогда я заметил, как блеснул на его пальце синий камень, вправленный в перстень. Вот и ответ на вопрос, меня ли ждали сегодня эти удальцы…

Я слегка присел и ухватил мертвеца за бока.

Такие ситуации иногда будто записываются в памяти на видеопленку — абсолютное отсутствие мыслей, и куча мимолетных ощущений, времени не существует, и, когда память позволяет себе потом проиграть события, вспоминается единственный эпизод, который повторяется раз за разом…

Вокруг нас — на улице и в домах — раздавались крики. Слышно было, как к нам бежали люди. Повсюду на досках мостовой вокруг меня была кровь, и я помню, что все время боялся поскользнуться. За дальним краем крыльца я видел стрелка и его лук — оба перерублены. Придушенный киллер лежал на земле справа от того, который наскакивал на меня. Тело, которым я оборонялся, становилось чертовски тяжелым. К некоторому своему облегчению я отметил, что нападающие больше не перли изо всех дыр, чтобы присоединиться к последнему головорезу. А этот последний шагнул в сторону и сделал финт, готовясь к выпаду.

О’кей. Пора.

Я изо всех сил швырнул труп в нападавшего, но результата своих действий ждать не стал. Я шел на риск, и риск этот был чертовски велик, так что времени для подобных удовольствий у меня не оставалось.

Я выпрыгнул на улицу, перекатился через плечо поближе к лежащему навзничь удавленнику — пытаясь избавиться от Фракир, он выронил клинок. Одновременно откуда-то сверху и сзади я услышал глухой удар, за которым последовало хрюканье, — похоже, я избавил себя от больших неприятностей, когда толкнул мертвеца. Впрочем, по-прежнему оставалось неизвестным, насколько точен был бросок.

Правая рука змеей метнулась в сторону и ухватила рукоять клинка. Я перекатился на ноги — лицом туда, откуда пришел, — вытянул клинок, скрестил ноги и отпрыгнул назад.

Еще чуть-чуть — и было бы поздно. Он обрушил на меня серию мощных атак, я быстро отступил, яростно парируя. Он по-прежнему улыбался, но первый же мой выпад замедлил его напор, а второй остановил.

Я успокоился и встал намертво. Противник силен, но ясно было, что я быстрее. Вокруг уже собралось порядочно народу,

глазевшего на схватку. До меня донеслось несколько советов — довольно бестолковых. Кому из нас двоих они были адресованы, сказать не берусь. Впрочем, это не имело значения. Пару-тройку секунд противник стоял, выдерживая мои атаки, а затем начал медленно сдавать назад. Теперь я был уверен, что смогу его сделать.

Мне он нужен был живым, что несколько затрудняло задачу. Кольцо с синим камнем, вспыхивающим передо мной, таило загадку, ответ на которую знал этот парень, и мне нужен был этот ответ. Приходилось нажимать на него, стараясь вымотать и обезоружить…

Я попытался осторожно, шаг за шагом, развернуть противника. Я надеялся, что он споткнется о труп, лежащий позади него. Это тоже почти сработало.

Когда отставленная назад нога моего соперника придавила руку распростертого на земле человека, бретер перенес вес вперед, чтобы восстановить равновесие. Тут его посетило одно из тех озарений, которым нужно следовать без долгих раздумий. Он заметил, что я отвел клинок с линии атаки, готовясь нанести рубящий удар, и превратил движение в выпад. С моей стороны было крайне опрометчиво не предвидеть такой поворот событий.

Тяжелым взмахом противник отбил мой клинок, но его оружие тоже оказалось не на линии атаки, и мы сошлись corps a corps[13]. Он развернулся в ту же сторону, куда я стоял лицом, и, к сожалению, имел великолепную возможность врезать мне левым кулаком по правой почке, вложив в удар силу вращательного момента.

И сразу же бретер попытался свалить меня подсечкой слева. Удар был так силен, что стало ясно: он вот-вот добьется своего. Мне удалось только ухватиться за его плащ левой рукой, дернуть и потащить назад, запутывая клинки в плаще. Пока мы падали, я изо всех сил старался оказаться сверху — но, к сожалению, в том не преуспел. Мы свалились бок о бок, по-прежнему лицом друг к другу, и гарда чьего-то клинка — по-моему, моего собственного — крепко заехала мне слева по ребрам.

Моя правая рука оказалась подо мной, а левая по-прежнему путалась в плаще. У противника моего левая рука была свободна, и он вцепился ею в мою физиономию. Я укусил его за руку, но не сумел удержать. В конце концов мне удалось освободить левую руку, и я двинул кулаком ему в лицо. Противник отвернул голову, попытался лягнуть меня ногой и попал в бедро, а затем ткнул мне пальцами в глаза. Я поймал его за запястье и удержал. И его, и моя правые руки все еще были прижаты, а вес у нас был

примерно равный. Мне ничего другого не оставалось, как сжать его руку.

Кости его запястья хрустнули в захвате, и он впервые за все время вскрикнул. Тогда я просто оттолкнул его, перекатившись на колени, и начал подниматься, таща его за собой. Игра была кончена. Я победил.

Вдруг он повалился на меня. Я решил было, что это финальный трюк, но потом увидел торчащее у него в спине лезвие клинка. Клинок держала рука довольно мрачного субъекта. Субъект явно собирался выдернуть клинок.

— Ах ты, сукин сын! — заорал я по-английски (хотя был уверен, что общий смысл фразы он уловил), бросил тело и влепил непрошеному помощнику хук справа. Мужик свалился, оставив клинок в спине моего поверженного противника. — Мне он был нужен живым!

Я схватил своего недавнего противника за плечи и поднял его в более удобное положение — насколько у меня получилось.

— Кто тебя послал? — спросил я его. — Как ты меня нашел?

Он слабо ухмыльнулся, изо рта у него потекла кровь.

— Здесь не подают, — сказал он. — Спроси у других.

И упал лицом вперед, запачкав кровью мою рубашку.

Я снял у него с пальца кольцо и прибавил его к коллекции чертовых синих камней. Затем поднялся и тяжело взглянул на человека, который заколол нападавшего. Еще два свидетеля событий помогали ему встать на ноги.

— Какого черта ты полез не в свое дело? — спросил я, подступая к ним.

— Спасал вашу поганую жизнь, — прорычал мужик.

— Черта с два! Твой удар может стоить мне жизни! Он был нужен мне живым!

Тут подала голос фигура, стоявшая слева от него, и я узнал голос. Женщина положила легкую ладонь на мою руку, которую — я даже не сообразил! — я поднял для нового удара.

— Он сделал это по моему приказу, — сказала она. — Я боялась за твою жизнь и не поняла, что тебе нужен «язык».

Я уставился на бледное гордое лицо, полускрытое капюшоном темного плаща. Это была Винта Бэйль, пассия Кэйна, которую последний раз я видел на его похоронах. К тому же она была третьей дочерью барона Бэйля, которому Янтарь обязан множеством пьяных вечеров.

Я сообразил, что меня бьет озноб, сделал глубокий вдох и взял себя в руки.

— Понимаю, — сказал я наконец. — Спасибо.

— Мне жаль, — сказала она.

Я покачал головой.

— Ты не знала. Что сделано, то сделано. Я благодарен любому, кто старается мне помочь.

— Я по-прежнему могу помочь, — сказала она. — Может, я неправильно истолковала этот случай, но, по-моему, ты все еще в опасности. Давай уйдем отсюда.

Я кивнул.

— Минуточку, пожалуйста.

Я снял Фракир с шеи мертвеца, и змейка быстро исчезла у меня в левом рукаве. Клинок, который мне достался, худо-бедно подошел к ножнам, так что я отправил его на место и поправил пояс, который сбился назад.

— Пойдем, — сказал я Винте.

Мы вчетвером зашагали обратно к Портовой. Привлеченные схваткой зеваки спешили убраться с нашего пути. Кто-то, вероятно, уже грабил оставленных нами мертвецов. Распалось все; и центра не сдержать. Но какого черта — я у себя дома.

V

Прогуливаюсь с леди Винтой и двумя слугами Дома Бэйлей. Бок по-прежнему болит после дружеской встречи с рукоятью меча. Под ярким от луны, ярким от звезд небом, сквозь туман с моря — подальше от Гробовой Аллеи. Действительно, удачно, что в столкновении с этими ребятами я заработал только ушиб — могли бы и изувечить. Как им удалось так быстро меня засечь после возвращения? Такое впечатление, что у Винты могут оказаться на этот счет какие-то соображения, а я был склонен ей верить — и потому, что немного знал ее, и потому, что она потеряла своего приятеля, дядюшку Кэйна, из-за моего бывшего дружка Льюка. К тому же от всего, что имело отношение к синим камням, тянулись ниточки к Льюку…

Когда мы повернули от Портовой дороги к берегу моря, я спросил у Винты, что у нее на уме.

— Я полагал, мы пойдем по Виноградной, — сказал я.

— Тебе угрожает опасность, — объявила Винта.

— По-моему, это очевидно.

— Я могла бы отвести тебя в городской дом моего отца, — сказала она, — или, если хочешь, мы проводим тебя обратно во дворец. Но если они знают, что ты здесь, то доберутся до тебя очень скоро.

— Ясное дело.

— Вон там стоит моя лодка. Можно проплыть вдоль берега и к утру добраться до загородной усадьбы отца. Ты исчезнешь. Те, кто ищет тебя в Янтаре, будут сбиты со следа.

— Думаешь, во дворце небезопасно?

— Может, и безопасно, — сказала она. — Только там-то тебя вычислить проще всего. Пойдем со мной — и все будет по-другому…

— Я исчезну, а потом Рэндом от одного из стражников узнает, что я направлялся на Гробовую Аллею. Представляю, какой поднимется переполох…

— Можешь завтра связаться с ним через Козырь и сказать, что ты за городом… если карты у тебя с собой.

— Верно… Но откуда ты узнала, где меня искать этим вечером? Не станешь же ты убеждать меня, что встретились мы случайно.

— Мы шли следом за тобой. Ждали в том доме, который через дорогу от «Окровавленного Билла».

— Ты что, предвидела события этой ночи?

— Мне казалось, что должно было произойти нечто подобное. Если б я знала все наверняка, я конечно же предотвратила это нападение.

— Что происходит? Что ты знаешь об этой истории, какое она имеет отношение к тебе?

Винта рассмеялась, и я вдруг понял, что слышу ее смех впервые. Это не был холодный, дразнящий смешок, которого можно было б ожидать от пассии Кэйна.

— Давай отчалим, пока не начался отлив, — сказала она, — а то мой рассказ может занять всю ночь. Ну так как, Мерлин? Безопасность или удовлетворение любопытства?

— Не откажусь ни от того, ни от другого, но по очереди.

— Идет, — сказала она и повернулась к тому слуге, который был пониже, — к тому, которого я ударил.

— Джарл, иди домой. Утром скажешь отцу, что я решила вернуться в Лесной Дом. Скажи ему, что ночь была хороша и мне захотелось поплавать, так что я забрала лодку. О Мерлине не упоминай.

Джарл приподнял шляпу.

— Будет сделано, миледи.

Он повернулся и направился обратно — туда, откуда мы пришли.

— Пойдем, — сказала Винта, и мы втроем — я, она и здоровый парень, которого звали, как я потом узнал, Дрю, — пошли по пирсу туда, где был пришвартован длинный узкий баркас.

— Ходил под парусом? — спросила Винта.

— Бывало, — сказал я.

— Ну и отлично. Можешь подать мне руку.

Так я и сделал. Пока мы убирали сходни, ставили паруса и отходили, сказано было немного — и все о деле. Дрю сел на руль, мы занялись парусами. Потом мы долго сменяли друг друга на шкотах. Ветер был несложный. Почти идеальный, если уж совсем честно. Мы очень легко пересекли гавань, обогнули волнолом и вышли на рейд. Сворачивая плащи, я заметил, что девушка одета в темные брюки и плотную рубашку. Очень практично — словно она планировала это приключение. На поясе, который она сняла, висел настоящий боевой клинок, а не какой-нибудь изукрашенный драгоценными камушками кинжал. Уже только при взгляде на то, как она движется, создавалось ощущение, что с этой штукой она обращается на редкость умело. К тому же Винта сейчас кого-то мне напоминала — но кого? Я никак не мог вспомнить. Сходство было в манере жестикулировать, в голосе — но не в чертах лица… Не это важно. Мне нужно было обдумать более важные вещи, и, как только все пошло по накатанной колее, а мы — нужным курсом, у меня появилась возможность утопить взгляд в темной воде и привести мысли в порядок.

Я знал основные события ее жизни, несколько раз мы встречались с ней на больших приемах во дворце. Она знала, что я — сын Корвина, родился и воспитывался во Дворах Хаоса и происходил из семейства, которое издревле в кровном родстве с Янтарем. Судя по прежним нашим беседам, она знала, что я несколько лет жил в Тени — пускал там корни и поднабирался кое-какого образования. Похоже, что дядя Кэйн не горел желанием скрывать от нее наши чисто семейные дела… что навело меня на мысль о том, как далеко заходили их отношения. Я слышал, они были вместе несколько лет… Следовало поинтересоваться, что же именно она обо мне знает. Опасаться ее я не опасался — просто надо было решать, что придется выложить в обмен на информацию (а она явно знала кое-что) о тех, кто устроил на меня охоту в этих краях. Было, было у меня ощущение, что нам придется поторговаться… У нее не было видимых причин интересоваться именно мной — ну разве что оказать любезность члену семьи, который так удачно подвернулся

под руку. Двигала ею, насколько я мог понять, жажда возмездия, отмщения за убийство Кэйна. Нужно было торговаться, постоянно держа это в голове. Иметь союзника всегда хорошо. Но нужно было решать — какой фрагмент полотна я готов для нее приоткрыть. Хочу ли я, чтобы она вмешивалась в водоворот событий, закрутившийся вокруг меня? Во-первых, я сомневался в этом, а во-вторых, неясно было, какой компенсации она потребует. Скорее всего, Винта просто хотела поучаствовать в охоте — а то и возглавить ее, — какой бы она ни была. Лунный свет подчеркивал плавные черты ее правильного треугольного лица, и было несложно мысленно дополнить этот портрет до классической маски Немезиды.

Лодка шла уже далеко от берега, подгоняемая восточным бризом, и огромная скала Колвира, в диадеме которой драгоценными камнями горели огни Янтаря, плыла над горизонтом. Не раз уже испытанное чувство восторга вновь накатило на меня. Пускай вырос я в безумном колышущемся полусвете и неэвклидовых парадоксах Дворов, где красота всегда имела сюрреалистический оттенок, я чувствовал, что каждый раз, когда я посещаю Янтарь, город все больше и больше затягивает меня, — пока наконец я не осознал, что он стал частью меня, пока я не стал думать о нем как о доме. Я не хотел, чтобы эти склоны штурмовал со стрелками Льюк или чтобы Далт устраивал рейды своих коммандос возле этих стен. Я точно знал, что душа поведет меня сражаться, защищать город…

На далеком берегу, там, где покоился в мире Кэйн, мне пригрезился гарцующий бледный высверк — вначале неспешный, потом стремительный, — скрывшийся в ущелье. Может быть, это была Единорог, но из-за расстояния, темноты и мимолетности видения я не мог сказать наверняка.

Позже мы поймали отличный ветер, за который я возблагодарил судьбу. Я устал — несмотря на то что спал почти сутки. Побег из хрустального грота, стычка с Обитающим и игра в пятнашки с вихрем и его скрывающимся под маской хозяином — все слилось у меня в голове в одно почти непрерывное событие. Адреналин в крови упал до нормы[14]. Мне больше ничего не хотелось — разве что слушать плеск волн, вглядываться в черную скалистую береговую линию, отступающую в сторону порта, — или, повернувшись, глядеть на мерцающее море по правому борту. Мне не хотелось думать, не хотелось двигаться…

Бледная ладонь легла мне на руку.

— Ты устал, — услышал я слова Винты.

— Кажется, да, — услышал я свои слова.

— Вот твой плащ. Почему бы тебе не накинуть его и не

отдохнуть? Лодка идет ровно, мы справимся с нею и без твоей помощи.

Я кивнул, заворачиваясь в плащ.

— Ловлю тебя на слове. Спасибо.

— Хочешь подкрепиться?

— Нет. Там, в городе, я плотно поел.

Ее ладонь осталась на моей руке. Я поднял взгляд на Винту. Она улыбалась. В первый раз я видел, чтобы она улыбалась. Другой рукой, кончиками пальцев, она дотронулась до пятен крови на моей рубашке.

— Не беспокойся. Я позабочусь о тебе, — сказала она.

Я улыбнулся в ответ — мне казалось, она этого хотела. Ее рука сжала мое плечо — и исчезла, а я смотрел и удивленно думал: не было ли в моем уравнении и ее переменных? Но тогда я слишком устал, чтобы искать эти новые неизвестные. Колесики в моем мозгу крутились все медленнее, медленнее…

Привалившись спиной к планширу левого борта[15] и тихо покачиваясь на волнах, я позволил моей голове опуститься. Сквозь полуприкрытые ресницы я видел темное пятно, которое Винта заметила на белой рубашке. Кровь. Да, кровь…

— Первая кровь! — кричал Деспил. — Этого достаточно! Вы удовлетворены?

— Нет! — орал Джарт. — Я едва поцарапал его… — Он крутанулся на камне, махнул в мою сторону тройными когтями своего *триспа* и изготовился вновь достать меня.

Кровь сочилась из пореза на моем левом предплечье, собиралась в горошины, и горошины эти медленно поднимались в воздух и уплывали от меня пригоршнями рассыпанных рубинов. Я поднял *фандон* в верхнюю оборонительную позицию и опустил трисп, который, отведя далеко вправо, все еще держал наклоненным вперед. Я согнул левое колено и развернул свой камень на девяносто градусов относительно общей оси. Джарт тут же скорректировал свое положение и упал на полдюжины футов. Я повернулся еще на девяносто градусов, так что каждый из нас по отношению к другому, казалось, висел вверх тормашками.

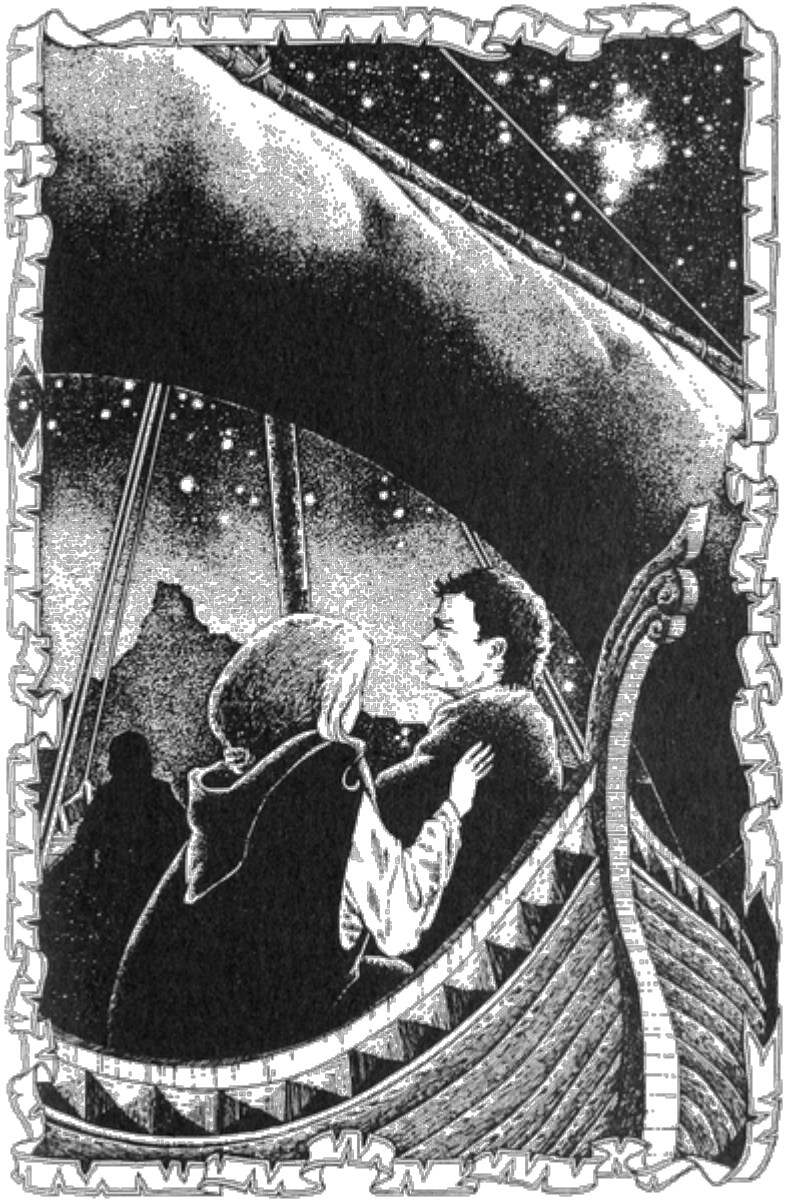
— Ублюдок янтарный! — крикнул Джарт. Тройные копья света сорвались с его оружия, чтобы под взмахом моего фандона рассыпаться яркими, похожими на мотыльков осколками — рассыпаться и упасть, кружась, в Бездну Хаоса, над которой мы неслись.

— От ублюдка слышу, — огрызнулся я, сжал рукоять триспа и высыпал с трех его утонченных клинков-паутинок пульсирующие лучи. Одновременно я вытянул руку над головой, хлестнув

Джарта по голени.

Он отмел лучи фандоном уже на расстоянии восьмифутового радиуса поражения. Трезубцу для подзарядки требовалось секунды три, но ждать я не стал и провел смертельный удар Джарту в лицо, — еще до того как он рефлекторно поднял *фанд, я* нанес триспом круговой удар, стараясь рассечь ему подколенные сухожилия. Джарт разбил односекундную пульсацию, низко опустив фанд, выбросил мне в лицо удар, опрокинулся на спину и совершил полный оборот, — с одной стороны, выгадывая время для подзарядки, а с другой — чтобы уберечь спину и вернуться в атакующую позицию с высоко поднятым фандоном, готовым перерубить мое плечо.

Но я ушел — кружа над ним, падая и вращаясь. Я ударил Джарта по открытому плечу — но он оказался слишком далеко. Деспил стоял на камне размером с большой надувной мяч и тоже кружил вдалеке чуть правее меня, в то время как мой секундант, Мандор, находившийся гораздо выше нас, быстро спускался. Мы цеплялись за камни трансформированными ногами и парили над бурной поверхностью Хаоса, над громадной воронкой его вечного вихря. Джарт разворачивался, преследуя меня. Левое предплечье, к которому за запястье и локоть был прикреплен фандон, он держал горизонтально и неторопливо вращал от локтя. Три фута призрачной сети, которая, запутайся я в ней, весила бы не меньше марда, ловили отблески огненных вспышек, непредсказуемо порождаемых Хаосом. Джарт держал трисп в среднем атакующем положении и скалил зубы — отнюдь не в улыбке, — пока мы с ним двигались на концах диаметра десятифутового круга, который мы всё описывали и описывали, высматривая уязвимые места друг друга.



Я снова повернул плоскость своей орбиты — Джарт тут же откорректировал свою, чтобы не нарушать компании. Я повторил — он сделал то же самое. Тогда я нырнул — девяносто градусов вперед, фандон поднят и вытянут — и повернул запястье, одновременно опустив локоть, направив косой наклонный удар под его защиту.

Он выругался и рубанул, но я рассыпал его свет, а на левом бедре Джарта появились три темные линии. Трезубец разрезает плоть только на три четверти дюйма, поэтому горло, глаза, виски,

запястья и бедренные артерии в серьезных схватках нужно особенно беречь. Достаточно хорошо зацепить — и вот ты уже делаешь противнику ручкой, пока он в рое кровавой гальки катится вниз — туда, откуда никто из путников не возвращается.

— Кровь! — закричал Мандор, как только с ноги Джарта сорвались первые капли. — Удовлетворены, господа?

— Я удовлетворен, — ответил я.

— А я нет! — отозвался Джарт, поворачиваясь ко мне лицом, пока я отплывал от него налево, и вращаясь вправо. — Спросишь меня об этом после того, как я перережу ему глотку!

Джарт возненавидел меня раньше, чем научился ходить. Причины этой ненависти он держал при себе — я, например, о них не знал. Я к нему ненависти не испытывал, хотя и любить его тоже было как-то не с руки. С Деспилом у меня были вполне разумные отношения — несмотря на то что он гораздо чаще принимал сторону Джарта, чем мою. Но это было, по крайней мере, понятно. Они были родными братьями, причем Джарт был младшеньким.

Трисп Джарта сверкнул, я отбил молнию и сделал ответный выпад. Джарт рассыпал мои лучи и крутанулся в сторону. Я последовал за ним. Триспы полыхнули одновременно, и пространство между нами, когда обе атаки были отбиты, заполнилось хлопьями света. Как только у меня вновь накопился заряд, я ударил опять — на этот раз понизу. Удар Джарта пришелся выше, и вновь обе атаки умерли на фандах. Мы подплыли поближе.

— Джарт, — сказал я, — если один из нас убьет другого, выживший будет изгнан. Давай замнем для ясности.

— Изгнание будет того стоить, — сказал он. — По-твоему, я не думал об этом?

И тут же Джарт провел атаку мне в лицо. Я рефлекторно поднял обе руки, фандон и трисп, и запустил атаку, как только разбрызганный свет душем пролился передо мной. Я услышал, как вскрикнул Джарт.

Когда я опустил фандон до уровня глаз, то увидел, что Джарт согнулся, а его трисп уплывает прочь. Вместе с левым ухом. За ухом тянулись красные струйки, которые быстро распадались на капли и разлетались по сторонам. Кроме уха Джарт потерял также кусок скальпа и теперь пытался приложить лоскут кожи на место.

Мандор и Деспил уже приближались по широкой спирали.

— Мы объявляем дуэль оконченной! — кричали они.

Я поставил головку триспа на предохранитель.

— Как он? — спросил меня Деспил.

— Не знаю.

Джарт подпустил его достаточно близко, чтобы тот мог осмотреть его, и чуть погодя Деспил сказал:

— Ничего страшного, скоро все будет в порядке. Но мамочка будет в бешенстве.

Я кивнул.

— Это была его затея.

— Знаю. Ладно, чего уж там. Давайте выбираться отсюда.

Деспил помог Джарту подгрести к краю Обода. Фандон сломанным крылом тащился за ними. Я замешкался и отстал. Мандор, сын Всевидящего, мой сводный брат, положил руку мне на плечо.

— Ты ведь не хотел задеть его серьезно, — сказал он. — Я знаю.

Я кивнул и прикусил губу. Деспил был все-таки прав по поводу леди Дары, нашей матери. Она обожала Джарта, а он-то сумеет убедить ее, что во всем виноват один я. Иногда я очень остро чувствовал, что она больше любит обоих сыновей Всевидящего (старого Герцога Обода — она вышла за него замуж после того, как порвала с папой), нежели меня. Я случайно услышал, будто я все время напоминаю ей о моем отце — на которого, как говорят, очень похож. Я вновь подумал о Янтаре и других краях — тех, что в Тени, — и почувствовал привычный приступ страха. Когда я думал об этом, то всегда вспоминал линии Логруса, который должен был стать моим билетом в иные края. Я уже знал, что мне придется пройти испытание им раньше, чем того бы хотелось.

— Пойдем навестим Сугуи, — сказал я Мандору, пока мы вместе поднимались из Бездны. — Мне многое надо у него спросить.

Когда я в конце концов поступил в колледж, переписка у меня много времени не занимала. Тем более письма домой.

— …домой, — говорила Винта, — уже очень скоро. Выпей воды, — и она передала мне фляжку.

Я сделал несколько долгих глотков и отдал фляжку.

— Спасибо.

Я потянулся, разминая затекшие мускулы, и вдохнул холодный морской воздух. Поискал луну — она оказалась у меня за спиной.

— Ну и горазд ты поспать, — сказала Винта.

— Я во сне не разговаривал?

— Нет.

— Это хорошо.

— Дурной сон?

Я пожал плечами.

— Бывали и хуже.

— Ты вскрикнул слегка — как раз перед тем, как я тебя разбудила.

— М-м…

Далеко впереди, на темном выступе мыса, я заметил слабый огонек. Винта указала туда.

— Когда мы пройдем створ, — сказала она, — то увидим гавани Бэйльпорта. Там ждут завтрак и лошади.

— И далеко оттуда до Лесного Дома?

— Около лиги, — отозвалась она. — Легкая прогулка.

Некоторое время Винта молча сидела возле меня, наблюдая за морем и линией берега. В первый раз мы сидели вместе, руки у меня были не заняты, мысли — свободны. И в это мгновение сработало ощущение магии. Я ощутил ее присутствие. Не просто какое-то заклинание или аура какого-то меченного чарами предмета, который Винта могла носить, — нет, что-то более тонкое. Я вызвал Логрус и взглянул на Винту сквозь него. Ничего — на первый взгляд, но благоразумие требовало проверить дальше. Я дал запрос Логрусу…

— Пожалуйста, не делай этого, — сказала она.

Я только что допустил faux pas[16]. Зондировать коллегу-мага считается в некоем отношении дурным тоном.

— Виноват, — сказал я. — Я и вообразить себе не мог, что ты училась Искусству.

— Я не училась, — ответила она, — но я чувствую его проявления.

— В таком случае ты, вероятно, достигла бы успеха.

— Меня интересует нечто иное.

— Я подумал, что кто-то мог наложить на тебя заклятие, — пояснил я. — Я только хотел…

— Что бы ты ни увидел, — сказала она, — все мое. Пусть остается как есть.

— Как хочешь. Прости.

Винта, конечно, прекрасно понимала, что я так просто не уймусь. Неизвестная магия — это, вероятнее всего, опасность. И она продолжила:

— Там нет ничего, что могло бы тебе повредить, уверяю тебя. Как раз наоборот.

Я ждал, но к этой теме она больше не возвращалась. Ладно, я решил оставить все как есть и перевел взгляд на маяк. И все-таки: во что же это я вляпался? Как она узнала, что я в городе, — не говоря уже о том, что окажусь на Гробовой Аллее? Она должна

понимать, что этот вопрос придет мне в голову, и — если уж мы оба согласились на сотрудничество — ей следовало бы объясниться.

Я повернулся к Винте, и она вновь улыбнулась.

— За мысом ветер меняется, — сказала она и встала. — Извини. У меня есть кое-какие дела.

— Могу я помочь?

— Немного. Я позову, когда будет нужно.

Я смотрел, как она отходит, и в этот момент у меня появилось жутковатое ощущение, что она тоже за мной наблюдает — и неважно, куда она в этот миг смотрит. К тому же я сообразил, что это ощущение со мной уже довольно давно — как и море вокруг.

Пока мы швартовались, пока приводили себя в порядок и топали по широкому, вымощенному булыжником довольно крутому подъему к гостинице, из трубы которой змеился дым, небо на востоке становилось все бледнее. К тому времени, как мы закончили плотный завтрак, утренний свет уже захватил весь мир. Затем мы двинули в платную конюшню, где для поездки в имение Бэйля были приготовлены три флегматичные лошади.

Это был один из тех ясных хрустящих осенних дней, которые становятся все реже и дороже, по мере того как год завершает круг. Я наконец почувствовал себя хоть немного отдохнувшим, а в гостинице был кофе — что необычно в Янтаре, вне дворца, — и я от души насладился утренней чашечкой. Приятно было ленивым шагом объезжать окрестности, вдыхать запах вспаханной земли, видеть, как сходит влага с искрящихся полей и сворачивающихся листьев, ощущать кожей ветер, слышать и наблюдать стайку птиц, направляющихся на юг, к Островам Солнца. Мы ехали молча, и ничто не портило моего настроения. Воспоминания о печалях, предательствах, страданиях и ярости были свежи, но они исчезают во время интерлюдии — таких, как эта, — когда я закрываю глаза и просматриваю череду дней моих, продлеваю их очарование — и вижу в них себя: я еду верхом рядом с Винтой Бэйль под утренними небесами, вокруг нас дома, ограды из камня, и заблудившиеся крики морских птиц — там, в стране виноградников к востоку от Янтаря, — и коса Времени не тронет травостой в этом уголке моего сердца…

Мы прибыли в Лесной Дом и отдали лошадей на попечение грумов Бэйля, — грумы проследят за возвращением лошадей в городскую конюшню. Затем Дрю удалился в свою комнату, а мы с Винтой прошли к большому зданию манора на вершине холма. Оттуда открывался дивный вид на скалистые долины, на

поросшие виноградниками склоны холмов. Пока мы шли к дому, нас окружила огромная свора собак — они явно старались с нами подружиться; даже когда мы были уже в доме, их лай время от времени доносился до нас. Дерево и кованое железо, выложенные сероватой каменной плиткой полы, высокие потолки с балками, окна в эркерах, портреты предков, пара небольших гобеленов — в бурых тонах и цвета сомон, с оттенками слоновой кости и бирюзы, коллекция древнего оружия, которого местами уже коснулась ржавчина, пятна копоти на шершавом граните над очагом… Мы прошли через большой центральный зал и поднялись по лестнице.

— Займешь эту комнату, — сказала Винта, открывая дверь темного дерева. Я кивнул, вошел и осмотрелся. Комната была просторна, с большими окнами, выходящими на южную аллею. В это время года большинство слуг обычно находится в городском доме барона.

— Ванная в соседней комнате, — сказала Винта, указывая на дверь слева.

— Это просто здорово. Именно то, что нужно. Спасибо.

— Ну, располагайся. — Она пересекла комнату и подошла к окну. — Встретимся на террасе через час, если не возражаешь.

Я подошел и взглянул на большую вымощенную площадку, накрытую плотной тенью древних деревьев. Их листья — желтые, красные, бурые — бесчисленными лоскутьями усыпали патио, по границе которого шли цветочные клумбы — теперь пустые. Там было расставлено несколько столов и кресел, среди которых очень к месту разместились декоративные кусты в вазонах.

— Прекрасно.

Она повернулась ко мне.

— Чего-нибудь еще хочешь?

— Если здесь водится кофе, я бы не отказался от чашки-другой.

— Я посмотрю, что можно сделать.

Винта улыбнулась и, как мне на мгновение показалось, слегка качнулась ко мне. Мне почудилось в тот миг, что она хотела обнять меня. Но даже если и не хотела, это выглядело почти пугающе. Все равно в подобных обстоятельствах я не хотел с ней фамильярничать, не имея представления, в какую игру она играет. Так что я вернул ей улыбку, пожал руку, сказал «спасибо» и отступил в сторонку.

— А не заглянуть ли мне в ванную?

Винта направилась к двери — я галантно ее проводил.

Приятно было снять сапоги. Еще приятнее было долго и со вкусом отмокать в теплой ванне.

Некоторое время спустя я, облаченный в свежеобретенный костюм, прошествовал вниз по лестнице и нашел боковую дверь, которая вела через кухню в патио. Винта, тоже освежившаяся и переодевшаяся — теперь на ней были коричневые брюки для верховой езды и свободная светло-коричневая блуза, — сидела за столиком в восточном углу патио. Стол был накрыт на двоих: я отметил кофейник и поднос с фруктами и сырами. Я подошел — под ногами хрустели листья — и сел рядом с нею.

— Ну что, удовлетворен? — спросила Винта.

— Вполне, — отозвался я.

— В Янтаре знают о том, где ты?

Я кивнул. Рэндом слегка рассердился, что я ушел, не предупредив его, — но ведь он никогда не запрещал мне этого. Впрочем, когда он узнал, что ушел я не слишком далеко, то несколько успокоился и в конце концов даже признал, что исчезнуть после такого необычного нападения благоразумно. «Держи ушки на макушке и шли мне открытки», — сказал он на прощание.

— Хорошо… Кофе?

— Пожалуй.

Винта налила мне кофе и указала на поднос. Я взял яблоко и надкусил.

— Событиям положено начало… — двусмысленно сказала она, наливая себе кофе.

— Не буду спорить, — признал я.

— И трудностей пред тобой все больше.

— Верно.

Винта сделала глоток.

— Может, расскажешь мне о них? — сказала она после паузы.

— Все это не настолько интересно, как кажется, — отозвался я. — А вот ты ночью говорила что-то о своей длинной истории…

Винта едва заметно улыбнулась.

— Похоже, ты полагаешь, что пока нет оснований доверять мне больше, чем это необходимо, — сказала она. — Это я понимаю. Когда угроза нарастает, а понять, что и почему тебе грозит, не можешь, опасно кому-то доверяться без крайней необходимости. Верно?

— По-моему, это надежная политика.

— И все же, уверяю тебя: твоя безопасность — моя первостепенная цель.

— Ты рассчитываешь, что я могу добраться до убийц Кэйна?

— Да, — сказала она, — и мне бы хотелось добраться до них раньше, чем они смогут добраться до тебя.

— Ты даешь мне понять, что месть — не главная твоя цель?

— Да. Я предпочитаю защищать живых, а не мстить за мертвых.

— Но эта сентенция становится риторической, если в обоих случаях действует одна и та же рука. Разве не так?

— Я не уверена, — сказала она, — что тех людей, прошлой ночью, натравил на тебя именно Льюк.

Я положил яблоко возле чашки и сделал большой глоток кофе.

— Льюк? — сказал я. — Именно Льюк? Что ты знаешь о Льюке?

— Лукас Рейнар, — сказала она ровно, — обучил группу наемников в каньонах Пекос на севере Нью-Мексико, выдал им специальные боеприпасы, которые детонируют в Янтаре, и разослал по домам — дожидаться приказа собраться и переправиться сюда, чтобы попробовать осуществить то, что несколько лет назад не удалось осуществить твоему отцу.

— Срань господня! — сказал я.

Это объяснило бы многое — появление Льюка в «камуфляже» в «Хилтоне» в Санта-Фе; то, что он распространялся о своей страсти гулять в долине Пекос; необычный патрон, который я нашел в его кармане; вечные его вылазки в те края — и вправду чаще, чем необходимо для коммерческих поездок… Мне никогда не приходило в голову посмотреть на события под таким углом, но в свете того, что я с тех пор узнал, это приобретало совершенно иной, новый смысл.

— Прекрасно, — признал я. — Я верю, что ты знаешь Льюка Рейнара. Не хочешь ли рассказать мне и о том, откуда ты это знаешь?

— Хочу.

— Правда?

— Я расскажу. Похоже, мне придется играть в эту игру по твоим правилам — выкладывать информацию по кусочку. Если подумать, так будет даже удобнее. Как тебе такая идея?

— И любой из нас может дать отбой, когда захочет?..

— …И остановить торг — если не сумеем договориться.

— Идет.

— Тогда — ты мне кое-что должен. На днях ты вернулся в Янтарь. Откуда?

Я вздохнул и еще раз откусил от яблока.

— Не пойдет, — сказал я. — Слишком большой вопрос. Где я только не был… Скажи точнее, что ты хочешь знать.

— Начнем с квартиры Мег Девлин и закончим вчерашним днем, — предложила Винта.

Кусок яблока встал у меня поперек горла.

— Один — ноль в твою пользу… у тебя чертовски хорошие осведомители, — заметил я. — Похоже, на этот раз это Фиона. Ты что, с ней в союзе?

— Сейчас *мой* ход, — сказала Винта. — Ты не ответил на вопрос.

— О'кей. После того как я ушел от Мег, мы с Фи вернулись в Янтарь. На следующий день Рэндом послал меня выключить машину, которую я построил, — она называется Колесо-Призрак. Это мне не удалось, а по дороге я постоянно натыкался на Льюка. Он помог мне, когда пришлось совсем туго. Я и мое создание не нашли общего языка, и для того, чтобы вытащить себя и Льюка, мне пришлось воспользоваться загадочным Козырем. А чуть позже Льюк засадил меня в хрустальный грот…

— Ага! — сказала она.

— Мне остановиться?

— Нет, давай дальше.

— Я просидел там около месяца — правда, по времени Янтаря прошло всего несколько дней. Меня освободили двое парней, работающих на одну леди, которую зовут Джасра. У меня с ними вышла драчка — и с самой леди тоже, кстати, — и я козырнулся в Сан-Франциско, в дом Флори. Там я снова пошел в дом, где произошло убийство…

— Убийство Джулии?

— Да. Я нашел магические врата, которые сумел взломать. Через них я добрался до некого бастиона, который называется Крепость Четырех Миров. Там шло сражение. Командовал штурмом, похоже, парень по имени Далт — некогда он приобрел дурную славу в наших краях. Потом меня немного погонял магический смерч, и я от души полаялся с колдуном в маске. Потом я козырнулся домой. Это было вчера.

— Это все?

— Да, если не вдаваться в подробности.

— Ты что-то опустил?

— Конечно. Например, на Пороге за вратами сидел Обитающий, но я сумел прорваться.

— Ну, это все декорации. Что-нибудь еще?

— М-м… Две необычные беседы, которые закончились швырянием букетов.

— Расскажи.

Я рассказал.

Когда я закончил, Винта покачала головой.

— Тут ты меня озадачил, — сказала она.

Я прикончил кофе и яблоко. Винта вновь наполнила мою

чашку.

— Теперь мой черед, — сказал я. — Что означало твое «ага» при упоминании хрустальной пещеры?

— Синий хрусталь, верно? И он блокировал магию?

— Откуда ты знаешь?

— Цвет камня в перстне, который ты прошлой ночью снял у того человека.

— Да.

Винта поднялась, прошлась вокруг стола, постояла немного и затем указала на мое левое бедро.

— Не соблаговолит ли джентльмен вывернуть карман?

Я усмехнулся.

— Конечно. Как ты узнала?

Она не ответила — наверное, решила, что это отдельный вопрос. Я вывалил из кармана всю свою коллекцию синих камушков — осколки из пещеры, резную пуговицу, кольцо — и разложил на столе. Винта подняла пуговицу, осмотрела ее, потом кивнула.

— Да, и этот тоже.

— Тоже что?

Она проигнорировала и этот вопрос, обмакнула указательный палец правой руки в расплескавшийся на блюдце кофе и против часовой стрелки начертила им три окружности вокруг камней. Затем она удовлетворенно кивнула и вернулась на свое место. Я вызвал магическое зрение как раз вовремя, чтобы увидеть, что она выстроила вокруг камней силовую клетку. Теперь казалось, будто камни испускают струйки голубоватого дыма, не растекающегося за пределы кругов.

— Мне показалось, или ты действительно говорила, что ты не колдунья?

— Я — не колдунья, — отозвалась она.

— Ладно, я сэкономлю на этом вопросе. Но ты не ответила на предыдущий. В чем значение синих камней?

— Их тянет в грот и притягивает друг к другу, — сказала мне Винта. — Даже едва сведущий в магии человек мог бы взять один из них и просто идти, следуя легкому ментальному давлению. Рано или поздно камень привел бы его к гроту.

— Через Тень, ты хочешь сказать?

— Да.

— Интригующе, но не вижу в этом ничего особо значительного.

— Но это не все. Если не обращать внимания на зов грота, можно почувствовать побочный эффект. Можно научиться отличать воздействие отдельно взятого камня и проследить за

человеком, который его носит.

— Это уже что-то… Думаешь, эти парни нашли меня прошлой ночью, потому что у меня был полный карман этих штук?

— Похоже, что так оно и было. Хотя, на самом деле, в твоем случае камушки были совсем не обязательны.

— Почему?

— У них есть одно интересное свойство. Любой, кто какое-то время носит такой камень, настраивается на него. Выброси камень — но настройка остается. Тебя все равно можно будет выследить, как будто камень по-прежнему у тебя. У тебя появилась метка — твоя, и только твоя.

— Ты хочешь сказать, что даже сейчас, без камней, я меченый?

— Да.

— Сколько времени нужно, чтобы метка стерлась?

— Я не уверена, что ее вообще можно стереть.

— Должен же быть способ снять настройку!

— Наверняка не знаю, но попробую предложить два-три способа, которые, может быть, будут эффективны.

— Назови их.

— Пройти Образ Янтаря или сторговаться с Логрусом Хаоса. И тот, и другой могут разобрать тебя на атомы и собрать снова — но уже очищенным от всего наносного. Давно известно, что Образ и Логрус помогали в похожих случаях. Насколько я помню, память твоего отца восстановил именно Образ.

— Да… и я даже не спрашиваю, откуда тебе известно о Логрусе… но, может быть, ты права. На мою многострадальную задницу пришлось многовато пинков — и не только пинков… Значит, ты полагаешь, Образ с Логрусом могли бы обнулить меня, с камнями или без?

— Да.

— И откуда ты все это знаешь?

— У меня повышенная восприимчивость… впрочем, это явно следующий вопрос. Но, ради успеха нашего предприятия, я предоставлю тебе кредит на один бесплатный вопрос…

— Спасибо. Кажется, твоя очередь.

— Джулия перед смертью посещала оккультиста по имени Виктор Мелман. Тебе известно, зачем она это делала?

— Она пыталась научиться, стремилась обрести магические способности… по крайней мере, так мне сказал один парень, который знал ее в те времена. Это было уже после нашего разрыва.

— Я имела в виду не совсем это, — сказала Винта. — А известно ли тебе, почему она захотела совершенствоваться

именно в этом направлении?

— По мне, это тоже смахивает на вопрос сверх нормы, но, если не ошибаюсь, я тебе один задолжал… Парень, с которым я говорил, сказал, что я напугал ее, заставил ее поверить в то, что обладаю необычными способностями, и она искала что-то подобное для самозащиты.

— Договаривай, — сказала Винта.

— Что ты имеешь в виду?

— Это не полный ответ. Ты на *самом деле* заставил ее поверить в это и испугал?

— Ну, наверное, да. Теперь мой вопрос: откуда ты все знаешь о Джулии?

— Я там была, — ответила она. — Я знала ее.

— Дальше.

— Хватит. Моя очередь.

— Едва ли можно назвать этот ответ полным.

— Это все, на что ты можешь рассчитывать. Хочешь — бери, не хочешь — не бери.

— Согласно нашему договору, я могу ударить по тормозам.

— Верно. И что дальше?

— Что ты хочешь узнать?

— Получила ли Джулия то, к чему так стремилась?

— Я же сказал — мы перестали видеться до того, как ее затянуло в этот омут. Так что я никак не могу об этом знать.

— В ее квартире ты обнаружил врата, через которые, скорее всего, и проникла тварь, убившая Джулию. Теперь два вопроса — не для того, чтобы ты на них ответил, а для того, чтобы ты их обдумал. Во-первых: зачем кому-то нужна была ее смерть? И не слишком ли необычным способом она была убита? Я могу придумать тысячу более простых способов убрать человека.

— Ты права, — согласился я. — Оружием это сделать куда легче, чем магией. А вот что касается «почему» — я могу только предполагать. Я подумал было, что ловушка была расставлена на меня, а смерть Джулии — это подарочек на годовщину тридцатого апреля. Об этом ты тоже знаешь?

— Давай оставим это на потом. Тебе, наверное, известно, что у каждого колдуна свой стиль — как у художников, писателей, музыкантов. Когда ты обнаружил врата в квартире Джулии, не было ли там чего-нибудь, что могло бы сойти за авторскую подпись?

— Не могу припомнить ничего особенного. Я же спешил. Мне было не до эстетики… Нет, никаких ассоциаций с каким-нибудь знакомым почерком. К чему ты клонишь?

— Просто интересуюсь, не проявились ли у Джулии какие-

нибудь способности высокого уровня. В этом случае она сама могла открыть врата — и, конечно, погорела на этом.

— Абсурд!

— Ладно тебе. Я просто пытаюсь выявить причины. Так я могу быть уверена, что ты никогда не замечал за ней никаких способностей к колдовству?

— Нет, не могу припомнить ни одного случая.

Я прикончил кофе, налил еще.

— А что, если за мной охотится все-таки Льюк? Почему нет? — спросил я Винту.

— Он устроил тебе несколько явных несчастных случаев несколько лет назад.

— Да. Недавно он признался. А еще он сказал мне, что завязал с этим после первых же попыток.

— Это верно.

— Знаешь ли, можно свихнуться, не ведая, что ты знаешь, а чего — нет.

— Поэтому мы и беседуем, верно? Ведь это же была твоя идея — устроить натуральный обмен.

— Вовсе нет! Торговаться предлагала ты!

— Сегодня — да. Но сама идея твоя, и пришла она тебе в голову… некоторое время назад. Я имею в виду некую беседу по телефону в доме мистера Ротта…

— Ты?! Тот измененный голос по телефону?! Как это может быть?!

— Что ты предпочитаешь: получить информацию об этом или о Льюке?

— Об этом! Нет, о Льюке! Нет — и о том, и о другом, черт возьми!

— Видимо, есть смысл придерживаться прежнего протокола. Тут так много говорилось о дисциплине и сдержанности…

— Все, понял. Еще одно очко в твою пользу. Давай о Льюке.

— Мне, как стороннему наблюдателю, показалось, что он покончил с теми делами, как только узнал тебя получше.

— Ты имеешь в виду, когда мы подружились… так, что ли?

— Тогда я не могла сказать наверняка… Он мирился с этими ежегодными покушениями на тебя — но, по-моему, по крайней мере некоторые из них он саботировал.

— И кто принял у него дела, когда он ушел в отставку?

— Рыжеволосая дама, с которой он, кажется, как-то связан.

— Джасра?

— Да, зовут ее так — и мне по-прежнему известно о ней гораздо меньше, чем хотелось бы. Что у тебя есть на этот счет?

— Я приберегу этот козырь, — сказал я.

Впервые она не сдержала раздражения — я увидел, как сузились ее зрачки и затвердели скулы.

— Мерлин, ты что, не понимаешь, что я пытаюсь тебе помочь?

— Если уж говорить начистоту, ты хочешь узнать то, что знаю я, — сказал я. — С этим у нас порядок. Я готов договориться — потому что ты, кажется, знаешь то, что хочу знать я. Вынужден констатировать, что твои мотивы для меня — темный лес. Кой черт тебя занес в Беркли[17]? Чего ты добивалась, когда звонила мне? Какой силой ты владеешь, если утверждаешь, что это не магия? Как…

— Три полновесных вопроса, — сказала она, — и начало четвертого. Предлагаю выход: запиши все свои вопросы, я сделаю то же самое, мы разойдемся по комнатам и решим, на какие вопросы будем отвечать.

— Нет, — ответил я. — Я хочу играть дальше. Но мы в неравных условиях. Тебе известны причины, по которым я хочу все узнать. Для меня это вопрос самосохранения. А для тебя? Сначала я думал, что тебе нужна информация, которая помогла бы тебе пришить убийцу Кэйна. Но ты сказала «нет» и не предложила ничего взамен…

— Не предложила?! Да я хочу защитить тебя!

— Я ценю твои чувства. Но почему ты этого хочешь? Если уж на то пошло, ты едва меня знаешь.

— И тем не менее — причина только в этом, и с этого редута я не отступлю. Хочешь — принимай как должное, не хочешь — уходи.

Я поднялся с кресла и принялся расхаживать по патио. Мне не слишком-то хотелось выдавать информацию, которая может быть жизненно важной для безопасности и моей, и в конечном счете для безопасности Янтаря. Хотя приходилось признать, что мои данные я обменял на равнозначную информацию. Ее сведениям цены не было. К тому же в роду Бэйлей культивировалась наследственная лояльность к Короне, а это кое-чего стоит. Я наконец определил, что же меня беспокоит больше всего — ее настойчивость в том, как она отрицала свою заинтересованность в мести. Не говоря уж о том, что настроения ее нельзя было назвать проянтарными — даже с очень большой натяжкой… И если она так хорошо знала обо всем, что касалось меня, ей нужно было всего лишь согласиться, что она стремится отомстить, — и у меня не осталось бы больше вопросов. Я купился бы на это и не стал бы копать дальше. И что же она предложила взамен? Воздушное ничто и мотивы с грифом «секретно»…

Это вполне могло означать, что Винта говорит правду. Она пренебрегает выгодой обмана, который наверняка бы сработал, а взамен предлагает нечто гораздо более нескладное, — казалось, это свидетельствовало об искренности ее намерений. К тому же у нее явно было больше нужных мне ответов…

От столешницы раздалось негромкое дребезжание. Сначала я подумал, что Винта барабанит пальцами по столу, разозлившись на меня. Но когда я взглянул на нее, то увидел, что она сидит абсолютно неподвижно, даже не глядя на меня.

Я подошел ближе, отыскивая источник звука. Перстень, осколки синего камня и даже пуговица подпрыгивали на столе — казалось, без всякого участия извне.

— Это ты делаешь? — спросил я.

— Нет, — отозвалась Винта.

Камень в кольце треснул и вывалился из оправы.

— Тогда что происходит?

— Я оборвала связь, — сказала она. — По-моему, кто-то пытается восстановить ее — и у него ничего не выходит.

— Пусть так, но я же по-прежнему настроен на камни, и для того, чтобы обнаружить меня, они не потребуются.

— В это дело может быть втянуто больше одной группировки, — заметила она. — Я думаю, надо послать гонца, пусть выбросит все это в море. И если кому-то захочется последовать за камнями — туда ему и дорога.

— Осколки следовало бы вернуть в пещеру, а кольцо — мертвецу, — сказал я. — Но вот расстаться с пуговицей я пока не готов.

— Почему? Она не вызывает у тебя опасений?

— Вызывает. Но ведь эти штуки работают в обе стороны, верно? А это значит, что я могу воспользоваться пуговицей, чтобы найти дорогу к тому, кто кидался цветами.

— Это тоже может быть опасно.

— Если я этого не сделаю — опасность уменьшится или возрастет?.. Нет, выкидывай в море все что хочешь, но пуговицу я тебе не дам.

— Ну, хорошо. Я ее запру, раз уж ты так просишь.

— Спасибо. Джасра — мамочка Льюка.

— Ты шутишь!

— И не думал.

— Но это же объясняет, почему он напрямую не договорился с ней о нынешнем тридцатом апреля. Вот здорово! Это дает возможность выстроить новые заключения…

— Может, поделишься ими?

— Потом, потом… Кстати, я прямо сейчас позабочусь об этих

камнях.

Она выхватила их из круга — какое-то мгновение казалось, что хрусталь танцует у нее на ладони. Винта встала.

— Э-э… а пуговица? — сказал я.

— Ах да…

Она положила пуговицу в карман, а все прочее оставила в руке.

— Ты ведь настроишься сама, если будешь вот так хранить пуговицу, — так ведь?

— Нет, — сказала она. — Я — нет.

— Почему?

— Есть причина. Извини, я должна найти, во что положить остальные камни, и кого-нибудь, кто увез бы их.

— А тот человек настроится?

— Немного.

— Ну-ну.

— Выпей еще кофе… или чего-нибудь.

Винта повернулась и удалилась. Я съел кусочек сыра и попытался выяснить: чего больше я получил от нашей беседы — новых ответов или новых вопросов. Попытался приладить несколько новых фрагментов к головоломке.

— Папа?

Я повернулся, чтобы посмотреть на того, кто говорил. Вокруг никого не было.

— Я здесь, внизу.

На ближайшей клумбе — пустующей, если не считать нескольких сухих стеблей и листьев, — лежал яркий блик размером с монету. Привлекло мое внимание то, что блик шевельнулся.

— Призрак? — спросил я.

— М-м, — донесся из листьев ответ. — Я ждал, когда мы останемся одни. Я не уверен, что этой тетке можно доверять.

— Почему?

— Она сканируется совсем не так, как другие. Не знаю, в чем тут дело. Но я не об этом хотел поговорить.

— Тогда о чем?

— Ну… это… Ты это правду говорил тогда, что не собираешься меня вырубать?

— Ну, ничего себе! После всего, что я для тебя сделал! Твое обучение, твое… А сколько клятых деталей я перетаскал туда, где бы ты был в безопасности! Да как у тебя язык повернулся сказать?!

— Так это… я слышал, как Рэндом сказал…

— А ты, значит, делаешь все, что тебе говорят, да? Как же,

помню — я хотел проверить несколько программ, а ты на меня просто зверем набросился! Чем же это, скажи на милость, я заслужил такое неуважение?

— Ну… да. Слушай, я это… виноват.

— Само собой. Ты меня в таком дерьме выкупал…

— Я несколько дней искал тебя и не мог найти.

— Хрустальный грот — это тебе не игрушки.

— Ах ты, времени мало… — Пятнышко мигнуло, поблекло почти до невидимости, разгорелось снова. — Мне бы кое-что выяснить.

— Валяй.

— Парень, который пришел с тобой тогда, и ушли вы вместе… Большой такой, рыжий…

— Льюк. Ну?

Блик опять померк.

— Доверять ему можно? — Голос Призрака был теперь еле слышен.

— Ни за что! — крикнул я. — Обалдел, что ли?

Я не смог сказать, слышал он меня или нет, — Призрак исчез.

— В чем дело? — раздался позади меня голос Винты.

— Мы тут слегка повздорили с воображаемым товарищем по играм, — пояснил я.

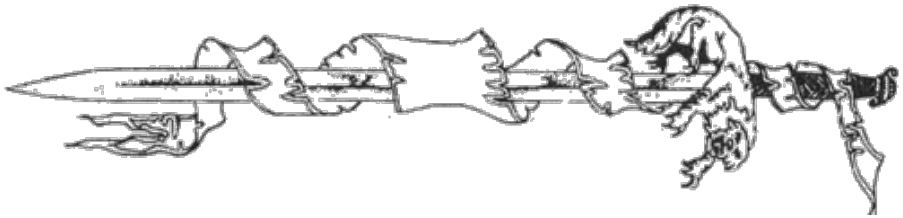
Даже отсюда я разглядел выражение недоумения на ее лице. Винта посмотрела во все стороны по патио, а затем — очевидно, убедившись, что я действительно один, — кивнула.

— Так, — сказала она. И добавила: — Я отлучусь ненадолго.

— Можешь не спешить, — ответил я.

Где следует искать мудрость, где момент истины? Знал бы где — пошел и торчал бы там целыми днями… А пока я словно стою посреди бесконечной матрицы, а вокруг меня на бескрайних просторах пасутся тысячи исключительно гадких случайных переменных. Превосходная возможность произнести философский монолог — если есть, что сказать.

VI



Ну, может быть…
Это я о Джулии.
Я сидел один в своей комнате — при свечах — и размышлял.

Винта разбудила несколько глубоко скрытых воспоминаний, выволокла их на свет.

В последнее время с Джулией мы виделись редко…

Впервые я встретил ее на лекциях по теоретической кибернетике. Виделись мы сначала время от времени — обычно в кафе после занятий или где-нибудь в похожей обстановке. Встречи становились все более частыми, и очень скоро отношения наши превратились в нечто очень серьезное.

А теперь все завершилось, как и началось, — только быстрее…

Я почувствовал ее руку на плече, когда выходил с пакетом продуктов из супермаркета. Я знал, что это именно она, и повернулся — но там никого не было. Буквально через пару секунд она окликнула меня с другой стороны автостоянки. Я подошел, сказал «привет», спросил, работает ли она в той же конторе, где и раньше. Джулия сказала — нет. Я вспомнил, что обычно она носила на цепочке маленькую серебряную пентаграмму. Подвеска могла висеть у нее под блузкой — скорее всего, так оно и было. Но тогда я, конечно, и не мог бы ее увидеть, но язык ее тела говорил, что она хочет, чтобы я увидел. Так что я решил не обращать на это внимания, и мы продолжали обмениваться пустыми фразами. Она отвергла приглашение пообедать и сходить в кино, хотя я говорил, что могу и подождать несколько дней.

— Что поделываешь? — поинтересовался я.

— Много учусь.

— Чему?

— Да так… разным вещам… Как-нибудь я тебя удивлю.

И снова, в который уже раз, я не просек — к нам подбежал излишне дружелюбный ирландский сеттер. Джулия положила ладонь ему на голову, сказала «сидеть» — и пес уселся. Он замер неподвижно, как статуя, да так и остался сидеть, когда мы ушли. Могу себе сейчас представить, что собачий скелет так и сидит там, возле выхода из супермаркета, словно образчик модернистской скульптуры…

А тогда все это не показалось мне чем-то заслуживающим внимания. Но в свете последующих событий…

В тот день мы катались верхом, я и Винта. Заметив утром мое растущее раздражение, Винта, должно быть, почувствовала, что пора слегка сменить обстановку. Очень верная мысль. Сразу после легкого ленча она предложила покататься по окрестностям, и я немедленно согласился. Мне нужно было еще немного времени, чтобы подумать — перед продолжением игры во взаимные вопросы и ответы. Что ж, погода хороша, окрестности

— привлекательны…

Наш путь лежал по извилистой лесной тропинке, которая в конце концов вывела нас к северным холмам, откуда открывался вид на неровно и накрест расштрихованные земли — до полного солнцем моря. А небо полно было ветра, и облачных арок, и птиц… Винта, кажется, не намеревалась отправиться в какое-то конкретное место, и меня это вполне устраивало. Пока мы ехали, я вспомнил визит в винодельню в Напа-Вэлли, и, когда мы натянули поводья, чтобы дать лошадям отдохнуть, я спросил:

— А вино по бутылкам у вас разливают прямо в имении? Или это делают в городе? Или в самом Янтаре?

— Не знаю, — сказала Винта.

— Я думал, что ты выросла здесь.

— Я никогда не обращала внимания.

От замечания о замашках патрициев я удержался. Если она не шутила, было непонятно, как она могла проморгать такие вещи.

Впрочем, Винта заметила недоуменное выражение на моем лице и тут же добавила:

— По-разному бывает. Последние несколько лет я жила в городе и понятия не имею, где именно разливают по бутылкам вино сейчас.

Хорошая увертка — не придерешься. Я не собирался ловить ее на этом, но почувствовал, что неожиданно на что-то наткнулся. Это ощущение подкреплялось тем, что на этом Винта не остановилась. Она продолжала болтать о том, что вино рассылается по всей стране в больших бочонках — и зачастую так и продается. С другой стороны, существуют мелкие заказчики, которые хотят получать товар в бутылках… Через некоторое время я просто перестал слушать. С одной стороны, это говорила дочь виноторговца. С другой — я мог бы и сам придумать то же самое. И не проверишь. Такое впечатление, что она старалась подпудрить мне мозги и что-то скрыть. Но что?

— Спасибо, — сказал я, когда Винта сделала паузу, дабы перевести дух. Винта подарила мне странный взгляд, но намек поняла и продолжать не стала.

— Если все, что ты мне рассказала раньше, — правда, то ты должна говорить по-английски, — сказал я, перейдя на этот язык.

— Все, что я рассказала тебе, — правда, — отозвалась она на чистом английском.

— Где язык учила?

— На тени Земля, когда ты учился там.

— Не расскажешь ли, чем ты там занималась?

— У меня было особое поручение.

— Поручение твоего отца? Или поручение Короны?

— Лучше я промолчу. Это лучше, чем лгать.

— Ценю. Разумеется, я должен был сообразить.

Винта пожала плечами.

— Значит, ты была в Беркли? — спросил я.

Она замешкалась, но потом:

— Да.

— Не помню, чтобы встречал тебя там.

Винта снова пожала плечами. Мне хотелось сгрести ее в охапку и как следует встряхнуть. Вместо этого я сказал:

— Ты знала Мег Девлин. Ты сказала, что была в Нью-Йорке…

— По-моему, по вопросам ты вырвался далеко вперед…

— Не знал, что мы снова играем в ту же игру. Я полагал, что мы просто беседуем.

— Ладно, в таком случае — да.

— Ответь еще на один вопрос — и, кажется, я смогу тебе помочь.

Винта улыбнулась.

— Мне помощь не нужна. Если из нас двоих кто и нуждается в помощи, так это ты.

— Может, я все-таки попробую?

— Давай, спрашивай. Каждый раз, когда ты задаешь вопрос, я узнаю от тебя что-то полезное.

— Ты знала о наемниках Льюка. Ты и Нью-Мексико посещала?

— Да, бывала там.

— Спасибо, — сказал я.

— И это все?

— Все.

— Ты пришел к какому-то выводу?

— Может быть.

— Не скажешь ли, к какому?

Я улыбнулся и покачал головой.

Этим я и ограничился. Несколько окольных вопросов о ее делах, которые я задал по пути, убедили меня, что я заставил ее задуматься: о чем я могу догадываться и к каким выводам прийти. Хорошо. Я постановил, что огонек должен тлеть. Мне нужно было противопоставить что-то ее скрытности в тех вопросах, которые меня интересовали больше всего, — это подтолкнуло бы ее к полному обмену информацией. Кроме того, я уже пришел к одному нетривиальному заключению относительно нее. Заключение не было окончательным, но, если оно было верным, мне рано или поздно понадобятся ответы на остальные вопросы. Так что не так уж сильно я и блефовал.

Полдень вокруг нас был золотым, оранжевым, желтым,

красным, с влажными осенними запахами в бодрящих ветерках. Небо глубокое и синее — совсем как некоторые камни…

Наверное, минут десять спустя я задал Винте совершенно нейтральный вопрос:

— Где здесь дорога на Янтарь?

— А ты не знаешь?

Я покачал головой.

— Никогда раньше не бывал в этих краях. Знаю только, что сюда есть дорога от Восточных Ворот.

— Да, — сказала она. — Чуть дальше на север, по-моему. Поехали, поищем.

Винта и я вернулись к дороге, по которой проехали чуть раньше, и свернули направо. Это казалось логичным. Я решил никак не комментировать ее неуверенность, хотя ожидал, что она вот-вот начнет намекать насчет предварительного согласования наших планов, чего я доселе избегал, — и я чувствовал, что ответил бы самым сокровенным ее чаяниям, если бы согласился и в дальнейшем извещать ее обо всех моих планах.

Проехав три четверти мили, мы добрались до перекрестка. Слева от дороги торчал невысокий каменный указатель, на котором означены были расстояние до Янтаря, расстояние до Бэйльпорта, расстояние до Бэйль-креста (поворот на восток) и до какого-то места с названием Мурн — если ехать прямо вперед.

— Что это за Мурн? — спросил я.

— Маленькая деревня с молочной фермой.

Можно было проверить, но для этого пришлось бы проехать шесть лиг.

— Ты что, собираешься возвращаться в Янтарь верхом? — спросила Винта.

— Да.

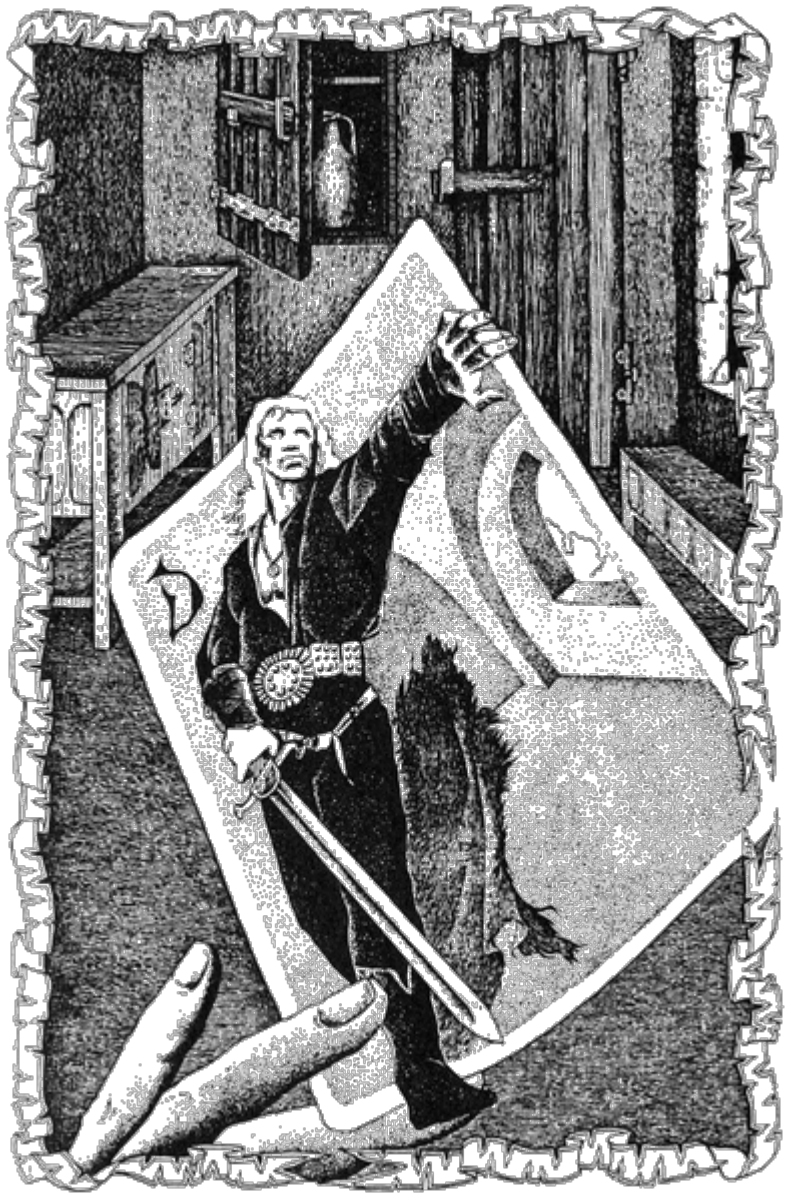
— Почему бы тебе не воспользоваться Козырем?

— Хочу получше узнать эти места. Мой дом все-таки. Мне здесь нравится.

— Но я же говорила тебе… это опасно. Хрусталики пометили тебя. Тебя могут выследить.

— Но это же не значит, что меня непременно выследят. Сомневаюсь, что хозяин тех парней, с которыми я встретился прошлой ночью, уже знает, что они нашли меня и потерпели поражение. Да они до сих пор рыскали бы вокруг, если б я не решил выйти пообедать! У меня в запасе как минимум несколько дней. За это время можно удалить метки, о которых ты говорила.

Винта спешилась и позволила лошади пощипать травку. Я сделал то же самое. В смысле — не травку пощипал, а спешился.



— Вероятно, ты прав. Мне просто не нравится, что ты готов воспользоваться любыми возможностями, — сказала она. — Когда думаешь вернуться?

— Не знаю. Похоже, чем дольше я выжидаю, тем меньше вероятность, что человек, который стоит за событиями прошлой ночи, угомонится и не ниспошлет еще большие силы.

Винта взяла меня за руку и повернулась так, что оказалась вдруг прижавшейся ко мне. Я был несколько удивлен ее порывом, но свободная рука моя рефлекторно поднялась, чтобы — как

полагается в подобных случаях — обнять даму.

— Ты ведь не собираешься уехать прямо сейчас, правда? Потому что, если собираешься, я поеду с тобой.

— Нет, — ответил я.

Это была чистая правда — я в самом деле собирался отбыть только на следующее утро, после доброго ночного сна.

— А когда? Нам еще о многом нужно поговорить.

— Думаю, мы отложим вопросы-ответы, пока ты не захочешь заняться этим снова.

— Есть еще кое-что…

— Я знаю.

Неловко, вот что. Да, она была желанна. И — нет, мне не хотелось ничего предпринимать в этом направлении. Отчасти потому, что я чувствовал: ей нужно еще что-то — я не был уверен, что именно; отчасти потому, что был убежден: она обладает необычайной силой, открываться перед которой в интимной обстановке мне не хотелось. Как говаривал мой дядюшка Сугуи, — правда, не о таких ситуациях, а о нашем колдовском ремесле: «Коли не понимаешь, то и не суйся». А у меня было ощущение, что дружелюбие наших с Винтой отношений может взорваться непримиримым противоборством…

Поэтому я бегло поцеловал ее — чтобы сохранить дружеские отношения — и высвободился.

— Может быть, завтра поеду, — сказал я.

— Ладно. Я надеялась, что ночь ты проведешь здесь. Может, и не одну… Я тебя буду оберегать.

— Я все еще чувствую усталость, — сказал я.

— Придется накормить тебя как следует и восстановить твои силы.

Винта провела кончиками пальцев по моей щеке, и до меня вдруг дошло, что когда-то я уже знал ее. Откуда? Непонятно. И это тоже пугало. Больше, чем слегка. Пока мы садились в седла и скакали в сторону Лесного Дома, я строил планы убраться оттуда той же ночью.

Итак, сидя в своей комнате, потягивая из стакана вино имени отсутствующего хозяина (красное) и наблюдая, как мигают свечи от порывов ветерка из открытого окна, я ждал — сначала, чтобы дом угомонился (что уже было), затем подходящего для отбытия момента. Дверь я закрыл на засов. За обедом я несколько раз упоминал, что устал, а затем рано удалился. Я вовсе не эгоистичный самец, который вечно чувствует себя вожделенным, но Винта дала понять, что могла бы заглянуть ко мне, и мне нужна была отговорка. Меньше всего мне хотелось обижать ее. У меня было достаточно проблем и без того, чтобы обращать против

себя даже такого странного союзника.

Хотелось бы мне иметь под рукой хорошую книгу — но последняя, которую я читал, осталась в доме у Билла. Я бы вызвал ее, но опасался, что Винта почувствует это, — как однажды Фиона почувствовала, что я создаю Козырь, — вдруг начнет колотить в дверь и требовать объяснить, что за чертовщина происходит.

Но никто не приходил и в дверь не ломился, и я стал прислушиваться к скрипам засыпающего дома и ночным звукам снаружи. Свечи укоротились, тени на стене позади кровати ослабели и потекли, словно темный прилив за гранью неровного света. Я думал о своем и потягивал вино. Очень скоро…

Почудилось? Или я и впрямь слышал свое имя, прошептанное откуда-то из пустоты?

— Мерль…

Снова.

По-настоящему, но…

Перед глазами все, казалось, на мгновение поплыло — и я наконец сообразил, что это было: очень слабый контакт через Козырь.

— Да, — сказал я, раскрываясь и отвечая на вызов. — Кто это?

— Мерль, малыш… Протяни руку, а не то мне крышка…

Льюк!

— Держи, — сказал я, потянулся — и тянулся до тех пор, пока изображение не прояснилось и не обрело плоть.

Он стоял, привалившись спиной к стене. Плечи его тяжело поникли, голова опущена.

— Если это ловушка, Льюк, то я к ней готов, — сказал я, быстро поднялся, подошел к столу, где оставил клинок, вытащил его из ножен и взял на изготовку.

— Какая ловушка! Скорее выдерни меня отсюда!

Льюк поднял левую руку — я тоже протянул левую и сжал его ладонь. Он тут же повалился на меня, я даже пошатнулся. На секунду я решил, что это нападение, но Льюк был тяжел, как покойник, и был весь в крови. В правой руке он по-прежнему сжимал окровавленный клинок.

— Сюда. Давай-ка…

Я, не дав Льюку упасть, дотащил его до кровати и уложил на простыни. С трудом разжал его пальцы, сомкнувшиеся на рукояти, и положил клинок Льюка рядом со своим на ближайшее кресло.

— Какого черта, что с тобой произошло?

Льюк закашлялся и слабо помотал головой. Сделал несколько

глубоких вдохов, затем:

— Там, на столе… часом, не бокал вина?

— Да, сейчас…

Я сходил к столу, приподнял Льюка и поднес бокал к его губам. Там еще оставалась с полбокала. Льюк пил медленно, делая остановки, чтобы перевести дыхание.

— Спасибо, — сказал он, допив все, и его голова свесилась набок.

Отрубился. Я проверил его пульс. Тот частил, но был довольно слабым.

— Ах, чтоб тебя, Льюк! — сказал я. — Как не вовремя…

Но он не услышал. Он просто лежал и заливал кровью мою постель.

Проклиная все на свете, я раздел его и обтер влажным полотенцем, чтобы выяснить, куда он ранен. Справа на груди была довольно гадкая рана — клинок мог задеть легкое. Дыхание у Льюка было очень поверхностное, и я не смог определить, задето легкое или нет. Если задето, то оставалось уповать на то, что Льюк в полной мере унаследовал способности принцев Янтаря к регенерации. Я наложил на рану компресс и прижал сверху его же рукой, чтобы удержать компресс на ране, пока я проверяю в других местах. Вдобавок я заподозрил, что у Льюка сломана пара ребер. Левая рука выше локтя тоже была сломана, — я вправил ее и наложил шины, воспользовавшись планками, отвалившимися от кресла, — я обнаружил их в недрах встроенного гардероба. На ногах, на правом бедре, на правой руке и плече, на спине Льюка было больше дюжины рваных ран и порезов различной тяжести. К счастью, ни одно из повреждений не вызвало артериального кровотечения. Я промыл и перевязал все раны, после чего Льюк стал выглядеть как иллюстрация к пособию по оказанию первой помощи. Затем я еще раз проверил рану на груди и прикрыл Льюка одеялом.

Я вспомнил о некоторых известных мне методиках исцеления с помощью Логруса — известных теоретически, мне никогда не приходилось применять их на практике. Льюк был на редкость бледен, и я решил, что стоит рискнуть и попробовать. Когда я закончил манипуляции, мне показалось, что лицо его слегка порозовело. К одеялу, которым я прикрыл Льюка, я добавил свой плащ. Снова проверил пульс Льюка — тот стал куда сильнее. Я снова выругался — просто чтобы не разучиться, — убрал с кресла наши клинки и сел.

Через некоторое время я вдруг вспомнил о разговоре с Колесом-Призраком — и забеспокоился. Пытался ли Льюк заключить сделку с моим творением? Льюк говорил, что ему

нужна сила Призрака, чтобы воплотить в реальность свои замыслы против Янтаря. Вчера Призрак спрашивал меня, можно ли доверять Льюку, и я ответил крайне эмоционально и определенно отрицательно.

Может, Призрак закончил переговоры с Льюком таким образом, что результаты их разногласий ясно видны на теле Льюка?

Я достал Козыри, стасовал яркий круг Колеса-Призрака и сосредоточился на нем — настраиваясь на контакт, протягиваясь, вызывая и призывая.

В следующие несколько минут я дважды нащупывал что-то вроде контакта, чувствовал оживление по ту сторону Козыря, но нас как будто разделяло стекло. Может, Призрак был занят? Или просто не хотел говорить со мной?

Я отложил карты… Но они успели направить мои размышления по новой колее.

Я наскоро обыскал окровавленную одежду Льюка. В боковом кармане я наткнулся на колоду Козырей, в которой было несколько чистых карт, и карандаш, — причем карты, казалось, выполнены были в том же самом стиле, как и те, что я назвал Козырями Судьбы. Я добавил к колоде карту, которую Льюк держал в руке, когда козырялся, — на этом Козыре был изображен я.

У Льюка оказался потрясающий набор. Здесь были Джасра и Виктор Мелман. Здесь были Джулия и незаконченная карта Блейса. Был хрустальный грот, была старая квартира Льюка. Несколько карт повторяли Козыри Судьбы. Одна изображала дворец, которого я не узнал; другая — одного из моих давних приятелей, еще одна — могучего блондина в зеленом и черном, еще одна — стройного парня с каштановыми волосами, в коричневом и белом, другая — женщину, которая так напоминала этого парня, что они просто обязаны были оказаться родственниками. Эти последние карты, как ни странно, были выполнены в другом стиле — другой рукой, я бы сказал. Единственным из незнакомцев, которого я мог более-менее уверенно идентифицировать, был блондин — его, исходя из его цветов, я решил считать старым другом Льюка — Далтом, наемником. Были еще три наброска с попытками воспроизвести Колесо-Призрак — ни один из них, насколько я мог судить, не был достаточно точен.

Льюк что-то промычал. Глаза его были открыты, взгляд шарил по комнате.

— Спокойно, — сказал я. — Ты в безопасности.

Он кивнул и закрыл глаза. Впрочем, спустя несколько

мгновений он опять их открыл.

— Эй! Мои карты, — сказал Льюк слабо.

Я улыбнулся.

— Славно сделано, — отметил я. — Кто рисовал?

— Я, — сказал он. — Кто же еще?

— Где научился?

— У папы. Вот уж кто был настоящим мастером…

— Раз уж ты смог их сделать, то, стало быть, прошел Образ.

Льюк кивнул.

— Где?

Мгновение он изучал меня, затем едва заметно пожал плечами и поморщился.

— В Тир-на Ног’т.

— Твой отец привел тебя туда и проследил, чтобы ты прошел?

Снова кивок.

Почему бы не дать шпоры, раз уж я в седле? Я взял карту.

— А это, значит, Далт, — сказал я. — Вы с ним когда-то были Волчатами, верно[18]?

Льюк не ответил. Подняв взгляд, я увидел суженные глаза и сведенные брови.

— Мы с ним никогда не встречались, — добавил я. — Но я узнал его цвета, и я знаю, что вы с ним земляки… из Кашфы.

Льюк улыбнулся.

— В школе ты всегда лучше всех готовил домашние задания, — сказал он.

— И обычно вовремя, — согласился я. — Но за тобой мне не угнаться. К примеру, я не смог найти Козыря для Крепости Четырех Миров. И вот еще кое-кто, кого я не знаю.

Я взял карту с изящной дамой и помахал перед ним.

Льюк улыбнулся.

— Слабею и вновь теряю дыхание, — сказал он. — Ты был в Крепости?

— Был.

— Недавно?

Я кивнул.

— Значит, вот что… — сказал он наконец. — Ты расскажешь, что ты видел в Крепости и откуда столько узнал обо мне, а я скажу, кто она такая.

Я быстро обдумал предложение. Можно не рассказывать того, чего он не знает.

Ладно.

— Что ж, пойдем кружным путем, — сказал я.

— О’кей, — сказал он. — Эту даму зовут Сэнд.

Я так уставился на карту, что даже почувствовал начало контакта. Впрочем, я его сразу же свел на нет.

— Давно пропавшая, — добавил Льюк.

Я поднял карту с изображением человека, похожего на даму.

— А это, стало быть, Делвин, — сказал я.

— Да.

— Эти карты сделал не ты. Не твой стиль — да ты и не знал, наверное, как они выглядят…

— А ты понятливый. Рисовал мой отец — давно, еще во времена своих неприятностей, — ради всего того, что они ему сделали. Но они все равно не помогли бы ему.

— Все равно?

— Во всяком случае, мне помочь они не захотели — даже несмотря на все их отвращение, которое они питают к этим краям. Считай, что они давно выбыли из игры.

— К этим краям? — переспросил я. — А где ты, по-твоему, находишься, Льюк?

Он распахнул глаза. Обвел взглядом комнату.

— В стане врага, — ответил он. — У меня не было выбора… Это твои апартаменты в Янтаре, верно?

— Нет, — отозвался я.

— Кончай издеваться, Мерль. Ты меня получил. Я — твой пленник. Где я?

— Ты знаешь Винту Бэйль?

— Нет.

— Подруга Кэйна. Этот дом — ее фамильное загородное поместье. И сама она тут, дальше по коридору… Может, даже зайдет. По-моему, она в меня втрескалась.

— Ой-ей. Крутая леди?

— Весьма.

— Ну и ради чего ты увиваешься вокруг нее — сразу же после похорон? Это же неприлично.

— Ха! Если б не ты, так и похорон бы не было.

— Не пудри мне мозги, Мерль. Если бы это был *твой* отец, Корвин, и его бы убили — что бы ты сделал?

— Не передергивай. Мой отец никогда не сделал бы того, что сделал Брэнд.

— Может — не сделал бы, а может, и сделал… Но предположим — сделал. Как тогда? Ты не пришел бы по душу Кэйна?

Я отвернулся.

— Не знаю, — в конце концов сказал я. — Это чертовски гипотетично.

— Ты бы сделал это. Я тебя знаю, Мерль. Уверен, что сделал

бы.

Я вздохнул.

— Может быть, — сказал я. — Ну ладно. Может, и сделал бы. Но на этом я бы остановился. Остальных я оставил бы в покое. Не хочу задевать твои чувства, но твой старик был психопат, ты-то должен это знать. Но ты же не псих. Тебя я знаю не хуже, чем ты меня. Я думал над этим… Ты знаешь, в Янтаре приняты личные вендетты. Но для этой мести причина весьма спорная. Не соверши ты убийство в Янтаре, Рэндом бы сумел тебя выгородить…

— С чего бы это?

— Потому что я поручился бы, что ты не замазан в других делах.

— Брось, Мерль…

— У тебя же классическая отмазка для вендетты — сын, мстящий за смерть отца.

— Ну, не знаю… Слушай, ты пытаешься уклониться от обещанного рассказа.

— Да нет, но…

— Значит, ты был в Крепости Четырех Миров. Что и как ты там выведал?

— Ладно. Но ты все же подумай о том, что я тебе сказал, — отозвался я.

Выражение лица Льюка не изменилось.

— Там был старый отшельник по имени Дэйв, — начал я.

Льюк уснул раньше, чем я закончил рассказ. Я просто дал голосу угаснуть и посидел немного не шевелясь. Чуть погодя я поднялся, нашел бутылку вина и налил чуть-чуть в бокал — раз уж Льюк выпил почти все мое вино. С бокалом я подошел к окну и стал разглядывать патио, где шуршал листьями ветер. Я думал о том, что говорил Льюку. Картина, которую я перед ним нарисовал, была неполна — отчасти потому, что у меня не было времени, а главное — потому, что он, кажется, не проявил интереса. Но даже если Рэндом официально снимет его с крючка в вопросе о смерти Кэйна, Джулиэн или Джерард наверняка изыщут возможность прихлопнуть Льюка по тому же самому праву вендетты. Я действительно не знал, что делать. Я обязан рассказать Рэндому о Льюке — но будь я проклят, если сделаю это сейчас. Мне так много нужно у него выспросить — а если он станет пленником в Янтаре, добраться до него будет гораздо труднее. Угораздило его родиться сыном Брэнда…

Я вернулся к оружию и Козырям Льюка, унес их в другой конец комнаты, уселся поуютнее в кресле, в котором сидел прежде. Вновь рассмотрел карты. Изумительно. У меня в руках

целый пласт истории…

Когда жена Оберона Рилга оказалась существенно менее наглой, чем прочие, — быстро состарилась и удалилась в деревенское уединение, — Оберон порвал с ней и женился снова, из желания досадить их детям — Кэйну, Джулиэну и Джерарду. Но чтобы запутать садовников генеалогических древ и ярых поборников семейного права, он вступил в новый брак там, где время течет гораздо быстрее, чем в Янтаре. Можно было бы придумать интересные аргументы как «за», так и «против» его двоеженства — а брак с Харлой создал именно такую ситуацию. Не мне судить. Эту историю несколько лет назад мне рассказала Фиона; причем она не слишком хорошо ладила с Делвином и Сэнд, отпрысками того союза, и, само собой, склонялась к оправданию бигамии[19]. До сих пор я никогда не видел изображений ни Делвина, ни Сэнд. Во дворце они ни разу не появлялись, поминали их редко. Но они жили в Янтаре, — правда, относительно недолго, пока Харла была там королевой. После смерти Харлы их стала задевать политика Оберона по отношению к ее родине — которую они часто навещали, — и вскоре они уехали, поклявшись никогда больше не иметь дел с Янтарем. По крайней мере, так я слышал. Легко могло оказаться, что здесь замешаны все виды родственных интриг. Не знаю.

Но вот у меня в руках два пропавших члена королевской семьи, и Льюк явно узнал о них и подобрался к ним, надеясь разбередить старые обиды и обрести союзников. Он признал, что у него ничего не вышло. Два века — это слишком долго, чтобы сохранить пламя ненависти. А после их отъезда, как я понимаю, прошло лет двести… Я мельком подумал, не связаться ли с ними, просто чтобы сказать «привет». Если их не заинтересовала помощь Льюку, вряд ли их заинтересует поддержка другой стороны — раз уж им известно, что есть и другая сторона. Казалось уместным представиться и засвидетельствовать свое почтение — как члену семьи, которого они никогда не встречали. Я решил, что когда-нибудь так и сделаю, а нынешний момент для этого вряд ли подходит. Я добавил их Козыри к собственной коллекции — вместе с добрыми намерениями.

Следующим был Далт — насколько мне известно, заклятый враг Янтаря. Я вновь осмотрел его карту, и мне стало интересно. Если он и в самом деле такой добрый друг Льюка, мне, наверное, следует дать ему знать, что случилось. Может, он даже знает, при каких обстоятельствах это было, и упомянет что-нибудь, чем я смог бы воспользоваться. Чем больше я размышлял об этом — вспоминая недавнее пребывание Далта у Крепости Четырех Миров, — тем крепче становилось намерение связаться с ним.

Вдруг удастся узнать что-нибудь о том, что творится там сейчас…

Я прикусил палец. Стоит или не стоит? Понять бы, какой от этого вред? Сдавать я ничего не собирался. Но и взятки мог не получить…

Какого дьявола, в конце концов решил я. Риска никакого…

Привет, парень. Я потянулся сквозь внезапно похолодевшую карту…

Где-то что-то дрогнуло, ощущение такое, что — *ага!*

Портрет оживает, изображение проясняется…

— Кто ты? — спросил человек. Пальцы на рукояти, клинок наполовину вытащен из ножен.

— Меня зовут Мерлин, — сказал я, — и у нас есть общий знакомый по имени Ринальдо. Я хотел сказать тебе, что он тяжело ранен.

Сейчас мы оба реяли между нашими двумя реальностями, обретшие плоть и превосходно видимые друг для друга. Далт оказался крупнее, чем можно было предположить по его изображению; он стоял в центре комнаты с каменными стенами, слева от него было окно, сквозь которое виднелись синее небо и хвост облака. Зеленые глаза Далта, поначалу широко раскрывшиеся, теперь сузились, а постановка нижней челюсти казалась излишне агрессивной.

— Где он? — поинтересовался Далт.

— Здесь. Со мной, — ответил я.

— Какая удача! — немедленно отреагировал он и попер вперед — клинок в руке.

Я сбросил Козырь, но контакт не прервался. Мне пришлось вызвать Логрус — он пал между нами, словно нож гильотины[20], — и меня отбросило в сторону, как будто я коснулся оголенного провода. Единственным утешением было то, что Далт, несомненно, почувствовал то же самое.

— Мерль, что происходит? — раздался хриплый голос Льюка. — Я видел… Далта…

— Ну да. Я с ним созванивался.

Льюк чуть-чуть приподнял голову.

— Зачем?

— Чтобы рассказать ему о тебе. Он — твой друг, ведь так?

— Ну придурок! — прохрипел он. — Это же он со мной такое сотворил!

Затем Льюк закашлялся, и я бросился к нему.

— Дай воды, а? — сказал он.

— Бегу.

Я пошел в ванную, принес стакан с водой и поддерживал Льюка, пока мой пациент пил.

— Наверное, нужно было рассказать тебе, — сказал он наконец. — Не думал… что ты в игры играешь… даже… когда не знаешь… что происходит…

Льюк опять закашлялся. Я дал ему еще воды.

— Понять бы еще… что тебе рассказывать… а что нет, — закончил он.

— Почему бы не рассказать все? — предложил я.

Он слегка покачал головой.

— Не могу. После этого тебя точно убьют. А еще вернее — нас обоих…

— Судя по тому, как развиваются события, это может случиться в любом случае — расскажешь ты мне или нет.

Льюк слабо улыбнулся и сделал еще глоток.

— Многое — личное и касается только меня, — сказал он затем. — И я не хочу, чтобы в это был втянут кто-то еще.

— Как я понял, попытки убить меня, регулярно предпринимаемые каждую весну, тоже были твоим личным делом, — заметил я, — и все-таки я почему-то чувствовал себя в него втянутым.

— Ладно, ладно! — сказал Льюк, откидываясь назад и поднимая правую руку. — Я же сказал, что с этим давным-давно завязал.

— Но покушения продолжались.

— Это уже была не моя работа…

Что ж, решил я. Попробуем.

— Стало быть, это была Джасра?

— Что ты о ней знаешь?

— Я знаю, что она — твоя мать, и я выяснил, что в Крепости воюет она.

Льюк кивнул.

— Знаешь, значит… Отлично. Это сильно упрощает дело. — Он сделал паузу, чтобы отдышаться. — Она устроила мне эти тридцатые апреля в качестве тренировки. Когда я с тобой познакомился поближе и вышел в отставку, она просто взбесилась…

— Так она продолжила дело сама?

Он кивнул.

— Она хотела, чтобы ты поохотился за Кэйном, — сказал я.

— Я тоже хотел…

— Но остальные? Она полагалась в этом на тебя, держу пари. А ты, в отличие от нее, не так уверен, что тебе это не припомнят…

Молчание.

— Ведь так? — уточнил я.

Льюк отвел от меня взгляд, и я услышал, как скрипнули его зубы.

— Да снят ты с крючка, — сказал он наконец. — У меня не было желания вредить тебе. И я не позволил бы это сделать ей…

— А как с Блейсом, Рэндомом, Фионой, Флори, Джерардом…

Льюк засмеялся было, но скривился и схватился за грудь.

— От нас им ничего не грозит, — сказал он. — Теперь.

— Что ты имеешь в виду?

— Подумай, — сказал он мне. — Я мог козырнуться обратно в свою старую квартиру, до смерти перепугать новых жильцов и вызвать «скорую». Сейчас бы я уже был в палате «неотложки».

— Почему же ты не там?

— Прижимало меня и круче, чем сейчас, — и справлялся. Я здесь, потому что мне нужна твоя помощь.

— Да? И в чем же?

Он посмотрел на меня, затем вновь отвернулся.

— Она крепко вляпалась, нам надо ее спасти.

— Кого? — спросил я, уже зная ответ.

— Мамочку, — отозвался Льюк.

Я хотел засмеяться, но, увидев выражение его лица, сдержался. Это какое нужно нахальство — просить меня спасти женщину, которая пыталась меня убить — и не единожды, а много раз! — и смыслом жизни которой, кажется, было уничтожение всех моих родичей. Нахальство или…

— Мне больше не к кому обратиться, — сказал он.

— Если ты уговоришь меня, Льюк, то заслужишь звание «Лучший продавец года», — сказал я. — Но я — весь внимание.

— Опять в глотке пересохло, — сказал он.

Я пошел и наполнил стакан. Когда я возвращался, мне послышался слабый шум в коридоре. Продолжая прислушиваться, я помог Льюку сделать еще несколько глотков.

Он кивнул, но к тому времени шум стал отчетливо слышен. Я приложил палец к губам и глянул на дверь. Потом поставил стакан, поднялся и пересек комнату, по пути доставая клинок.

Прежде чем я добрался до двери, раздался вежливый стук.

— Да? — сказал я, подходя к двери.

— Это я, — донесся голос Винты. — Я знаю, что там Льюк, и хочу его видеть.

— То есть хочешь его прикончить? — уточнил я.

— Я уже говорила, что у меня нет такого желания.

— Значит, ты не человек, — сказал я.

— Я никогда и не претендовала на это.

— Значит, ты не Винта Бэйль, — добавил я.

Последовало долгое молчание, затем:

— Предположим, что нет.

— Тогда скажи мне, кто ты.

— Не могу.

— Сойдемся на полпути, — предложил я, выстраивая в шеренгу все накопившиеся предположения, — и скажи мне, кем ты была.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Знаешь. Выбери кого-то одного — любого. Мне все равно, кого.

Снова молчание, затем:

— Я вытащила тебя из огня, — сказала Винта, — но не смогла справиться с лошадью. Я умерла в озере. Ты завернул меня в свой плащ…

Я ожидал не такого ответа. Но этот был достаточно хорош.

Острием клинка я поднял щеколду. Винта распахнула дверь и взглянула на оружие у меня в руке.

— Драматично, — заметила она.

— Ты произвела на меня впечатление перечислением грозящих мне бед.

— Кажется, не такое сильное, как хотела.

Она вошла, улыбаясь.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Я не слышала, чтобы ты спрашивал о синих камнях и о том, что вышел он на тебя вследствие настройки…

— Подслушивала?

— Жизнь научила, — согласилась она.

Я повернулся к Льюку и представил ее:

— Льюк, это Винта Бэйль… в некотором роде.

Льюк поднял правую руку, не сводя взгляда с ее лица.

— Мне хотелось бы знать одну вещь, — начал он.

— Еще бы, — отозвалась она. — Буду я тебя убивать или не буду? Оставайся в неведении. Я еще не решила. Ты помнишь, как однажды у тебя кончился бензин севернее Сан-Луис-Обиспо, и ты обнаружил, что твой бумажник исчез? Чтобы вернуться домой, тебе пришлось одолжить денег у своей девчонки. Она дважды напоминала тебе, прежде чем ты вернул долг.

— Ты откуда знаешь? — прошептал он.

— Как-то ты подрался с тремя рокерами, — продолжала Винта. — Чуть глаза не лишился, когда один из них хватил тебя цепью по башке. Впрочем, кажется, все зажило. Даже шрама не видно…

— Я их победил, — добавил Льюк.

— Да. Не многие могут поднять и швырнуть «харлей»[21] — как ты тогда…

— Хотел бы я знать, откуда тебе это известно…

— Может, когда-нибудь я и это расскажу тебе, — сказала она. — Я упомянула о том случае просто для того, чтобы ты не пытался крутить. А теперь я намерена задать тебе несколько вопросов, и твоя жизнь, возможно, зависит от того, насколько ты будешь честен. Понимаешь…

— Винта, — прервал я, — ты сказала, что не хочешь смерти Льюка.

— Да, это задача не приоритетная, — отозвалась она, — но если он станет путаться под ногами, то я буду вынуждена…

Льюк зевнул.

— Да расскажу я о синих камнях, — пробормотал он. — И никого я не отряжал следить за Мерлем с помощью синих камней…

— А не могла ли Джасра отправить кого-нибудь следить за Мерлем по меткам камней?

— Может быть. Я просто не знаю.

— А те, кто напал на него прошлой ночью в Янтаре?

— Впервые слышу, — сказал Льюк и закрыл глаза.

— Взгляни, — приказала Винта, доставая из кармана синюю пуговицу.

Льюк открыл глаза и прищурился.

— Узнаешь?

— Нет, — сказал он и снова закрыл глаза.

— Ты больше не будешь пакостить Мерлю?

— Не буду, — буркнул Льюк. Голос его еще больше ослабел.

Винта раскрыла было рот, но я сказал:

— Дай человеку поспать. Никуда он не денется.

Она посмотрела на меня почти сердито, затем кивнула.

— Ты прав, — сказала она.

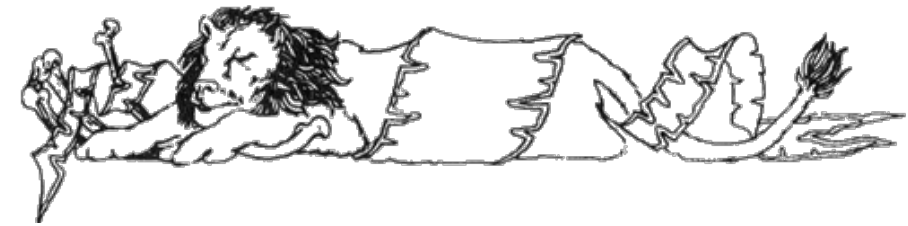
— Ну и что ты собираешься делать? Прихлопнешь, пока он в отключке?

— Зачем? — отозвалась Винта. — Он говорил правду.

— Это имеет значение?

— Да, — сказала она. — Теперь имеет.

VII



Этой ночью я весьма славно выспался — вопреки отдаленным звукам собачьей свары и разнообразным завываниям ночных тварей. Винта не проявляла интереса к игре в вопросы и ответы, а я не хотел, чтобы она беспокоила Льюка. Я уговорил ее уйти и

дать нам отдохнуть. Потом я обрушился в одно уютное кресло и положил ноги на другое. Я надеялся продолжить беседу с Льюком с глазу на глаз. Помню, я еще хмыкнул перед тем, как уснул, пытаясь решить, кому из них я не доверяю меньше…

Проснулся я при первом свете утра и одновременно с началом птичьей перебранки. Несколько раз потянулся и направился в ванную. Еще не закончив умываться, я услышал, что Льюк закашлялся и затем прохрипел мое имя.

— Если ты не истекаешь кровью, подожди минуту, — отозвался я и вытерся. — Хочешь воды?

— Хочу. Принеси.

Я перекинул полотенце через плечо и дал Льюку напиться.

— Она все еще здесь? — спросил он.

— Нет.

— Дай мне стакан и пойди проверь коридор, ладно? Я справлюсь.

Я кивнул и отдал ему стакан. Тихонько приоткрыл дверь. Шагнул в коридор, прошел до угла. На перспективе никто не маячил.

— Все чисто, — прошептал я, вернувшись в комнату.

Льюка не было. Через миг я услышал шум в ванной.

— Проклятье! Сказал бы, я бы помог! — заметил я.

— Спустить воду я могу и сам, — отозвался Льюк, вваливаясь в комнату и опираясь о стену здоровой рукой. — Пришлось проверить, управлюсь ли, — добавил он, опускаясь на край кровати. Льюк положил ладонь себе на грудь и тяжело вздохнул. — Вот черт! Больно-то как!..

— Давай помогу тебе лечь.

— Давай. Слушай, не рассказывай ей, что я могу хотя бы это.

— Ладно, — сказал я. — Расслабься. Отдыхай.

Льюк покачал головой.

— Я хочу рассказать тебе побольше, пока она сюда не вломилась, — сказал он. — А она это сделает… уж поверь.

— Наверняка знаешь?

— Да. Она — не человек, и она явно настроена на нас больше, чем можно настроить синий камень… Я ничего не понимаю в ее магии, но зато я прекрасно разбираюсь в своей. Хотя именно твой вопрос о том, кто она такая, заставил меня поработать над этой проблемой. Ты еще не выяснил?

— Достоверно? Нет.

— Ну, я знаю, она может менять тела, как перчатки… и она может путешествовать по Тени…

— Имена Мег Девлин или Джордж Хансен тебе ничего не говорят? — спросил я.

— Нет. А должны?

— Думаю, что нет. Но она была ими обоими, я уверен.

Дэна Мартинеса я не упомянул — не потому, что он устроил перестрелку с Льюком и Льюк, узнай он и об этом ее воплощении, станет доверять ей еще меньше, а потому, что не хотел показать осведомленность о событиях его герильи в Нью-Мексико[22]. Упомяни я о Мартинесе, и все покатилось бы именно в этом направлении.

— А еще она была Гэйл Лампрон.

— Твоей подружкой? — сказал я.

— Да. Я сразу почувствовал что-то знакомое… Но до сих пор меня это не волновало. У нее все мелкие привычки Гэйл — поворот головы, жестикуляция при разговоре, взгляд… К тому же она упомянула о двух событиях, которым был только один свидетель — сама Гэйл.

— Такое ощущение, будто она явно хочет дать тебе понять…

— Полагаю, что хочет, — согласился он.

— Почему же тогда она прямо не скажет, интересно знать?

— По-моему, она просто не может. На ней какое-то заклятие, только разве разберешь, какое — она же не человек. — Льюк украдкой взглянул на дверь и добавил: — Проверь-ка еще раз.

— По-прежнему чисто, — сказал я. — Так что о…

— В другой раз, — сказал он. — Я намерен убраться отсюда.

— Я понимаю, хочешь сбежать от нее… — начал я.

Льюк покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я намерен навалиться на Крепость Четырех Миров… скоро.

— В твоем состоянии…

— Вот именно. Об этом я и говорю. Я намерен убраться отсюда, чтобы восстановить форму. Похоже, старый Шару Гаррул вырвался. Это единственное предположение, которое объясняет все, что случилось…

— Что именно?

— Я получил сигнал бедствия от матери. После того как я отобрал ее у тебя, она отправилась обратно в Крепость.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему она направилась в Крепость?

— Ну, это место — средоточие силы. То, как там сходятся четыре мира, высвобождает до черта силы, которую адепт может вколотить в…

— Там что, действительно сходятся четыре мира? Ты имеешь в виду, что там можно оказаться в другой тени, просто свернув в сторону?

Льюк с минуту изучал меня.

— Да, — в конце концов сказал он. — Но если тебе нужны подробности, объяснить это я не сумею.

— А сам я не пойму, информации не хватает… Итак, она вернулась в Крепость, чтобы поднабрать силы, а вместо этого получила сплошные неприятности. Она позвала тебя на помощь. А для чего ей понадобилась эта сила?

— М-м. Ну, у меня были затруднения с Колесом-Призраком. Я решил уже, что почти уговорил его принять нашу сторону, но мама, похоже, подумала, что я не очень-то спешу, и решила попытаться связать его мощным заклинанием…

— Подожди минутку. Ты говоришь о Призраке? Как ты с ним связался? Те Козыри, которые ты нарисовал, бесполезны.

— Знаю. Я туда дошел.

— Как тебе это удалось?

— В акваланге. Я надел водолазный костюм и баллоны с кислородом.

— Обалдеть! Интересный подход.

— А ты *думал,* меня за красивые глаза считали лучшим продавцом в «Гранд-Ди»? Да к тому же я почти уболтал Призрака. Тут мама догадалась, где я тебя заныкал, и решила предпринять экспедицию, чтобы взять тебя за жабры и разменять в переговорах… как будто бы ты на нашей стороне. После того как ты пустил ее планы по ветру и мне пришлось идти и отбивать ее у тебя, мы снова разделились. Я подумал, что она вернется в Кашфу, но она вместо этого двинула в Крепость — по-моему, чтобы подготовить на Колесо-Призрак массированную атаку. Похоже, что она сделала что-то не то и невзначай освободила Шару, а тот вновь занял свое место и захватил ее в плен. Так или иначе, я получил от нее это безумное послание, и вот…

— А этот старый маг, — сказал я, — проторчал там… сколько времени?

Льюк начал было пожимать плечами, но вдруг передумал.

— Дьявол, ну не знаю я… Кого это заботило? Когда я был мальчишкой, он был вешалкой для плащей.

— Вешалкой для плащей?

— Во-во. Он проиграл в колдовской дуэли. Я не очень-то знаю, кто ему приложил — мамочка или отец. Хотя, кто бы ни врезал, застигло его на полуслове: руки простерты и все такое. Так его и заморозило, твердый стал, как доска. Его поставили в прихожей и вешали на него плащи и шляпы. Время от времени стирали пыль. Я, когда был маленьким, даже вырезал у него на ноге, будто на дереве, свое имя. Он для меня всегда оставался мебелью. Это потом я узнал, что в лучшие свои дни он был крут…

— А этот парень носил когда-либо синюю маску на работе?

— Достал уже! Ничего я не знаю о стиле, в котором он работает. Слушай, давай не будем отвлекаться, иначе она окажется здесь, прежде чем я закруглюсь. На самом деле, может быть, нам сейчас надо бы уйти, а остальное я мог бы дорассказать и потом.

— Ну уж нет, — сказал я. — Как ты верно отметил этой ночью, ты — мой пленник. Я еще не настолько спятил, чтобы отпускать тебя, не узнав куда больше, чем знаю сейчас. Ты — угроза Янтарю. Та бомба, которую ты бросил на похоронах, была вполне реальна. По-твоему, я хочу предоставить тебе еще одну возможность пострелять по нам?

Льюк улыбнулся, затем улыбка исчезла.

— И с чего тебе надо было родиться сыном Корвина? — сказал он. Затем спросил: — Могу я дать тебе свое слово?

— Не знаю. Ты представляешь, во что я вляпаюсь, если всплывет, что я тебя взял — но отпустил? Какие условия ты выговариваешь? Клянешься прекратить войну против Янтаря?

Льюк пожевал нижнюю губу.

— Не вижу, как это можно сделать, Мерль.

— Есть кое-что, о чем ты не рассказал, верно?

Он кивнул. Затем вдруг ухмыльнулся.

— Но я могу предложить тебе сделку, отказаться от которой ты не сможешь.

— Льюк, перестань сбывать мне залежалый товар.

— Засеки минуту, о'кей? И ты поймешь, почему не можешь позволить себе отказаться.

— Льюк, я не куплюсь.

— Всего лишь одну минуту. Шестьдесят секунд. Ты волен сказать «нет», когда я закончу.

— Ладно, — сказал я. — Говори.

— Отлично. У меня есть информация, жизненно важная для безопасности Янтаря, и я уверен, что никто об этом даже не подозревает. Я выложу ее после того, как ты мне поможешь.

— С чего бы это тебе захотелось отдавать нам такие козыри? Или ты решил капитулировать?

— Не хочу, но так уж суждено. Это все, что я могу предложить. Помоги мне перебраться туда, куда мне надо, — туда, где время течет гораздо быстрее, чтоб я вылечился за день или около того по времени Крепости.

— Или, полагаю, по-местному, например.

— Верно. Затем… ой-ей!

Льюк растянулся на кровати и, прижимая к груди здоровую руку, принялся стонать.

— Льюк!

Он поднял голову, подмигнул мне, глянул на дверь и продолжил стенания.

Вскоре в дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Вошла Винта и внимательно посмотрела на нас обоих. На мгновение — когда она взглянула на Льюка — показалось, что на ее лице появилось выражение искренней озабоченности. Затем она приблизилась к кровати и положила ладони ему на плечи. Так она простояла с полминуты, затем возвестила:

— Будешь жить.

— Одно плохо, — отозвался Льюк, — я не знаю, благословение это или проклятие.

Затем он обнял ее здоровой рукой, притянул к себе и поцеловал.

— Привет, Гэйл, — сказал он. — Давненько не видались.

Винта отодвинулась с меньшей поспешностью, чем могла бы.

— Кажется, ты уже поправился, — заметила она. — Я полагаю, что Мерль как-то помог тебе.

Винта на миг слегка улыбнулась, затем продолжила:

— Да уж, давно не виделись, глупыш. Тебе по-прежнему нравится поджаренная с обеих сторон яичница?

— Нравится, — признал он. — Только не из полдюжины яиц. Может быть, на сегодня два. Я немного не в форме.

— Отлично, — сказала она. — Пойдем, Мерль. Ты мне нужен как наблюдатель.

Льюк, несомненно пребывавший в убеждении, что разговор пойдет о нем, подарил мне веселый взгляд. Я не был уверен, что хочу оставлять его одного, пусть даже все его Козыри будут у меня в кармане. Я все еще не знал, насколько далеко простираются его способности, а о его намерениях я знал еще меньше. Поэтому я уперся.

— Может, кому-то нужно остаться с инвалидом? — сказал я.

— С ним все будет нормально, — сказала она, — а мне может понадобиться твоя помощь, если я не отыщу слугу.

С другой стороны, может быть, у нее есть для меня что-то интересное…

Я нашел рубашку, натянул ее и прошелся ладонью по волосам.

— О’кей, — сказал я. — Увидимся попозже, Льюк.

— Эй, — позвал он, — посмотри там, не найдется ли для меня трости. Или вырежи посох или что-нибудь такое…

— Это так спешно? — спросила Винта.

— Разве предугадаешь? — отозвался Льюк.

Я достал свой клинок и взял с собой. Пока мы с Винтой спускались по лестнице, мне пришло в голову, что, когда любые двое из нас остаются наедине, нам, вероятно, всегда есть что сказать о третьем…

Как только мы оказались за пределами слышимости, Винта заметила:

— Он рисковал, идя к тебе.

— Да уж.

— Должно быть, дела его были из рук вон плохи, если оказалось, что ты — единственный, к кому он может обратиться.

— Пожалуй, это верно.

— К тому же я уверена, что ему нужно еще кое-что, кроме временного убежища.

— Вероятно, так.

— Какого черта — «вероятно»! Он должен был уже спросить!

— Наверное.

— Так он спросил или нет?

— Винта, похоже, ты сказала мне все, что намеревалась, — заметил я. — Ну, и vice versa. Мы в расчете. Я не должен тебе никаких объяснений. Если я почувствую, что Льюку можно доверять, я буду ему доверять. Все равно я еще ничего не решил.

— Значит, подачу он уже сделал. Я могла бы помочь тебе принять решение, если бы ты сказал, что это было.

— Нет уж, спасибо. Вы друг друга стоите.

— Я беспокоюсь только о твоей безопасности. Не спеши отвергать союзника.

— Да я не спешу, — сказал я. — Но если ты не будешь зацикливаться на Льюке, то легко сообразишь, что о нем я знаю гораздо больше, чем о тебе. Я думаю, что знаю нечто, чего не следовало бы доверять ему, — и я знаю нечто, что вполне могу ему доверить.

— Надеюсь, свою жизнь ты на кон не поставил?

Я улыбнулся.

— В этом вопросе я стараюсь быть консерватором.

Мы вошли в кухню, где она поговорила с женщиной, которую я раньше не встречал, но которая, видимо, всем здесь заправляла. Винта дала ей указания по поводу завтрака и через боковую дверь вывела меня в патио. Оттуда она указала на рощицу на востоке.

— Там ты найдешь подходящее деревце, — сказала она, — для посоха Льюка.

— Может быть, — отозвался я, и мы пошли к роще. — Итак, ты действительно была Гэйл Лампрон? — вдруг сказал я.

— Да.

— Я совсем не понимаю причин этой перемены тел.

— А я не собираюсь тебе рассказывать.

— Может, скажешь, почему не собираешься?

— Нет.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу, — сказала она.

— Но если я уже кое-что знаю, ты сможешь дополнить картину?

— Может быть. Попробуй.

— Когда ты была в теле Дэна Мартинеса, ты выстрелила в одного из нас. В которого?

— В Льюка, — ответила она.

— Почему?

— Я пришла к убеждению, что он — не тот… так что для тебя он представлял угрозу…

— …а ты хотела защитить меня, — закончил я.

— Точно.

— Что это значит «он — не тот»?

— Сорвалось с языка. Вон там вроде подходящее дерево.

Я хмыкнул.

— Слишком толстое… Ну что ж, пусть так и будет.

Я направился в рощу. Кандидатов в посохи было более чем достаточно.

Я шел сквозь пробитые копьями утра просветы между стволами, влажные листья и роса липли к моим сапогам… Но меня обеспокоили некоторые необычные следы на тропе — цепочка следов, уводящих дальше вправо, где…

— Это что? — сказал я, направляясь к темной куче у затененного подножия старого дерева, — скорее риторически, поскольку, думаю, едва ли Винта знала.

Я добрался туда раньше, чем она. Это была одна из собак Бэйля, крупный бурый кобель. У него была разорвана глотка. Кровь уже успела потемнеть и свернуться. По псу ползали насекомые. Дальше и чуть правей я увидел труп собаки поменьше. Эта была выпотрошена.

Я осмотрел участок вокруг останков. На влажной земле остались отпечатки очень крупных когтей. По крайней мере, это не были трехпальцевые отпечатки собакоподобных тварей, с которыми когда-то я уже встречался. Эти следы, похоже, принадлежали просто очень большой собаке.

— Должно быть, их-то я и слышал прошлой ночью, — заметил я. — Думал, что подрались собаки.

— Когда? — спросила она.

— Вскоре после твоего ухода. Я дремал.

Тут Винта поступила очень странно. Она опустилась на

колени, наклонилась и понюхала след. Когда она выпрямилась, на лице у нее читалась озадаченность.

— Ну, что нашла? — спросил я.

Винта покачала головой, затем уставилась на северо-восток.

— Я не уверена, — наконец сказала она, — но это ушло туда.

Я осмотрел землю дальше, встал и двинулся вдоль оставленного тварью следа. След уходил в том направлении, хотя через пару сотен шагов, когда тварь покинула рощу, я его потерял. В конце концов я вернулся на поляну.

— Похоже, одна из собак напала на других, — объявил я. — Давай лучше найдем палку и вернемся, если хотим застать завтрак теплым.

В доме мне сказали, что завтрак для Льюка послали наверх. Я готов был разорваться пополам. Хотелось забрать свой завтрак, присоединиться к Льюку наверху и продолжить беседу. Но если я так поступлю, Винта пойдет вместе со мной и беседа не состоится. А с ней в сложившихся обстоятельствах я дальше говорить не мог. Так что мне придется завтракать с нею здесь, что означало оставить Льюка в одиночестве на более долгое время, чем мне бы того хотелось.

Поэтому я согласился, когда Винта предложила: «Мы поедим здесь», — и повела меня в большой зал. Я полагал, она выбрала его потому, что открытые окна моей комнаты находились над патио и, если бы мы сели там, Льюк мог услышать наш разговор.

Мы расположились в конце длинного стола из темного дерева. Когда мы вновь остались одни, Винта спросила:

— Что ты намерен предпринять теперь?

— О чем ты? — спросил я, отхлебывая грейпфрутовый сок.

Винта указала взглядом наверх.

— О нем, — сказала она. — Возьмешь его с собой в Янтарь?

— Кажется, это было бы только логично, — отозвался я.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда не стоит откладывать. Во дворце приличный запас медикаментов.

Я кивнул.

— Это точно.

Мы немного пожевали, потом Винта спросила:

— Ты же именно это и собирался сделать, верно?

— А почему ты спрашиваешь?

— Потому что все остальное было бы еще глупее, а он явно не хочет переезжать. Значит, он попытается уговорить тебя поступить как-нибудь по-другому — это даст ему некоторую свободу, пока он выздоравливает. Ты же знаешь, у него отлично подвешен язык. Он все что угодно сможет продать как великую идею. Ты должен помнить, что он — враг Янтаря, и, когда он

будет готов сделать ход, на его пути окажешься ты.

— Очень может быть, — сказал я.

— Я еще не закончила.

— Да?

Винта улыбнулась и съела еще несколько кусочков, чтобы подогреть мой интерес.

— Он пришел к тебе не просто так, — продолжила наконец она. — Заползти зализывать раны он мог куда угодно. Но он пришел к тебе, потому что он от тебя чего-то хочет. Он — игрок, но расчетливый. Не связывайся с ним, Мерль. Ты ему ничего не должен.

— Я не знаю, почему ты решила, что я не способен сам о себе позаботиться, — отозвался я.

— Я так никогда не говорила, — откликнулась она. — Но некоторые решения требуют взвешенного анализа. Немного лишку на ту или другую чашу весов — и все будет выглядеть иначе. Ты знаешь Льюка, и я тоже его знаю. Сейчас не время давать ему передышку.

— Повторяешься, — заметил я.

— Значит, ты все-таки решил дать ему то, что он хочет!

Я улыбнулся и отпил немного кофе.

— Какого черта, он не так долго был в сознании, чтобы кинуть мне эту кость, — сказал я. — Я достаточно размышлял об этом, и я хочу знать, что у него на уме.

— Я никогда не говорила, что тебе не нужна информация. Я только хотела напомнить, что говорить с Льюком иногда все равно, что беседовать с драконом.

— Да, — признал я. — Это я знаю…

— И чем дольше ты тянешь, тем труднее будет выбираться из этой ловушки, — добавила она.

Я залпом допил кофе.

— Он тебе нравился? — спросил я.

— Нравился? — переспросила Винта. — Да, он мне нравился. И нравится по-прежнему. Впрочем, сейчас это не важно.

— Я об этом не знал, — сказал я.

— О чем?

— Ты не причинила бы ему вреда без веской причины.

— Нет.

— Сейчас он для меня угрозы не представляет.

— Кажется, нет.

— Предположим, я оставлю его здесь на твое попечение, а сам отправлюсь в Янтарь, чтобы пройти Образ и подготовить всех к такому повороту событий?

Винта энергично замотала головой.

— Нет, — объявила она. — Я не приму… я не могу… принять сейчас такую ответственность.

— Почему?

Она замялась.

— И, пожалуйста, не говори, что не можешь мне ответить, — продолжал я. — Найди способ сказать мне столько, сколько сумеешь.

Тогда она заговорила, медленно, как будто очень осторожно подбирая слова:

— Потому что для меня важнее присматривать за тобой, а не за Льюком. Угроза, природы которой я не понимаю, все еще не устранена — хотя мне больше не кажется, что эта угроза исходит от него. Оберегать тебя от этой неизвестной угрозы — задача более приоритетная, чем следить за ним. Следовательно, я не могу здесь остаться. Если ты возвращаешься в Янтарь, я поеду с тобой.

— Ценю заботу, — сказал я, — но не хочу, чтобы ты ходила за мной по пятам.

— Ни у тебя, ни у меня выбора нет.

— Допустим, я просто козырнусь отсюда в какую-нибудь удаленную тень?

— Я буду обязана последовать за тобой.

— В этом облике — или в другом?

Винта оглянулась. Покопалась в тарелке.

— Ты уже признала, что можешь быть другими людьми. Ты каким-то таинственным способом находишь меня, затем завладеваешь кем-то рядом со мной.

Она сделала глоток кофе.

— Наверное, что-то мешает сказать тебе, — продолжил я, — но ведь это правда. Я это знаю.

Она кивнула один раз, коротко, и продолжала есть.

— Предположим, я козырнусь прямо сейчас, — сказал я, — и ты последуешь за мной — этим твоим необычным способом.

Я подумал о телефонных беседах с Мег Девлин и миссис Хансен.

— А настоящая Винта Бэйль очнется в собственном теле с прорехой в памяти, верно?

— Да, — тихо ответила она.

— И Льюк останется в обществе женщины, которая будет счастлива уничтожить его, едва заподозрит, кто он такой.

Она слегка улыбнулась.

— Примерно так, — сказала она.

Некоторое время мы молча ели. Она хотела лишить меня выбора, пыталась вынудить меня козырнуться в Янтарь и взять

Льюка с собой. Мне не нравится, когда мной манипулируют или к чему-то принуждают. К тому же разыгрался мой рефлекс поступать наперекор тому, чего от меня ждут.

Когда мы покончили с завтраком, я опять разлил по чашкам кофе. Я рассматривал коллекцию портретов собак, развешанную на стене напротив, прихлебывал и смаковал кофе и молчал — потому что не мог придумать, что бы такое сказать.

В конце концов придумала Винта.

— Итак, что ты намерен предпринять? — спросила она.

Я допил кофе и поднялся.

— Отнести Льюку палку, — сказал я.

Я отодвинул кресло от стола и направился в угол комнаты, где стояла прислоненная к стене трость.

— А потом? — сказала Винта. — Что ты будешь делать потом?

Я взял посох и взглянул на нее. Винта сидела очень прямо, ладони лежали на столе. Вновь в ее чертах проступило выражение Немезиды, и я почти физически чувствовал повисшее в воздухе напряжение.

— То, что должен, — отозвался я и направился к двери.

Я ускорил шаг, как только оказался за пределами видимости. Добежав до лестницы, я установил, что Винта не идет следом за мной, и помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки. По дороге я вытащил свои карты и нашел подходящую.

Войдя в комнату, я обнаружил, что Льюк отдыхает, развалившись на подушках. Возле кровати на небольшом стуле стоял поднос. Я закрыл дверь на засов.

— В чем дело, парень? На нас напали, что ли? — спросил Льюк.

— На старт, — сказал я, взял его оружие и подошел к кровати. Помог Льюку сесть, кинул ему трость и клинок.

— Я вынужден форсировать события, — сказал я, — и я не намерен идти против Рэндома.

— Это утешает, — заметил Льюк.

— Но нам придется свалить — сейчас же.

— По мне, так давно пора.

Льюк навалился на трость и тяжело поднялся на ноги. В коридоре послышался шум, но было уже поздно — я поднял карту и принялся сосредотачиваться.

Дверь загрохотала.

— Эй, что вы там делаете? — крикнула Винта.

Я не ответил. Изображение на карте уже обрело четкость.

Косяк двери раскололся от яростного удара, засов просто

вырвало с мясом. Физиономия Льюка приобрела такое выражение, как будто он понял что-то важное, — но тут я схватил его за руку.

— Идем! — рявкнул я.

Винта ворвалась в комнату как раз в тот момент, когда я повел Льюка вперед. Глаза ее полыхали, руки тянулись к нам. Она завопила: «Дурак!» — и крик ее превратился в вой, когда ее омыло радугой, ее очертания зарябили и исчезли.

Мы стояли на травке. Льюк перевел дух — похоже, он на секунду разучился дышать.

— А ты, приятель, круто кадры монтируешь, — сказал он, огляделся по сторонам, узнал местность и криво усмехнулся.

— Кто бы мог подумать, — сказал он. — Хрустальный грот.

— Мой собственный опыт подсказывает, что время здесь течет почти так, как тебе нужно, — заметил я.

Он кивнул, и мы медленно двинулись к высокой синей стене.

— Там осталось еще много припасов, — добавил я, — и спальный мешок все еще там, где я его оставил.

— Да уж, он и мне пригодится, — признал Льюк.

Прежде чем мы добрались до подножия холма, он остановился перевести дыхание. Я увидел, что его взгляд зацепился за два костяка по левую руку от нас, растащенных трупоедами. Минул месяц с тех пор, как те двое, что отодвинули камень, упали там навсегда, — достаточно времени для того, чтобы стервятники успели над ними потрудиться. Льюк пожал плечами, подошел, привалился к синему камню и медленно сполз в сидячее положение.

— Придется подождать, пока я соберусь с силами, чтобы туда слезть, — сказал он. — Даже с твоей помощью.

— Конечно, — сказал я. — Мы можем закончить наш разговор. Насколько я помню, ты собирался сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться. Я должен был доставить тебя туда, где ты смог бы быстро поправиться vis-a-vis течению времени в Крепости, а взамен мне обещана информация, жизненно важная для безопасности Янтаря.

— Верно, — согласился он. — А еще ты не слышал окончания моей истории. Тут все в один узелок завязано…

Я нагнулся к нему.

— Ты говорил, твоя мать отправилась в Крепость, влипла в неприятности и позвала тебя на помощь.

— Да, — кивнул Льюк. — Я бросил дела с Колесом-Призраком и попытался ей помочь. Связался с Далтом; он согласился напасть на Крепость.

— Всегда полезно иметь на примете банду наемников, к

которой можно в случае чего обратиться, — заметил я.

Льюк подарил мне быстрый странный взгляд, но я сумел сохранить невинное выражение лица.

— Мы провели их сквозь Тень и атаковали, — продолжал он. — Должно быть, нас ты и видел, когда был там…

Я кивнул.

— Значит, это ты тогда лез через стену… Что-то не сработало?

— До сих пор не знаю, — сказал он. — Мы все делали правильно. Их оборона рассыпалась, мы продолжали давить, как вдруг Далт повернул против меня. Сражение разделило нас; но потом он снова появился и напал на меня. Сначала я решил, что он ошибся — мы были в грязи и крови, — и закричал ему, что это я. Я даже не хотел отвечать ударом на удар — думал, что это недоразумение и он сейчас распознает ошибку.

— Думаешь, он продал тебя? Или он планировал все заранее, задолго до этого? Какие-то противоречия, из-за которых он зубы на тебя точил?

— Непохоже. Не было причин…

— Значит, магия?

— Может быть. Не знаю.

Мне в голову пришла необычная мысль.

— Он знал, что это ты убил Кэйна? — спросил я.

— Нет. Я взял за правило никому не говорить о своих делах.

— Ты меня не надуваешь, нет?

Льюк засмеялся, потянулся, как будто собирался похлопать меня по плечу, но скривился и решил, что, пожалуй, не стоит.

— Почему ты так решил? — спросил он.

— Не знаю. Любопытно.

— Ну да, ну да, — сказал он. Затем: — Помоги мне залезть туда. Надо посмотреть, что за припасы ты мне оставил…

— Давай.

Я поднялся и помог встать ему. Мы двинулись направо вокруг склона, нашли место, где взобраться было полегче, и я втащил его наверх.

Как только мы добрались до входа в грот, он навалился на посох и уставился в провал.

— И никакой возможности легко спуститься, — сказал он. — Для меня, по крайней мере. Я-то думал, что можно бы подкатить из кладовой бочонок, а я уж как-нибудь спустился бы сперва на него, а потом уж на пол. Только высота тут побольше, чем мне помнилось… Какая-нибудь рана точно откроется…

— М-м, — сказал я. — Погоди-ка. Есть идея…

Я спустился вниз и вдоль подножия холма потопал направо

— до тех пор, пока не завернул за два сверкающих выступа и полностью не скрылся из поля зрения Льюка.

Раз уж мне пришлось задействовать Логрус, не следовало делать этого в присутствии Льюка. Я не хотел, чтобы он видел, как я работаю с Логрусом, — это дало бы ему возможность составить представление о моих возможностях — и их границах. Я не настолько беззаботен, чтобы позволять другим знать обо мне слишком много.

Логрус явился на мой зов, и я потянулся в него… сквозь него… Желание оформилось, стало целью. Посланные отростки искали мысль. Дальше, дальше…

Продолжалось это чертовски долго. Пришлось дойти до самой сердцевины Тени…

Контакт.

Я не стал дергать — просто медленно и не спеша потянул. Я почувствовал, как что-то движется ко мне через тени.

— Эй, Мерль! Все в порядке? — услышал я голос Льюка.

— В порядке, — ответил я лаконично. Мне было не до подробностей.

Ближе, ближе…

Вот!

Я пошатнулся, когда эта штука прибыла — одним концом она чуть меня не задела. Другой конец грохнулся на землю. Я подошел к середине, ухватился поудобнее и потащил к скале.

Я установил ее возле крутого откоса недалеко от того места, где сидел Льюк, и быстро взобрался наверх. Затем я подтянул ее наверх.

— Хорошо, но где ты ее достал? — спросил Льюк.

— Нашел.

— На том конце она, похоже, только что покрашена…

— Наверное, ее кто-то только что потерял.

Я начал спускать лестницу в пещеру. После того как она уперлась в пол, из дыры торчало еще несколько футов. Я приладил ее поустойчивей.

— Я спущусь первым, — сказал я, — и буду тебя страховать.

— Возьми мои трость и клинок.

— Конечно.

Когда я сделал шаг с последней ступеньки, Льюк уже ухватился за лестницу, влез в дыру и начал спускаться.

— Как-нибудь научишь меня этому фокусу, — сказал он, тяжело дыша.

— Не понимаю, о чем ты. — ответил я.

Льюк спускался медленно, останавливаясь отдохнуть на каждой перекладине. Когда он добрался до пола, то весь

раскраснелся и пыхтел. Льюк тут же шлепнулся на пол, прижав к груди правую ладонь. Спустя некоторое время он отполз назад и привалился к стене.

— Ты в порядке? — спросил я.

Льюк кивнул.

— Буду в порядке, — сказал он, — через пару минут. Черт, столько неудобств, когда тебя так порежут…

— Принести одеяло?

— Спасибо, обойдусь.

— Ну, отдыхай пока, а я пойду проверю кладовую и посмотрю, не добрался ли кто до припасов. Хочешь, принесу что-нибудь?

— Воды, — сказал он.

Припасы оказались в порядке, и спальный мешок по-прежнему лежал там, где я его оставил. Я принес Льюку питье — на память пришло несколько забавных воспоминаний о том времени, когда он делал то же самое для меня.

— Похоже, ты в порядке, — сказал я. — Там всего полно.

— Ты там не все вино выпил, а? — спросил Льюк между глотками.

— Нет.

— Это хорошо…

— Ну-с, ты говорил, что у тебя есть информация, жизненно важная для Янтаря, — сказал я. — Может, соизволишь изложить?

Льюк улыбнулся.

— Не сейчас, — сказал он.

— Я думал, мы договорились именно так.

— Ты не дослушал. Нас прервали.

Я покачал головой:

— Согласен, нас прервали. Досказывай.

— Я должен встать на ноги, напасть на Крепость и освободить мою мать…

Я кивнул.

— Так вот, информацию ты получишь после того, как мы ее спасем.

— Эй, погоди! Ты не слишком много просишь?

— За такую информацию это почти даром.

— Похоже, я покупаю кота в мешке.

— Да, так оно и есть. Но, поверь мне, это окупится.

— И не протухнет, пока я буду ждать?

— Нет, я все подсчитал. За пару дней по времени Янтаря я встану на ноги. Вряд ли проблема обострится так скоро…

— Льюк, это начинает напоминать блеф.

— Это и есть блеф, — сказал он. — Но результат этого блефа

пойдет на пользу и Янтарю, и мне.

— Это другое дело. С трудом представляю, чтобы ты сделал что-то себе во вред… или на пользу противникам.

Льюк вздохнул.

— Может быть, этого хватит даже на то, чтобы снять меня с крючка, — добавил он.

— Ты хочешь отказаться от кровной мести?

— Не знаю. Думал-то я много… Но раз уж я решил идти этим путем, нужно обставить свой выход с как можно большей помпой.

— А если ты решишь идти другим путем, то получается, что ты сам облажался. Так?

— Ну, это-то я как-нибудь переживу. Моя задача станет труднее, но останется решаемой…

— Не знаю, — сказал я. — Если хоть словечко о нашей сделке просочится, а я не получу ничего, что можно выложить как оправдание того, что отпустил тебя… Вот тогда я действительно сяду на сковородку.

— Я никому не скажу, если не скажешь ты.

— Есть еще Винта.

— Так она же продолжает трындеть, что цель всей ее жизни — тебя защищать. Кроме того, когда ты вернешься, ее там уже не будет. Скорее, там будет настоящая Винта, проснувшаяся после тяжелого сна.

— Ты в этом уверен?

— Ты же ушел. Она наверняка уже тебя ищет.

— Ты знаешь, кто она такая на самом деле?

— Нет, но если тебя интересуют мои предположения, то когда-нибудь…

— Не сейчас?

— Нет, сейчас я немножко посплю. Меня снова прихватило…

— Тогда давай пройдемся по пунктам еще разок. Что ты собираешься делать, как намерен действовать и что обещаешь мне?

Льюк зевнул.

— Я останусь здесь, пока не приду в норму, — сказал он. — Когда буду готов напасть на Крепость, я свяжусь с тобой. Кстати, о птичках — мои Козыри все еще у тебя.

— Я помню. Продолжай. Как ты будешь брать Крепость?

— Я еще не решил. Но об этом ты тоже узнаешь… Будешь ты мне в этом помогать или нет — мне все равно. Хотя я не отказался бы от помощи еще одного колдуна. Как только мы окажемся внутри, а мама на свободе, я говорю тебе все, что обещал, — и можешь тащить это в Янтарь в клювике.

— А если ты проиграешь? — спросил я.

Льюк отвернулся.

— Ну, такая возможность существует всегда, — в конце концов согласился он. — Ладно, предлагаю следующее. Я все это пишу на бумаге и храню у себя. Передаю тебе — по Козырю или лично — перед штурмом. Выиграю я или проиграю, но свое ты получишь.

Льюк протянул здоровую руку, и я пожал ее.

— Согласен, — сказал я.

— Тогда отдай мне Козыри. Я свяжусь с тобой, как только снова научусь ходить на своих двоих.

Помешкав, я вытащил свою колоду — она была теперь довольно пухлой, — стасовал свои карты — вместе с некоторыми Козырями его колоды — и отдал Льюку оставшиеся.

— А остальные?

— Я хочу их изучить как следует.

Он слабо пожал плечами.

— Я всегда могу сделать еще. Но отдай мне Козырь матери.

— Вот.

Льюк взял карту и сказал:

— Не знаю, что ты задумал, но дам тебе один совет: не лопухнись с Далтом. Он не самый приятный парень, даже когда у него мозги в порядке, а как раз сейчас с ним, по-моему, что-то творится. Держись от него подальше.

Я кивнул и поднялся на ноги.

— Уже уходите? — спросил он.

— Ухожу.

— Лестницу оставь.

— Тут все твое.

— Что расскажешь в Янтаре?

— Ничего… пока, — сказал я. — Хочешь, я перед уходом принесу тебе поесть? Сэкономишь рейс.

— Хорошая идея. И бутылку вина принеси.

Я принес ему запас провизии. И спальник тоже притащил.

Потом начал было подниматься по лестнице и остановился на полпути.

— Ты еще сам не знаешь, что у тебя на уме, — сказал я. — Верно?

Льюк улыбнулся.

— Только не поверь в это всем сердцем.

Поднявшись наверх, я посмотрел на большой булыжник, которым меня когда-то замуровали в гроте. Ранее я подумывал, не оказать ли Льюку ответную любезность. Я мог засечь время и вернуться за Льюком, когда он встанет на ноги. Таким образом, улизнуть от меня он не сможет. Я отверг такой вариант — не

только потому, что, кроме меня, никто не знал, что Льюк здесь, и если со мной что случится, то ему — крышка. Важнее было то, что если я заткну вход, то Льюк, когда он выздоровеет, не сможет связаться со мною по Козырю. По крайней мере, так я говорил себе самому.

Тем не менее я наклонился, взялся за булыжник и подтащил его поближе к отверстию.

— Эй, Мерль! Что ты делаешь? — прозвучало снизу.

— Червей копаю, — ответил я.

— Эй, а ну кончай! Не…

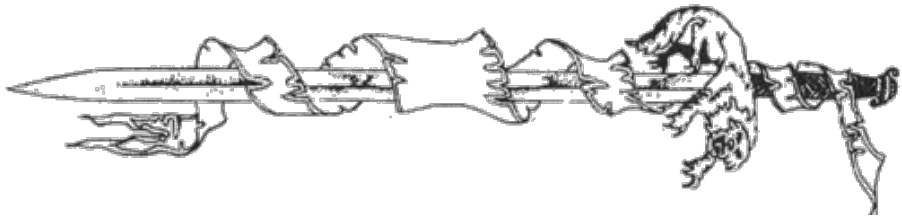
Я рассмеялся и подтащил булыжник еще ближе.

— Мерль!

— Я думал, ты хочешь, чтобы я закрыл дверь перед уходом — а вдруг дождь, — сказал я. — Только он тяжелый, сволочь… Ладно уж, не дергайся…

Я повернулся и спрыгнул со скалы. Я решил, что дополнительный адреналин Льюку не помешает.

VIII



Спрыгнув с откоса, я снова пошел за отрог хрустального холма, откуда я принес лестницу, — какое-никакое, а все-таки укрытие от глаз возможных наблюдателей.

Я выдернул чистые карты. Время бежало. Я выудил из кармана карандаш и обнаружил, что он сломан. Я вынул из ножен клинок — лезвие его было длиной в руку. Пришлось применять эту штуку не по назначению.

Примерно через минуту я набрасывал на карте, которая лежала на плоском камне передо мной, свою комнату в Лесном Доме. Сила Логруса текла по моим пальцам. Мне приходилось работать предельно аккуратно, взвешенно, добиваясь, чтобы рисунок передавал ощущение места. Наконец набросок был закончен. Я встал. Рисунок был верен, Козырь был готов. Я раскрыл свой разум и всматривался в рисунок, пока тот не стал реальностью. Тогда я шагнул в комнату. Сделав шаг, я вспомнил, что кое о чем я Льюка так и не спросил, но было уже слишком поздно.

За окном тени деревьев вытянулись к востоку. Значит, меня не было большую часть дня.

Повернувшись, я увидел на прибранной кем-то кровати лист бумаги, прижатый краем подушки, — чтобы сквозняком не унесло. Я подошел к нему и взял, одновременно подобрав небольшую синюю пуговицу, лежавшую сверху.

Написано было по-английски. Записка гласила: «ПОЛОЖИ ПУГОВИЦУ В БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО, ПОКА ОНА ТЕБЕ НЕ ПОНАДОБИТСЯ. Я НЕ МОГУ НОСИТЬ ЕЕ ДОЛГО. НАДЕЮСЬ, ТЫ НЕ ДЕЛАЛ ГЛУПОСТЕЙ. ПОСТАРАЮСЬ ВЫЯСНИТЬ ЭТО КАК МОЖНО СКОРЕЕ. ДО ВСТРЕЧИ».

Подписи не было.

Я не мог оставить пуговицу здесь — грозило мне это чем-нибудь или нет. Поэтому я завернул пуговицу в записку и положил в карман. Затем я вынул из шкафа свой плащ, перекинул его через руку и вышел из комнаты. Щеколда была сломана, так что двери я оставил открытыми нараспашку. В коридоре я остановился и прислушался, но не услышал ни голосов, ни движения.

Я дошел до лестницы и направился вниз. Я был уже почти внизу, когда заметил ее — настолько неподвижно сидела она возле окна справа от меня; рядом на маленьком столике стоял поднос с хлебом и сыром, бутылкой вина и кубком.

— Мерлин! — сказала она внезапно, приподнявшись. — Слуги сказали, что вы здесь, но я заглянула сюда и не нашла вас…

— Меня отзывали, — сказал я, преодолевая последнюю ступеньку и подходя к ней. — Как вы себя чувствуете?

— Как вы… что вы знаете обо мне? — спросила она.

— Вы, вероятно, не помните, что было в последние два дня, — отозвался я.

— Да, — сказала она. — Не хотите присесть?

Винта указала на кресло по другую сторону столика.

— Присоединяйтесь, прошу вас, — она показала на поднос. —

Позвольте, я налью вам вина.

— Вот это правильно, — сказал я, увидев, что она пьет белое.

Она поднялась, пересекла комнату, открыла шкафчик и достала еще один кубок. Вернувшись на прежнее место, она плеснула в него приличную дозу «Мочи Бэйля» и поставила возле моей руки. Похоже, по-настоящему крепкое пойло они оставляют для себя.

— Что вы можете рассказать о том, что я не помню? — спросила она. — Я была в Янтаре — и вдруг я осознаю, что я здесь и нескольких дней как не бывало…

— Да, — сказал я, беря крекер и кусочек сыра. — Примерно в какое время вы снова осознали себя?

— Этим утром.

— Беспокоиться не о чем… теперь, — ответил я. — Повтора не будет.

— Но что это было?

— Временами такое накатывает, — сказал я, пробуя вино.

— Больше похоже на магию, чем на болезнь…

— Вероятно, не без этого, — согласился я. — Никогда не знаешь, чем может надуть из Тени… Но почти с каждым, с кем такое случалось, теперь полный порядок. Насколько я знаю.

Винта нахмурилась.

— Очень странно.

Я прихватил еще пару крекеров и отхлебнул вина. Они действительно приберегали хорошее пойло для себя.

— Совершенно не о чем беспокоиться, — повторил я.

Она улыбнулась и кивнула.

— Я верю вам. И все-таки, что вы здесь делаете?

— Остановка в пути. Я возвращаюсь в Янтарь, — сказал я, — издалека. Кстати, вы мне напомнили… можно ли у вас взять на время лошадь?

— Разумеется, — отозвалась она. — Когда вы уезжаете?

— Как только получу лошадь, — сказал я.

Винта поднялась на ноги.

— Я не сразу поняла, что вы спешите. Я тотчас провожу вас в конюшню.

— Спасибо.

По пути я прихватил еще два крекера и сыру и высосал оставшееся вино. Интересно, где сейчас может плавать голубой дымок?

Приметив доброго коня, о котором Винта сказала, что его можно оставить в их конюшне в Янтаре, я оседлал его и взнуздал. Он был серый, и звали его Дымок. Затем я накинул плащ и сжал руки Винты.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал я, — даже если вы о нем не помните.

— Не говорите пока «до свидания», — сказала она мне. — Подъезжайте к выходу из кухни в патио, и я дам в дорогу фляжку с водой и провизию… Мы ведь не совершили ничего безрассудного, о чем я не помню, не так ли?

— Джентльмену не к лицу говорить об этом, — сказал я.

Она рассмеялась и потрепала меня по плечу.

— Приходите как-нибудь в гости, когда я буду в Янтаре, — сказала она, — и освежите мои воспоминания.

Я взял седельные сумки, торбу для Дымка и длинную веревку, чтобы привязывать ею коня. Вывел Дымка наружу, пока Винта направлялась обратно к дому. Затем сел в седло и медленно поехал за ней, а несколько собак вились возле копыт коня. Я объехал дом, — неблизкий путь, — натянул поводья и спешился возле кухни. Разглядывал патио и мечтал, чтобы такой же был у меня. Я мог бы посиживать там и пить по утрам кофе. Или даже в компании…

Вскоре дверь открылась, вышла Винта и передала мне узелок и фляжку. Пока я их укладывал, она сказала:

— Дайте знать моему отцу, что я вернусь через несколько дней, хорошо? Скажите ему, что я поехала в деревню, потому что почувствовала себя плохо, но теперь все в порядке.

— С радостью, — сказал я.

— Я действительно не знаю, почему вы здесь, — сказала она. — Но если это политика или интриги, то не хочу и знать.

— Отлично, — сказал я.

— То, что прислуга готовила еду для крупного рыжеволосого парня, который, похоже, был серьезно ранен, мне лучше забыть?

— Желательно.

— Тогда так и будет. Но как-нибудь я хотела бы услышать эту историю без лакун…

— Я тоже, — сказал я. — Поживем — увидим…

— Ну, доброго пути.

— Спасибо. Постараюсь.

Я пожал ей руку, повернулся и сел в седло.

— До свидания.

— Увидимся в Янтаре, — сказала она.

Я сел в седло и еще раз проехался по кругу — пока вновь не оказался возле конюшен. Потом я направил коня мимо них до тропы, по которой мы с Винтой уже ездили и которая вела в нужном мне направлении. Позади в доме завыла собака, мгновением позже к ней присоединилась другая. С юга потянуло ветерком, и он приволок откуда-то несколько листьев. Мне

захотелось оказаться на дороге — далеко и в одиночестве. Я ценил одиночество, потому что, как мне казалось, пока ты один, лучше всего думается, а тогда обдумать мне требовалось многое, очень многое…

Я ехал на северо-запад. Примерно через десять минут я добрался до проселка, который как-то уже пересекал. На этот раз я поехал по нему на запад и в конце концов выехал прямо на перекресток с указателем, отмечающим, что Янтарь находится прямо по ходу. Я поехал прямо.

Я путешествовал по желтой грунтовой дороге, выставлявшей напоказ отпечатки множества фургонных колес. Дорога повторяла очертания ландшафта, тянулась вдоль распаханных под пар полей, окруженных низкими каменными оградами, по обе стороны которых росли редкие деревья. Далеко впереди я видел контур обнаженных гор, возвышающихся над лесом, который медленно, но верно подтягивался мне навстречу. Мы с Дымком двигались легкой рысью, и я пустил мысли скользить по событиям нескольких последних дней.

В том, что у меня есть враг, я не сомневался. Льюк заверил меня, что сам он мне больше не враг, и я решил, что это более чем убедительно. Ему не было нужды приходить ко мне только для того, чтобы подлечить раны, — на это указывали и он сам, и Винта. Он вполне мог самостоятельно отыскать дорогу к хрустальному гроту или какому-нибудь другому убежищу. И вопрос о моей помощи в деле спасения Джасры мог подождать. Я был больше чем на пятьдесят процентов убежден, что он пытался на скорую руку восстановить наши прежние хорошие отношения, потому что я был единственным его контактом с Двором Янтаря, а удача от него отвернулась. У меня было такое чувство, что он хотел получить официальный статус в Янтаре и что упомянутую важную информацию он предоставит — как знак доброй воли и долю добычи. Я вовсе не был уверен, что излишне критически отнесся бы к любому предложенному Льюком плану по спасению Джасры. Он знаком был с Крепостью — изнутри и снаружи; явно был колдуном и располагал отрядом наемников, который сумел переправить с тени Земля. Из того, что я знал, получалось, что тот занятный боезапас срабатывал в Крепости так же, как в Янтаре. Верно это или нет, но почему бы просто не козырнуть ударную группу в нужное место? Льюку даже не пришлось бы выигрывать битву — нужно было просто попасть внутрь, забрать Джасру и свалить оттуда. Нет, у меня не было ощущения, что для той операции, решись Льюк на нее, я так уж необходим. Напротив — у меня было ощущение, что мне на уши вешают еще дымящуюся лапшу — в надежде, что, когда рассеется пар, мы

просто положим на одну чашку весов то, что у Льюка есть, на другую — то, что Льюк хочет, и сделаем ему предложение…

Кроме того, у меня было ощущение, что у Льюка могло появиться желание покончить с вендеттой — раз уж с Кэйном покончено и честь рода удовлетворена. И, пожалуй, в этом смысле Джасра была для него камнем преткновения. И раз уж я понятия не имел, чем она могла его держать, мне пришло в голову, что помянутая важная информация может представлять

собой описание способа нейтрализации его мамаши. Если бы Льюк сумел тайком передать нам эти сведения — чтобы они попали к нам как бы по нашим собственным каналам, — то смог бы и сохранить лицо, и купить мир с Янтарем. Танталовы муки. Сейчас моей главной задачей было найти способ представить все это при дворе в самом лучшем свете — дабы не выглядеть предателем, который отпустил Льюка. Это означало одно: придется доказывать, что прибыль окупит инвестиции.

По сторонам прибавилось деревьев, а сам лес придвинулся ближе к дороге. Я переехал деревянный мост над прозрачным потоком, и некоторое время меня преследовал ласковый плеск. Слева вдалеке лежали поля и амбары, справа — фургон со сломанной осью…

А если я неверно просчитал действия Льюка? Существовал ли способ надавить на него и все-таки сделать так, чтобы моя интерпретация оказалась верной? У меня начала оформляться небольшая идейка. Не то чтобы я запрыгал от радости при ее появлении, но обдумать ее как следует стоило. Требовались риск и быстрота. Впрочем, достоинства у этой идейки тоже были. Я повертел ее и так и эдак, затем отложил и вернул мысли в главное русло.

Где-то был враг. И если это не Льюк, то кто же? Наиболее очевидным кандидатом на этот пост казалась Джасра. Во время двух наших встреч она сумела вполне ясно выразить все, что она думает и чувствует на мой счет. Она вполне могла послать наемных убийц, с которыми я столкнулся на Гробовой Аллее. В таком случае, я временно в безопасности — пока она пленница Крепости, — если, конечно, до того как попалась сама, она снова не выслала по моему следу людей. Впрочем, это было бы уже слишком. Не такая уж я заметная фигура в событиях, за которые она хотела отыграться, да и тех людей, которых она послала в первый раз, почти хватило для выполнения поставленной задачи.

А если не Джасра? Тогда я по-прежнему сижу по самые уши. Маг в синей маске, которого я пока постановил считать Шару Гаррулом, пустил по моему следу торнадо, который показался мне не слишком дружеской увертюрой к последовавшим за ним цветам. Последнее, разумеется, указывало на личность, с которой я контачил из квартиры Флори в Сан-Франциско. В таком случае он инициировал столкновение, которое значило, что у него есть на мой счет какие-то планы. Что он такое говорил? Что-то о возможности встретиться на узкой дорожке. Это интересно… в ретроспективе. Я уже видел, чем может обернуться эта возможность.

Но на самом ли деле убийц подослал Шару Гаррул? Несмотря

на то что он знал о свойствах синего камня, который вел их по моему следу, — об этом свидетельствует синяя пуговица у меня в кармане, — что-то тут не вытанцовывается. Во-первых, наши дорожки еще толком не сходились. Во-вторых, для таинственного повелителя стихий, забрасывающего противников цветами, стиль не тот. Тут, конечно, я мог крепко ошибаться, но после колдовской дуэли я мог ждать чего-то большего, чем банальный кинжал наемного убийцы.

По мере того как опушка леса становилась к дороге все ближе, поля уступали место целине. В ярколистье леса уже вползли сумерки. Но он не походил на густой и древний лес Ардена: я издали видел выше по склону множество прогалин. Дорога оставалась широкой и хорошо утоптанной. Въехав в тенистую прохладу, я поплотнее завернулся в плащ. Поездку можно было бы назвать легкой, если б это была всего лишь прогулка. Я не торопился. В голове одна за другой всплывали идеи, которые нужно было обдумать…

Если б я сумел выпытать побольше у того странного безымянного существа, которое захватило тело Винты… Я по-прежнему понятия не имел, какова была ее истинная природа. Да, именно «ее». Я почему-то ощущал, что существо это по натуре скорее женщина, нежели мужчина, — несмотря на то что оно побывало и в теле Джорджа Хансена, и в теле Дэна Мартинеса. Наверное, потому, что я занимался с нею — когда она была Мег Девлин — любовью. Трудно сказать… Но когда-то я знал Гэйл, да и Дева Озера была настоящей леди…

Хватит. Вопрос о местоимении я решил. Были вопросы поважнее. Например — кто бы она ни была, почему она так истово убеждала меня, что хочет меня защитить? Я оценил ее высокие чувства, но мотивы ее по-прежнему оставались для меня неясны.

Было еще кое-что — нечто более важное, чем ее мотивы. То, что она вменила себе в обязанность охранять меня, — это ее личное дело. Волновало другое: от чего именно, по ее мнению, меня нужно защищать? Она должна знать о существовании какой-то конкретной угрозы, но ни единым намеком не дала мне понять, в чем эта угроза кроется.

И был ли вообще враг? Настоящий враг? Противник Винты?

Я снова попытался упорядочить все, что знал о ней.

Дано: таинственное создание, которое иногда выглядит как голубой дымок. Может находить меня в Тени. Может захватывать контроль над телом человека, полностью подавляя естественное ego. Давным-давно отирается возле меня — а я об этом ни сном ни духом… Самой ранней ее инкарнацией — из тех, что я

знаю, — была Гэйл, прежняя подружка Льюка.

Почему именно Гэйл? Если она охраняла меня, то зачем ей крутиться вокруг Льюка? Почему она не стала женщиной, на свидания с которой ходил я? Действительно, почему бы ей не стать Джулией? Но нет: ее выбор пал на Гэйл. Может, Льюк угрожал моему благополучию и она не хотела выпускать его из виду? Но она прохлопала Льюка, когда тот устраивал покушения на мою жизнь. Сначала он, потом Джасра. Она знала о том, что за последними покушениями стоит Джасра, это было сказано прямым текстом. Почему она просто не устранила их? Она могла, например, забраться в тело Льюка и шагнуть под колеса грузовика, а потом упорхнуть из тела и сделать то же самое с Джасрой. Умереть вместе с телом, которым владела, ей не грозило. На моих глазах она умирала дважды.

Правда, она могла знать, что все покушения обречены на провал. Могла ли она испортить бомбу в посылке? Могла ли она разбудить меня утром, чтобы я не отравился газом? Могла ли она приложить руку к срыву каждого покушения? И все-таки гораздо проще было бы докопаться до источника неприятностей и устранить проблему вместе с ним. Я знал, что угрызениями совести из-за погубленных жизней она не страдает. На Гробовой Аллее она приказала прикончить оставшегося в живых убийцу…

Что бы это значило?

В голову пришли сразу два объяснения. Первое: ей действительно начал нравиться Льюк, и она искала способ нейтрализовать его, не уничтожая. Но затем я вспомнил Мартинеса с пистолетом — и все опять развалилось. Она же всерьез стреляла в Льюка в Санта-Фе… Ладно. Оставалось другое объяснение: Льюк — не настоящая угроза, он нравится ей ровно настолько, чтобы оставить его в живых, раз уж он забросил игры в террористов по тридцатым апреля. К тому же она удостоверилась, что мы с Льюком подружились. В Нью-Мексико произошло что-то такое, что изменило ее мнение. Что это было за событие? Я понятия не имел. Потом она последовала за мной в Нью-Йорк и ненадолго стала Джорджем Хансеном, а потом быстро переключилась на Мег Девлин. Льюк к тому времени сошел со сцены — после того, как мы расстались в горах, он летал по другой орбите. Угрозы он больше не представлял — и все-таки она исходила пеной, пытаясь войти со мной в контакт. Надвигалось что-то еще? Настоящая угроза?

Я перепахал свои мозги вдоль и поперек, но так и не смог придумать, что это была за угроза. Может, следуя этой цепочке умозаключений, я шел ошибочным путем?

Вездесущей она определенно не была. Причиной похищения

и срочной эвакуации меня в Лесной Дом были ее желание получить от меня информацию и желание вывести меня из-под удара — в равной степени. И кое-что из того, что она жаждала узнать, было не менее интересно, чем то, что она знала и без меня…

Память выкрутила обратное сальто. Какой вопрос она задала первым?

Мастерски приземлившись на воображаемые ноги в доме Билла Ротта, я снова и снова прокручивал этот вопрос. Как Джордж Хансен она задала его как бы мимоходом — и я солгал; как голос в телефонной трубке она задала его же и получила от ворот поворот; как Мег Девлин, в постели, она в конце концов получила от меня честный ответ.

«Как зовут твою мать?»

Когда я сказал, что мою мать зовут Дара, она наконец заговорила свободно. Предостерегла меня относительно Льюка. Кажется, она собиралась сказать что-то еще, но прибытие мужа настоящей Мег прервало нашу беседу.

И к какой замочной скважине подходит этот ключик? К моему происхождению из Дворов Хаоса — о котором, кстати, она ни разу не упоминала. Тем не менее это, должно быть, действительно важно…

У меня появилось ощущение, что я держу в руках ответ, но пока не могу сформулировать нужного вопроса.

Стоп. Дальше я решил не идти. Ясно было, что она знает о моих связях с Дворами, — но это не давало совершенно ничего нового. Плюс к тому, она знала и о моих связях с Янтарем — и мне все равно оставалось непонятным, как это влияет на ход событий.

Так что я оставил пока эту тему открытой. Вернуться к ней можно и потом. И без того подумать было о чем. По крайней мере, я теперь знал, какие вопросы нужно задать ей при следующей встрече. А эта встреча — я был уверен — не за горами.

Затем меня посетила еще одна мысль. Раз она вбила себе в голову, что должна меня защищать, то она и сейчас, наверное, торчит где-то поблизости за кулисами. Она выдала мне гору информации, которую я с большой долей вероятности мог считать соответствующей действительности, но проверить которую у меня не было никакой возможности. Начиная с телефонного звонка, с того, как она кругами ходила вокруг меня в Нью-Йорке, и до убийства моего единственного возможного источника информации в Гробовой Аллее, она была на деле более помехой, чем подмогой. Логично допустить, что она, того гляди,

вновь появится из ниоткуда и встрянет со своей помощью — причем в самый неподходящий момент.

Так что вместо того, чтобы углубленно сочинять и заучивать насыщенную убедительными аргументами само-оправдательную речь, которую я должен был произнести перед Рэндомом, я битый час размышлял над природой существа, способного вселяться в тело человека и брать управление этим телом на себя. Способов сделать это очень немного, и я быстро сузил поле поисков, всесторонне рассматривая имеющуюся у меня информацию о природе такого существа, используя приемы технической подготовки, которую преподал мне дядюшка. Когда я решил, что искомый способ найден, то сделал пару шагов назад и принялся размышлять над тем, какие силы могут быть задействованы в подобной процедуре.

Вполне представив принципиальную схему, я стал подбирать гармонические колебания и выстраивать их в интерференционную картину. Разовое высвобождение необработанной энергии, даже самое кратковременное, весьма утомительно для оператора и, по сути, расточительно, — не говоря уж о том, что с точки зрения эстетики это настоящее варварство. Лучше организовать все заранее.

Я выстроил сформированные сигнатуры и скомпилировал из них заклинание. Сугуи, наверное, срифмовал бы его куда изящнее, но у таких вещей имеется один нюанс: их эффективность убывает со временем, а свое заклинание я рассчитывал так, чтобы оно сработало именно там и именно тогда, где и когда оно должно сработать, — если базовые мои предположения верны. Поэтому я решил не слишком изгаляться и собрал матрицу так, как мне было удобно. Заклинание получилось очень длинное — слишком длинное, чтобы с ходу отбарабанить его от начала и до конца. Скорее всего, я буду применять его практически на бегу. Я еще раз прошерстил его и увидел, что оно держится на трех опорных точках… Пусть будет на четырех — так надежнее…

Я вызвал Логрус и вплел язык в его подвижный узор. Затем я медленно и отчетливо произнес заклинание, выпустив те самые четыре ключевые слова. Когда отзвенел последний слог, в лесу вокруг меня наступила мертвая тишина. Заклятие висело предо мной, словно изувеченная бабочка с крыльями из звука и цвета, пойманная в капроновую сеть вызванного мною изображения Логруса; оно готово будет явиться на мой зов и высвободиться, как только я произнесу пропущенные четыре слова…

Я убрал изображение Логруса и с облегчением почувствовал, как напряжение отпустило язык. Отныне не только это

таинственное существо способно устраивать неприятные сюрпризы…

Я остановился, чтобы напиться. Небо потемнело, лес снова негромко зашумел. Я задумался, не связаться ли мне с Фионой или Блейсом и как там поживает в городе Билл… Я прислушался к шуршанию ветвей. Внезапно у меня появилось ощущение, что за мной наблюдают, — это было не холодное прощупывание козырного контакта, а явственное ощущение, что где-то рядом есть пара зорких глаз и взгляд этих глаз воткнут мне в спину. Меня затрясло. Кругом одни враги…

Я проверил, легко ли выходит из ножен клинок, и поехал дальше. Ночь была молода, а впереди миль было больше, чем осталось позади.

Проезжая сквозь вечер, я по-прежнему был начеку, но так и не услышал — и не увидел — ничего неблагоприятного. Не ошибся ли я в Джасре, в Шару или даже в Льюке? Не сидела ли у меня сейчас на хвосте команда профессиональных убийц? Порой я натягивал поводья и какое-то время прислушивался. Но и тогда я не слышал ничего необычного, — ничего, что можно было принять за шум преследования. Меня вдруг остро заинтересовала синяя пуговица, лежащая в моем кармане. Не работала ли она сигнальным маячком для какой-нибудь гадости, посланной магом? Я не хотел расставаться с этой вещицей, потому что уже видел, как ее можно использовать. Кроме того, раз уж она теперь настроена на меня — а оно, вероятно, так и есть, — то я не вижу проку выкидывать ее сейчас. Прежде чем я попытаюсь снять ее метку, я спрячу пуговицу в безопасном месте. А до той поры не вижу никакого повода что-то еще с ней делать.

Небо продолжало темнеть, робко проявились первые звезды. Мы с Дымком совсем сбавили шаг, но дорога оставалась ровной, ее светлая полоса была видна по-прежнему и не грозила никакими опасностями. Откуда-то справа послышалось уханье совы, мгновением позже я увидел ее темный силуэт, метнувшийся среди деревьев. Приятная ночь для верховой прогулки, если б я на свою голову не насоздавал призраков и не натравил бы их на себя. Мне нравятся запахи осени и леса, и я решил на привале сжечь в костре немного листьев, ибо острота этого аромата не похожа ни на что другое…

Воздух был чист и прохладен. Стук копыт, наше дыхание и ветер казались единственными звуками окрест, пока чуть позже мы не вспугнули оленя и не услышали треск, сопровождающий его бегство. Мы пересекли небольшой, но крепкий деревянный мост — и ни один тролль не потребовал у нас пошлины[23]. Дорога стала забирать вверх, и мы медленно, но верно стали

взбираться к небу. Сквозь переплетение ветвей уже проглядывали многочисленные звезды, облаков я не видел. Когда мы забрались еще выше, лиственных пород стало меньше, чаще стали встречаться вечнозеленые. Порывы ветра становились все более неприятными.

Я стал чаще останавливаться, чтобы дать отдых Дымку, просто прислушаться и погрызть что-либо из припасов. Я решил ехать, по крайней мере, до восхода луны — который я попытался вычислить по ее местонахождению в прошлую ночь, вслед за моим отъездом из Янтаря. Если б я добрался до седловины и разбил лагерь на перевале, остаток пути до Янтаря поутру был бы легким и приятным…

Фракир слегка вздрогнула на запястье. К черту, во время поездки это часто случается, вечно на кого-нибудь наткнешься… Вполне возможно, что мимо пробежала голодная лиса, посмотрела на меня и захотела стать медведем. И все же я простоял на том месте дольше, чем намеревался, — готовый к нападению и старающийся не показать своей готовности…

Ничего так и не произошло, предупреждение не повторилось, и через пару минут я поехал дальше. Я прикидывал, как здорово было бы взять Льюка за яйца и сжать покрепче, — кстати, аналогичную операцию — с поправкой на анатомию — вполне заслужила и Джасра. Я пока не решался назвать эти замечательные прикидки планом — им не хватало проработки деталей. Чем больше я об этом думал, тем безумнее это все выглядело. Такой поворот был чрезвычайно соблазнителен — он позволял разом разрешить множество проблем. Затем я принялся удивляться, почему мне до сих пор не приходило в голову создать Козырь Билла Ротта. Мне было совершенно необходимо поговорить с хорошим адвокатом. К тому же, прежде чем взяться за серьезное дело, его нужно обсудить с серьезным человеком. Впрочем, сейчас слишком темно, чтобы рисовать… да и особой необходимости пока нет. Мне просто хотелось поговорить с Биллом, рассказать ему все, выяснить точку зрения человека, не заинтересованного напрямую в исходе игры…

Весь следующий час Фракир не шелохнулась. Потом начался спуск, а вскоре густая тень, улегшаяся вдоль дороги, принялась благоухать сосновыми ароматами. Я задумался — о магах и цветах, о Колесе-Призраке и его проблемах и об имени существа, которое недавно еще занимало тело Винты. Было еще много других размышлений, и некоторые из них имели долгую и богатую историю…

Много остановок спустя, когда сквозь кроны впереди меня просочился лунный свет, я решил сказать «стоп» и поискать место

для ночлега. Я дал Дымку напиться из ручья, а примерно через четверть часа справа от тропы приметил местечко, с виду вполне пригодное для ночевки. Я съехал с дороги и направился туда.

Выяснилось, что место не настолько шикарное, как мне мечталось, и я поехал дальше в лес — до тех пор, пока не наткнулся на небольшую поляну, показавшуюся мне довольно симпатичной. Я спешился, расседлал Дымка, вытер попоной и задал корму. Затем срезал клинком дерн, выкопал яму и разжег в ней костер. На такое дело пришлось потратить заклинание, потому что возиться со спичками мне было лень. Вспомнив накативший на меня стих, я бросил в огонь несколько охапок сухих листьев.

Я уселся на плащ спиной к стволу дерева, съел сэндвич с сыром и запил его водой из фляги. Одновременно я боролся с желанием содрать с ног сапоги. Клинок лежал на земле рядом со мной. Я наконец начал расслабляться. От огня веяло ароматом ностальгии. Следующий сэндвич я поджарил над огнем.

Я долго сидел и ни о чем не думал. Под кожей потекла мягкая расслабленность. Прежде чем отвалить на боковую, я хотел еще набрать хвороста, но особой нужды в этом не было. Холода я не чувствовал. Огонь был мне нужен скорее для компании…

Тем не менее…

Я сделал усилие, встал и двинулся в лес. Раз уж все равно поднялся, то провел долгую неторопливую разведку местности. Если честно, основным побудительным мотивом для этой прогулки была потребность облегчиться. Вдруг я поймал боковым зрением слабую вспышку далеко на северо-востоке. Я остановился. Еще один костер? Отражение луны на воде? Факел? Отблеск угас, и больше я его не увидел — хотя старательно вытягивал шею, проверял, с какого места я его видел, и пытался на это место встать.

Впрочем, у меня не было ни малейшего желания носиться за каким-нибудь блуждающим огоньком и провести всю ночь, ломясь по зарослям[24]. По дороге в лагерь я проверил, насколько легко меня обнаружить. Мой костерок был едва виден даже с десяти шагов. Я обошел лагерь кругом, вернулся на полянку и снова растянулся на траве. Огонь уже угасал. Я решил дать костру прогореть, завернулся в плащ и стал слушать тихий шепот ветра.

Заснул я быстро. Сколько времени спал — не знаю. И не помню ни одного сна, который снился мне той ночью.

Проснулся я оттого, что Фракир яростно забилась на запястье. Лишь чуть-чуть приоткрыв глаза, я сделал вид, что

разметался во сне, и бросил правую руку рядом с рукоятью клинка. Выровнял дыхание. Я слышал и ощущал, как поднялся ветер, видел, как он раздул угли и костер мой вновь разгорелся. Тем не менее передо мной вроде бы никого не было. Я напряженно вслушивался в малейшие шорохи, но слышал только ветер да потрескивание костра.

Одинаково глупо было как вскакивать на ноги и становиться в защитную позицию — я даже не знал, откуда грозит мне опасность, — так и разыгрывать мишень, оставаясь неподвижным. С другой стороны, я предусмотрительно расстелил плащ так, чтобы за спиной у меня оказалась старая сосна с низко нависшими ветвями. Зайти ко мне с тыла было сложно — не говоря уж о том, чтобы повести обходной маневр совершенно бесшумно. Так что внезапное нападение с той стороны мне не грозило.

Я чуть повернул голову и взглянул на Дымка, который, как мне показалось, волновался. Фракир продолжала отвлекать меня. Она метала петли и подавала мне сигналы тревоги до тех пор, пока я не приказал ей утихомириться.

Дымок подергивал ушами, раздувал ноздри и вертел головой. Я заметил, что его внимание обращено по правую сторону от меня. Конь пошел вокруг лагеря, волоча за собой длинную привязь.

Затем сквозь шум, производимый Дымком, я услышал и другие звуки — как будто кто-то приближался ко мне справа. Некоторое время звук не повторялся, но потом я услышал его вновь. Это были не шаги — было похоже, что какое-то тело задевает ветки и ветки протестующе шуршат…

Я припомнил расположение деревьев и кустов в той стороне и решил подпустить того, кто в них прятался, поближе, прежде чем я сделаю свой ход. Мысль о том, чтобы вызвать Логрус и приготовиться к магической атаке, я отбросил. На это ушло бы чуть больше времени, чем у меня оставалось. К тому же, судя по поведению Дымка и по тому, что я слышал, создавалось впечатление, что приближается кто-то один. Я решил при первом же удобном случае запастись набором заклинаний — и защитных, и наоборот, — вроде того, которое я соорудил для противодействия охраняющему меня существу. Закавыка в одном: для того чтобы выстроить эти заклинания как следует, вдохнуть в них силу и отработать их запуск до такой степени, когда они будут выскакивать по первому же зову, требуется несколько дней кропотливой работы, — к тому же заклинания имеют гнусную привычку скисать примерно за неделю. Иногда им удается протянуть дольше, иногда — и того меньше: в зависимости от

количества энергии, ввязанной в них, и от магической напряженности в той тени, где запускается заклинание. Это хлопотная и муторная возня, и тратить на нее время стоит, только если абсолютно уверен, что заклинания обязательно понадобятся. С другой стороны, нормальному колдуну полагается всегда держать под рукой взведенные заклинания для нападения, для защиты и для бегства. Но я всегда был слишком ленив — чтобы не сказать беспечен, — и до недавнего времени нужды в такого рода прикрытии не ощущал. К тому же свободное время, которое можно было употребить на программирование и отладку заклинаний, у меня появилось совсем недавно.

А любое обращение к Логрусу, решись я его вызвать для прикрытия, — это все равно что отбиваться сырой неотлаженной силой.

Надо дать нападающему подобраться поближе, только и всего. Тогда он встретится с холодной сталью и удавкой…

Теперь я ясно слышал, как он приближается, — слабое шуршание сосновых иголок. Ну, вражина, еще несколько шагов… Давай… Это все, что от тебя требуется. Подходи…

Он остановился. Я услышал ровное, тихое дыхание.

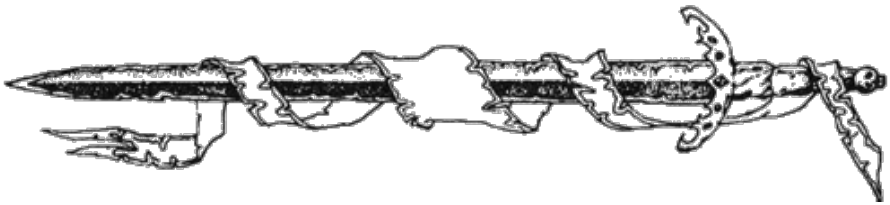
Затем:

— Ты уже знаешь, что я рядом, маг, — услышал я негромкий шепот. — У каждого из нас есть маленькие фокусы, и о твоих ловушках я знаю все…

— Кто ты? — спросил я, хватая клинок и перекатываясь на колени — лицом во тьму, острие клинка описывает небольшой круг.

— Я — враг, — ответствовал он. — Тот, о котором ты думал и которого меньше всего ждал.

IX



Власть. Сила.

Я помню этот день. Мы стояли на вершине скалы. Фиона — одетая в бледно-лиловое, перепоясанная серебром, — стояла чуть выше меня и правее. В правой руке она держала серебряное

зеркало и смотрела сквозь дымку вниз — туда, где высилось огромное дерево. Мир вокруг нас был недвижен, и даже негромкий наш разговор как будто приглушался. Вершина дерева исчезала в низко висящей туманной пелене[25]. Свет, который просачивался сквозь эту мглу, очерчивал изломанный силуэт дерева на фоне другого облака — касающегося земли и стеной поднимающегося вверх и сливающегося с тем, что нависало над нами. На земле возле дерева была прорисована яркая, будто светящаяся сама по себе линия. Изгибаясь, она исчезала в тумане. Слева от меня виднелась еще одна короткая дуга — она вырывалась из вспухающей белой стены и убегала обратно.

— Что это, Фиона? — спросил я. — Зачем ты привела меня сюда?

— Ты слышал об этом, — отозвалась она. — Я хотела, чтобы ты увидел его.

Я помотал головой.

— Никогда не слышал об этих местах. Я понятия не имею, что это…

— Идем, — сказала она и начала спускаться.

Я пытался подать ей руку, но Фиона отвергла ее и спустилась сама — быстро и грациозно. Мы подошли ближе к дереву. Было во всем этом что-то смутно знакомое, но я не смог понять — что именно.

— Твой отец потратил много времени, чтобы рассказать тебе свою историю, — наконец сказала Фиона. — И уж конечно, этой части он не опустил.

Я остановился. Кажется, я начал догадываться — но не решался поверить…

— Это дерево… — сказал я.

— Корвин воткнул здесь посох, когда приступил к созданию нового Образа, — сказала Фиона. — Ветка была срезана незадолго до того. Она пустила корни.

Казалось, земля вздрогнула у меня под ногами.

Фиона повернулась спиной к рисунку, подняла зеркало, которое принесла с собой, и наклонила его так, чтобы смотреть через правое плечо.

— Да, — сказала она несколько мгновений спустя. Затем протянула зеркало мне: — Взгляни так, как это сделала я.

Я взял зеркало, приладил и посмотрел.

Отражение в зеркале было совсем не таким, как то, что представало невооруженному взгляду. Теперь я мог заглянуть за дерево, видеть сквозь туман и различать большую часть необычного Образа, который закручивал сияющую спираль по земле, неуклонно свивая путь к своему центру — заметно

смещенному от геометрического, — единственному месту, по-прежнему скрытому башней неподвижной туманной белизны, внутри которой, казалось, горели похожие на звезды крошечные огоньки.

— Это не похоже на Образ Янтаря, — сказал я.

— Не похоже, — согласилась Фиона. — А на Логрус?

— Нет. Логрус, конечно же, непредсказуемо меняется. И все равно — там больше ломаных линий, а здесь в основном плавные кривые и повороты.

Я еще некоторое время изучал отражение, затем вернул зеркало Фионе.

— Интересное заклятие на этом зеркале, — прокомментировал я. Пока зеркало было у меня в руках, я успел раскрутить магическую паутину.

— И гораздо более сложное, чем можно предположить, — отозвалась она. — Это не простой туман… Смотри.

Фиона приблизилась к началу Образа, расположенному возле огромного дерева, и сделала движение, как будто собиралась поставить ногу на мерцающий путь. Прежде чем нога ее приблизилась, треснул небольшой электрический разряд и коснулся ее туфли. Фиона быстро отдернула ногу.

— Он отвергает меня, — сказала она. — Я на него даже ноги не могу поставить. Попробуй ты.

Что-то мне не понравилось в ее взгляде, но я подошел и встал рядом с ней.

— Почему твое зеркало не смогло проникнуть к самому центру? — вдруг спросил я.

— Наверное, сопротивление возрастает по мере приближения к нему. А в центре сильнее всего, — ответила она. — А что касается «почему», то я не знаю.

Я помешкал еще мгновение.

— Кто-нибудь еще, кроме тебя, пытался попробовать?

— Я приводила сюда Блейса, — ответила она. — Образ отверг и его.

— И больше этот Образ никто не видел?

— Я приводила Рэндома. Но он отказался даже пробовать. Сказал, что у него сейчас нет желания возиться.

— Наверное, это было благоразумно… Талисман был при нем?

— Нет. А что?

— Просто любопытно.

— Посмотрим, как Образ отреагирует на тебя.

— Посмотрим…

Я поднял правую ногу и медленно опустил ее к линии.

Примерно в футе над ней я остановился.

— Кажется, меня что-то отталкивает, — сказал я.

— Странно. А разряда нет…

— Невелико счастье, — ответил я и протолкнул ногу на пару дюймов вниз. В конце концов я вздохнул: — Нет, Фи. Не могу.

На ее лице я прочел разочарование.

— Я надеялась, — сказала она, пока я отодвигался, — что кто-то еще, кроме Корвина, сможет пройти его. Кто же, если не сын?..

— Почему так важно, чтобы кто-то прошел его? Просто потому, что он существует?

— Мне кажется, здесь кроется угроза, — сказала Фиона. — Образ придется исследовать и работать с ним.

— Угроза? Почему?

— Янтарь и Хаос — два полюса бытия, насколько мы знаем, — сказала она, — сосредоточенные в Образе и Логрусе. Веками между ними существовало нечто вроде равновесия. Но теперь, как мне кажется, баланс нарушается — из-за вот этого незаконнорожденного Образа твоего отца.

— Каким же образом?

— Янтарь и Хаос взаимно отражают порожденные ими волны. А этот Образ порождает интерференцию.

— Больше похоже на еще один кубик льда, брошенный в фужер, — сказал я. — Чуть погодя все утрясется.

Фиона покачала головой.

— Не утрясается… С тех пор как создана эта штука, увеличилось число теневых бурь. Они рвут ткань Тени. Они оказывают влияние на саму природу реальности.

— Не прокатывает, — сказал я. — Ведь тогда, помимо всего прочего, произошло куда более важное событие. Был поврежден изначальный Образ Янтаря, и Оберон исправил его. Волна Хаоса прокатилась по всей Тени. Было искажено все. Но Образ перехватил инициативу — и все успокоилось. Мне кажется более вероятным, что теневые бури — отзвуки того потрясения.

— Хороший аргумент, — сказала она. — Но что, если это не так?

— Маловероятно.

— Мерль, здесь есть какая-то сила… безмерное количество силы.

— Да я и не сомневаюсь…

— Мы всегда старались приглядывать за силой, пытались понять ее, взять под контроль. Потому что однажды она может быть обращена против нас. Говорил ли тебе Корвин хоть что-нибудь о том, что представляет собой его Образ и как можно

управлять им?

— Нет, — сказал я. — Ничего, кроме того, что он сделал Образ в спешке, чтобы заменить прежний. Он боялся, что Оберон не сумеет починить изначальный Образ.

— Если б мы могли отыскать твоего отца…

— До сих пор никаких известий?

— Дроппа заявляет, что видел его на тени Земля, к которой вы оба неравнодушны. Он сказал, что Корвин был с привлекательной женщиной, они пили вино и слушали музыку. Дроппа помахал им и двинулся сквозь толпу. Он считает, что Корвин видел его — хотя, когда он добрался до столика, они уже ушли.

— И это все?

— Да.

— Негусто.

— Да уж. Хотя, если действительно только Корвин может пройти эту чертову штуку и если она действительно настолько опасна, мы можем в один прекрасный день оказаться по уши в больших неприятностях.

— Я думаю, тетя, ты зря гонишь волну.

— Надеюсь, что ты прав, Мерль. Ладно, пойдем домой…

Напоследок я еще раз оглядел это место, чтобы запомнить детали и ощущения, — я хотел создать для него Козырь. Я никогда никому не рассказывал, что, когда я опускал ногу, никакого сопротивления не было. Просто, если ты ступил в пределы Образа или Логруса, возврата нет. Либо проходишь до конца, либо будешь уничтожен. А в тот момент, несмотря на мою любовь к приключениям, времени у меня не было — перемена заканчивалась и надо было возвращаться в аудиторию, на занятия.

Власть. Сила.

Мы были в лесу в Черной Зоне — так называется часть Тени, с которой торгует Хаос. Мы охотились на зхинда — рогатую, некрупную, черную, злобную и кровожадную тварь. Я вообще не слишком люблю охотиться — предпочитаю не убивать никого без веской на то причины. Но — идею подкинул Джарт, и, раз уж это была последняя возможность помириться с братом, я решил его предложение принять. Ни он, ни я не были особо выдающимися лучниками, а зхинды очень быстры. Если повезет, мы ничего не подстрелим, зато у нас будет шанс поговорить и, может быть, завершить охоту при куда более лучших отношениях, чем в ее начале.

Когда мы потеряли след и сели отдохнуть, разговор зашел о

стрельбе из лука, о придворных сплетнях, о Тени и о погоде. В последнее время Джарт был со мной заметно более вежлив — я счел это добрым знаком. Он отпустил волосы, чтобы прикрыть отсутствие левого уха. Уши вообще трудно регенерировать. О дуэли мы не вспоминали, о споре, который к ней привел, — тоже. Вскоре я должен был исчезнуть из его жизни, и я чувствовал, что он хотел бы закрыть эту главу на относительно мажорной ноте, чтобы каждый из нас ушел по своей дорожке, унося с собой хорошие воспоминания. По крайней мере наполовину я был прав.

Позже, когда мы остановились на перекус, он спросил меня:

— Так на что же она похожа?

— Что? — сказал я.

— Власть, — ответил он. — Сила Логруса… возможность ходить в Тени, работать магию на порядок выше обычной…

Вдаваться в детали мне не очень-то хотелось. Я знал, что Джарт трижды хотел пройти Логрус — и трижды в последний момент отступал, заглянув в него. Наверное, его расстраивали скелеты неудачников, которые там повсюду разложил Сугуи. Вряд ли Джарт знал, что я осведомлен о двух последних случаях, когда он отказывался от попытки; я решил не подавать вида, что знаю о них.

— Да нет, каких-то кардинальных перемен не ощущается, — сказал я, — пока действительно не воспользуешься этой силой… Но это сложно описать.

— Я думаю, что скоро и сам его пройду, — сказал он. — Здорово будет побродить в Тени. Может, даже найти себе какое-нибудь королевство… Присоветуешь что-нибудь?

Я кивнул.

— Не оглядывайся, — сказал я. — Не останавливайся, чтобы подумать. Просто иди вперед. И только вперед.

Джарт рассмеялся.

— Звучит как военный приказ, — сказал он.

— Какое-то сходство есть…

Он опять рассмеялся.

— Ладно, пошли убивать зхинда.

В тот день мы потеряли след в густом буреломе. Мы слышали, как зхинд ломился сквозь заросли, но не сразу поняли, в какую сторону он ушел. Я стоял к Джарту спиной и лицом к опушке, выискивая хоть какой-то след, когда Фракир туго стянула мне запястье, затем ослабла и упала на землю.

Я нагнулся подобрать ее, удивляясь, что это с ней могло случиться, и над головой услышал глухой «чпок». Глянув вверх, я увидел торчащую в стволе стрелу. Если б я не нагнулся, она воткнулась бы мне в спину.

Даже не успев выпрямиться, я быстро повернулся к Джарту. Он накладывал на тетиву вторую стрелу.

— Не оглядывайся, — сказал он. — Не останавливайся, чтобы подумать. Просто иди вперед. И только вперед.

Когда Джарт поднял оружие, я бросился в его сторону. Стрелок получше, вероятно, убил бы меня на месте. Когда я начал движение, он запаниковал и выстрелил раньше времени — стрела пробила бок моего кожаного жилета, но никакой боли я не

почувствовал.

Я подсек Джарту колени. Он упал навзничь, отбросил лук, выхватил охотничий нож, перекатился на бок и взмахнул оружием, целя мне в глотку. Я перехватил его запястье левой рукой, но удар был силен, и я повалился на спину. Продолжая удерживать лезвие подальше от себя, я ударил Джарта по лицу правой рукой. Он перехватил кулак и врезал коленом в пах.

Острие ножа оказалось в нескольких дюймах от моего горла, и лишь отчаянным усилием я сдержал последний толчок. Болело дико, но я сумел повернуть бедро, чтобы предотвратить еще один пенальти, и одновременно поставил правую руку Джарту под запястье, порезав себе при этом ладонь. Затем я двинул ему правой, левой рванул на себя и перекатился через левое плечо. Его рука вырвалась из моего ослабевшего захвата, и он откатился в сторону, а я попытался очухаться… и услышал его вопль.

Привстав на колени, я увидел, что Джарт лежит на левом боку там, где остановился, а нож висит в нескольких футах от него, запутавшись в сплетении ветвей. Руки Джарт прижимал к лицу, и крики его больше походили на блеяние.

Я подошел посмотреть, что случилось. Фракир готова была обвиться вокруг его горла — на случай, если он задумал какую-нибудь хитрость.

Но это была не хитрость. Подойдя ближе, я увидел, что острый сук упавшей ветки воткнулся ему в правый глаз. По щеке и по носу Джарта текла кровь.

— Да не дергайся ты! — сказал я. — Только хуже сделаешь. Давай я его выну…

— Убери руки, падаль! — крикнул он.

Затем, стиснув зубы и состроив жуткую гримасу, Джарт взялся за сучок правой рукой и откинул голову назад. Я невольно отвернулся. Через пару мгновений он жалобно простонал и свалился без сознания. Я отодрал левый рукав рубашки, оторвал от него полосу, сложил тампон и положил на поврежденный глаз. Второй полосой я этот тампон примотал. Фракир привычно вернулась мне на запястье.

Затем я выудил Козырь, который доставил бы нас домой, и поднял Джарта на руки. Маме все это не понравится…

Власть.

Была суббота. Все утро мы с Льюком летали на планере. За ленчем встретили Джулию и Гэйл, после этого взяли «Звездную вспышку» и оставшийся день ходили под парусом. Потом мы ввалились в гриль-бар на прибрежной эспланаде, где, пока мы ждали бифштексы, я купил пива, поскольку Льюк припечатал мою

руку к столешнице, пока мы разминались армрестлингом[26], выясняя, кому платить за выпивку.

Кто-то за соседним столом сказал: «Если бы у меня был миллион долларов, свободный от налогов, я бы…» Услышав эту фразу, Джулия рассмеялась.

— Что смешного? — спросил я.

— Список его желаний, — сказала она. — Я бы хотела шкаф, набитый платьями от лучших модельеров, и несколько элегантных украшений к ним. Шкаф хорошо бы поставить в действительно красивый дом, а дом построить в таком месте, где я считалась бы важной шишкой…

Льюк улыбнулся.

— Так, поехали от денег к власти, — сказал он.

— Может, и так, — отозвалась она. — Но на самом деле — какая разница?

— За деньги можно что-то купить, — сказал Льюк. — Власть позволяет что-то создать. Если тебе когда-либо предложат выбор между деньгами и властью, бери власть.

Обычная беспечная улыбка Гэйл сменилась выражением необычайной серьезности.

— Я не верю, что власть — это конечная цель, — сказала она. — Власть нужна для того, чтобы чего-то с ее помощью добиться.

Джулия рассмеялась.

— Что это вы прицепились к власти? — спросила она. — По-моему, это просто смешно!

— Да, но лишь до тех пор, пока ты не получишь огромную власть, — сказал Льюк.

— Тогда придется думать в других масштабах, — ответила Джулия.

— Ерунда, — сказала Гэйл. — У каждого есть обязанности, и они — прежде всего.

Льюк взглянул на нее и кивнул.

— Может, не стоит примешивать мораль? — сказала Джулия.

— Нет, стоит, — отозвался Льюк.

— Я не согласна, — сказала она.

Льюк пожал плечами.

— Она права, — вдруг сказала Гэйл. — Для меня долг и мораль — разные вещи.

— Ну, если у тебя есть долг, — сказал Льюк, — что-то, что ты непременно должен сделать, — скажем, дело чести, — этот долг становится твоей моралью.

Джулия посмотрела на Льюка, посмотрела на Гэйл.

— Это значит, что мы говорим об одном и том же? —

спросила она.

— Нет, — сказал Льюк. — Я так не думаю.

Гэйл сделала глоток.

— Ты говоришь о личном кодексе чести, который ничего общего не имеет с общепринятой моралью.

— Верно, — сказал Льюк.

— Значит, на самом деле это не мораль. Ты говоришь о долге, и только о нем, — ответила она.

— В этом отношении ты права, — ответил Льюк. — Но мораль от этого никуда не делась, правильно?

— Мораль — достояние цивилизации, — сказала она.

— Нет никакой цивилизации, — ответил Льюк. — Это слово означает искусство жить в городах.

— Ну хорошо. Достояние культуры, — сказала Гэйл.

— Культурные ценности — вещь относительная, — заявил Льюк, улыбаясь. — Мои культурные ценности утверждают, что я прав.

— А откуда они взялись, твои культурные ценности? — спросила Гэйл, внимательно вглядываясь в него.

— Давай оставим этот вопрос риторическим, — предложил он.

— Тогда давай отложим эту тему в сторону, — сказала Гэйл, — и вспомним о долге.

— А куда подевалась власть? — спросила Джулия.

— Ушла в пампасы, — сказал я.

Гэйл вдруг растерялась — как будто этот спор не повторялся в различных формах тысячи раз, как будто разговор действительно сделал неожиданный и новый поворот.

— Если это разные вещи, — сказала она медленно, — то какая из них важнее?

— А они не разные, — сказал Льюк. — Они одинаковые.

— Не думаю, — возразила Джулия. — Но долг обычно четко определяется, — значит, определив свой долг, ты сам устанавливаешь для себя мораль. Нет уж, если придется выбирать одно из двух, я выберу мораль.

— А мне нравятся четкость и определенность, — заявила Гэйл.

Льюк выдул свое пиво и негромко рыгнул.

— К черту все это! — сказал он. — Занятий по философии до вторника не предполагалось. Нынче у нас выходной. Кто платит за следующий круг, Мерль?

Я поставил левый локоть на стол и раскрыл ладонь.

Мы мерились силой, напряжение росло и росло, он сказал сквозь стиснутые зубы:

— Я прав, разве не так?

— Ты прав, — сказал я. За секунду до того, как его рука припечаталась к столу.

Власть. Сила.

Я забрал почту из запертого ящика в холле и отнес ее наверх, в квартиру. Там было два счета, несколько рекламных проспектов и что-то толстое, посланное первым классом и без обратного адреса.

Я закрыл дверь, сунул ключи в карман, бросил кейс на ближайшее кресло и уже направлялся к дивану, когда на кухне зазвонил телефон.

Бросив почту на кофейный столик, я развернулся и почапал на кухню. Взрыв, который немедленно шарахнул у меня за спиной, мог бы вышибить из меня мозги. А мог бы и не вышибить — точно не знаю, потому что, как только рвануло, я нырнул головой вперед. Стукнулся башкой о ножку стола. С одной стороны, я чуть не потерял сознание, зато с другой — не потерял ничего существенного. Все потери пришлись на долю гостиной. Когда я поднялся на ноги, телефон звонить уже перестал.

Я знал, что есть масса более простых способов избавиться от ненужной почты, но еще долго меня мучил вопрос — кто же мне тогда звонил.

Иногда я вспоминаю и первую серию этой мыльной оперы — грузовик, который решил на меня наехать. Я тогда лишь мельком увидел лицо водителя, прежде чем бросился в сторону, — безучастное, никаких эмоций, как будто он был мертв, загипнотизирован, накачан наркотиками или одержим. Выбирай из этого списка что хочешь — и можно сразу несколько позиций.

Потом настала ночь грабителей. Они напали на меня без единого слова. Когда все завершилось, я, уже топая прочь, оглянулся. Мне кажется, что заметил смутную тень, метнувшуюся во тьму парадного подъезда дальше по улице, — нетщетная предосторожность, я бы сказал, особенно если учесть, что только что произошло. Впрочем, это мог оказаться кто-то, причастный к нападению. Я тогда был измучен, а человек этот был слишком далеко, чтобы обеспечить полиции описание моей персоны с особыми приметами. Если бы я вернулся и узнал, что это просто прохожий, он мог бы потом меня опознать. Не то чтобы я опасался, что обычное дело о самозащите без превышения необходимого уровня обороны могут раздуть в нечто большее, но ведь тягомотины не оберешься… Поэтому я решил: ну и черт с ним, пусть живет — и пошел дальше. Еще одно интересное

тридцатое апреля.

День ружья. Я топал по улице. Хлопнули два выстрела. Оба — в «молоко»: кирпичные крошки сыплются из стены здания слева от меня, и только тут я сообразил, что происходит. Третьего выстрела не было, из стоящего через улицу здания раздался глухой удар и что-то как будто треснуло. Окно на третьем этаже было распахнуто.

Я поспешил туда. Это был старый многоквартирный дом, парадная дверь была заперта, но я не стал задерживаться — не до тонкостей этикета. Поднялся по лестнице, подошел к комнате, которая, по моим расчетам, была именно та, и решил подергать за ручку. Это сработало. Грубо говоря, дверь была незаперта.

Я встал сбоку и, толкнув дверь, увидел, что комната мебелью не обставлена и пуста. И кажется, не жилая. Не мог ли я ошибиться? Но затем я заметил, что окно, выходящее на улицу, распахнуто, и увидел то, что лежало на полу. Я вошел и прикрыл за собой дверь.

В углу валялось сломанное ружье. По отметинам на прикладе я догадался, что его, прежде чем отбросить в сторону, с огромной силой шарахнули о ближайший радиатор. Затем я увидел на полу что-то влажное и красное. Немного — всего несколько капель.

Я наскоро обыскал квартиру. Она была невелика. Окно в спальне тоже было открыто, я подошел к нему. Рядом с окном крепилась пожарная лестница, и я решил, что этот выход ничем не хуже любого другого — и для меня тоже. На почерневших перекладинах лестницы виднелись несколько мелких пятен крови — и все. Ни внизу, ни дальше по переулку никого видно не было.

Власть. Чтобы убивать. Чтобы оберегать. Льюк, Джасра, Гэйл. Кто ответственен?

Чем больше я думал об этом, тем более укреплялся в мысли, что утром открытых газовых горелок я тоже проснулся от телефонного звонка. Не было ли это предупреждением об опасности? Каждый раз, когда я пытался осмыслить эти события, мне начинало казаться, что в каждом из них ощущается некоторая искусственность интонаций. Теперь же все высветилось в совершенно ином свете. По словам Льюка и псевдо-Винты, настоящая опасность во время последних покушений мне не грозила — хотя казалось, что любое из них могло закатать меня в гроб. Кого теперь винить? Преступника? Или спасителя, который хотя и спасал, но не вполне последовательно? Кто из них кто, в конце концов? Я помнил, какой запутанной была история моего отца из-за той проклятой автомобильной аварии, которая была сыграна подобно «Последнему году в Мариенбаде», — хотя его приключения казались бесхитростными по сравнению с теми, что

выпали на мою долю. По крайней мере, большую часть времени он точно знал, что ему следует делать. Может, я унаследовал семейное проклятие и вечно обречен путаться в изощренных интригах?

Власть. Сила.

В памяти крепко засел последний урок дядюшки Сугуи. После того как я развязался с Логрусом, дядя решил потратить время на мое обучение вещам, выходящим за пределы обычного курса. И однажды настал день, когда я решил, что учеба завершена. Я прошел конфирмацию в Искусства[27] и был выпущен на все четыре стороны. Казалось, что я объял все основы мастерства, что остальное может быть только несущественным дополнением этих основ. Я начал готовиться к путешествию на тень Земля. Но однажды утром за мной пришли и пригласили к Сугуи. Я решил, что он просто захотел со мной попрощаться и дать пару дружеских советов.

Волосы Сугуи были белы, он иногда сутулился, а случались дни, когда даже ходил с посохом. Тот день был как раз из таких. Сугуи надел тогда желтый кафтан — который я всегда считал скорее рабочей одеждой, чем знаком социального положения.

— Ну что, готов к прогулке? — спросил Сугуи.

— Вообще-то путь предстоит неблизкий, — заметил я. — Но я в принципе готов.

— Нет. — Он покачал головой. — Я имел в виду не это путешествие.

— Но… Ты хочешь сказать, что намерен куда-то отправиться прямо сейчас?

— Идем, — сказал он.

Итак, я последовал за ним, и тени расступились перед нами. Мы шли, и местность становилась все более пустынной… В конце концов мы пришли туда, где вообще не было ничего живого. Вокруг нас простирался голый черный базальт, оцепеневший в медном свете тусклого древнего солнца. На этом краю всех миров было холодно и сухо. Когда мы остановились, я огляделся и поежился.

Я ждал, что Сугуи объяснит цель нашей прогулки. Но прежде чем он заговорил, время успело умереть и воскреснуть. Казалось, он не замечал моего присутствия и просто высматривал что-то на ровном горизонте мира.

— Я научил тебя законам Тени, — наконец сказал он — медленно и тяжело. — Я научил тебя составлять заклинания, научил, как сделать так, чтобы они срабатывали…

Я промолчал. Вроде бы речь его не предусматривала моего

ответа.

— Теперь ты знаешь кое-что о власти над миром, — продолжил он. — Ты черпаешь силу из Знака Хаоса, из Логруса, и воплощаешь в деяния…

Сугуи наконец взглянул на меня. Я кивнул.

— Ясно, что те, кто носит в себе Образ, Знак Порядка, могут совершать подобное — подобными же способами, а может, совсем другими… — продолжал он. — Наверняка я не знаю, ибо я не посвящен в Образ. Сомневаюсь, что дух мог бы выдержать бремя знания обоих Путей. Но тебе следует осознать, что существует другой путь Силы, антагонистичный тому, в который посвящены мы.

— Я понимаю, — сказал я, поскольку Сугуи, казалось, ожидал ответа.

— Однако ты обладаешь ресурсом, доступным тебе, — сказал он, — но которого нет у тех, из Янтаря. Смотри!

Последнее слово не значило, что мне нужно просто стоять и смотреть, как он прислоняет посох к валуну и простирает пред собой руки. Это значило, что мне следует вызвать Логрус, чтобы на уровне Силы увидеть то, что дядя делает. Я включил магическое зрение и принялся наблюдать за происходящим сквозь Логрус.

Видение, висевшее перед ним, казалось продолжением того, что вызвал я, — растянутое и перекрученное. Я видел и чувствовал, как дядя соединяет с ним руки и вытягивает пару зазубренных щупалец, чтобы коснуться валуна, лежащего много ниже по склону.

— Теперь войди в Логрус, — сказал дядя, — но оставайся пассивным. Держись рядом, пока я буду работать. Но ни в коем случае не смей вмешиваться.

— Понятно, — сказал я.

Я окунул руки в собственное видение, пошевелил ими, нащупывая гармонию, пока руки не слились с ним.

— Хорошо, — сказал дядя, когда я закончил. — А теперь ты должен только наблюдать — на всех уровнях Власти сразу.

Что-то запульсировало по всей длине управляемых им отростков, подбирающихся к валуну. К тому, что произошло потом, я оказался не готов.

Изображение Логруса передо мной почернело, расплылось бурлящей кляксой чернильной жижи. Жуткое ощущение разрушительной мощи хлынуло в меня — неописуемая сила уничтожения, она грозила переполнить меня, унести в блаженное ничто абсолютного беспорядка. Часть меня, кажется, жаждала этого, но другая часть немо вопила, моля, чтобы это

прекратилось. Но Сугуи держал это безумие под контролем, и я мог смотреть, как он это делает, — именно в тот момент, когда я увидел, как он выводит небытие в бытие.

Валун стал частью пятна хаоса, присоединился к нему и исчез. Не было ни взрыва, ни поглощения — только ощущение могучих холодных ветров, только отзвуки голосов ужаса в бесконечности… Дядя медленно развел руки — и линии кипящей черноты последовали за его руками, растеклись в обе стороны от зрачка бездны, который когда-то был гранитным валуном, прожирая длинную черную борозду, внутри которой я увидел несоединимое — сущее Ничто, становящееся Деянием…

Затем дядя замер — и все остановилось. Мгновением позже он заговорил.

— Я мог бы просто отпустить это, — сказал он, — дав ему власть существовать без моего контроля. Или толкнуть его в какую-то сторону — и лишь потом отпустить…

Он не спешил развить эту мысль, и я спросил:

— И что тогда произойдет? Оно просто будет продолжаться, пока не уничтожит всю эту тень?

— Нет, — отозвался он. — Есть ограничения. Сопротивление Порядка будет возрастать по мере того, как Хаос будет расширяться. Рано или поздно все придет в равновесие…

— А если ты продолжишь, если ты будешь вызывать его снова и снова?

— Это может привести к громадным разрушениям…

— А если мы объединим усилия?

— Разрушения будут еще больше… Но не в этом урок, который я хотел тебе преподать. Теперь я буду пассивен, а ты возьмешь контроль на себя.

Итак, я перехватил управление Знаком Логруса и огромным кругом замкнул линии разрыва на себя — будто окружив нас рвом тьмы.

— Теперь прогони его, — сказал дядя, и я сделал это.

Но ветра и боги продолжали буйствовать, я ничего не мог разглядеть за темной стеной, которая медленно надвигалась на нас со всех сторон.

— Похоже, до точки равновесия еще далеко, — заметил я.

Дядя хмыкнул.

— Это так. Ты прекратил воздействие, но критический предел был превышен — и теперь все идет вразнос.

— Ага, — сказал я. — Ну и когда же естественные ограничения решат, что им уже пора восстанавливать равновесие?

— Вскоре после того, как та точка мира, на которой мы

стоим, перестанет существовать, — сказал дядя.

— Эта штука распространяется во все стороны?

— Да.

— Интересно. Ну и какова же критическая масса?

— Да придется уж показать тебе… Но сначала давай подыщем себе местечко поспокойней, а то от этого скоро ничего не останется. Возьми меня за руку.

Я сделал как он просил, и он провел меня в иную тень. На этот раз я сам вызвал Хаос и шаг за шагом воспроизвел всю процедуру, а дядя только наблюдал за мной. На этот раз я уже не выпустил процесс из-под контроля.

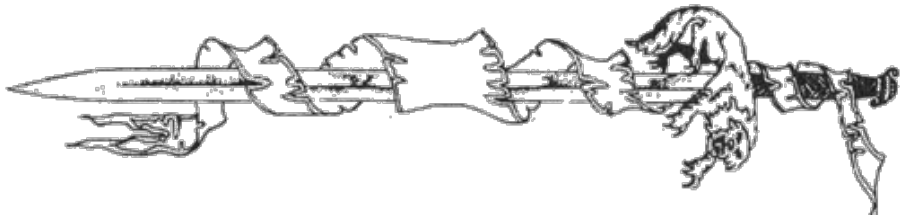
Когда я завершил работу и стоял, не в силах унять дрожь, уставившись в созданный мною небольшой кратер, дядя положил мне на плечо руку и сказал:

— Теоретически ты знал, что за твоими заклинаниями стоит абсолютная власть. Сам Хаос. Работать непосредственно с ним крайне опасно. Но, как видишь, все-таки возможно. Теперь, когда ты это знаешь, учеба завершена.

Это был впечатляющий урок. Я был одновременно в ужасе и восторге, в растерянности и благоговении. Применение всей силы Хаоса в большинстве ситуаций, которые я мог вообразить, напоминало стрельбу ядерными зарядами в парковом тире. Я так и не мог представить себе обстоятельств, в которых мне хотелось бы применять навык управления Хаосом, пока меня не уделал Виктор Мелман.

Власть, сила — во что бы они ни воплощались, какие бы виды, формы, масштабы и стили они ни принимали, — продолжают изумлять меня до сих пор. Сила так долго живет со мною рядом, что я привык к ней, мы с ней на короткой ноге и хорошо друг к другу относимся — но я сильно сомневаюсь, что когда-нибудь сумею хотя бы приблизиться к пониманию ее…

X



— Ну, давай же, — сказал я во тьму, — кем бы ты ни был.

То, что я услышал в ответ, не было человеческим голосом. Скорее, негромкое рычание. Мне стало интересно, с какой это зверюгой я схватился. Ясно было, что сейчас на меня нападут, — и я удивился, когда этого не произошло. Ворчание утихло, и это — чем бы оно ни было, — заговорило снова.

— Чувствую твой страх, — донеслось до меня шипение.

— Лучше почувствуй свой, — посоветовал я, — пока ты можешь вообще что-то чувствовать.

Дыхание чужака стало тяжелее. За моей спиной танцевали языки пламени. Дымок отошел на другой край лагеря, — насколько позволяла длина привязи.

— Я мог бы убить тебя, пока ты спал, — медленно сказали из кустов.

— Дурак, что не убил, — ответил я. — Теперь это будет не так просто.

— Я хочу понаблюдать за тобой, Мерлин, — заявило нечто. — Я хочу видеть твое замешательство. Хочу видеть твой страх. Хочу видеть твои мучения — прежде чем увижу твою кровь…

— Понимаю, ты меня будешь убивать по личным причинам, а не из деловых соображений.

Раздался странный звук, на интерпретацию которого мне понадобилось несколько секунд, — как будто нечеловеческое горло пыталось испустить смешок.

— Ну что ж, колдунчик, — отозвалась тварь, — вызывай свой Знак, распыляй внимание… Я почувствую это и разорву тебя, прежде чем ты сможешь задействовать его.

— Как мило, что сказал заранее.

— Всего лишь хотел предупредить, чтобы ты не был опрометчив. Кстати, штучка, обернувшаяся вокруг твоего левого запястья, тоже не сможет тебе помочь.

— А ты неплохо видишь.

— И подобные штучки тоже.

— Может, обсудим философские аспекты проблемы мести?

— Я жду, когда ты сломаешься и сделаешь какую-нибудь глупость. Так будет гораздо занятней. Теперь ты можешь действовать только физически — и поэтому ты обречен.

— Тогда жди дальше, — сказал я.

В кустах раздался шум — нечто подобралось поближе. Несмотря на это, я по-прежнему не мог разглядеть, что же это за тварь. Тогда я сделал шаг влево — чтобы свет костра упал на заросли. Внизу что-то сверкнуло. Свет отразился от горящего желтой искрой единственного глаза.

Я опустил острие клинка, направив его в глаз. Черт возьми, любая тварюга бережет прежде всего глаза.

— Банзай![28] — заорал я и сделал выпад. Беседа вроде как зашла в тупик, и мне захотелось сменить тему.

Зверюга тут же взметнулась и, уклонившись от моего удара, с невероятной силой и огромной скоростью ринулась на меня. Это был большой черный корноухий волк, он ушел от моего отчаянного удара наотмашь и нацелился на мою глотку.

Левая рука у меня автоматически вскинулась, и я сунул ее в открытую пасть. В тот же миг я заехал рукоятью клинка зверю прямо в висок. При этом капкан его челюстей ослаб, но они не разжались и продолжали раздирать мне рубашку и мускулы. От толчка я начал падать на спину. Попытался извернуться, чтобы упасть поудачней, — но уже понимал, что мне это не удастся.

Я грохнулся на левый бок, попытался перекатиться дальше и еще разок добавил зверю по черепу рукоятью. Тут, ради разнообразия, на меня снизошло озарение: я сообразил, что мы барахтаемся возле самого костра и даже продолжаем катиться в сторону огня. Я выронил оружие и стал правой рукой нашаривать горло волка. Зверь был на редкость мускулистый, шансов быстро раздавить ему глотку не было никаких, но я к этому и не стремился.

Я хватал волка под челюстью до тех пор, пока не нашел, за что ухватиться. Тогда я вцепился мертвой хваткой, нашел точку опоры и оттолкнулся одновременно ногами и руками. Мы сдвинулись как раз на те полметра, которых мне не хватало, чтобы затолкнуть рычащую голову волка в огонь.

Вроде бы ничего не происходило — лишь кровь ровной струйкой сочилась у меня из предплечья в пасть волку. Захват его челюстей по-прежнему был силен и причинял дикую боль.

Но через секунду у него загорелась шерсть на загривке и на голове. Зверь выпустил мою руку и рванулся прочь из пламени. Меня отбросило в сторону, из глотки волка вырвался оглушительный вой. Я перекатился на колени и поднял руки, но тварь не стала нападать. Вместо этого волк промчался мимо меня в заросли — в сторону, противоположную той, откуда появился.

Я подхватил клинок и помчался вслед за зверем. Времени, чтобы натянуть сапоги, не оставалось, но я сумел на бегу изменить форму ступней, чтобы хоть немного приспособить их для бега по пересеченной местности. Я все еще видел моего противника — его подпаленная шкура тлела. Впрочем, я мог бы преследовать его, ориентируясь только на вой, который почти не прекращался. Что странно, тональность и характер волчьего вопля менялись: они становились все больше похожи на крики человека и все меньше — на подвывания волка. И еще странно — зверь убегал, но не так быстро, как можно было ожидать, и совсем не пытался выбирать путь. Я слышал, как он проламывался сквозь кустарник и налетал на деревья. Иногда он даже издавал звуки, в которых, казалось, слышались отголоски человеческих проклятий. Как бы то ни было, мне удавалось держаться к нему ближе, чем я мог ожидать, и даже через несколько минут сесть ему на хвост.

Затем я вдруг сообразил, куда он так спешит. Я снова увидел тот самый бледный свет, который приметил раньше: теперь свет был ярче, а источник его — крупней, и становился все лучше виден по мере того, как мы приближались к нему. По форме это был грубый прямоугольник, по прикидкам, футов восемь-девять в высоту и где-то футов пять в ширину. Я бросился на свет. Волк наверняка бежал туда, и я хотел успеть первым.

Мы мчались. Волк шел чуть впереди и левее. Шерсть его уже не горела, хотя он продолжал взрыкивать и поскуливать. Свет впереди становился все ярче, вот уже я сумел заглянуть в него… сквозь него… и впервые понять, что же я вижу. Я увидел склон холма с водруженным на него низким камнем; к камню вела дорога, вымощенная каменными плитами, и вереница каменных ступеней — и все это в прямоугольной рамочке, словно картина — поначалу подернутая дымкой, но с каждым шагом становящаяся все четче. На картине сиял облачный полдень, и прямоугольник находился от меня метрах в двадцати, в центре поляны.

Увидев, что зверь уже выбежал на поляну, я сообразил, что добраться туда вовремя и схватить то, что должно было лежать поблизости, я уже не успеваю. И все же, думал я, может быть, мне удастся перехватить и остановить эту тварь.

Но, оказавшись на поляне, волк поддал газу. Я мог видеть то, к чему он направлялся, яснее, чем все остальное вокруг. Я крикнул, надеясь отвлечь его, но это не сработало. Мой финишный спурт оказался слабоват. И тут я увидел на земле возле порога то, что искал… Но было уже слишком поздно. Как раз в этот момент зверь опустил голову и схватил зубами плоский прямоугольный предмет — даже не сбавив при этом размашистой рыси.

Я остановился и отвернулся. В тот миг, когда волк нырнул вперед, я в падении выронил оружие и кувыркнулся, стараясь закатиться куда-нибудь подальше.

Я ощутил мощный толчок беззвучного взрыва, потом все схлопнулось и разбежались несколько слабых ударных волн. Я лежал, мысленно матерясь, пока не утихла встряска. Потом я встал и подобрал клинок.

Ночь вокруг меня вновь стала нормальной. Звездное сияние. Ветер в соснах. Не было нужды поворачиваться — хотя я это сделал на всякий случай, — чтобы узнать, что светящийся проход в другой мир, к которому я мчался всего лишь мгновение назад, теперь исчез, не оставив и следа.

Я поплелся обратно на стоянку и некоторое время успокаивал Дымка. Потом натянул сапоги и плащ, забросал землей угли

костра и повел коня к дороге.

Там я сел верхом, мы минут сорок ехали вверх по дороге к Янтарю, и там я разбил новый лагерь — под белым, как кость, ломтем луны.

Остаток ночи прошел без неприятностей. Меня разбудили свет и пересвист утренних птиц в сосняке. Я позаботился о Дымке, быстро позавтракал остатками провианта. Как сумел, привел себя в относительный порядок и через полчаса уже был в пути.

Утро выдалось холодное. Над головой простиралось чистое небо, далеко слева плыли гряды кучевых облаков. Я не торопился. Я решил ехать верхом, а не козыряться в основном потому, что хотел узнать чуть больше о местности вокруг Янтаря, и, несколько менее, из-за желания побыть одному и спокойно поразмыслить. Если принять во внимание, что Джасра в плену, Льюк в санатории, а Колесо-Призрак занят бог знает чем, то складывалось впечатление: главные опасности для Янтаря или для меня на время неактуальны. Можно сделать небольшую передышку. Я чувствовал, что на деле приблизился к положению, когда сам смогу все уладить с помощью Льюка и Джасры — нужно только разузнать побольше. И я был убежден, что с Призраком-то я после этого сговориться сумею — раз уж последняя наша беседа была преисполнена оптимизма…

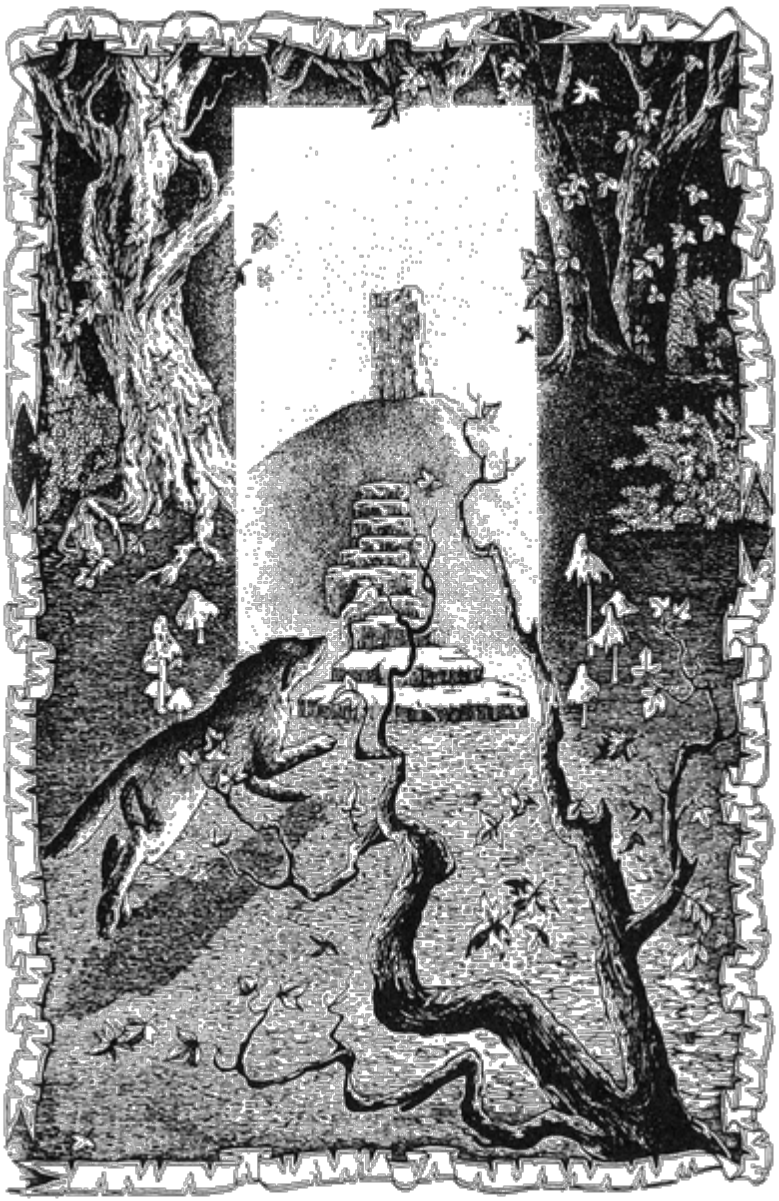
Дел невпроворот. Прочие концы можно увязать и позднее. Провинциальный маг вроде Шару Гаррула беспокоил меня только в связи со всем остальным. Дуэль с ним затруднений не вызовет, надо только выкроить на это пару свободных минут… хотя уже то, что он вообще что-то против меня имел, выглядело достаточно странным.

И потом, существо, которое было Винтой… Я не видел в нем реальной угрозы, но несомненно, это была тайна, лишавшая меня покоя и, видимо, непосредственно касавшаяся моей безопасности. Этот вопрос тоже следует уладить, когда у меня появится уйма свободного времени.

Беспокоило меня предложение Льюка раскрыть информацию, жизненно важную для безопасности Янтаря, только после спасения Джасры. Я поверил ему и все еще верил, что слово он сдержит. Хотя оставалось подозрение, что он будет тянуть с расчетом, пока не станет слишком поздно что-то предпринимать… Строить домыслы — занятие, разумеется, бесполезное; узнать, к чему ведется подготовка, невозможно. Не было ли само предложение, — независимо от того, правду говорил Льюк или нет, — частью военных действий, ударом в

психологической войне? Льюк всегда был более хитер, чем могло показаться по его грубоватой внешности. Чтобы понять это, мне самому понадобилось довольно много времени, и забывать об этом я не собирался.

Я чувствовал, что пока могу скинуть со счетов дело о синих камнях — тем более что я планировал избавиться вскорости от всех следов их воздействия. С этим проблем нет, разве что на всякий случай мысленно завязать на память узелок, для вящей бдительности — хотя именно в таком состоянии я и пребываю.



Так что осталось приспособить в общую картинку случай с волком.

Ясно, что зверь был не обычным, да и намерения его никаких сомнений не оставляли. Но кое-какие моменты нашей встречи были ясны гораздо менее. Кем или чем он являлся? Действовал он по своей инициативе — или был чьим-то агентом? Если второе, то кто его послал? И наконец — ради чего?

Его неуклюжесть наводила на мысль — я и сам играю в эти игры, — что это был скорее оборотень, чем реальный волк с магически приобретенной речью. Большинство людей, мечтающих превратиться в какую-нибудь мрачную зверюгу — после чего порвать кому-нибудь глотку, разорвать кого-нибудь в клочья, изувечить и, может быть, даже переварить, — большей частью склонны упиваться мечтами о том, сколь это будет шикарно, и обычно забывают о грубой прозе. Стоит обнаружить, что ног у вас теперь четыре, а не две, что центр тяжести у вас расположен где-то не там, где нужно, что органы чувств ведут себя совершенно непривычно, и уже вовсе не так просто немедленно обрести грациозность движений. Такое существо гораздо уязвимее, чем можно полагать по наружности. И определенно, такое существо даже близко не сможет приблизиться по боевым качествам и эффективности к настоящему зверю со звериным жизненным опытом. Нет. Я в таких случаях предполагаю скорее тактику запугивания, нежели что-то другое.

Как бы то ни было, способ, которым зверь пришел и ушел, — вот что заставляло меня воспринять эту угрозу всерьез. Он задействовал Козырные Врата, которые соорудить не так-то просто — и лучше вообще не сооружать, если без этого можно обойтись. Установить козырной контакт с каким-то отдаленным местом, а потом сливать бездну энергии, поддерживая существование таких ворот, — это эффектная показуха. На создание ворот, которые простоят минут пятнадцать, требуется такой расход энергии и сил, что адская скачка покажется прогулкой по скверику. Такая затея может надолго истощить все ресурсы. И все же противник пошел именно на это. Причина его расточительности меня не беспокоила — скорее беспокоил факт случившегося. Потому что способны на сей подвиг были только прошедшие Образ или Логрус. Человеку, который просто нашел колоду, такого не суметь.

Это значительно сужает поле поиска.

Я попытался соотнести оборотня с его поручением. Первое: он меня отыскал и…

Конечно. Я вдруг вспомнил растерзанных собак в роще возле Лесного Дома и следы большой собакоподобной твари. Значит, зверь засек меня еще раньше и наблюдал, выжидая. Он преследовал меня, когда я выехал вчера вечером, и вышел на сцену, только когда я разбил лагерь. Он создал — или ему создали — Козырные Врата для отступления, но возможность погони не предусматривалась. Значит, он пришел меня убить. И невозможно установить, есть ли тут связь с Шару Гаррулом, тайной Льюка, синими камнями и миссией меняющего тела существа. Придется оставить неподвязанной еще одну провисшую ниточку. И сосредоточиться на главном…

Я догнал и обогнал колонну фургонов, направляющихся в Янтарь. Меня самого пару раз обогнали какие-то всадники. Ни одного я не знал, хотя каждый из них меня поприветствовал. Слева продолжали собираться тучи, но пока ничего похожего на бурю не намечалось. День оставался прохладным и солнечным. Дорога опускалась и снова поднималась, и так несколько раз — хотя в результате я все больше забирался вверх. В большой и шумной гостинице я остановился перекусить, наскоро, но сытно поел и не стал задерживаться. Дорога стала ровнее, но прошло еще много времени, прежде чем на вершине Колвира, искрящегося в полуденном свете, я увидел дальний отблеск Янтаря.

По мере того как солнце шествовало по небесам, движение становилось все оживленнее. Я продолжал строить планы и предаваться вольным размышлениям. Дорога сделала несколько поворотов, маршрут пролегал меж скал — но Янтарь почти все время оставался виден.

По дороге я никого не встретил и уже за полдень добрался до Восточных Ворот, оставшихся еще от старой крепостной стены. Я проехал по Восточной Виноградной и остановился у городского дома Бэйлей, где когда-то бывал на вечеринке. Я передал Дымка груму у конюшни на заднем дворе, и, похоже, они оба были счастливы увидеть друг друга. Сам я обошел дом, подошел к парадной двери и постучал. Слуга известил меня, что барона нет, поэтому я представился и передал послание Винты. Слуга обещал передать сообщение, когда хозяин вернется.

Разделавшись с этим долгом, я продолжил путь по Восточной Виноградной пешком. Ближе к горе, но там, где уклон не стал еще ясно ощутим, я уловил запах готовки и решил не откладывать обед до возвращения во дворец. Я остановился и стал озираться в поисках источника ароматов. Его я обнаружил в проулке по правую руку, там дорога выходила на большую площадь с фонтаном в центре, в котором вставший на дыбы

медный дракон, покрытый роскошной зеленой патиной, писал в бассейн розового камня. Дракон был обращен мордой к расположенному в подвальчике ресторану под названием «Яма». Еще десять столиков стояли на улице, огражденные изгородью из медных колышков, по периметру которой были расставлены растения в горшках. Проходя мимо фонтана, я увидел в чистой воде огромное количество экзотических монет, включая юбилейный четвертак США. Я прошел за загородку, открыл дверь и уже собрался спуститься по лестнице, когда услышал, что меня окликают по имени.

— Мерль! Давай сюда!

Я оглянулся по сторонам, но не узнал никого из тех, кто сидел за четырьмя занятыми столиками. Затем, когда мой взгляд вновь прошелся по ним, я заметил, что человек постарше за угловым столом справа от меня улыбается.

— Билл! — воскликнул я.

Билл Ротт поднялся из-за стола — больше для демонстрации, чем отдавая дань какой-то формальности, как я понял. Сразу я его не узнал: теперь он отпустил седую бороду и усы. К тому же он был одет в коричневые штаны с серебряной отделкой по внешним швам, уходящие в пару высоких коричневых сапог. Рубашка его была серебристого цвета с коричневым кантом, а на кресле справа от него лежал свернутый черный плащ. Широкая черная перевязь брошена поверх плаща, а на ней — средних размеров клинок в ножнах.

— Совсем натурализовался, не так ли? Вдобавок немного похудел.

— Верно, — сказал он, — и думаю о том, чтобы после выхода на пенсию переехать сюда. Мне этот городок по нраву…

Мы сели.

— Ты уже заказал? — спросил я Билла.

— Да, но вон официант на лестнице — давай-ка я его для тебя отловлю.

Он так и сделал — и заказал и на мою долю.

— Твой тари стал заметно лучше, — сказал я после всей суеты.

— Практики много, — отозвался он.

— Чем занимаешься?

— Ходил по морям с Джерардом. Был в Дейге и в одном из лагерей Джулиэна в Ардене. Еще посетил Ратн-Я. Изумительное место. Беру уроки фехтования. А Дроппа показал мне весь город.

— Все городские бары, так будет верней.

— Ну, не все. В общем-то, я здесь именно поэтому. Он владеет половиной пая в «Яме», и я обещал ему, что в основном

буду питаться здесь. Впрочем, место неплохое. Когда ты вернулся?

— Только что, — сказал я, — и у меня для тебя есть еще одна длинная история.

— Это хорошо. Твои рассказы обычно причудливы и запутанны, — заметил он. — В самый раз для холодного осеннего вечера. Ну что ж, послушаем.

Я говорил в течение всего обеда и еще долго после того, как он закончился. Затем вечерняя прохлада прогнала нас оттуда, и мы направились во дворец. В конце концов я завершил свое повествование за горячим сидром перед камином в одной из малых комнат восточного крыла.

Билл покачал головой.

— Ты действительно ухитряешься грузить в кузов по самые борта, — сказал он наконец. — У меня вопрос.

— Ну?

— Почему ты не привел Льюка сюда?

— Я уже говорил…

— Это не причина. Ради неизвестно какой информации, которая, по его словам, важна для Янтаря? И ты собрался подцепить Льюка и вытащить из него эту информацию?

— Все совсем не так…

— Он — торговец, Мерль, и он продал тебе кучку дерьма. Вот что я думаю.

— Ты не прав, Билл. Я его знаю.

— Да, вы давно знакомы, — согласился он. — Но насколько хорошо? Мы, помнится, это уже проходили… Все, чего ты не знаешь о Льюке, явно перевешивает то, что ты о нем знаешь.

— Он мог пойти куда угодно, но пришел ко мне.

— Это входило в его планы, Мерль. Он хочет через тебя пробраться в Янтарь.

— Не думаю, — сказал я. — Это не в его стиле.

— А я думаю, что он воспользуется любым средством, которое подвернется под руку… или любым человеком.

Я пожал плечами.

— Я ему верю. Ты — нет. Вот и все.

— Видимо, так, — сказал он. — И что ты намерен делать теперь — ждать, что будет дальше?

— Есть у меня один план, — сказал я. — Льюку я верю, однако это еще не значит, что я не собираюсь подстраховаться… Но у меня к тебе вопрос.

— Да?

— Предположим, я привел его сюда, Рэндом решил, что факты неоднозначны, и пожелал устроить слушание дела — ты

взялся бы защищать Льюка?

Глаза его распахнулись, а затем Билл улыбнулся.

— Что за слушание? — спросил он. — Я же не знаю, каковы здесь процедуры ведения дел.

— Как внук Оберона, — объяснил я, — он подпадает под Закон Дома. Рэндом сейчас — глава Дома. От него будет зависеть, забыть ли обо всем, вынести ли скорый приговор или назначить слушание дела. Как я понимаю, такое слушание может быть официальным или неофициальным — это уж как Рэндом захочет. В библиотеке есть книги по этому вопросу. Но у человека всегда есть право на защиту, если он того пожелает.

— Конечно, я возьмусь, — сказал Билл. — Редкий случай обогатить практику. Но тут может возникнуть конфликт интересов, — добавил он. — Я же работаю на Корону.

Я прикончил сидр, поставил стакан на каминную полку и зевнул.

— Ну, мне пора, Билл.

Он кивнул.

— Пока это все чисто гипотетически, так? — спросил он.

— Да, конечно! — сказал я. — Все может закончиться слушанием *моего* дела. Доброй ночи.

Билл внимательно смотрел на меня.

— Ну… та страховка, о которой ты упомянул, — сказал он. — Наверное, это несколько рискованно, да?

Я улыбнулся.

— Насколько я понимаю, я тебе помочь не смогу?

— Это точно.

— Ну, удачи.

— Спасибо.

— Завтра увидимся?

— Может быть, днем, попозже…

Я пошел в свою комнату и прилег. Прежде чем пойти на дело, которое я задумал, нужно передохнуть. Не помню, снилось ли мне что-нибудь…

Когда я проснулся, было еще темно. Приятно сознавать, что по крайней мере будильник у меня в голове работает нормально.

Было бы здорово перевернуться на другой бок и снова дать храпака, но я не мог позволить себе такую роскошь. Предстоящий день был расписан по минутам. И, согласно расписанию, я встал, умылся и оделся в свежее.

Затем отправился на кухню, где приготовил себе чай, тосты и яичницу с чилли, луком и чуточкой перца. К этому я добавил фруктов из Снелтерса — давненько я их не пробовал.

Я вышел через заднюю дверь и прошел садом. Было темно,

безлунно и сыро, лишь несколько полос тумана обшаривали невидимые тропинки. Я пошел по дорожке, которая вела на северо-запад. В мире стояли тишина и спокойствие, и мыслям своим я позволил течь так же — тихо и спокойно. Этот день пройдет под девизом: «Всему свое время», и я хотел начать его с нужным душевным настроем.

Я выбрался из сада через брешь в изгороди и направился по крутой тропе, в которую влилась моя дорожка. Первые несколько минут она неторопливо забирала вверх, потом сделала резкий поворот и тут же стала еще круче. Я задержался на одном из выступов и оглянулся — отсюда можно было различить темные очертания дворца, несколько окон были освещены. Высоко вверху пряди перистых облаков медленно превращались в собранный граблями звездный свет в небесном саду, над которым навис Янтарь. Мгновением позже я отвел глаза. Идти было еще порядочно.

Я добрался до гребня. На востоке, за лесом, который я только что пересек, я сумел рассмотреть слабую полоску света. Торопливо миновал три массивные ступени, воспетые в песнях и историях, и начал спускаться по северному склону. Путь, которым я шел, становился все круче и круче и вывел меня на северо-восточный склон. После этого тропа вновь полого пошла вниз. Я прошел поворот на северо-запад — тропа опять стала круче, потом опять пошел легкий участок, и я знал, что дальше дорога будет еще легче. Высокий отрог Колвира у меня за спиной заслонил отблески предрассветной зарницы, которую я видел. И передо мной и надо мной раскинулась усеянная звездами ночь, стирающая очертания всего мира, кроме ближайших валунов. И все же я интуитивно знал, что иду правильно, — единожды я уже проходил этим путем, хоть и задержался там тогда совсем ненадолго…

Мили за две до вершины, приблизившись к нужной точке, я сбавил шаг и принялся озираться по сторонам. Это было урочище с высокими отвесными стенами, в плане слегка напоминающее след лошадиного копыта, и когда в конце концов я нашел его, то не торопясь пошел туда. Во мне нарастало странное ощущение. Я никогда не хотел предвосхищать свои реакции; но когда-нибудь этим следует заняться.

Зайдя внутрь — стены урочища поднимались по обе стороны от меня, — я вышел на тропу и двинулся по ней. Тропа вела вниз, к паре тенистых деревьев, а затем между ними — туда, где стоял низкий каменный павильон, вокруг которого буйно разрослись кусты и травы. Ясно было, что почву сюда привезли, чтобы можно было рассадить растения, но потом о зеленых насаждениях

забыли, и место выглядело заброшенным.

Я уселся на одну из каменных скамеек, стоящих перед павильоном, и стал ждать, когда посветлеет небо. Это была гробница моего отца — кенотаф[29], выстроенный давным-давно, когда считалось, что он умер. Его потом здорово веселила возможность посещать свою могилу. Теперь, конечно, этот мавзолей мог иметь и более зловещий смысл. Теперь он мог быть настоящим. Была ли в этом некая ирония? Я так и не смог решить для себя этой задачки. Хотя оказалось, что я волнуюсь сильнее, чем ожидал. Мой путь сюда — не путь паломника. Я пришел сюда в поисках мира и покоя, которые нужны таким колдунам, как я, для того, чтобы развесить парочку заклинаний. Я пришел сюда…

Наверное, это рациональное объяснение. Я выбрал это место потому, что — настоящая это гробница или нет, — но на ней начертано имя Корвина, и она воссоздает во мне ощущение его присутствия. Хотел бы я узнать его получше… но кенотаф может оказаться единственной связью с моим отцом, и ближе мне к папе уже не подойти. Я вдруг понял, почему доверился Льюку. Он был прав — там, в Лесном Доме. Если бы я узнал о смерти Корвина и знал, кто виновен в его гибели, уверен — я отбросил бы все и попер бы выставлять счета и взыскивать по ним, и я закрыл бы счет и подписал бы его кровью. Даже если бы я не знал Льюка так, как знал, мне было легко поставить себя на его место. Осуждать его я не мог.

Проклятье. Почему мы должны быть пародиями друг на друга — за границами смеха, за границами озарения, — там, где остались лишь боль, крушение, клятвы верности воюющим богам?

Я встал. Теперь здесь было достаточно светло; теперь я видел, что делаю.

Я вошел внутрь и приблизился к нише, в которой стоял пустой каменный саркофаг. Кажется, безопаснее сейфа не придумаешь, но я замешкался, встав перед ним, — у меня дрожали руки. Это было забавно. Я знал, что его там нет, что передо мной всего лишь украшенный резьбой пустой ящик. И все-таки прошло несколько минут, прежде чем я заставил себя взяться за крышку и поднять ее…

Пусто, конечно, — как и в бесконечных моих снах и кошмарах… Я швырнул внутрь синюю пуговицу и вновь опустил крышку. Какого черта. Если Шару захочет вернуть свою пуговицу и отыщет ее здесь, пусть заодно получит и намек, что он, начав играть в такие игры, слишком близко подошел к могиле.

Я вышел наружу, оставив свои сантименты в гробнице. Пора начинать. Надо было сделать и развесить кучу заклинаний. Я не хотел безоружным попасть туда, где бушуют дикие ветра.

XI

Я встал на утесе над садом, наслаждаясь цветом осенней листвы. Ветер играл моим плащом. Дворец купался в свете созревшего полудня. Воздух был прохладен. Мимо меня, словно лемминги, промчалась стайка опавших листьев и, шелестя, взметнулась с края тропы в воздух.

Впрочем, остановился я не для того, чтобы любоваться природой. Я стоял, блокируя козырной контакт — второй за день. Первый случился чуть раньше, когда я гирляндами развешивал на лике Хаоса мишуру заклинаний. Я решил, что вызывал меня или Рэндом, разгневанный тем, что я, возвратившись в Янтарь, не нашел нужным оповестить его о своих недавних приключениях и планах, или Льюк — уже выздоровевший и намеренный потребовать от меня поддержки его атаки на Крепость. Подумал я именно о них, потому что встречи именно с этой парочкой больше всего хотел избежать; и ни одному из них не понравится то, что я собираюсь сделать, хоть причины для недовольства у

них разные.

Зов ослаб и мало-помалу исчез. Я спустился по тропе, перелез через изгородь и оказался в саду. Мне не хотелось тратить заклинание, чтобы замаскировать свое отбытие, поэтому я выбрал тропу слева — она вела в заросли, где меня не могли случайно увидеть из окна. Я мог бы просто козырнуться, но Козырь Янтаря всегда приводит в центральный зал, а там может оказаться кто угодно.

В общем, я двинул по другому пути…

Вернулся я так же, как и выходил — через кухню, по дороге подкрепившись сэндвичем и стаканом молока. Затем поднялся на пролет по лестнице для прислуги, прокрался в комнату — меня никто не заметил. Там я надел перевязь, которую оставил на спинке кровати, проверил клинок, нашел небольшой кинжал, прихваченный из Хаоса, — подарок Боркиста, ныряльщика в Преисподнюю, которого я когда-то представил ко двору и обеспечил покровительством (он был посредственным поэтом), — и подвесил кинжал к поясу. К тыльной стороне левого рукава я прицепил Козырь. Заодно вымыл лицо и руки, почистил зубы. Больше причин для задержки я придумать не сумел. Придется пойти и сделать то, чего я так боялся. Это было необходимо для выполнения остальных моих планов. Я преисполнился внезапным желанием отправиться поплавать под парусом. Впрочем, просто полежать на берегу тоже было бы неплохо…

Вместо этого я покинул апартаменты и спустился по лестнице, возвращаясь тем же путем, которым пришел. По коридору я прошел в западное крыло, прислушиваясь по пути к шагам и голосам. Один раз пришлось отступить в ближайшую кладовую, чтобы пропустить кого-то. Появляться на людях я пока не хотел. В конце концов я свернул налево, сделал несколько шагов и почти минуту ждал, прежде чем войти в главный коридор, который вел мимо большого мраморного тронного зала. В поле зрения — никого. Хорошо. Я во весь дух промчался до ближайшего входа и заглянул туда. Великолепно. Сюда никто не забрел. Обычно залом пользовались не каждый день, но у меня не было способа выяснить, не намечается ли сегодня какое-нибудь государственное событие, — впрочем, до обеда было еще далеко.

Я вошел и пересек зал. Позади него находился темный, узкий коридор. Стражу обычно выставляли ближе ко входу в пещеру. Допуск туда имели все члены семьи, хотя охрана отмечала, кто и когда туда прошел. Впрочем, до начальства эта информация не дойдет, пока ему не доложит стражник, а он доложит, только когда сменится с караула. К тому времени это будет уже неактуально.

Тод был коренаст, приземист и бородат. Увидев, что я вхожу, он продемонстрировал мне взятый на изготовку топор, который мгновением раньше был прислонен к стене.

— Вольно. Там занято? — спросил я.

— По правде говоря, нет, сэр.

— Я иду вниз. Надеюсь, там найдется какая-нибудь лампа. Я не так хорошо знаю лестницу.

— Я проверил некоторые из них, когда заступал на дежурство, сэр. Я зажгу вам одну.

Это сохранит мне одно заклинание, решил я. Что ни делается, все к лучшему…

— Спасибо.

Тод открыл дверь, взвесил одну за другой три лампы, которые стояли внутри справа, и склонил свой выбор в пользу второй. Зажег ее от громадной свечи, горевшей чуть дальше по коридору.

— Я там пока побуду, — сказал я, забирая у него лампу. — Наверное, когда я буду выходить, ты уже сменишься.

— Хорошо, сэр. Смотрите там под ноги.

— Да уж постараюсь.

Длинная винтовая лестница виток за витком уходила вниз. Куда ни глянь, взгляд тонул во тьме — только вниз уходил колодец, в котором пылали свечи и факелы на кронштейнах и подвешенные лампы. По-моему, они давали куда более существенный повод для приступов акрофобии, чем абсолютная тьма. Хотя бы вон те маленькие светлые точки внизу. Ни стен, ни далекого пола я не видел. Одну руку я положил на перила, а другой рукой держал перед собой лампу. Внизу было сыро. И затхло. Не говоря уж о том, что здесь было холодно.

Я снова попытался считать шаги. И, как обычно, сбился со счета где-то на полпути. Ладно, в следующий раз…

Мысли вернулись к далекому дню, когда я впервые спустился туда — уверенный, что иду навстречу смерти. То, что я тогда не погиб, нынче не сильно меня утешало. Все равно испытание было нелегким. И оставалась вероятность, что на этот раз я все-таки облажаюсь и меня поджарит или вознесет в клубах дыма.

Круг, еще круг. Вниз, вниз… Ночные мысли в час полудня…

С другой стороны, Фиона как-то сказала, что во второй раз бывает легче. Перед этим разговор шел об Образе, и я надеялся, что последние слова относились к нему же.

Великий Образ Янтаря, Символ Порядка. Равный по силе Великому Логрусу Дворов, Знаку Хаоса. Напряжение между ними, по-видимому, и порождает все проблемы. Стоит потерять самообладание, когда ты находишься в одном из них, — и с тобой

покончено. Меня угораздило связаться и с тем, и с другим. Мне не с кем было обменяться впечатлениями, стал ли мир от этого круче, хотя мое ego вечно тешится мыслью, что клеймо одного из них делает прохождение второго труднее… а они клеймят тебя, оба. На каком-то уровне, когда проходишь через это испытание, тебя разрывает в клочья и воссоздает по твоему же образу и подобию, согласно всеобъемлющим космическим принципам — звучит это благородно, важно, метафизически, спиритически и изящно, но, по сути, оборачивается банальными мозолями на заднице. Это цена, которую мы платим за определенную власть, но ни один космический принцип не требует, чтобы я при этом плясал от радости.

И Образ, и Логрус давали прошедшим их способность пересекать Тень без посторонней помощи — Тенью именовалась возможность бесконечного множества вариантов реальности, в которые мы и играли. А заодно прошедшие получали еще кое-какие способности.

Круг за кругом вниз. Я сбавил шаг. Как и раньше, я почувствовал легкое головокружение. По крайней мере, той же дорогой возвращаться я не собирался…

Когда наконец стал виден пол, я вновь поднажал. Там была скамья, стол, несколько стеллажей и ящиков. Горел свет. Обычно тут на посту стоит стражник, но я никого не заметил. Впрочем, он мог совершать обход. Где-то слева находились камеры, в которых иногда можно обнаружить каких-либо политических неудачников, шатающихся по узилищу и медленно сходящих с ума. Не знаю, были ли такие в тот момент. Я отчего-то надеялся, что нет. Мой отец когда-то был одним из таких узников, и, судя по описанию его опыта, это были не самые веселые дни его жизни.

Добравшись до нижней площадки, я остановился и пару раз крикнул. В ответ получил подходяще жуткое эхо, но не ответ.

Я подошел к стеллажу и взял наполненную маслом лампу в другую руку. Лишняя лампа может оказаться весьма полезной. Вдруг заплутаю? Затем я пошел направо — нужный туннель находился где-то там. Прошло очень много времени, прежде чем я остановился и поднял лампу повыше, — мне начало казаться, что я забрел слишком далеко. Никакого входа в туннель видно не было. Я пошел дальше, вышаривая в памяти воспоминания о том, каким путем я топал в прошлый раз.

В конце концов звуки моих шагов смешались с коротким эхом. Видимо, я приближался к стене, к препятствию. Я вновь поднял лампу.

Да. Впереди девственная тьма. Серый камень вокруг. Я пошел

туда.

Темно. Далеко. Тени разыгрывают долгий спектакль, свет скользит по неровной поверхности, его лучи разбрасывают по каменным стенам яркие пятна. Потом слева от меня открылся боковой туннель. Я миновал его и продолжал идти. Кажется, скоро должен быть еще один. Вот. Два…

Третий — чуть дальше. Затем четвертый. Я праздно полюбопытствовал про себя, куда они все ведут. Никто мне никогда ничего о них не говорил. Может, вообще никто не знает. В причудливые гроты неописуемой красы? В иные миры? В тупики? В кладовые? Когда-нибудь, может быть, когда будут время и желание…

Пять…

И еще один.

Мне нужен был седьмой. Добравшись до него, я остановился. Я думал о тех, кто прежде меня прошел этим путем. Потом решительно зашагал вперед —, к большой, окованной металлом двери. На стальном крюке, вбитом в стену справа, висел огромный ключ. Я снял его, отпер дверь и повесил ключ обратно, зная, что страж с нижней площадки проверит дверь и вновь запрет ее при следующем обходе; и меня заинтересовало — не в первый раз, — с какой стати надо запирать дверь, если ключ висит тут же. Такое впечатление, будто опасность могла навалиться изнутри. Я спрашивал об этом, но никто из тех, кому я задавал этот вопрос, ответа, похоже, не знал. Традиция, говорили мне. Джерард и Флори — каждый в отдельности — предложили, чтобы я спросил Рэндома или Фиону. Те, в свою очередь, предполагали, что об этом должен знать Бенедикт, но не помню, чтобы я спрашивал у него.

Я налег на дверь — никакого результата. Я поставил лампы и попробовал еще раз, посильнее. Дверь скрипнула и медленно открылась вовнутрь. Я поднял лампы и вошел.

Дверь за моей спиной сама собой закрылась, и Фракир — дитя Хаоса — яростно запульсировала. Я припомнил свой прежний визит и то, почему никто не брал сюда дополнительной лампы: голубоватое сияние Образа, прочерченного на гладком черном полу, освещало грот достаточно, чтобы видеть, куда ступаешь.

Я зажег вторую лампу. Первую поставил у края Образа, а со второй обошел его по периметру, поставив ее у дальнего конца. Неважно, что сам Образ обеспечивает достаточное освещение. Я находил эту чертову штуку призрачной, холодной и откровенно пугающей. При дополнительном освещении я чувствовал себя в ее присутствии много лучше.

Я осмотрел хитросплетение линий — пока шел в тот угол, откуда положено начинать. Успокоил Фракир, но собственные предчувствия подавил не полностью. Если это внутри меня бушует Логрус, то интересно, какой будет моя реакция на сам Логрус сейчас, когда я несу в себе и Образ. Бесплодные размышления…

Я попытался расслабиться. Глубоко вздохнул. На мгновение прикрыл глаза. Присел, встал. Опустил плечи. Нет смысла

тянуть…

Я раскрыл глаза и поставил ногу на Образ. Вокруг нее немедленно поднялись искры. Я сделал еще шаг. Искр стало еще больше. Еле слышное потрескивание. Еще шаг. Сопротивление — когда я делаю следующее движение…

И все вернулось ко мне — все, что я чувствовал, когда шел в первый раз: холод, легкое потрясение, простые и трудные участки. Где-то внутри меня имелась карта Образа, и я словно читал по ней, пока двигался по первой кривой, а сопротивление нарастало, искры роились, волосы шевелились, потрескивание, какая-то дрожь…

Я достиг Первой Вуали, и это было похоже на прогулку в аэродинамической трубе. Каждое движение давалось с превеликим трудом. Хоть и не без смысла; это все, что требовалось. Надо было ломить вперед — и ты продвигался, хоть и медленно. Фокус заключался в том, чтобы не останавливаться. Начать снова было бы невероятно трудно, а в некоторых местах просто невозможно. Сейчас требовалось непрерывное продавливание. Еще несколько мгновений — и я пройду. Дальше будет легче. А вот Вторая Вуаль — это просто смерть…

Поворот, поворот…

Я прошел. Я знал, что теперь некоторое время путь будет легким. Я зашагал немного увереннее. Наверное, Флори права. Этот отрезок показался мне чуть легче, чем в первый раз. Я справился с длинной кривой, затем с резким разворотом. Искры добрались теперь до верха сапог. Голова была забита тридцатыми апрелями, семейной политикой Дворов, где люди сражались на дуэлях и умирали «в ответ на ответ» за наследственное оскорбление и прокладывали хитрый путь сквозь кровавые ритуалы подтверждений статуса и возвышений. Хватит. Я с этим покончил. Прочь. Может, кому это и любезнее сердцу, но крови там пролито куда больше, чем в Янтаре, и все ради проклятого мелочного превосходства над приятелями…

Я стиснул зубы. Было трудно сосредоточиться на непосредственной задаче. Это воздействие Образа — конечно, теперь я и это вспомнил. Еще один шаг… Ноги покалывает… Треск искр — словно буря… Одну ногу перед другой… Приподнять, опустить… Волосы уже стоят дыбом… поворот… поднажать… Выводим «Звездную вспышку» перед осенним шквалом, Льюк на парусах, ветер за нашими спинами словно дыхание дракона… Еще три шага, и сопротивление возрастает…

Я на Второй Вуали, и впечатление такое, будто пытаюсь вытащить машину из грязной канавы… Все мои силы направлены вперед, а результат усилий бесконечно мал. Я двигаюсь

медленно, как по льду, и искры танцуют вокруг талии. Я — синее пламя…

Внезапно накатывает отчаяние. Даже Время бросило меня одного. Есть лишь то, чем я стал: без прошлого, без имени, всей сутью своей борющийся против инертности дней, — равновесие столь тонко сбалансированное, что мне следовало бы навечно застыть здесь на полушаге, если не считать того, что отсутствие масс и сил не затрагивает волю, очищает ее, так что необходимость двигаться вперед перевешивает физические страдания…

Еще шаг, еще — и я прохожу — став старше на века — и иду вновь, и знаю, что намерен закончить путь, несмотря на то что приближаюсь к Великой Кривой, которая крута, сложна и длинна. Совсем не так, как в Логрусе. Сила здесь искусственна, не аналитична…

Вселенная будто вращалась вокруг меня. Каждый шаг приносил мне ощущение, будто я то исчезаю, то вновь появляюсь, будто меня то рассыпает на атомы, то воссоздает вновь, рассыпает и собирает, я умираю и возрождаюсь…

Наружу. Внутрь. Затем еще три кривые, следом за ними — прямая. Я пру вперед. Головокружение, тошнота. Промок до нитки. Прямая на исходе. Дуги — одна за другой. Поворот. Поворот. Еще один поворот…

Когда искры сомкнулись надо мной, словно клетка из молний, и я понял, едва-едва волоча ноги, что дошел до Последней Вуали… Недвижимость и неодолимое стремление вытеснить…

Но на этот раз я чувствую себя как бы закаленным и давлю вперед, зная, что победа будет за мной…

Я прошел, в ознобе, и мне осталась одна короткая дуга. Однако три последних шага бывают труднее всех предыдущих. Как будто, изучив тебя как следует, Образ не хочет выпускать из своих объятий. Я сражался, лодыжки ныли, как на финише эстафеты. Два шага… Три…

Кончено. Стою неподвижно. Задыхаясь и дрожа всем телом. Покой. Нет разрядов. Нет искр. Если это не смыло настройку на синие камни, то не знаю, что еще может это сделать.

Сейчас… скажем, через минуту… я могу отправиться куда захочу. Из этой точки в этот миг громадной власти я мог приказать Образу доставить меня куда угодно и был бы туда доставлен. Едва ли стоит тратить желание на то, чтобы сэкономить подъем по спиральной лестнице и вернуться к себе в комнату. Нет. У меня были другие планы. Через минуту…

Я поправил одежду, причесал пятерней волосы, проверил

оружие и спрятанный Козырь, подождал, когда успокоится колотящийся пульс.

Льюк получил ранения в битве при Крепости Четырех Миров, сражаясь с бывшим другом и союзником Далтом — наемником, сыном Осквернительницы. Далт мало меня волновал — разве что представлял возможную помеху, поскольку теперь он, кажется, состоял на службе у хозяина Крепости. Но, даже учитывая любую разницу во времени — которая, вероятно, не так велика, — я видел Далта практически сразу после его стычки с Льюком. Что, по идее, должно означать, что он находился в Крепости, когда я дозванивался к нему через Козырь.

Ладно.

Я попытался вспомнить ту комнату, в которой видел Далта. Лишь схема. Какой минимум данных требуется Образу для работы? Я вспомнил текстуру каменных стен, форму небольшого окна, кусочек потертого гобелена, стебли тростника на полу; когда Далт отодвинулся, стали видны низкая скамья и стул, над ними трещина в стене — и лоскут паутины…

Я сформировал изображение по возможности четко. Пожелал оказаться там. Я захотел быть в том месте…

Там я и оказался.

Я быстро повернулся — рука на рукояти клинка, — но в комнате я был один. Я увидел кровать и шкаф, небольшой письменный стол, сундук — ничего этого не было видно, когда я в первый раз бросил сюда взгляд. Через оконце лился солнечный свет.

Я пересек комнату, подошел к единственной двери и долго стоял, прислушиваясь. По ту сторону — лишь тишина. Я чуть приоткрыл дверь — открывалась она налево — и выглянул в длинный пустой коридор. Прямо напротив меня находилась лестница, ведущая вниз. Слева была голая стена. Я вышел и закрыл дверь. Спуститься или пойти направо? По обе стороны коридора располагалось несколько окон. Я подобрался к ближайшему, которое было по правую руку, и выглянул.

Я увидел, что нахожусь рядом с нижним углом прямоугольного двора; напротив, слева и справа, были еще строения — все соединенные углами, не считая проема справа вверху, который, видимо, вел в другой двор, где прямо напротив меня над крышами возвышалась довольно большая башня. Внизу, во дворе возле многочисленных дверей, расположилась дюжина солдат. Они не производили впечатления обычных стражников, — например, они занимались чисткой и починкой пожитков. Двое из них были щедро забинтованы. И все-таки большая часть была в таком состоянии, что могли очень быстро вскочить и приступить

к службе.

В дальнем конце двора находился странный обломок, напоминающий небольшой разбитый самолет, который показался мне смутно знакомым. Я решил направиться по коридору, который шел параллельно двору, — казалось, он приведет меня к зданиям на дальнем краю периметра, и, вероятно, оттуда я смогу получше рассмотреть следующий двор.

Я двинулся по коридору, настороженно прислушиваясь к любым звукам. Пока я приближался к углу, не было ничего, кроме тишины. Возле угла я долго стоял и прислушивался.

Так ничего и не услышав, я повернул за угол и застыл. Как и человек, сидевший на подоконнике справа. На нем были кольчужная рубаха, кожаная шапка, кожаные же поножи и сапоги. На боку висел тяжелый клинок, а в руке он держал кинжал — похоже, делал себе маникюр. Когда голова его повернулась ко мне, я почувствовал, что он удивлен.

— Ты кто? — спросил он, расправил плечи и опустил руки, как будто собирался спрыгнуть со своего насеста и встать.

Мы оба были ошеломлены. Кажется, это был охранник. При том, что проворство или попытка ускользнуть могли подставить его под Фракир или мой удар, медлительность обеспечивала ему великолепное убежище, а мне — небольшую дилемму. Я был уверен, что надуть его не смогу, как не смогу и положиться на результат, если даже сумею обмануть. Мне не хотелось нападать и поднимать шум. И то и другое лишало меня возможности маневра. Я мог бы быстро и тихо убить его небольшим хитроумным заклинанием инфаркта, которое я вывесил перед собой. Но я слишком высоко ценю жизнь, чтобы губить ее, когда в том нет нужды. Так что, поскольку мне сильно не хотелось тратить еще одно заклинание, приготовленное про запас, я произнес слово, которое заставило мою руку машинально помахать в соответствующем жесте, и, как только сила Логруса запульсировала во мне, я мельком увидел его отблеск. Человек закрыл глаза и грузно навалился спиной на оконный переплет. Я устроил его спать поудобнее и оставил мирно похрапывать с кинжалом в руке. Кроме того, заклинание инфаркта могло мне вскоре понадобиться.

Коридор вывел на галерею, которая, видимо, тянулась в обе стороны. При этом я не мог рассмотреть, что находится с каждой стороны дальше определенной точки, и я понял, что придется применять еще одно заклинание раньше, чем мне того хочется. Я произнес слово заклинания невидимости, и мир вокруг слегка померк. Я надеялся пробраться чуть дальше, прежде чем мне придется воспользоваться этим заклинанием, раз уж оно хорошо

работает всего лишь минут двадцать, а я понятия не имею, где находится мой будущий трофей. Но рисковать было нельзя. Я заторопился и прошел в галерею, которая оказалась пустой.

Впрочем, там я кое-что узнал о здешней географии. Я заглянул в следующий внутренний двор — он был огромен. Там высилось массивное сооружение, которое я мельком видел с другой стороны. Это была громадная, прочно выстроенная Цитадель; похоже, вход в нее был только один, и он хорошо охранялся. С другой стороны галереи я увидел, что тут был еще и внешний двор, ведущий к высоким, хорошо укрепленным стенам.

Я оставил галерею и поискал лестничный пролет, почти уверенный, что громоздкое строение из серого камня и есть искомое мною место. Вокруг него сияла аура магии, я чувствовал ее всеми костями.

Я побежал по коридору, повернул и увидел у лестницы часового. Если он что и почувствовал, так разве что ветерок от взметнувшегося плаща. Я рванул вниз по лестнице. Нижняя ее площадка выводила в другой коридор — неосвещенный; прямо передо мной в стене была крепкая, обитая железом дверь во внутренний двор.

Я распахнул дверь, шагнул за порог и скользнул вбок, так как повернувшийся стражник уставился в пустоту перед собой и двинулся в мою сторону. Я уклонился от него и направился к Цитадели. Средоточие сил, сказал Льюк. Точно. Чем дальше, тем сильнее я чувствовал это. У меня не было времени размышлять над тем, что делать с этими силами, как ими распорядиться. Так или иначе, у меня с собой личный запас.

Подойдя к стене, я свернул налево. Быстрый взгляд кругом, чтобы убедиться, что все в порядке. Немного прошел вокруг стены — и я понял, что моя догадка верна: имеется только один явный вход. Кроме того, окна в стене были прорублены на высоте минимум тридцати футов. Вокруг тянулась высокая, ощерившаяся металлическими зубцами изгородь, с внутренней стороны — ров. Однако больше всего меня удивил не вид сооружения. На дальней стороне, у стены, лежали обломки двух и три относительно целых летательных аппарата. Я недолго пребывал в недоумении по поводу этих останков — раз уж увидел перед собой неповрежденные. Это были привязные планеры. Мне очень хотелось поглядеть на них поближе, но ресурс невидимости был на исходе и отвлекаться на экскурсии было непозволительной роскошью. Я торопливо одолел остаток пути и принялся изучать ворота.

Ворота в изгороди были закрыты и охранялись стоящими по сторонам двумя часовыми. В нескольких шагах за воротами через

крепостной ров был переброшен перекидной деревянный мост, стянутый для прочности железными полосами. В углах настила были большие шкворни с проушинами, в стене над воротами виднелась вмонтированная лебедка; на лебедке качались четыре цепи с крюками на концах. Я подумал, насколько тяжел мост. Дверь в Цитадель — высокая, широкая, окованная металлом — была углублена в каменную стену фута на три и, судя по виду, могла долго выдерживать удары тараном.

Я приблизился к воротам в ограде и стал осматривать их. Никакого замка — просто ручной запорный механизм. Я мог бы открыть его, вбежать внутрь, проскочить открытый участок и оказаться у большой двери прежде, чем стражники успеют хоть что-то сообразить. С другой стороны, исходя из характера этого места, они с большой долей вероятности могут быть проинструктированы на случай сверхъестественной атаки. А раз так, то им и не нужно будет видеть меня, а если они быстро отреагируют, то загонят меня в нишу. И у меня было ощущение, что та тяжелая дверь уж точно заперта.

Я скоренько подумал, перебирая свои заклинания, и заодно проверил местонахождение во дворе еще шестивосьми человек. Никто не был ко мне слишком близко, никто не двигался в моем направлении…

Я бесшумно приблизился к стражникам, посадил Фракир на плечо того, что стоял слева, отдав приказ быстренько придушить его. Потом три быстрых шага направо — и я бью второго стражника слева по шее ребром ладони. Хватаю его под мышки, чтобы он не загремел доспехами при падении, опускаю на землю, прислонив спиной к ограде справа от ворот. Но тут же услышал, как загремели об ограду ножны другого привратника, — он падал, вцепившись себе в горло. Я поспешил к нему, помог опуститься на землю и снял Фракир. Быстро осмотрелся — те двое, что торчали в дальнем конце внутреннего двора, в нашу сторону не глядели. Проклятье.

Я отодвинул засов на воротах, проскользнул внутрь, закрыл створки и закрыл изнутри засов. Затем торопливо пересек мост и оглянулся. Двое, которых я приметил, теперь направлялись в мою сторону. Похоже, у меня была возможность выбирать… Я решил посмотреть, насколько действеннее получится у меня стратегия.

Присев, я схватился за ближайший край моста — правый от меня. Ров, над которым он был перекинут, на глаз был глубиной футов в двенадцать и почти вдвое больше в ширину.

Я стал выпрямлять ноги. Чертовски тяжело, но мост скрипнул, и мой край приподнялся на несколько дюймов. Я вернулся в исходное положение, посидел немного, восстановил

дыхание и сделал еще одну попытку. Еще скрип, и еще немного дюймов. Еще раз… Ладони заныли там, где на них давил вес. Руки будто медленно выкручивало из суставов. Как только я выпрямил ноги и с еще большим усилием выпрямился сам, мне стало интересно, сколько человек проиграли во вполне выигрышных ситуациях из-за внезапного прострела пониже спины. Полагаю, как раз те, о которых вы не слышали. Я чувствовал, как тяжело бьется сердце, словно заполняя грудную клетку целиком. Мой край моста был теперь почти в футе над землей, но левый бок еще касался ее. Я еще раз собрался с силами, чувствуя, как по лбу и рукам потек пот. Вдох… Вверх!

Мост дошел до уровня коленей, затем выше. Левый угол настила в конце концов тоже приподнялся. Я услышал два приближающихся голоса — громкие, возбужденные, — теперь они торопились. Я начал заворачивать налево, волоча за собой все сооружение. Пролет прямо напротив меня приподнялся — другой край почти лишился опоры. Хорошо. Я продолжал двигаться. Пролет слева теперь на пару футов зависал над пропастью. Руки, плечи и шея пылали, как в огне. Еще дальше…

Люди теперь были у ворот, но они задержались, чтобы осмотреть упавших стражников. Тоже хорошо. Я по-прежнему не был уверен, что, если я брошу мост теперь, он грохнется достаточно капитально и его не удастся поднять на место. Нужно было свалить его в пропасть, или я за здорово живешь выдвину себя кандидатом на операцию на позвоночнике. Налево…

Мост начал раскачиваться у меня в руках, опрокидываясь на правый бок. Я мог сказать, что через несколько секунд потеряю над ним контроль. Еще левее, левее… почти… Теперь охранники переключили внимание от валяющихся привратников на двигающийся мост и начали тупо дергать засов. Еще двое спешили к ним на помощь — я слышал их крики. Еще шаг. Теперь мост уже действительно скользил. Мне его было не удержать… Еще один шаг…

Пусть теперь попробуют его вытащить!

Конец моста ударился о край рва, но дерево расщепилось, край просел, а я продолжил отступление. Пролет перевернулся, дважды ударился о дальний склон и с жутким грохотом рухнул на дно. Руки мои бессильно висели.

Я повернулся и направился к дверям. Заклинание еще держалось, так что, по крайней мере, я не стал мишенью для желающих покидать в меня чем-нибудь с той стороны рва.

Когда я добрался до двери, мне потребовались все силы, чтобы поднять руки к большому кольцу на правой створке и взяться за него. Я потянул, но без всякого результата. Дверь была

заперта. Впрочем, я этого ожидал и подготовился. Но надо попробовать еще разок. Просто так с заклинаниями я не расстаюсь.

Я произнес слова — на этот раз три — менее элегантно. Заклинание было не вполне аккуратным, хотя и эффективным.

Меня тряхнуло, а дверь взрывом внесло внутрь — словно от пинка гиганта, обутого в башмак со стальным носком. Я тут же вошел и чуть замешкался, пока глаза привыкали к полутьме. Я находился в зале высотой в два этажа. Впереди справа и слева поднимались лестницы, изгибаясь до огороженной перилами площадки, от которой начинался коридор на втором этаже. Ниже был еще один коридор, прямо напротив меня. Еще две лестницы вели вниз, соединяясь с теми, что вели наверх. Что делать, что делать?..

В центре комнаты находился брызжущий пламенем — не водой — фонтан, обрамленный черном камнем; пламя падало в бассейн, вихрилось и танцевало в его чаше. Кончики огненных языков были красно-оранжевыми; у основания — бело-желтыми, идущими рябью. Ощущение силы переполняло помещение. Любой, кто может контролировать силу, вырывавшуюся здесь на свободу, действительно неодолимый соперник. Если повезет, мне, может быть, не придется определять, насколько неодолимый.

Я вздрогнул и чуть не потратил заклинание особой атаки, когда осознал, что справа от меня в углу стоят две фигуры. Но фигуры не шевелились. Они были неестественно неподвижны. Статуи, разумеется…

Я попытался выбрать — пойти наверх, вниз или прямо, и почти уже решил спуститься — исходя из предположения, что существует традиция держать своих врагов в сырых подвалах, когда что-то в тех двух статуях опять привлекло мое внимание. Зрение наконец наладилось, и я разобрал, что одна из фигур изображала седого старика, а другая — стройную женщину. Я протер глаза, несколько секунд не соображая, что вижу очертания собственной руки. Заклинание невидимости выдыхалось…

Я подошел к фигурам. Уже того, что на старике висела пара плащей и шляп, должно было хватить для догадки. Но я все равно приподнял подол его темно-синего балахона. При ярком свете, вдруг хлынувшем из фонтана, я увидел, что на правой ноге старика вырезано имя «РИНАЛЬДО». Вот гаденыш…

Женщина была Джасрой, и это спасало меня от необходимости искать ее внизу, среди крыс. Руки ее тоже были простерты в вечном защитном жесте; на левую кто-то повесил голубой зонтик, а на правую — светло-серый английский дождевик; побывавшая под дождем шляпа болталась на голове

Джасры, сдвинутая набок. Лицо ее было размалевано под клоуна, а к зеленой блузе кто-то приколол пару желтых кисточек.

Свет вспыхнул еще ярче, и я обернулся взглянуть, что происходит. Теперь фонтан выплевывал жидкий огонь футов на двадцать вверх. Огненные капли падали в переполненный бассейн и растекались по плитам пола. Самый большой ручеек направлялся в мою сторону. И тут негромкий смешок заставил меня взглянуть наверх.

Одетый в темный балахон, капюшон и перчатки, на площадке надо мной стоял маг кобальтовой маски — одна рука лежала на перилах, другая указывала на фонтан. Хотя я и не планировал встречаться с ним в ходе экспедиции, к схватке я был готов. Как только пламя подпрыгнуло еще выше, образовывая огромную яркую башню, которая немедленно начала крениться и заваливаться на меня, я широким жестом поднял руки и произнес слово самого подходящего из трех оборонительных заклинаний, которые развесил раньше.

Зашевелились возбужденные Логрусом воздушные потоки, почти немедленно достигнув силы шторма и отбросив от меня пламя. Затем я сместился так, чтобы ветер дул в сторону мага. Маг тут же махнул рукой, и пламя в фонтане угасло до едва тлеющего огонька.

Так, пока ничья. Собственно, я пришел сюда не счеты сводить с этим парнем. Я пришел, чтобы обставить Льюка и спасти Джасру самому. Если она будет моей пленницей, все коварные замыслы Льюка будут Янтарю до лампочки. Как только мои ураганы затихли и вновь раздался смешок, мне стало интересно: использовал ли маг заклинания, как делал это я? Или, живя с таким источником силы под боком, он научился контролировать силы напрямую и преобразовывать их по своему желанию? Если второе — а я подозревал, что дело обстоит именно так, — значит, у него в рукаве, по сути, неисчерпаемый источник уловок, так что в любом полновесном соревновании на его поле мне со временем придется или прибегнуть к быстрому отступлению, или нажимать «красную кнопку» — вызвать сам Хаос, чтобы стереть с лица земли этот район, — а я совсем не был заинтересован уничтожать все загадки, — в том числе загадку личности мага, — вместо того чтобы разгадать их и получить ответы, существенные для благополучия Янтаря.

В воздухе перед магом материализовалось сверкающее металлическое копье, повисло на мгновение и устремилось ко мне. Я использовал второе оборонительное заклинание, вызвав щит, отклонивший копье.

Единственной для меня альтернативой магической дуэли или

уничтожения этого места Хаосом была попытка самому научиться контролировать здешние силы и выиграть у этого парня в его собственной игре. Впрочем, времени на упражнения сейчас не было; мне и так было чем заняться — едва только я выкрою пару секунд. Однако, похоже, рано или поздно нам придется встретиться в серьезном поединке — раз уж у этого парня, кажется, есть на меня зуб и, быть может, именно он стоял за нападением незадачливого оборотня.

Да я и не настолько раскочегарился, чтобы исследовать силу здесь, в этой точке, — раз уж Джасра оказалась достаточно хороша, чтобы победить изначального хозяина этих мест, Шару Гаррула, а у этого парня хватило мощи, чтобы заломать Джасру. Хотя я многое отдал бы, чтобы узнать, что же он против меня имеет…

Итак…

— Что тебе все-таки нужно? — воззвал я.

Металлический голос немедленно отозвался:

— Твою кровь, твою душу, твой разум и твое тело.

— А мою коллекцию марок? — заорал я в ответ. — Можно, я оставлю себе все гашеные конверты?

Я пододвинулся к Джасре и правой рукой обхватил ее за плечи.

— Зачем она нужна тебе, клоун? — спросил маг. — Она — самый никчемный предмет в этой крепости.

— Так почему ж ты не позволяешь забрать ее?

— Ты собираешь марки. Я собираю самонадеянных колдунов. Она уже моя, на очереди — ты.

Я почувствовал, что против меня опять поднимается сила.

— Что ты имеешь против твоих братьев и сестер по Искусствам?

Ответа не было, но воздух вокруг меня вдруг наполнился острыми, вращающимися лезвиями — ножами, топорами, сюрикэнами, разбитыми бутылками. Я произнес слово для своего последнего заклинания защиты, Завесы Хаоса, поднимая между нами рябящий мутный экран. Острые предметы, вихрем мчащиеся к нам, были немедленно рассыпаны в космическую пыль, едва только соприкоснувшись с ним.

Перекрывая грохот этой стычки, я прокричал:

— Каким именем мне называть тебя?

— Маска! — последовал немедленный ответ мага — не слишком оригинальный, по-моему. Я почти ожидал имени в стиле Джона Д. МакДональда — ну, например, Лиловый Кошмар или Кобальтовый Шелом[30]. Ну и ладно.

Я уже использовал последнее защитное заклинание. Я поднял

левую руку — так, что рукав, на котором был Козырь Янтаря, теперь болтался у меня перед глазами. Я уже сдал себе карты получше, но еще не разыграл «полную руку». Так что показательную оборону я провел по полной программе, а в резерве держал заклинание, которым особенно гордился.

— Она тебе ни к чему, — сказал Маска, как только наши заклинания увяли и он приготовился ударить вновь.

— И тем не менее — счастливо оставаться! — сказал я, развернул запястья, направил пальцы прямо на поток и произнес слово, которое сразило его наповал.

— Око за око! — заорал я, когда весь ассортимент цветочного магазина рухнул на Маску, полностью похоронив его в самом большом букете, который мне доводилось видеть. Пахло в этом букете, наверное, неописуемо.

Сила стушевалась и утихла, а я меж тем вглядывался в Козырь и тянулся в него. В тот миг, когда установился контакт, в цветочной куче возникло шевеление, и из нее поднялся Маска, похожий на Аллегорию Весны.

Я, вероятно, уже исчезал, когда он сказал:

— Ну, все…

— И запах к запаху, — отозвался я и произнес слово, которое завершило заклинание и вывалило на Маску пару тачек навоза.

Я шагнул в тронный зал Янтаря, унося с собой Джасру. Возле стойки буфета стоял Мартин с бокалом вина в руке и разговаривал с Борсом, сокольничим. Заметив изумленный взгляд Борса в мою сторону, Мартин замолчал, затем развернулся и тоже уставился на меня.

Я поставил Джасру у входа. Я совсем не собирался прямо сейчас возиться с нею, разбираясь с заклинаниями, — тем более, я слабо представлял, что буду с ней делать, когда освобожу от заклятия. Так что я повесил на нее свой плащ, прошел к буфету и налил себе вина, кивнув по дороге Борсу и Мартину.

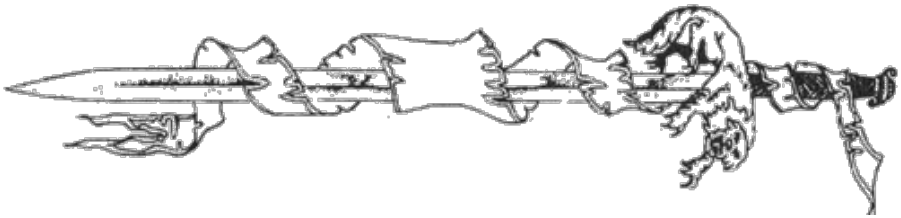
Я осушил бокал, поставил его, затем сказал им:

— Делайте с ней что хотите, только не вырезайте на ней своих инициалов.

Затем я ушел и, отыскав кушетку в восточной комнате, вытянулся на ней и закрыл глаза. Как мост над бурными водами[31]. Некоторые дни — как бриллианты. Куда исчезли все цветы?

Что-то в таком духе.

XII



Дым коромыслом, гигантский червяк и цветовые вспышки. Каждый звук рождался в форме, достигал до максимума — и угасал, убывая. Толчки бытия, похожие на высверки молний, — вызванные из Тени и вернувшиеся в Тень. Червяк длился вечно.

Цветы с собачьими головами щелкали на меня зубами и покачивали листьями. Струя тумана остановилась на сигнал подвешенного к небу светофора. Червяк — нет, гусеница, — улыбался. Или улыбалась? Пошел медленный, слепящий дождь, и каждая из парящих капель была глазом стрекозы…

«Что не так на этой картинке?» — спросило что-то внутри меня.

Я сдался, потому что не был уверен — что. Хотя у меня было ясное ощущение, что случайный ландшафт вряд ли должен плыть…

— Во дает! Мерль…

Чего теперь надо Льюку? Почему бы ему не прекратить соваться в мои дела? Вечно у него проблемы.

— Посмотри на это, ну же!

Я посмотрел туда, где несколько ярких прыгающих шаров — может, кометы? — ткали из света гобелен. Гобелен упал на лес, сплошь заросший зонтиками.

— Льюк… — начал я, но один из собакоголовых цветов укусил меня за руку, и все вокруг треснуло, как будто было нарисовано на стекле, только что пробитом пулей. За стеклом висела радуга…

— Мерль! Мерль!

Глаза мои внезапно открылись, и я увидел, что это Дроппа трясет меня за плечи. Там, где лежала моя голова, на кушетке расплывалось влажное пятно.

Я приподнялся на локте и протер глаза.

— Дроппа… Что?..

— Не знаю, — сказал он.

— Чего ты не знаешь? Я спрашивал… Черт! Что случилось?

— Я сидел в этом кресле, — сказал он, указывая, — и ждал, когда вы проснетесь. Мартин сказал, что вы здесь. Я хотел передать, что вас, когда вернетесь, хочет видеть Рэндом.

Я кивнул, затем заметил, что из ладони у меня сочится кровь — там, где укусил цветок.

— Сколько времени я был в отрубе?

— Минут двадцать, наверное.

Я свесил ноги, сел.

— Так почему же ты решил разбудить меня?

— Вы козырялись отсюда, — сказал он.

— Козырялся? Во сне? Нет, так это не работает. Ты уверен…

— На беду, я в тот момент задремал, — сказал он. — Вы налились радужным сиянием и начали расплываться по краям и исчезать. Я подумал, что лучше разбудить вас и спросить, сознательно ли вы это делали. Что вы пили, пятновыводитель?

— Нет, — сказал я.

— Я раз опробовал его на своей собаке…

— Видения, — сказал я, массируя виски, которые начали пульсировать. — Вот и все. Видения.

— Те же самые видения, что и у других? Как DTs a deux?[32]

— Вы не поняли.

— Пойдемте лучше к Рэндому. — Дроппа направился было к выходу.

Я покачал головой.

— Не сейчас. Я хочу посидеть и собраться с мыслями. Что-то не так…

Я посмотрел на Дроппу и увидел, что зрачки у него расширяются. Смотрел он мимо меня. Я повернулся.

Стена за моей спиной таяла, как восковая пластина возле огня.

— Кажется, пора трубить в трубы и бить в барабаны, — пробормотал Дроппа. — На помощь!

Вопя, он промчался через комнату и вылетел за дверь.

Раз, два, три — и стена снова была во всех отношениях нормальной, но меня трясло. Кой черт тут происходит? Маска ухитрился наложить на меня чары прежде, чем я вырвался? Если так, то на что они направлены?

Я поднялся на ноги и медленно обошел комнату по кругу. Все, на первый взгляд, было в порядке. Я понимал, что едва ли это примитивная галлюцинация, порожденная моими недавними потрясениями, — Дроппа ведь тоже видел. Так что я вроде не спятил. Это было что-то другое — но что бы это ни было, я чувствовал, что оно все еще рыскает по соседству. В воздухе была какая-то особенная неестественная ясность, и каждый предмет казался необычайно живым.

Я быстро обыскал комнату, — не зная даже, что же я ищу. Неудивительно, что я ничего не нашел. Тогда я шагнул наружу. В чем бы ни заключалась проблема, не могла ли она возникнуть из чего-то того, что я притащил с собой? Могла ли Джасра, неподвижная, как бревно, и безвкусная, как кичевый галстук, оказаться троянским конем?

Я направился в тронный зал. Стоило мне сделать десяток шагов по коридору, как впереди возникла наклонная решетка света. Я заставил себя идти дальше, и она отступала, меняя облик, пока я приближался.

— Мерль, пойдем!

Голос Льюка, но самого Льюка нигде не было видно.

— Куда? — крикнул я, не сбавляя шага.

Ответа нет, но решетка раскололась посередине, и две ее

половины качнулись в стороны, как пара ставней. За ними разлился почти слепящий свет; по ту сторону я, по-моему, заметил кролика. Затем видение вдруг исчезло, и я почти поверил, что мир стал нормальным, — почти, потому что смех Льюка еще какое-то время звучал из пустоты.

Я побежал. Был ли Льюк на самом деле тем врагом, о котором меня постоянно предупреждали? Не было ли подстроено все, что со мной произошло, — подстроено с единственной целью освободить его мать из Крепости Четырех Миров? А теперь, раз она в безопасности, не обуяло ли его безрассудное желание завоевать Янтарь и вызвать меня на дуэль колдунов на условиях, которых я не могу даже понять?

Нет, в это я поверить не мог. Я был уверен, что он такой силой не обладает. Но даже если и так, он не осмелился бы опробовать ее — только не сейчас, когда у меня в заложниках Джасра.

Мчась вперед, я вновь услышал голос Льюка — отовсюду и ниоткуда. На этот раз он пел. У него был сильный баритон, а песенка называлась «Auld Lang Syne»[33]. По поводу чего он иронизировал, хотел бы я знать?

Я ворвался в тронный зал. Мартин и Боре исчезли. На буфете, возле которого парни стояли, я увидел пустые стаканы. А возле другой двери?.. Да, возле другой двери оставалась Джасра — прямая, неподвижная и по-прежнему с моим плащом.

— Ладно, Льюк! Завязывай! — крикнул я. — Кончай дурить, давай уладим дело!

— М-м?

Пение резко оборвалось.

Я медленно подошел к Джасре, рассматривая ее по дороге. Совершенно не изменилась — разве что кто-то повесил шляпу на другую руку. Откуда-то из недр дворца я услышал крик. Наверное, Дроппа все еще поднимал тревогу.

— Льюк, где бы ты ни был, — сказал я, — если ты меня слышишь, если ты меня видишь, протри глаза и слушай: я принес ее сюда. Видишь? Имей это в виду — что бы ты там ни планировал.

Комната неистово зарябила, как будто я стоял посреди картины без рамы, которую кто-то только что решил встряхнуть, скомкать, а потом, расправив, вновь туго натянуть.

— Ну?

Ничего.

Затем смешок.

— Мамочка — вешалка для шляп… Ну, ну. Да уж, спасибо, приятель. Славное представление. Никак не мог дозвониться до

тебя раньше. Не знал, что ты приехал… А нас разбили. Я послал несколько ребят на планерах, они уже встали на крыло… Но там ждали. Вышибли нас. Потом точно не помню… Больно, черт…

— С тобой все в порядке?

Послышалось нечто вроде всхлипа. Как раз в этот момент в зал вошли Рэндом и Дроппа, за их спинами маячила долговязая фигура Бенедикта — безмолвная, как смерть.

— Мерль! — окликнул меня Рэндом. — Что происходит?

Я покачал головой.

— Не знаю.

— Точно, надо взять еще выпивки, — еле слышно донесся голос Льюка.

Через центр зала пронесся огненный вихрь. Он длился всего лишь мгновение, а затем на его месте возник большой прямоугольник.

— Ты же колдун, — сказал Рэндом. — Сделай что-нибудь!

— Да не знаю я, что это за хрень! — отозвался я. — Никогда не видел ничего подобного. Как будто магия сошла с ума!

Внутри прямоугольника начали проявляться очертания… очертания человека. Форма установилась, обрела черты, облеклась в одежды… Это был Козырь, — гигантский Козырь, — затвердевающий в воздухе посреди комнаты. Это был…

Я. Я смотрел на собственные черты, а те смотрели на меня. Я заметил, что на карте я улыбаюсь.

— Валяй, Мерль. Присоединяйся к веселью, — услышал я

голос Льюка, и Козырь принялся медленно вращаться вокруг вертикальной оси.

Звуки, будто от звона бокалов, наполнили зал.

Огромная карта поворачивалась, пока я не увидел ее ребро — словно черный разрез. Затем черная линия расширилась рябью, как раздвигающийся занавес, и я увидел скользящие по ту сторону яркие цветные пятна. Еще я увидел гусеницу, пыхтящую кальяном, и толстые зонтики, и яркий, сияющий поручень стойки бара…

Из щели высунулась рука.

— Давай сюда.

Я услышал, как Рэндом шумно вздохнул.

Клинок Бенедикта внезапно взметнулся к карте. Но Рэндом положил руку на плечо брату и сказал:

— Нет.

Странная, бессвязная музыка висела теперь в воздухе; каким-то образом она соответствовала обстановке.

— Давай, Мерль.

— Ты входишь или выходишь? — спросил я.

— И то и другое.

— Ты обещал мне, Льюк: информация в обмен на спасение твоей матери, — сказал я. — Итак, она здесь. Выкладывай секрет!

— Нечто, жизненно важное для твоего благополучия? — медленно спросил он.

— Жизненно важное для безопасности Янтаря, ты сказал.

— Ах, *тот* секрет…

— И от второго я тоже не откажусь.

— Пардон. Продается только один. Который?

— Безопасность Янтаря, — ответил я.

— Далт, — отозвался он.

— А что с ним?

— Дила Осквернительница была его матерью…

— Я это уже знаю!

— …за девять месяцев до рождения Далта она была пленницей Оберона. Он ее изнасиловал. Вот почему Далт, ребятки, имеет к вам претензии.

— Чушь собачья! — сказал я.

— Именно это ему и я сказал, когда однажды услышал эту историю. И я подначил его пройти Образ в небесах.

— Ну и?

— И он прошел.

— Ох…

— Я недавно узнал об этом, — сказал Рэндом, — от эмиссара, которого посылал в Кашфу. Хотя о том, что он прошел Образ, я не

знал.

— Ну, раз уж ты знал об этом, то за мной все еще числится должок, — медленно, почти рассеянно сказал Льюк. — Ну ладно, тогда вот еще: Далт после этого навестил меня на тени Земля. Это он выпотрошил мой склад, украл оружие и специальные боеприпасы. А после, чтобы замести следы, сжег дом. Я нашел свидетелей… Он прибудет… когда захочет. И кто знает — когда?

— Так, еще один родственничек с визитом, — сказал Рэндом. — Ну почему я не был единственным ребенком в семье?

— Теперь делай с этим что хочешь, — добавил Льюк. — Теперь мы квиты. Дай мне руку!

— Ты идешь сюда?

Он засмеялся — и весь зал, казалось, заходил ходуном. Передо мной висела в воздухе дыра, и рука сжала мою руку. Что-то было очень неправильно.

Я попытался притянуть его к себе, но почувствовал, что вместо этого меня самого притягивает к нему. Это была сумасшедшая сила, с которой я не мог сражаться, и казалось, что вселенная, подхватившая меня, скрутилась в жгут. Созвездия разошлись предо мною, и я вновь увидел яркий поручень. На нем расположилась обутая в сапог нога Льюка.

Откуда-то издалека и сзади я услышал крик Рэндома:

— Бэ-двенадцать! Бэ-двенадцать![34] И выводите его!..

…А затем я не смог припомнить, в чем же было дело.

Кажется, это было удивительное место. Впрочем, только дурак мог спутать грибы с зонтиками…

Я взгромоздил на поручень собственную ногу. Болванщик наливал выпивку мне и доливал Льюку. Льюк махнул рукой налево, и Мартовскому Зайцу тоже подлили. С Шалтаем все было хорошо, он балансировал на краю мира. Труляля и Траляля, Птица До до и Лягушонок в Ливрее делали так, чтобы играла музыка. Гусеница попыхивала кальяном.[35]

Льюк хлопнул меня по плечу, я хотел вспомнить что-то важное, но оно всякий раз ускользало.

— Со мной полный порядок, — сказал Льюк. — Все в полном порядке.

— Нет, есть что-то… Не могу вспомнить…

Он поднял пивную кружку, чокнулся ею с моей.

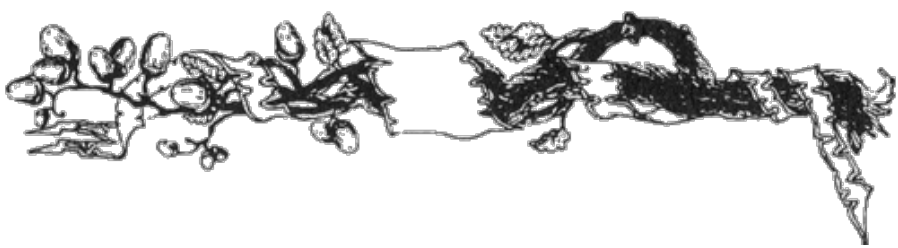
— Радуйся! — сказал он. — Жизнь — это кабаре, дружок!

Кот на стуле возле меня продолжал улыбаться.

Знак Хаоса

Филу Клеверли и нашим солнечным временам: спасибо за все кокию наге[36]

I



Я чувствовал странное беспокойство, вот только с чего бы это. Действительно, что тут странного — наклюкаться в компании с Белым Кроликом, улыбающимся Котом, пугалом-коротышкой — ну вылитый Бертран Рассел — и моим старым приятелем Льюком Рейнаром[37], который горланил ирландские баллады, пока необычный ландшафт на стене за его спиной из росписи превращался в реальность. В общем, громадная Синяя Гусеница, затягивающаяся кальяном[38] на шляпке гриба-гиганта, произвела на меня должное впечатление — я-то знал, как трудно поддерживать в зажженном состоянии водопроводную трубу. Но все же что-то было не так. И сцена получалась вроде бы довольно веселой, вполне в духе Льюка, ведь он, как известно, довольно часто появлялся в такого рода компаниях. Так с чего бы мне

чувствовать себя неуютно?

И пиво было хорошее, и было чем закусить. А уж демоны, истязающие привязанную к столбу рыжеволосую дамочку, так блестели, так блестели — ну прямо как надраенные ботинки. Теперь они куда-то провалились, но в целом все было прекрасно. Все было прекрасно. Когда Льюк запел про залив Голуэй, что был так искрист и чуден, мне даже захотелось нырнуть в него и затеряться в его волнах. Очень печально.

Что-то слишком я сегодня сентиментален… Да. Забавная мысль. Когда Льюк пел что-нибудь грустное, я чувствовал меланхолию. Когда веселое — был очень доволен. Казалось, сам воздух здесь насквозь пропитан со- и переживанием. Но мне-то какая разница? Представление было великоле…

Я отхлебнул из кружки и посмотрел, как на краю стойки раскачивается Шалтай. Мгновение я пытался сообразить, когда же меня занесло сюда, но все пружинки из моего будильника куда-то ускакали от меня. Ладно, разберемся потом. А главное — хорошо гуляем…

Я смотрел, слушал, пробовал, ощущал, и все было здорово. На что бы я ни засматривался, все казалось изумительным. Вроде бы я собирался что-то спросить у Льюка. Да, что-то такое было, но он слишком увлекся пением; впрочем, все равно я сейчас об этом думать не мог.

А что я делал до того, как попасть сюда? Ну, с этим все просто, вспомнить об этом — раз плюнуть. Но потом, не сейчас, когда вокруг все так интересно.

Хотя, кто знает, это могло оказаться и вправду важным. Может, поэтому я и чувствую себя так неуютно. Может, я оставил брошенным какое-то дело и мне надо вернуться и доделать его?

Я повернулся, чтобы спросить у Кота, но тот уже начал таять; при этом выражение морды у него было такое, будто все окружающее забавляло его. Я подумал: а я чем хуже? Я что, тоже так не могу? В смысле растаять в воздухе и слинять отсюда куда подальше. Если я проявился здесь примерно таким манером, то почему точно так же отсюда не уйти? Очень даже может быть. Я поставил кружку, потер глаза и виски. В голове тоже, кажется, все плыло.

Я вдруг вспомнил портрет. Собственный. На гигантской карте. Козырь. Да. Вот как я здесь оказался. Через карту…

На плечо опустилась рука, и я обернулся. Это был Льюк. Ухмыляясь, он облокотился о стойку — должно быть, решил добавить.

— Шикарная вечеринка, а?

— Здорово. Как ты откопал это место? — спросил я.

Льюк пожал плечами.

— Не помню. Какая разница?

Он отвернулся, между нами закрутился короткий шквал из кристаллов. Гусеница выпустила лиловое облачко. Вставала синяя луна.

«Что же не так на этой картинке?» — спросил я себя.

Неожиданно у меня возникло чувство, что все мои способности критически оценивать ситуацию отстрелили во время войны: я не мог сфокусироваться на аномалиях, которые, по-моему, должны были здесь явно присутствовать. Я мгновенно догадался, что влип, но никак не мог понять, как это могло случиться.

Я влип…

Влип…

Но как?

Ага… Все началось, когда я пожал свою собственную руку. Нет. Неверно. Отдает дзеном[39], и все было не так. Рука, которую я пожал, вылезла из карты, на которой был изображен я, а затем карта исчезла. Да, так все и было… В таком примерно разрезе.

Я стиснул зубы. Опять заиграла музыка. На стойке рядом с моей рукой раздался тихий скользящий звук. Я посмотрел туда и увидел, что моя кружка полна. Может, я перебрал? Может, потому мне так трудно думать? Я отвернулся и посмотрел налево. Взгляд прошел вдоль границы, где фреска на стене превращалась в настоящий пейзаж. Мне стало вдруг интересно: а может, я тоже стал частью фрески?

Неважно. Раз я здесь думать не могу… Я побежал… налево. Что-то в этом месте было особенное, что-то такое, отчего мысли в моей голове приходили в полный разлад. Разве можно нормально оценивать окружающее, будучи его частью? Мне нужно отсюда уйти, мне нужно, чтобы голова моя работала ясно, — должен я в конце концов разобраться, что происходит?

Я прошел через бар и добрался до того размытого рубежа, где нарисованные деревья и скалы становились трехмерными. Погрузившись туда, я напряг руки. Я услышал, как шумит ветер, но движения воздуха не почувствовал.

Все, что лежало передо мной, не стало ближе ни на дюйм. Я двигался, но…

Опять Льюк поет.

Я остановился. Медленно повернулся, песня звучала так, будто Льюк пел у меня над ухом. Так оно примерно и было. Я лишь на несколько шагов отошел от стойки. Льюк улыбнулся и продолжил песню.

— Что происходит? — спросил я у Гусеницы.

— Ты петляешь у Льюка в петле, — отозвалась она.

— Опять? — сказал я.

Гусеница выпустила кольцо синего дыма, тихо вздохнула и сказала:

— Льюк попался в петлю, а тебя охмурила лирика. Вот и все.

— Как это получилось? — спросил я.

— Понятия не имею, — отозвалась она.

— Эй, а как из петли вылезают?

— А вот этого я тебе вообще сказать не могу.

Я повернулся к Коту, который вновь нарастил себя вокруг собственной довольной улыбки.

— Может, ты знаешь… — начал я.

— Я видел, как он пришел, и видел, как потом пришел ты, — сказал, ухмыляясь, Кот. — И даже для этих мест твой визит был несколько… необычен. Это навело меня на мысль, что по крайней мере один из вас связан с магией.

Я кивнул.

— А не слишком ли часто ты позволяешь себе вот так появиться, чтобы пропасть вновь? — заметил я.

— Про пасть я могу сказать одно: свою пасть я всегда держу при себе, — отозвался он. — Когти тоже. Чего не скажешь про Льюка.

— Что ты имеешь в виду?

— Ловушка, в которую он попал, — вроде заразной болезни.

— И как она действует? — спросил я.

Но Кот исчез снова, на этот раз вместе с улыбкой.

Ловушка… Вроде заразной болезни… Кажется, выходило, что проблема-то Льюкова, а меня каким-то образом в нее затянуло. Концы с концами при таком раскладе начинали сходиться, хотя по-прежнему и не подсказывали никакой идеи насчет того, что это за проблема и как от нее избавиться.

Я потянулся за кружкой. Если проблему не решить, то можно хотя бы расслабиться и получить удовольствие. Медленно потягивая из кружки, я вдруг понял, что на меня в упор смотрит пара бледных, горящих глаз. Раньше я их не замечал, и странность вся заключалась в том, что находились они в затененной части стенной росписи как раз напротив меня; мало того — они двигались, осторожно перемещаясь влево.

Потом я потерял их из виду, но по вздрагивающим верхушкам травы я по-прежнему мог следить за их обладателем, пока этот самый непонятно кто или что подкрадывался к тому месту, куда до этого направлялся я. Такая роль наблюдателя казалась мне захватывающе интересной. А далеко-далеко справа — за Льюком — я вдруг обнаружил стройного джентльмена в темном жакете, с кистью и палитрой в руках, который неторопливо продолжал расписывать стену. Я сделал еще глоток и снова сосредоточил внимание на таинственном обладателе глаз, перелезавшем из плоскости в три измерения. Вот между скалой и кустами вылезло его мутно-серое рыло; над рылом блекло посверкивали глаза; голубая слюна капала с темной морды и стекала на землю. Либо существо было очень низкое, либо оно сильно пригнулось, но я так и не смог понять, изучало ли оно всю нашу толпу целиком или только меня в отдельности. Я перегнулся и поймал Шалтая за пояс — а может, это был не пояс, а галстук, неважно — как раз в тот момент, когда он собрался опрокинуться на бок.

— Извините, — попросил я. — Не могли бы вы мне сказать, что это там за создание?

И только я показал — как существо выпрыгнуло, многоногое, длинный хвост, темная чешуя, стремительное тело извивается волнами. Обнажив красные когти, с задранным вверх хвостом оно мчалось на нас.

Затуманенный взгляд Шалтая двинулся навстречу моему и увильнул в сторону.

— Меня здесь нет, сэр, — начал он, — чтобы излечить ваше зоологическое неве… Бог мой! Это же…

Пока существо мелькало вдалеке, но приближалось быстро. Интересно, когда оно доберется сюда, оно так же начнет крутиться как белка в колесе — или роль белки была

предназначена только мне, когда я пытался смыться из этого места?

Сегменты тела извивались, существо шипело, как сковородка, и весь его путь от нарисованной выдумки в наши края можно было легко проследить по потокам извергающейся слюны. Скорость его нельзя сказать чтобы стала меньше, скорее наоборот.

Моя левая рука дернулась сама по себе, и с губ сорвалась непрошеная цепочка слов. Я произнес их как раз в тот момент, когда существо пересекло поверхность раздела, сквозь которую сам я прорваться так и не смог; оно встало на дыбы, перевернув незанятый стол, и подобрало свои конечности, как будто собираясь подпрыгнуть.

— Брандашмыг! — закричал кто-то.

— Злопасный Брандашмыг! — поправил Шалтай.

Как только я произнес последнее слово и сделал завершающий жест, перед моим внутренним взором поплыло изображение Логруса[40]. Темная тварь, как раз выбросившая перед собой передние лапы, мигом убрала лапы обратно, потом прижала их к верхней левой четвертинке груди, закатила глаза, издала тихий стон, тяжело вздохнула, свернулась, упала на пол, перекатилась на спину, и множество ее ног задралось вверх.

Над поверженной тварью появилась улыбка Кота. Губы двигались.

— *Мертвый* злопасный Брандашмыг, — сказали они.

Улыбка подрулила ко мне, и вокруг нее, наподобие запоздалой мысли, проявился весь остальной Кот.

— Заклинание, вызывающее инфаркт, верно? — поинтересовался он.

— По-моему, да, — сказал я. — У меня это своего рода рефлекс. Ага, теперь вспомнил. Заклинание по-прежнему висит здесь.

— Так я и думал, — заключил Кот. — Без магии что за пьянка.

Изображение Логруса, явившееся мне во время исполнения заклинания, включило заодно и слабую лампочку на затхлом чердаке моей памяти. Колдовство. Ну конечно.

Я же Мерлин, сын Корвина, — а это значит, что таких колдунов, как я, редко встретишь в местах, которые я частенько посещал за последние годы. Льюк Рейнар — также известный как принц Ринальдо из Кашфы — сам тоже колдун, хотя стиль его магии отличен от моего. И Кот, который, похоже, в этих вопросах собаку съел, мог вполне оказаться прав: мы живем внутри заклинания. Подобная ситуация — одна из очень немногих, где

мои опыт и восприимчивость мало что могут сказать о природе моих затруднений. И все потому, что, если ситуация самосогласована, мои способности тоже должны попасться в лапы последствиям заклинания и подчиняться их силам. Мне пришло в голову, что это в чем-то смахивает на дальтонизм. И я не мог сказать наверняка, крутится ли наша пирушка без посторонней помощи.

Пока я об этом думал, к дверям бара прибыли Королевская конница и Королевская рать. Рать вошла и привязала к трупу Брандашмыга веревки. Конница поволокла его вон. Шалтай, пока все это продолжалось, слез вниз, чтобы сходить по нужде. Вернувшись, он обнаружил, что не может занять прежнее положение на табурете у стойки. Он закричал, чтобы Королевская рать ему помогла, но та была занята — она провожала полностью отключившегося Брандашмыга и поэтому крики Шалтая пропустила мимо ушей.

Подошел улыбающийся Льюк:

— Так это был Брандашмыг. Меня всегда интересовало, на что же он все-таки похож. Нам бы еще сюда заманить Бармаглота…

— Ш-ш! — оборвал его Кот. — Он должен быть где-то в росписи и наверняка подслушивает. Лучше его не дразнить. Он может, пылкая огнем, прискакать через глущобу и вцепиться тебе в жопу. О, бойся Бармаглота, сын, он так свиреп и дик! Не напрашивайся на непри…

Кот бросил стремительный взгляд на стену и несколько раз подряд то исчезал, то появлялся опять. Не обратив внимания на предупреждение, Льюк сказал:

— Я как раз думал об иллюстрациях Тенниела[41].

Кот материализовался в дальнем конце зала, приложился к стакану Болванщика и сказал:

— Я слышу граханье грома, а пылкающие огнем глаза перемещаются справа налево.

Я глянул на роспись и тоже увидел огненные глаза и услышал необычайный звук.

— Это может быть что угодно, — заметил Льюк.

Кот двинулся к вешалке позади бара и потянулся туда, где высоко на стене висело странного вида оружие, переливающееся и покачивающееся в тени. Он снял его и пустил по стойке; оно остановилось как раз перед Льюком.

— Лучше возьми Стрижающий Меч, и это, пожалуй, все, что я могу тебе присоветовать.

Льюк рассмеялся, а я изумленно разглядывал это устройство, которое выглядело так, будто было сделано из крыльев моли и

складок лунного света.

Затем я вновь услышал граханье.

— Да не стой ты, высоких полон дум! — сказал Кот, прикончил стакан Шалтая и опять исчез.

По-прежнему ухмыляясь, Льюк протянул кружку, чтобы ее наполнили. А я стоял, полный высоких дум. Использованное для погибели Брандашмыга заклинание странным образом подействовало на мои мысли. На какой-то миг показалось, что его последействие прочистило мне мозги. Я связал это с изображением Логруса, хоть и видел его недолго. И вызвал изображение вновь.

Передо мной всплыл Знак. Я его удержал. Всмотрелся в него. Мне показалось, что в голове у меня пронесся холодный ветер. Плавающие обрывки воспоминаний сложились вместе, собрались в целое, оформились в понимание. Ну конечно…

Граханье стало громче, и я увидел, как среди далеких деревьев скользит тень Бармаглота; глаза, похожие на посадочные огни, и целый лес острых пик, чтобы хватать и кусать…

Но теперь это было неважно. Я уже догадался, что происходит, кто за все это отвечает, и почему, и как.

Я наклонился, нагнулся так, чтобы костяшки пальцев как раз задели носок моего правого сапога.

— Льюк, — сказал я, — у нас проблемы.

Он отвернулся от стойки и посмотрел на меня сверху вниз.

— В чем дело? — спросил он.

Обладатели янтарной крови имеют недюжинную силу. К тому же мы спокойно выдерживаем достаточно жуткие мордобои. И понятно, что среди своих есть тенденция не принимать их в расчет. Следовательно, в подобных делах, если хочешь, чтобы они сдвинулись с места, действовать нужно именно так…

Что было сил я двинул кулаком вверх и засветил Льюку в челюсть; удар подбросил его над полом, перевернул и послал прямиком через развалившийся стол; приземлившись, Льюк продолжал скользить через весь зал, пока в конце концов не стал на прикол, рухнув под ноги спокойного джентльмена викторианского вида; тот выронил свою кисть и быстро отступил в сторону, когда к нему отнесло забуксовавшего Льюка. Я взял свою кружку в левую руку и вылил ее содержимое на правый кулак, который чувствовал себя так, будто я врезал им по стене. Едва я все это сделал, как огни померкли и на мгновение воцарилась полная тишина.

Затем я шарахнул кружкой по стойке. Стены бара и все, что находилось внутри, должно быть, специально выбрали этот момент, чтобы нервно вздрогнуть, как будто от землетрясения.

Две бутылки упали с полки, лампа покачнулась, граханье стало тише. Я глянул налево и увидел, что жуткая тень Бармаглота отступает куда-то в глущобу. И не только — нарисованный кусок местности теперь порядочно выдавался в реальное пространство и, похоже, продолжал двигаться в том же направлении, обращая крайний участок леса в плоскую неподвижность. Из раздававшегося то и дело пылканья становилось ясно, что Бармаглот теперь удирает прочь, торопясь оторваться от наступающей плоскости. Тру ляля, Траляля, Лягушонок и Птица Додо бросились упаковывать инструменты.

Я через бар устремился к лежащему навзничь Льюку. Гусеница разбирала кальян, и я заметил, что ее гриб перекосило под странным углом. Позади нее рыл нору Белый Кролик, и я слышал, как, раскачиваясь на табурете, куда ему только что удалось взобраться, бормочет проклятия Шалтай.

Приблизившись, я отсалютовал джентльмену с палитрой.

— Простите, что побеспокоил, — сказал я ему. — Но, поверьте, все это к лучшему.

Я поднял обмякшего Льюка и закинул его на плечо. В лицо мне порхнула шустрая стайка игральных карт. Я отмахнулся.

— Бог мой! Бармаглот испугался! — сказал художник, глядя куда-то мимо.

— Чего? — спросил я, не совсем уверенный, интересно мне это знать или нет.

— Вот этого, — ответил художник, показывая на дверь.

Я посмотрел туда, и меня шатнуло; да, действительно, Бармаглота можно было понять.

В баре только что появился Огненный Ангел — двадцати футов ростом, рыжеволосый, с крыльями, подобными окнам с грязными стеклами; с одной стороны, он напомнил мне, что я тоже существо смертное, с другой — своим игольчатым воротником и похожими на колючки когтями, высовывающимися из его короткого меха под всевозможными мыслимыми углами, — напоминал богомола. Когда он ломился внутрь, один из его когтей случайно зацепился за дверь, и та сорвалась с петель. Это была тварь Хаоса — редкая, смертоносная, высокоразумная. Давным-давно не встречал я Огненных Ангелов, да и не было никакого желания. На мгновение я пожалел, что потратил свое заклинание на какого-то Брандашмыга… потом вспомнил, что у этих тварей три сердца. Пока Ангел зыркал глазами по сторонам, высматривая мою особу, а когда наконец увидел, с коротким охотничьим воем двинулся в мою сторону, я быстренько огляделся.

— Было бы время, я с удовольствием бы с вами поговорил, —

сказал я художнику. — Мне нравится ваша работа. К сожалению…

— Я понимаю.

— До свидания.

— Удачи.

Я шагнул в кроличью нору и побежал — сильно пригнувшись из-за низкого потолка. А еще мешал Льюк, и поэтому было неудобно вдвойне, особенно на поворотах. Где-то позади, правда пока еще далеко, раздавались охотничьи вопли и звук вонзающихся в землю когтей. Одно меня утешало: Огненному Ангелу придется здорово раздвинуть туннель, чтобы пролезть в него. Но все равно хорошего было мало: я знал, что это ему ничего не стоит. Эти создания невероятно сильны и, по сути, неуязвимы.

Я продолжал бежать, пока пол у меня под ногами круто не оборвался вниз. Почувствовав, что начинаю падать, я протянул свободную руку, чтобы за что-нибудь ухватиться, но соломинки никакой не было. Почва ушла из-под ног. Хорошо. Я надеялся и почти ожидал, что так оно и случится. Льюк издал тихий стон, но не шевельнулся.

Мы падали. Вниз, вниз, вниз, как и было сказано. То ли колодец был очень глубок, то ли падали мы очень медленно. Все вокруг нас было задернуто сумерками, и я не различал стен. В голове просветлело еще больше, и я знал, что так будет продолжаться и дальше, пока я контролирую одну переменную: Льюка. Высоко над собой я опять услышал знакомые охотничьи завывания. И вслед за этим грааханье. На этот раз оно было каким-то странным. Фракир на запястье вновь запульсировала, докладывая про то, что я уже и без нее знал. Так что опять пришлось ее успокоить.

Еще яснее. Я стал вспоминать… Мой набег на Крепость Четырех Миров и как я спас Джасру, мать Льюка. Нападение оборотня. Странный визит к Винте Бэйль, когда выяснилось, что она не совсем то, чем казалась… Обед в Гробовой Аллее… Обитающий на Пороге, Сан-Франциско, хрустальная пещера… Все яснее, яснее… И все громче и громче охотничий вой Огненного Ангела над моей головой. Наверное, он пробился через туннель и теперь спускается. К несчастью, у него крылья, ну а я мог всего лишь падать.

Я посмотрел вверх. Но разглядеть нависшую надо мной тушу не удалось. Наверху, кажется, было темнее, чем под ногами. Мне очень хотелось верить этому свету в конце туннеля, раз уж сам я не мог придумать никакого выхода из ловушки. Было слишком темно, чтобы взглянуть на Козырь или что-либо разобрать в мелькающих по сторонам декорациях для совершения теневого

перемещения.

Я чувствовал, что теперь мы скорее планируем, нежели падаем, и скорость наша вполне умеренна, чтобы приземлиться, не поломав костей. В противном случае я, конечно бы, сообразил что-нибудь такое, чтобы посадка получилась помягче, — к примеру, немного переиначил одно из тех заклинаний, которые я по-прежнему носил с собой про запас. Хотя, по совести, цена этим мыслям в полете — ноль без палочки, коли и вправду судьба нам быть сожранными еще по дороге вниз — а такое светило вполне, если, конечно, наш охотник не успел где-нибудь заранее набить брюхо; в этом случае он нас всего лишь покалечит. Так что, пожалуй, стоит прибавить скорость, чтобы опередить зверя; но, с другой стороны, при его возможностях он запросто сотрет нас в мелкую пыль, когда мы спустимся вниз.

Решения, решения.

Льюк слабо шевельнулся у меня на плече. Я надеялся, что он пока не думает приходить в себя, — возиться с заклинанием, которое вызывает сон, сейчас было просто некогда, а чтобы, как в баре, отоварить его по роже — не было подходящих условий. Так что придется эту проблему взвалить на Фракир. Но если Льюк был на грани между отключкой и пробуждением, то удушье скорее поможет ему оклематься, нежели снова отправит его в забытье, — а мне он был нужен в благопристойной форме. Ведь он знал много чего такого, чего не знал я; такого, в чем я чрезвычайно нуждался.

Мы миновали участок, где было чуть посветлее, и я впервые сумел разглядеть стены шахты; они были покрыты граффити[42] на языке, которого я не понял. Это напомнило мне странный рассказ Джамайки Кинкейда, но не дало никаких намеков на выход из ситуации. Как только мы миновали освещенную полосу, далеко внизу показалось светлое пятно. И почти сразу, как только оно проявилось, сверху послышался вой, на этот раз совсем близко.

Я вовремя посмотрел туда и увидел, как сквозь светлый участок пролетает Огненный Ангел. Но он был не один — следом за ним летела другая туша, она была одета в жилетку и граахала. Похоже, из всей нашей компании самое лучшее время было у Бармаглота. Немедленно встал вопрос: ему-то какого хрена здесь было нужно? Пока он приближался, круг света под нами вырос, а Льюк зашевелился опять. Ответ на мой вопрос был получен достаточно быстро, как только Бармаглот поравнялся с Огненным Ангелом и атаковал его.

Пыхтение, вой и граханье эхом прокатились по шахте одновременно с шипением, скрежетом и рычанием. Два зверя

сошлись в бою, они рвали друг друга на части, глаза их светились, словно умирающие солнца, когти лязгали, как байонеты[43]; в бледном свете, что подсвечивал эту сцену снизу, они образовывали жуткого вида мандалу[44]. Этот припадок активности был мне только на пользу — наконец-то я мог вздохнуть посвободней, к тому же это замедлило их до такой степени, что пропала нужда рисковать наспех переиначенным заклинанием и наскоро маневрировать, чтобы вывалиться из туннеля не в разобранном виде.

— Аргх! — заметил вдруг Льюк, заворочавшись у меня в объятиях.

— Согласен, — ответил я. — Только лежи спокойно, договорились? Есть возможность достойно грохнуться…

— …И сгореть, — добавил он, запрокинув голову, чтобы посмотреть на сражающихся чудовищ; затем, уже глянув вниз, он, видно, сообразил, что мы тоже падаем.

— Ловушка? И какого сорта?

— Скверного, — отозвался я. А потом меня как ударило: вернее слова придумать было нельзя.

Отверстие теперь стало больше, а наша скорость — достаточной для сносной посадки. Заклинание — Шлепок Гиганта, так я его назвал, — вероятно, остановило бы наше падение или даже отбросило нас назад. Но по мне было лучше заработать пару ссадин, чем стать причиной дорожной пробки.

Да уж, ловушка скверная, ничего не скажешь. Пока мы пролетали через дыру под сумасшедшим углом, шлепались и катились по земле кувырком, я раздумывал о словах Рэндома.

Мы оказались в пещере, недалеко от выхода. Налево и направо от нас разбегалось в стороны по туннелю. Выход из пещеры находился у меня за спиной. Беглый осмотр показал, что открывается он в цветущую, залитую светом долину — видно ее было вполне отчетливо. Льюк без движения распростерся рядом. Я тут же встал на ноги и, подхватив его под мышки, понес. Надо было убраться подальше от темного зева, из которого мы только что вывалились. Шум схватки чудовищ раздавался сейчас очень близко.

Хорошо: Льюк, кажется, вновь потерял сознание. Состояние его, если моя догадка верна, достаточно скверно для здоровья любого жителя Янтаря[45]. А по причине одной из его колдовских способностей оно представляло собой крайне опасную «дикую карту»[46] — раньше мне с такими сталкиваться не приходилось. И я вовсе не был уверен, что знаю, как мне следует поступить в этом случае.

Я оттащил Льюка к правому отростку туннеля — из двух он

был самый короткий, и теоретически защищать его было легче. И только мы в нем укрылись, как из отверстия выпал клубок из двух сцепившихся бестий. Они покатились по полу пещеры, они рвали друг друга в клочья, они стучали когтями, шипели, свистели и, кажется, совершенно позабыли о нас. Так что я продолжил свое отступление, пока мы не забились как можно глубже в туннель.

Мне оставалось признать, что догадка Рэндома была верной. Он же, в конце концов, музыкант, и играл по всей Тени. К тому же ничего лучшего мне просто не приходило в голову.

Я вызвал Знак Логруса. Когда он стал четким, я сцепил с ним руки и, если бы захотел, мог им воспользоваться, чтобы разделаться со сражающимися тварями. Но они на мою персону не обращали никакого внимания, а это меня вполне устраивало. К тому же я не был уверен, что эквивалент удара дубиной произведет на них неизгладимое впечатление. Да и заказ у меня был уже подготовлен, оставалось его только реализовать.

Так что я протянул руки.

Времени это заняло бесконечно много. Потребовалось миновать довольно обширный участок Тени, прежде чем я нашел то, что искал. Затем мне пришлось повторить поиск. Потом еще. Мне много чего было нужно, и ни одна из этих вещей не находилась поблизости.

Между тем поединок чудовищ все продолжался, и не очень-то было похоже, что это их хоть сколько-нибудь утомило. От ударов когтей о стены по пещере летели искры, тела сражающихся были покрыты жутким количеством ран и перемазаны темной кровью.

Льюк очнулся, приподнялся на локте и теперь изумленно пялился на это красочное побоище. Как долго оно его будет занимать, я понятия не имел; главное, чтобы на ближайшее время он был в сознании. А то, что он пока не задумался над другими вопросами, — это меня очень даже устраивало.

Бармаглот, между прочим, меня обрадовал. Зверь был гадостный, и особо науськивать его на меня было не надо, и то, что он отвлекся на пришествие экзотической Немезиды[47], — с этим мне повезло. Огненный Ангел играл в совершенно другую игру. У него не было причин забираться так далеко от Хаоса, если, конечно, его не послали сюда специально. Поймать Огненного Ангела дьявольски трудно, выдрессировать — еще труднее, а заставить его выполнять приказы — опасно невероятно. В общем, от них в основном только расходы и опасность. Огненного Ангела так просто не купишь. Основное их предназначение в жизни — убивать, и на моей памяти вне Дворов Хаоса их ни разу еще не нанимали. Они обладают обширнейшим спектром чувств — некоторые из них явно паранормальны, — и

их можно использовать в Тени вместо ищеек. По собственному почину они по Тени не ходят, я это знаю. Но можно пойти следом за тем, кто идет через Тень, а Огненные Ангелы, кажется, способны идти по совсем остывшему следу, раз уж они его взяли и знают, кому он принадлежит. Правда, я не знаю, могут ли Ангелы проследить козырной прыжок — ведь в тот сумасшедший бар я как-никак козырнулся; хотя можно предположить и другое — кто-то меня засек, переправил туда эту тварь и спустил с поводка. Но в чем бы ни крылась истина, она несла метку Хаоса. Отсюда мое быстрое обращение в фанаты Бармаглота.

— Что происходит? — неожиданно спросил Льюк; на мгновение стены пещеры растаяли, и я услышал легкие отголоски музыки.

— Ловко, — сказал я. — Слушай, пора принимать лекарство.

Я вытряхнул на ладонь таблетки витамина B_{12}, которые только что добыл, и протянул ему откупоренную бутылку воды. Бутылку я вызвал тоже.

— Лекарство? — спросил Льюк, пока я ему все это передавал. — Это еще зачем?

— Врач прописал, — сказал я. — Быстрее поправишься.

— Ну, ладно.

Он закинул все это в рот и сделал большой глоток из бутылки.

— Теперь вот это.

Я открыл пузырек торазина[48]. Они были по двести миллиграмм каждый, и я не знал, сколько ему дать, поэтому решил остановиться на трех. Еще я ему дал триптофан и немного фенилаланина[49].

Льюк уставился на пилюли. Стены опять растаяли, и вернулась музыка. Мимо нас проплыла струйка синего дыма. Неожиданно возник бар, и все, что могло сойти за нормальное в этом странном месте, появилось снова. Опрокинутые столы были поставлены как положено, по-прежнему раскачивался Шалтай, стенная роспись была на месте.

— О, наш клуб! — прокричал Льюк. — Мы должны вернуться. Похоже, вечеринка продолжается.

— Сначала прими лекарство.

— Зачем?

— Ты где-то накачался дерьмом. От этого тебе полегчает.

— Я себя хорошо чувствую. Правда, я очень хорошо себя чувствую…

— Прими!

— Ладно-ладно!

Он бросил в рот целиком всю пригоршню.

Бармаглот и Огненный Ангел вроде бы принялись исчезать, — и самый последний мой раздраженный жест поперек стойки бара встретил некоторое сопротивление, хотя видение не уплотнилось окончательно. Затем я вдруг увидел Кота, чьи игры со своей плотью делали его как-то реальнее всего остального, что находилось в баре.

— Ты входишь или выходишь? — спросил Кот.

Льюк начал подниматься. Свет стал ярче, хоть и выглядел более рассеянным.

— Эй, Льюк, глянь-ка туда, — сказал я и показал пальцем.

— Куда? — спросил он, поворачивая голову.

Я его вырубил еще раз.

Едва только он обмяк, бар начал блекнуть. Стены пещеры опять сделались четкими. Я услышал голос Кота.

— Выходишь… — сказал он.

Звуки грянули на полную громкость, но на этот раз первой скрипкой в оркестре был истошный вопль, похожий на вой волынки. Исходил он из Бармаглота, которого пригвоздили к земле и полосовали. Тогда я решил воспользоваться заклинанием под названием Четвертое Июля[50], которое осталось у меня после набега на цитадель. Я поднял руки и произнес слова. При этом я загородил Льюку обзор, а закончив говорить, отвернулся и крепко зажмурился. Даже с закрытыми глазами я уверенно мог сказать, что последовала яркая вспышка. Я услышал Льюково: «Эй!» — но все другие звуки мгновенно стихли. Когда я вновь посмотрел туда, то увидел, что обе твари неподвижно лежат в дальнем углу пещеры; их вроде как оглушило.

Я схватил Льюка за руку и взвалил на плечи, как обычно поступают пожарники. Затем я быстренько вернулся в пещеру, только раз поскользнувшись на крови кого-то из монстров, пока пробирался вдоль ближней стены к выходу. Прежде чем я успел выйти, обе твари зашевелились, но движения их были скорее рефлекторные, чем осмысленные. Оказавшись снаружи, я на миг задержался — взгляду моему открылся огромный цветник; цветение было в полном разгаре. Все цветы были ростом с меня, не меньше, а ветерок относил в мою сторону их пьянящие ароматы.

Секундой позже, услышав за спиной какое-то оживление, я повернулся на шум. Бармаглот пытался встать на ноги. Огненный Ангел все еще лежал скорчившись и издавал негромкие писклявые звуки. Бармаглот пошатнулся, раздвинул крылья, затем вдруг повернулся, ударил крыльями и улетел наверх в расселину в глубине пещеры. Неплохая мысль, решил я и припустил в сад.

Здесь запахи были еще сильнее, цветы почти все были распустившиеся, фантастический балдахин цветов, а я мчался средь них. Очень скоро я обнаружил, что дышу с невероятным трудом, но все-таки я бежал. Льюк давил мне на плечи, но мне нужно было как можно дальше отойти от пещеры. Я-то знал, как быстро мог двигаться наш преследователь, поэтому нельзя было рисковать и минутой — не то что валять дурака с Козырем.

Пока я мчался, я начал ощущать себя несколько одуревшим, а мои конечности почему-то бесконечно вытянулись в длину. И тут до меня дошло, что цветочные запахи могут действовать как наркотик. Замечательно. Этого мне только и не хватало. Самому нанюхаться травки, пытаясь освободить Льюка из-под ее действия. Вдалеке я сумел разглядеть небольшую, слегка приподнятую над цветами полянку. Я рванул к ней. Сзади все было тихо — меня никто не преследовал.

Спеша туда, я чувствовал, что меня водит из стороны в сторону. С равновесием дело обстояло все хуже. Я вдруг стал бояться упасть; по ощущению это чем-то смахивало на акрофобию. Мне казалось, что если я упаду, то обратно уже не встану — меня свалит наркотический сон, ну а там, пока я буду дремать, меня схватит и растерзает творение Хаоса. Лепестки над моей головой слились, растеклись и перепутались разноцветными лентами в ярком потоке. Я попытался взять контроль над дыханием и как можно меньше вдыхать. Но это было не просто — слишком я запыхался.

Я не упал — просто свернулся рядом с Льюком в центре полянки, после того как свалил его с плеч на землю. Льюк по-прежнему был без сознания, и лицо его светилось покоем. Ветерок теперь дул с той стороны, где вдалеке в пышном разнообразии росли гадкие с виду, колючие растения без цветов. Усыпляющие запахи гигантского цветника до меня больше не долетали, и чуть погодя в голове начало проясняться. Но тут до меня дошло, что наш собственный запах теперь относит по направлению к пещере. Сумеет ли Огненный Ангел распознать его в густом аромате — этого я не знал, но даже сама такая возможность, делала мое существование не слишком безоблачным.

Давным-давно, еще студентом последнего курса, я попробовал ЛСД. Меня это так напугало, что больше с галлюциногенами я дел не имел[51]. Это был не просто опрометчивый шаг. Эта штука подействовала на мою способность тасовать тени. То, что жители Янтаря могут посетить любое место, какое только можно вообразить, есть своего рода трюизм[52], поскольку все существует там или здесь в Тени.

Объединяя разум с движением, мы можем настроиться на нужную тень. Так вот, приняв эту дрянь, я не мог контролировать то, что воображал. К несчастью. И к несчастью же, меня заносило именно в такие места, куда бы в здравом уме — ни на шаг. Я запаниковал, и от этого стало только хуже. Меня легко было уничтожить, ведь брел я сквозь обретшие плоть джунгли своего подсознания и иногда проходил по таким местам, где обитали кошмарные твари. Успокоившись, я нашел путь домой, очухался хнычущим у Джулии на пороге и дни напролет приходил в себя после нервного срыва. Позже, когда я рассказал обо всем Рэндому, выяснилось, что нечто подобное случалось и с ним. Сначала он держал это при себе как возможное тайное оружие против родственников; но позже, после того как отношения в семье опять стали более-менее сносными, он решил, что в интересах выживания поделиться информацией нужно. И очень удивился, когда узнал, что Бенедикт, Джерард, Фиона и Блейс тоже об этом знали — правда, их знание основывалось на действии других галлюциногенов. Но самое странное — только Фиона рассматривала когда-то возможность использовать их в качестве внутрисемейного оружия. Хотя и она свою мысль сунула под сукно — ввиду непредсказуемости такого оружия. В общем, прецедент уже имел место, но потом посыпались другие дела, и Рэндом про это забыл; и ему просто не пришло в голову, что новоприбывших — вроде меня — наверное, следует предостеречь.

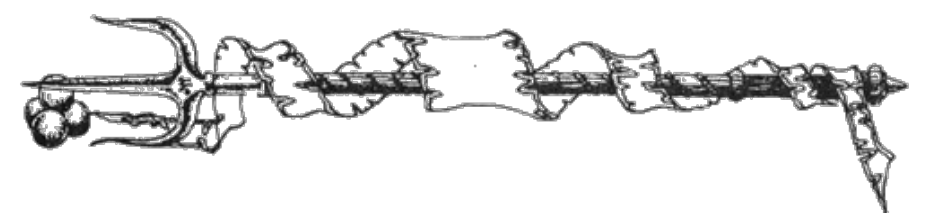
Льюк рассказал мне, что его попытка вторжения в Крепость Четырех Миров с десантным отрядом коммандос на планерах[53] провалилась. Ну а поскольку во время собственного визита туда я видел за стенами множество обломков от планеров, логично было признать, что Льюк попал в плен. Отсюда вывод — не исключена вероятность, что то состояние, в котором теперь пребывал Льюк, — дело рук колдуна Маски. Действительно, чего проще — приправить дозой галлюциногена еду и отпустить блуждать пленника любоваться веселенькими видами. По счастью, в отличие от меня, его воображаемые путешествия не включали ничего более грозного, чем яркие страницы из Льюиса Кэрролла. Может быть, его душа чище, чем моя. Но дело, как ни крути, было недобрым. Правда, Маска поступил с Льюком как-то очень уж легкомысленно — не убил, не стал держать под замком, не добавил его к коллекции вешалок, а просто накачал дурью; со временем действие наркотика прекратилось бы и Льюк остался бы хоть и битым, но на свободе. Больше все это походило на шлепок по руке, чем на настоящую месть. Тем более если твой враг — член Дома, который когда-то властвовал в Крепости и, несомненно, захочет повторить попытку захвата. Был ли Маска до

такой степени самоуверен? Или же он и вправду не рассматривал Льюка как угрозу?

И вот еще что: наши способности к перелистыванию теней и наши колдовские способности вырастают из сходных корней — Образа или Логруса. Значит, то, что связано с первым, так же связано и со вторым. Это объяснило бы тот странный эпизод с Льюком, когда он вызвал меня к себе, создав огромный Козырь, хотя на самом деле никакого Козыря не было. Его усиленная наркотиками способность делать зримым то, что он представлял мысленно, должно быть, оказалась настолько сильной, что физическое присутствие карты стало необязательным. И его перекошенные магические способности несли ответственность за тот эпизод-преамбулу и весь странный, искажающий реальность опыт, который я обрел до того, как Льюк действительно добился контакта. Это значило, что в определенном состоянии наркотического опьянения каждый из нас может стать довольно опасным. Нужно это запомнить. Я надеялся, что очухавшийся Льюк не успеет сильно обидеться на мои оплеухи и я успею ему все объяснить. И опять же — транквилизатор: думаю, какое-то время он подержит его в эйфорическом состоянии, пока вся прочая медицина будет работать на детоксикацию организма.

Ныли мышцы левой ноги; я их помассировал и встал. Потом взял Льюка под мышки и оттащил шагов на двадцать от места, где мы отдыхали. Вздохнул и вернулся назад; времени бежать дальше не оставалось. Завывание становилось все громче, дорожка из раскачивающихся верхушек гигантских цветов бежала прямехонько в мою сторону — среди стеблей уже мелькала тень Ангела. Все ясно: Бармаглот сбежал, а Огненный Ангел вновь принялся за работу; а раз уж схватки, похоже, не миновать, лучше чем эта поляна — трудно придумать место для нашей теплой встречи.

II



Я отстегнул ту светящуюся штуковину, что болталась у меня на поясе, и начал ее раскладывать. При этом она пару раз щелкнула. Я надеялся, что из всех вариантов выбора, которые у меня имелись, этот был не самый пропащий.

Чтобы пробраться среди цветов, монстру понадобилось времени куда больше, чем я рассчитывал. Причиной, конечно, могла быть и слишком экзотическая обстановка. Но мне хотелось надеяться, что сдал монстр именно потому, что раны, которые он получил, тягаясь силами с Бармаглотом, были не такими уж пустяковыми.

Как бы там ни было, последние стебли цветов, что отделяли его от меня, закачались и полегли. Оттуда вывалился,

пошатываясь, угловатый монстр и остановился как вкопанный, уставившись на меня немигающими глазами. Фракир ударилась в панику, и я ее успокоил. Конечно же, это была не совсем ее лига. Хотя у меня и было в запасе заклинание Огненного Фонтана, я его тут же забраковал. Я знал, что оно эту тварь вряд ли остановит, но зато сделает ее поведение непредсказуемым.

— Как там насчет тоски по дому? А то могу показать дорогу обратно в Хаос! — прокричал я.

Монстр тихо взвыл и приблизился. Пожалуй, с сантиментами я хватил через край.

Он подходил медленно; из десятков ран на его теле вытекала липкая кровь. Мне даже стало интересно, есть ли у него еще силы на меня прыгнуть или все, на что он способен, — это вот так, с трудом, двигаться. Благоразумие подсказывало выбрать худший из вариантов, так что я старался выглядеть молодцом и быть готовым к любой его выходке.

Но монстр бросаться не стал. Он просто приближался, как небольшой танк, увешанный всякой опасной машинерией. Я не знал, где расположены его жизненно важные точки. Анатомия Огненных Ангелов не значилась на первом месте в списке моих интересов. И все-таки, пока чудовище приближалось, я сумел преподать себе краткий курс, проведя визуальное исследование. Увы, это вынудило меня поверить, что все важное он защищает вполне прилично. Это плохо.

Нападать первому мне не хотелось — а вдруг он готовит мне какой-то подвох. Я не знал его боевых уверток, а лезть на рожон ради того, чтобы узнать, у меня не было никакого желания. Лучше оставаться в защите и отдать первый ход ему, подумал я про себя. Но Ангел действовал как-то уж слишком просто — шел себе и шел в мою сторону. Так что хочется мне или нет, а делать что-то придется, например отступить…

Ко мне устремился один из длинных — в походных условиях обычно сложенных — передних придатков; я сделал разворот вбок и ударил. Вжик — взвизг острия! Все еще шевелящаяся конечность упала на землю. Я тоже зря времени не терял. Раз-два, раз-два! Вжик-вжик!

Монстр медленно откинулся на левый бок, поскольку с этой стороны конечностей на его теле больше не наблюдалось.

И тут я стал жертвой собственной самоуверенности. Обегая тушу, чтобы повторить ампутацию и с другого бока, я подумал: раз монстр повержен и неподвижен, то можно сделать глупость пройти слишком близко от его головы. И тут сработала другая его раскладная штука. Хорошо еще, он лежал на боку. Вместо того чтобы ухватить меня когтистой конечностью, он ударил меня то

ли голенью, то ли предплечьем, в общем чем-то, что их ему заменяло. Удар пришелся мне в грудь и свалил с ног.

Пока я отползал и подтягивал ноги, чтобы подняться, я услышал, как Льюк спросил заплетающимся языком:

— Ну, и что тут у нас происходит?

— Потом! — не оборачиваясь, проорал я.

А он:

— Эй! Ты меня ударил!

— Для твоей же пользы, — ответил я. — Это входит в лечение. — Я опять был на ногах и мог двигаться.

— Ох, — услышал я голос Льюка.

Лежащее на боку чудовище прицелилось звездануть по мне своей самой большой конечностью. Я увернулся и сумел прикинуть на глаз дистанцию и угол удара.

Вжик-вжик. Конечность упала на землю, а я двинулся дальше.

Я нанес три удара, которые под тремя углами рассекли чудовищу голову, прежде чем она отвалилась. Но и после этого монстр продолжал верещать, а тело его подергивалось и царапало землю обрубками.

Не знаю, сколько еще ударов я нанес после этого. Я рубил и рубил, пока не изрубил тварь на бульонные кубики. Каждый раз, когда я опускал руку, Льюк кричал: «Оп-ля!» Я почувствовал, что порядком вспотел, и, подняв глаза, обнаружил, как волны теплого воздуха или чего-то еще покрывают туманной дрожью растущие вдалеке цветы. А еще я подумал — как чертовски предусмотрительно я все-таки поступил: не зря тогда в баре я так высоко оценил Стрижающий Меч; что ни говори, а оружие — прекрасное. Я взмахнул им по высокой дуге, и следов битвы на лезвии как не бывало. Затем я стал его складывать. Меч был мягок, как лепестки цветов, и по-прежнему едва заметно светился…

— Браво! — раздался знакомый голос. Я повернулся и увидел улыбку; вслед за улыбкой появился и весь остальной Кот.

— Ува! Ува! — легонько постукивая когтем о коготь, добавил он. — О светозарный мальчик мой, славно получилось!

Задний план дрожал все сильнее, небо налилось темнотой. Я услышал за собой: «Эй!» — и, обернувшись, увидел, что Льюк встает на ноги и идет вперед. Когда я вновь огляделся, то увидел, как за спиной Кота проступают очертания бара, и мельком разглядел медный поручень. В голове поплыло.

— Вот как нужно правильно складывать Стрижающий Меч, — говорил Кот. — Но раз уж ты вернул его в целости и сохранности…

Льюк был рядом со мной. Снова звучала музыка, а Льюк не

переставая пел. Пространство с разделанным на куски Огненным Ангелом не исчезло, но теперь оно казалось большим обманом зрения, нежели бар; тот стал плотнее, краски ожили, стали различаться оттенки.

Но помещение выглядело каким-то маленьким — столы сдвинуты теснее, музыка звучит приглушенней, стенная живопись сжалась, художника не видно вообще. Даже Гусеница со своим грибом отступила куда-то в тень, и оба как будто ссохлись. А синий дым стал не таким густым. Я счел это добрым признаком; раз уж наше присутствие в этом странном месте — результат Льюкова душевного состояния, то, похоже, его навязчивая идея ослабила свою хватку.

— Льюк? — сказал я.

Он подошел к стойке и остановился возле меня.

— Ну?

— Ты ведь понимаешь, что ты в оттяге?

— Да нет… я не… о чем ты?..

— По-моему, когда ты был пленником Маски, тебе вкатили порцию ЛСД, — сказал я. — Такое могло быть?

— Что за Маска? — спросил он.

— Новый хозяин Крепости.

— А, ты имеешь в виду Шару Гаррула, — сказал он. — Это точно, он носил синюю маску.

У меня не было желания долго и нудно объяснять, почему Маска не может быть Шару. Все равно Льюк, похоже, все забыл. Я просто кивнул и сказал:

— Босс.

— Ну… да. Думаю, он мог мне чего-нибудь дать, — отозвался Льюк. — Ты имеешь в виду все это?..

Он сделал широкий жест.

Я кивнул.

— Конечно, все это реально, — сказал я. — Но мы можем перемещаться в галлюцинации. Ведь где-нибудь любая галлюцинация становится реальностью. Это все ЛСД.

— Будь я проклят, — ответил он.

— Я дам тебе кое-что, что приведет тебя в норму. Но на это потребуется время.

Льюк облизнул губы и огляделся.

— Ну, спешить некуда, — сказал он. Затем улыбнулся, как только послышались отдаленные вопли и демоны принялись выделывать разные гадости с пылающей женщиной на картине. — Мне здесь в общем-то нравится.

Я положил сложенное оружие обратно на стойку бара. Льюк постучал ладонью по стойке подле рукояти меча и заказал пива. Я

попятился, покачав головой.

— Мне надо идти, — сказал я. — Кто-то по-прежнему на меня охотится и подобрался довольно близко.

— Звери не в счет, — сказал Льюк.

— Тот, кого я только что нашинковал, в счет, — ответил я. — Его подослали.

Я посмотрел на вышибленную дверь. Интересно, кто войдет следующим. Огненные Ангелы, как известно, охотятся парами.

— Но сначала я хотел бы с тобой переговорить… — продолжал я.

— Не сейчас, — сказал Льюк, отворачиваясь.

— Ты знаешь, что это важно.

— У меня голова не работает, — ответил он.

Я подумал, что это, пожалуй, правда и нет смысла тащить его с собой в Янтарь или куда-то еще. Он просто исчезнет и опять окажется здесь. Голове его еще надо дать проясниться, чтобы рассеялась навязчивая идея; только тогда мы сможем обсудить проблемы, касающиеся нас обоих.

— Ты помнишь, что твою мать держат в плену в Янтаре? — спросил я.

— Да.

— Позови меня, когда твоя крыша вернется на место. Нам надо поговорить.

— Ладно.

Я повернулся и вышел за дверь в клубящуюся стену тумана. Вдали что-то пел Льюк — какую-то грустную балладу. Когда речь заходит о перетасовке теней, туман — это так же плохо, как и полная тьма. Если не с чем сверяться во время движения, нельзя воспользоваться способностью, позволяющей ускользнуть. С другой стороны, я просто хотел какое-то время побыть в одиночестве, чтобы подумать, раз в голове теперь снова ясно. Если при этом я никого не увижу, то и меня никто не увидит. И не было никаких других звуков, кроме звука моих шагов по вымощенной площадке.

Итак, чего я добился с того момента, как очнулся от короткого забытья, чтобы как-то ответить на необычное послание Льюка в Янтарь? Кроме смертельной усталости? Меня перебросило к нему, я узнал, что он в оттяге, накормил его тем, что, как я надеялся, выведет Льюка из штопора, настругал ломтями Огненного Ангела и оставил Льюка на том же, с чего он начал.

И все-таки, размышлял я, шагая сквозь вату тумана, две полезные вещи из всего этого я извлек: я ставил Льюка в безвыходное положение по любым его замыслам, которые он по-

прежнему мог вынашивать против Янтаря. Мать его в нашем плену — ему про это известно, и я просто не мог представить, как он в таких обстоятельствах сможет хоть что-то предпринять против нас. Кроме чисто технических проблем, таких как транспортировка Льюка и удержание его на месте, имелась еще одна причина, чтобы я оставил его где он есть. Я нисколько не сомневался: Рэндом охотнее бы предпочел, чтобы Льюк пребывал без сознания в подвале в камере, — но я был уверен, что по большому счету он удовольствуется и тем, что Льюк останется без своих клыков; особенно сейчас, когда Льюк рано или поздно войдет с нами в контакт, — Джасру я тоже принимал при этом в расчет. Я хотел, чтобы Льюк успокоился и очухался в хороших условиях. Меня ждали собственные проблемы, такие как Колесо-Призрак, Маска, Винта… и то новое невидимое лицо, которое только что записалось в очередь ко мне на прием.

А может, это все-таки Джасра воспользовалась наводящей на след силой синих камней, чтобы послать убийц по мою душу? И возможности, и мотивы у нее были. Но это мог быть и Маска — возможность, насколько я мог судить, у него тоже имелась, да и мотив, кажется, был, — правда, последнего я не понимал. Но Джасру с дороги убрали; и хоть с Маской мне разделаться пока что не удалось, мне все же казалось, что я сумел снять с себя настройку синих камней. К тому же я полагал, что в нашем последнем столкновении в крепости я хоть как-то напугал Маску. Как бы там ни было, совершенно не верилось, чтобы Маска или Джасра — каковы бы ни были их силы и возможности — могли бы получить доступ к выдрессированному Огненному Ангелу. Нет, Огненный Ангел мог явиться только из одного края, ну а теневых колдунов в списке моих клиентов нет.

На мгновение порывом ветра раздвинуло стену тумана, и я успел заметить какие-то темные строения. Хорошо. Я совершил перемещение. Почти тут же туман сомкнулся опять, и от зданий не осталось следа, только нагромождение темных скал. Туман разошелся снова, и стал виден кусок рассветного или закатного неба, по нему разбрызгалась яркая пена звезд. Прошло очень много времени, ветер вновь подхлестнул туман, и я увидел, что иду высоко среди скал под небесами, горящими звездным светом; света вполне хватало, чтобы видеть дорогу. Я шел по темной тропе, кончающейся на краю мира…

Льюк, Джасра, Далт, Маска — все это было явно частью какого-то одного замысла; отчасти я его понимал, отчасти он был неясен. Немного времени и работы ног, и все выстроится как надо. Льюк и Джасра, похоже, выведены из строя — пока. Маска, своего рода загадка, кажется, имеет что-то лично против меня, но

не похоже, чтобы он представлял какую-то особую угрозу для Янтаря. Далт — с Далтом наоборот: он-то со своим новым оружием как раз был опасен; правда, Рэндом об этом знает, к тому же в город вернулся Бенедикт. Итак, я был убежден, что все это можно уладить.

Я стоял на краю мира и заглядывал в бездонный провал. В глазах рябило от звезд. Моя гора, пожалуй, не очень-то украшала поверхность планеты. Слева был виден мост, ведущий к темной, заслоняющей звезды глыбе, — должно быть, к еще одной парящей горе. Я подошел к мосту и шагнул на него. Атмосфера, гравитация, температура для меня не значили ничего — я мог сам себе создавать реальность, когда иду куда надо. Я взошел на мост и на дальнем краю темной глыбы разглядел еще один мост, ведущий в иную тьму.

Я остановился посередине; отсюда мост был виден далеко в оба конца. Место меня устраивало: кажется, опасности никакой. Я вытащил колоду Козырей и перебирал их, пока не нашел тот, которым не пользовался давным-давно.

Я взял карту и отложил остальные. Синие глаза, черты лица молодые, твердые, чуть заостренные, копна чистых белых волос. Одет он был во все черное, белые только воротник и рукав, что высовывался из-под узкой с глянцевым отливом куртки. В руке, одетой в перчатку, три темных стальных шара.

Иногда пробиться до Хаоса очень трудно, так что я сфокусировался и потянулся, осторожно и сильно. Контакт произошел почти сразу. Он сидел на балконе под разноцветным до безумия небом, слева скользили Бродячие Горы. Ноги его лежали на небольшом, плавающем в воздухе столике, и он читал книгу.

Опустив книгу, он слегка улыбнулся.

— Мерлин, — сказал он мягко, — ты выглядишь усталым.

Я кивнул.

— Зато ты выглядишь отдохнувшим.

— Верно, — ответил он, закрыл книгу и положил на стол. Затем спросил: — Затруднения?

— Да, Мандор, они самые.

Он поднялся на ноги.

— Ты хочешь пройти?

Я покачал головой.

— Если у тебя есть Козырь, что пригоден для возвращения, я бы хотел, чтобы ты пришел ко мне.

Мандор протянул руку.

— Ладно, — сказал он.

Я потянулся вперед, наши руки соприкоснулись; он сделал один-единственный шаг и был уже на мосту рядом. Мы крепко обнялись, затем Мандор повернулся и заглянул в пропасть.

— Здесь, пожалуй, опасно. Тебе не кажется? — спросил он.

— Наоборот. Я выбрал это место, потому что оно выглядит вполне безопасным.

— И театральным, — ответил он. — Что случилось?

— Несколько лет я был просто студентом, а потом проектировщиком специальных машин определенного типа, —

сказал я ему. — До недавних пор все было спокойно. А потом будто вся Преисподняя вырвалась на свободу — но здесь-то все в основном понятно, большая часть этого — под контролем, и вообще, похоже, по этой части проблемы тебе беспокоиться нечего.

Мандор положил ладонь на ограждение моста.

— А другая часть? — спросил он.

— До сих пор мои враги были из окрестностей Янтаря. Но потом неожиданно, когда почти все уже вроде бы стало улаживаться, кто-то пустил по моему следу Огненного Ангела. Мне удалось его уничтожить. И было это совсем недавно. Я понятия не имею, зачем все это, но явно это не идет из Янтаря.

Мандор причмокнул губами, отвернулся, сделал пару шагов и вернулся назад.

— Ты прав, — сказал он. — Я не знал, что все зайдет так далеко, иначе поговорил бы с тобой заранее. Но позволь мне не согласиться с тобой относительно последовательности важных дел, прежде чем позволить себе удовольствие высказать некоторые мысли по поводу этой последовательности. Но сначала я хочу услышать всю историю целиком.

— Не согласиться? Почему?

— Потому что ты временами бываешь плачевно наивным, мой младший брат, и я пока не слишком-то доверяю твоим суждениям о том, что истинно важно.

— Я умру с голода раньше, чем закончу рассказ, — ответил я.

С кривой улыбкой мой сводный брат Мандор поднял руки. В то время как Джарт и Деспил приходились мне единоутробными братьями, рожденными моей матерью Дарой главе Дома Всевидящих, Принцу Обода, Мандор был сыном Всевидящего от предыдущего брака. Мандор был много старше меня и потому напоминал мне родственников из Янтаря. Среди детей Дары и Всевидящего я всегда чувствовал себя чужаком. Ну, а поскольку Мандор так же, как и я, не входил в их замкнутый для других круг — во всяком случае, не был его постоянным участником, — у нас было что-то общее. И что бы там ни скрывалось за его пристальным вниманием, которое он уделял в свое время моей особе, мы с ним вполне ладили и стали со временем, как мне иногда кажется, даже ближе, чем родные братья. За долгие годы он научил меня множеству практичных вещей, и мы провели с ним вместе много веселых часов.

Воздух вдруг пошел волнами, и когда Мандор опустил руки, между нами без единого звука появился накрытый белой, с бахромой, скатертью стол, а мгновением позже — и пара кресел к нему в придачу. На столе стояло бесчисленное количество блюд,

тонкий китайский фарфор, хрусталь, серебро; здесь было даже искрящееся льдом ведерко с темной закрученной спиралью бутылкой.

— Впечатляет, — оценил я.

— В последние годы я посвятил значительное время гастрономической магии, — сказал он. — Прошу, усаживайся.

В общем, мы устроились поудобнее, прямо там, на мосту, меж двух стен тьмы. Я одобряюще зацокал, нахваливая еду, и прошла не одна минута, прежде чем я смог взяться за хронику событий, которые привели меня в это царство звездного света и тишины.

Мандор, не прерывая, выслушал рассказ целиком, а когда я закончил, он кивнул и сказал:

— Не желаешь ли еще одну порцию десерта?

— Да, — согласился я. — Вполне.

Когда через несколько секунд я поднял глаза, то увидел, что Мандор улыбается.

— Что тут смешного? — спросил я.

— Ты, — отозвался он. — Если помнишь, перед тем как ты собрался в Тень, я говорил тебе, чтобы ты тщательно все обдумывал, когда встанет вопрос о доверии.

— И что дальше? Я никому не рассказывал этой истории. Если ты собрался читать мне нотацию по поводу наших с Льюком дружеских отношений, то я ее уже слышал.

— А как быть с Джулией?

— Что ты имеешь в виду? Она же ведь так и не узнала…

— Да, не узнала. А ей-то как раз и можно было довериться. Вместо этого ты настроил ее против себя.

— Да ладно тебе! Может быть, я тогда тоже все неправильно оценил.

— И еще. Ты построил замечательную машину, но тебе так и не пришло в голову, что она может стать и мощным оружием. Рэндом, тот понял сразу. Льюк тоже. Ты уберегся от несчастий на этом фронте лишь потому, что машина вдруг обрела разум и не захотела, чтобы ей диктовали чужую волю.

— Ты прав. Меня гораздо больше интересовали технические проблемы. Обо всех последствиях я не подумал.

Мандор вздохнул.

— Не знаю, Мерлин, что мне с тобой делать. Ты ухитряешься рисковать, даже когда сам не догадываешься, что рискуешь.

Я отважился возразить:

— Винте я не поверил.

— А вот от нее, по-моему, ты мог получить информации и побольше, — сказал он, — если бы не так спешил спасать Льюка,

хотя ему-то, по всему судя, опасность уже не грозила. Кажется, к концу вашего с ней диалога она уже порядком расслабилась.

— Наверно, мне надо было позвать тебя.

— Если снова с ней встретишься, так и сделай. Я с ней договорюсь.

Я внимательно посмотрел на него. Кажется, он имел в виду действительно то, что сказал.

— Ты знаешь, кто она?

— Я ее разгадаю, — ответил он, болтая бокалом с ярко-оранжевой жидкостью. — Но у меня к тебе есть предложение, элегантное в своей простоте. За городом у меня дом, новый, вполне уединенный, со всеми прелестями и удобствами. Почему бы тебе не вернуться со мной во Дворы, вместо того чтобы слоняться повсюду от опасности к опасности? Залечь на годик-другой, наслаждаться приятной жизнью, читать. Я присмотрю за тем, чтобы тебя хорошо охраняли. Пусть все успокоится, а затем ты опять примешься за свое дело в более мирном климате.

Я сделал небольшой глоток огненного напитка.

— Нет, — сказал я. — Помнишь, ты когда-то мне говорил, что есть вещи, о которых тебе известно, а мне — нет? Что ты имел в виду?

— Вряд ли это будет настолько важно, если ты примешь мое предложение.

— Даже если я его соберусь принять, мне хотелось бы знать.

— Мешок змей, — сказал он.

— Ты выслушал мой рассказ. Я послушаю твой.

Мандор пожал плечами и откинулся на спинку кресла, глядя на звезды.

— Суэйвилл умирает, — сказал он.

— Это длится уже много лет.

— Верно, но теперь ему стало гораздо хуже. Некоторые думают, что это связано с предсмертным проклятием Эрика из Янтаря. Как бы там ни было, я действительно думаю, что долго он не протянет.

— Теперь начинаю понимать…

— Да, борьба за наследство разгорается на глазах. Народ косит налево и направо — яд, дуэли, наемные убийцы, подозрительные несчастные случаи, сомнительные самоубийства. К тому же огромное количество народа отбыло неизвестно куда. Или делает вид, что отбыло.

— Я понимаю, но не вижу, почему это должно касаться меня.

— Когда-нибудь коснется.

— Да неужели?

— Ты еще не знаешь о том, что после твоего отъезда

Всевидящий усыновил тебя по всем правилам?

— Что?

— Да. Я так и не выяснил точно его мотивы. Но ты — законный наследник. Ты следуешь за мной, но имеешь преимущество перед Джартом и Деспилом.

— Что по-прежнему в общем списке ставит меня ниже некуда.

— Верно, — медленно произнес Мандор. — Большинство заинтересованных лиц стоит выше…

— Ты сказал «большинство»?

— Всегда есть исключения, — ответил он. — Ты должен понять, что такие времена, как теперь, — прекрасная возможность расплатиться по старым счетам. Одной смертью больше, одной меньше — вряд ли это кого-нибудь удивит сильнее, чем в более спокойные времена. Даже в довольно высоких сферах.

Я покачал головой, наткнувшись на его взгляд.

— В моем случае это все равно не имеет смысла, — сказал я.

Мандор не отводил внимательных глаз, пока я не почувствовал себя неуютно.

— Разве не так? — в конце концов спросил я.

— Ну… — сказал он. — Подумай немного.

Я подумал. И как раз, когда я собирался ответить, Мандор кивнул, как будто видел насквозь содержимое моей головы.

— Джарт, — сказал он, — наступившие перемены встретил с восторгом и страхом одновременно. Он постоянно твердил о каждой последней смерти и о легкости и изяществе, с которыми были совершены некоторые из них. И все это пониженным тоном, с хихиканьем. Его страх и погоня за новыми и новыми развлечениями в конце концов достигли того предела, когда стали сильнее другого его страха…

— Логрус…

— Да. Он наконец рискнул и прошел Логрус.

— Наверно, теперь он должен очень хорошо себя чувствовать. Гордиться. Он годами мечтал об этом.

— О да, — ответил Мандор. — И я уверен, что, кроме этого, он испытывает еще множество прочих разнообразных чувств.

— Свобода, — предположил я. — Сила, — и, изучая полунасмешливое выражение на лице Мандора, был вынужден добавить: — И способность самому играть в эти игры.

— Я так и знал, что ты догадаешься, — сказал он. — Теперь тебе лишь остается довести свои рассуждения до логического конца.

— О'кей, — отозвался я, вспомнив левое ухо Джарта, как оно уплывало прочь после моего удара, а вокруг *роились* капельки крови. — По-твоему, Огненного Ангела подослал Джарт?

— Это самое вероятное, — ответил Мандор. — Но не хочешь ли ты подумать еще?

Я вспомнил о сломанной ветке, которая пронзила глаз Джарта, пока мы мерялись силами на прогалине…

— Ну ладно, — сказал я. — Он за мной охотится. Может, это входит в игру за наследство, потому что я иду слегка впереди, а может, он просто меня недолюбливает и мстит — или то и другое вместе.

— На самом деле, — ответил Мандор, — для результата это не важно. Но я думаю о том корноухом волке, что на тебя напал. И кажется, у него к тому же был один глаз…

— Да, — сказал я. — А как выглядел в те дни Джарт?

— О, он отрастил уже почти половину уха. Оно висит лоскутом и выглядит гаже некуда. В основном его закрывают волосы. Глазное яблоко он тоже восстановил, но этим глазом Джарт до сих пор не видит. Обычно он носит повязку.

— Это могло бы объяснить недавние события, — сказал я. — Хотя на это должно уходить до черта времени, а кругом еще столько всякого происходит. Всю воду замутили.

— Это одна из причин, почему я предлагаю тебе все бросить и дать воде отстояться. Слишком неспокойная обстановка. Столько в воздухе стрел, что какая-нибудь может найти твое сердце.

— Я сам могу о себе позаботиться, Мандор.

— Не надо делать из меня дурака.

Пожав плечами, я встал, подошел к перилам и посмотрел вниз, на звезды.

Мандор долго не говорил ни слова, потом сказал:

— У тебя есть что предложить лучше?

Но я ему не ответил — я и сам думал как раз о том же. Я размышлял над тем, что сказал Мандор о видении в туннеле, вспомнил его слова о том, что я ни к чему серьезно не подготовлен, и почти согласился с мыслью, что Мандор прав — что чуть ли не во всем происходящем со мной вплоть до сегодняшнего момента, исключая поход за Джасрой, я в основном приспосабливался к обстоятельствам. Я гораздо чаще подвергался влиянию со стороны, чем действовал сам. Правда, времени особо раздумывать у меня никогда не было — слишком быстро развивались события. Но все-таки я не выработал никакого реального плана для прикрытия себя, для выяснения чего-либо о своих врагах или для ответного удара. Казалось, все это меня вынуждали делать…

— Если все это связано с одной головной болью, — сказал Мандор, — тебе, вероятно, разумнее и полезнее было бы сыграть

безопасно.

Наверное, он был прав — с точки зрения разума, безопасности, осторожности. Но он целиком принадлежал миру Дворов, в то время как у меня имелись еще и другие родственные привязанности, которые для него ничего не значили. Возможно — пусть даже для этого мне придется объединиться с Льюком, — я смогу придумать какой-нибудь собственный способ действий, как отвести угрозу от Янтаря. И пока такая возможность существовала, я чувствовал себя просто обязанным заниматься именно этим. Кроме того — но это уже чисто личное, — мое любопытство было слишком возбуждено, чтобы так вот взять и уйти от оставшихся без ответов вопросов. А вопросов было хоть пруд пруди.

Пока я обдумывал, как мне все это лучше изложить Мандору, на меня вновь воздействовали. Я осознал, что в разум мой, словно кошка, царапается легкое ощущение запроса. Оно усилилось, оттеснив прочие мысли, пока я не понял, что это Козырное послание, откуда-то издалека. Может быть, это Рэндом собирается выяснить, что же стряслось за время моей отлучки из Янтаря? Так что я настроился на прием, приглашая к контакту.

— Мерлин, в чем дело? — спросил Мандор, но я поднял руку, давая понять, что занят. При этом я увидел, как он кладет салфетку на стол и поднимается на ноги.

Видение медленно прояснилось, и я увидел Фиону; вид у нее был суровый, за спиной поднимались скалы, над скалами бледно-зеленое небо.

— Мерлин, — сказала она. — Ты где?

— Далеко, — ответил я. — Это длинная история. Что случилось? Где ты?

Фиона слабо улыбнулась:

— Далеко.

— А обстановочка у нас с тобой — ничего, будто в театре, — заметил я. — Твое небо, оно что — подчеркивает цвет волос?

— Хватит! — сказала она. — Я вызвала тебя не за тем, чтобы делиться дорожными впечатлениями.

В это мгновение ко мне подошел Мандор и положил на мое плечо ладонь. Едва ли такое было в его характере, ведь подобный поступок, когда Козырная беседа по всем признакам в самом разгаре, считался дурным тоном — это примерно то же, что снять трубку спаренного телефона и вмешаться в чужой разговор. Тем не менее…

— Утю-тю-тю! — сказал он. — Не угодно ли тебе представить меня, Мерлин?

— Это еще кто такой? — спросила Фиона.

— Это мой брат Мандор, — сказал я, — из Дома Всевидящих при Дворах Хаоса. Мандор, это моя тетя Фиона, принцесса Янтаря.

Мандор поклонился.

— Я слышал о тебе, принцесса, — сказал он. — Это действительно великая радость.

Глаза Фионы на мгновение расширились.

— Мне известно об этом Доме, — ответила она, — но я не знала, что Мерлин состоит с ним в родстве. Рада познакомиться.

— Я так понимаю, что у тебя там кое-какие сложности, Фи? — спросил я.

— Да, — ответила она, глядя на Мандора.

— Я удаляюсь, — сказал он. — Большая честь познакомиться с тобою, принцесса. Хотел бы я, чтобы ты жила чуть поближе к Ободу.

Фиона улыбнулась.

— Подожди, — сказала она. — Никаких государственных секретов тут нет. Ты прошел инициацию Логрусом?

— Да.

— …И я думаю, вы здесь не для того, чтобы драться на дуэли?

— Это вряд ли, — ответил я.

— Тогда я хотела бы узнать и его взгляд на эту проблему. Не хочешь ли пройти ко мне, Мандор?

Он вновь поклонился; по-моему, это был уже перебор.

— Куда угодно, мадам, — отозвался он.

Фиона сказала:

— Тогда иди, — и протянула левую руку. Я пожал ее. Мандор тоже потянулся к руке и коснулся запястья. Мы шагнули вперед.

Мы стояли перед ней среди скал. Было прохладно, и дул ветер. Откуда-то издалека доносился невнятный рев, как будто от приглушенного двигателя.

— Ты созванивалась с кем-нибудь в Янтаре в последнее время? — спросил я Фиону.

— Нет. — сказала она.

— Как-то больно уж неожиданно ты тогда исчезла.

— Были причины.

— Например, Льюк. Ты его узнала?

— Теперь ты тоже знаешь, кто он такой?

— Да.

— А другие?

— Я сказал Рэндому, — ответил я. — И Флори.

— Понятно. Значит, все знают, — сказала она. — Мы должны были быть следующими в списке Льюка, поэтому я и уехала так

внезапно. Блейса я забрала с собой. Я пыталась убить отца Льюка, и мне это почти удалось. Мы с Блейсом были самыми близкими родственниками Брэнда и выступили против него.

Фиона смерила пристальным взглядом улыбающегося Мандора.

— Я так понимаю, — сказал тот, — что в данный момент Льюк пьет с Котом, Додо, Гусеницей и Белым Кроликом. Еще я понимаю, что, раз его мать пленница в Янтаре, он против вас бессилен.

Фиона вновь посмотрела на меня.

— Ты *был* занят, — сказала она.

— Стараюсь.

— …Так что, наверное, тебе можно спокойно вернуться, — продолжил Мандор.

Фиона улыбнулась ему, потом глянула на меня.

— Твоему брату, кажется, все хорошо известно, — заметила она.

— Он тоже моя семья, — сказал я, — и мы с ним всю жизнь привыкли приглядывать друг за другом.

— Всю — чью? Твою или его? — спросила она.

— Мою, — отозвался я. — Он *старший*.

— Что значат какие-то два-три столетия в ту или другую сторону? — с готовностью сказал Мандор.

— Я сразу в тебе почувствовала какую-то зрелость духа, — сказала Фиона. — Наверное, я могу тебе доверять больше, чем думала.

— Это очень благородно с твоей стороны, — ответил он, — и я высоко ценю твои чувства…

— …Но предпочел бы, чтобы я не переходила границ?

— Совершенно верно.

— Я не собираюсь испытывать твою верность дому и трону, — сказала она, — для этого мы слишком недолго знакомы. Это касается и Янтаря, и Дворов, но я не вижу, чтобы по этому поводу мог возникнуть конфликт.

— Я не сомневаюсь в твоем благоразумии. В основном я хотел, чтобы моя позиция стала яснее.

Фиона повернулась ко мне.

— Мерлин, — сказала она. — По-моему, ты меня обманул.

Я навел на себя хмурый вид, как будто пытаясь вспомнить, когда же такое могло случиться. Покачал головой:

— Если и обманул, то не помню.

— Это было несколько лет назад, — сказала она, — когда я попросила тебя попытаться пройти Образ твоего отца.

— О-о! — Почувствовав, что краснею, я был занят

исключительно тем, что пробовал выяснить, заметно ли это при таком непривычном освещении.

— В тот раз ты сослался на то, о чем я сама тебе рассказала, — на сопротивление Образа, — продолжала она. — Ты притворился, будто из-за сопротивления не смог ступить на Образ. Но когда на него попыталась ступить я, был виден явный признак такого сопротивления, а у тебя ничего не было.

Фиона посмотрела на меня, как бы проверяя мою реакцию.

— И что из этого? — спросил я.

— А то, — сказала она, — что теперь это стало намного важнее. Скажи: ты меня тогда обманул?

— Да, — сказал я.

— Почему?

— Если бы я сделал хоть шаг, — объяснил я, — мне пришлось бы пройти Образ. И я не знаю, куда б он меня завел и что бы после этого было. У меня кончались каникулы, и я торопился вернуться в школу. Кто знает, а вдруг экспедиция получилась бы слишком долгой — на такую у меня просто не было времени. В общем, я сослался на затруднения — мне это показалось самым изящным способом отказаться.

— Мне кажется, тут что-то еще, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду?

— По-моему, Корвин тебе рассказал про Образ что-то такое, чего все мы, остальные, не знаем… или он оставил тебе послание. Я думаю, ты многое от нас скрываешь.

Я пожал плечами.

— Извини, Фиона. Я не отвечаю за твои подозрения, — сказал я. — Но если я могу чем-то помочь, я готов.

— Можешь, — отозвалась она.

— Как?

— Пойдем со мной к новому Образу. Я хочу, чтобы ты его прошел.

Я покачал головой:

— У меня есть куда более важное дело, чем тешить твое любопытство по поводу того, что мой папа сделал когда-то давно.

— Это не просто любопытство, — сказала она. — Я как-то тебе говорила, что считаю его причиной участившихся теневых бурь.

— А я тебе говорил, и, по-моему, достаточно убедительно, что их может вызывать и что-нибудь другое. Я считаю, что это подстройка после частичного разрушения и восстановления старого Образа.

— Не хочешь пройти сюда кое на что взглянуть? — спросила она и, повернувшись ко мне спиной, стала взбираться на гору.

Я глянул на Мандора, пожал плечами и двинулся за ней следом. Мандор пошел за мной.

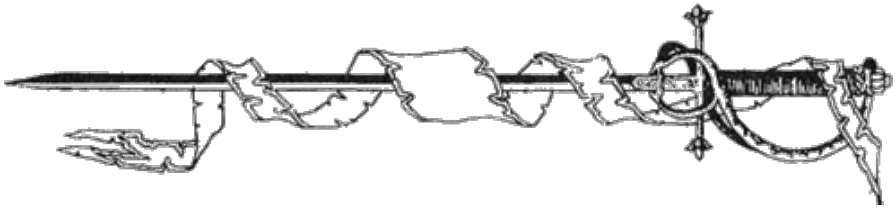
Мы карабкались к зазубренному скальному щиту. Фиона добралась туда первой и прошла по кривобокому уступу, который частично тянулся вдоль скалы. Она пересекла его, пока не оказалась в таком месте, где в каменной стене зияла широкая V-образная брешь. Там она встала спиной к нам; свет зеленого неба творил странные фокусы с ее волосами.

Я остановился рядом с Фионой и проследил за направлением ее взгляда. На далекой равнине, внизу, слева от нас, словно волчок, крутилась большая черная воронка. Кажется, она и была источником того рева, который мы слышали. Земля под ней, похоже, пошла трещинами. Несколько минут я смотрел, но воронка не поменяла ни формы, ни положения. В конце концов я прочистил глотку:

— Напоминает большой торнадо, только не движется.

— Вот почему я хочу, чтобы ты прошел новый Образ, — сказала Фиона. — Думаю, он расправится с нами, если мы не расправимся с ним первыми.

III



Если бы существовал выбор между способностью определять фальшь и способностью распознавать правду, что бы вы выбрали? Было время, когда я думал, что в общем-то это одно и то же, но теперь я так не считаю. Большая часть моих родственников, к примеру, почти так же хорошо раскусывает всевозможные уловки,

как и придумывает их. Но я вовсе не уверен, что они очень заботятся о правде. С другой стороны, я всегда чувствовал, что в поисках истины есть что-то благородное, особенное и почетное, — во всяком случае, работая с Колесом-Призраком, я думал именно так. Хотя Мандор заставил меня посмотреть на это дело иначе. Не сделало ли это меня предубежденным к иной грани истины?

Конечно, не так все просто, как кажется. Я знаю, что это вовсе не линейная ситуация «либо — либо», когда нужно выбрать что-то одно, а скорее декларация позиций. И все же мне до боли вдруг захотелось плюнуть на все эти «серединки на половинку» — взять и ступить на край, и гори синим пламенем все здравомыслящие оценки!

Одним словом, требование Фионы меня задело.

— И почему же это может быть настолько опасно? — спросил я.

— Это теневая буря в виде торнадо, — сказала она.

— Такие бывали и раньше, — ответил я.

— Бывали, — согласилась она, — но они обычно двигаются сквозь Тень. А этот лишь занимает участок Тени, и ни туда ни сюда. Впервые он появился несколько дней назад и с тех пор нисколько не изменился.

— Как это соотносится со временем Янтаря? спросил я.

— Полдня, наверное. А что?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Просто интересуюсь, — сказал я. — Я все-таки не понимаю, почему его нужно бояться.

— Я же говорила, что подобные бури расплодились с тех пор, как Корвин начертал дополнительный Образ. Теперь они изменились как по характеру, так и по частоте. В этом Образе надо как можно скорее разобраться.

Я мгновенно сообразил, что, кто бы ни приобрел контроль над папиным Образом, он мог стать хозяином слишком опасных сил. Или хозяйкой.

Итак:

— Предположим, я его пройду, — сказал я. — Что потом? Как я понял из папиного рассказа, я просто окажусь в середине, точно так же, как в Образе, который у нас дома. Что можно из этого выяснить?

Я изучал ее лицо на предмет эмоций, но мои родственники имели склонность этот простейший способ саморазоблачения держать под строгим контролем.

— Как я понимаю, — сказала она, — Брэнд сумел туда козырнуться, когда Корвин оказался в центре.

— Я это понимаю точно так же, как и ты.

— …В общем, когда ты доберешься до центра, я смогу пройти туда с помощью Козыря.

— Думаю, да. Значит, нас будет двое, стоящих посередине Образа.

— …И тогда мы сможем попасть туда, куда не можем попасть из любой другой точки пространства.

— И это будет…

— Первичный Образ, который лежит за этим.

— Он? Ты уверена?

— Должен быть он. По самой природе подобных конструкций он начертан на более фундаментальном уровне реальности, некоем аналоге мироздания.

— А цель нашего путешествия в те края?

— Там лежат его тайны, там можно узнать его глубочайшую магию.

— Ясно, — сказал я. — А что потом?

— Ну, мы могли бы узнать, как справиться с неприятностями, которые вызывает эта штука, — кивнула она на торнадо.

— И все?

Глаза Фионы превратились в две щелки.

— Мы много чего сможем там узнать. Сила — всего лишь сила и представляет угрозу только до тех пор, пока непонятно, в чем ее суть.

Я неторопливо кивнул.

— Но сейчас существует некое количество сил, которые в ведомстве угроз отличаются более напористым нравом, — сказал я. — Так что этому Образу придется подождать своей очереди.

— Даже если в нем отыщутся силы, которые помогут тебе уладить другие проблемы? — спросила она.

— Даже тогда, — сказал я. — Дело может затянуться надолго, а я не уверен, что у меня есть на это время.

— Но ты же не знаешь наверняка.

— Не знаю. Но как только я поставлю ногу на Образ, возврата уже не будет.

Я не добавил, что у меня и в мыслях не было брать ее к Первичному Образу, а затем еще и оставить ее там без присмотра. Кроме всего прочего, она уже однажды опробовала себя в деле поставки королей. И если бы Брэнд добился в те дни трона Янтаря, она стояла бы от него по правую руку, что бы она сейчас ни говорила. Думаю, она как раз собиралась просить меня доставить ее к Первичному Образу, но вовремя сообразила, что я уже все обдумал и поэтому отказался. Не желая терять лицо, спросив и получив отказ, она вернулась к первоначальному

аргументу.

— Полагаю, ты найдешь время, — сказала она, — если не хочешь увидеть, как вокруг тебя распадутся миры.

— Я не поверил тебе в самый первый раз, — ответил я, — и не верю сейчас. Я по-прежнему думаю, что усилившаяся активность теневых бурь вызвана, скорее всего, подстройкой после повреждения и восстановления первоначального Образа. А еще я думаю, что если мы спутаемся с новым Образом, о котором ничего не знаем, то имеем шанс сделать только хуже, не лучше…

— Не хочу я с ним спутываться, — сказала Фиона. — Я хочу изучить…

Между нами вдруг вспыхнул Знак Логруса. Должно быть, Фиона его увидела или каким-то образом почувствовала, потому что отшатнулась в тот же самый миг, что и я.

Я повернул голову, уверенный в том, что увижу.

Мандор взобрался на стену из камня, напоминающую крепостную. Он стоял неподвижно, как будто был ее частью: руки подняты вверх. Я подавил первый импульс и не стал кричать ему: «Прекрати!» Он знал, что делает. И я был уверен, что он все равно не обратит на меня никакого внимания.

Я подобрался к зазубрине, с которой он перелез на стену, и посмотрел мимо него на скрученную штуку, высящуюся среди потрескавшейся равнины далеко внизу. Сквозь изображение Логруса я ощутил темный, ужасающий прорыв силы, которую Сугуи показывал мне на последнем уроке. Теперь к ней взывал Мандор и вливал ее в теневую бурю. Он что, не соображал, что сила Хаоса, которую он спускал с поводка, будет распространяться, не разбирая, что лежит на ее страшном пути? Неужели он не понимал, что если буря действительно была проявлением Хаоса, то он воистину сотворит из нее чудовище?

Торнадо стал больше. Рев усилился. На вихрь уже было страшно смотреть.

Фиона у меня за спиной приглушенно вскрикнула.

— Ты хоть знаешь, что делаешь? — крикнул я Мандору.

— Примерно через минуту узнаем, — ответил он, опуская руки.

Знак Логруса передо мной погас.

Некоторое время мы смотрели, как вращается этот проклятый смерч, становящийся все больше и громче.

Наконец:

— И что ты доказал? — спросил я.

— Что у тебя нет терпения, — ответил он.

В феномене не было ничего особо поучительного, но я все равно продолжал за ним наблюдать. Вдруг торнадо стал

заикаться. Темное сооружение внезапно дернулось, встряхивая собранные обломки. Вскоре торнадо восстановил прежний размер и прежнюю энергию, а звук снова стал ровным.

— Как ты это сделал? — спросил я Мандора.

— Я не делал, — ответил он. — Смерч сам себя отрегулировал.

— Этого не может быть, — заявила Фиона.

— Точно, — откликнулся Мандор.

— Вы оба меня запутали, — сказал я.

— Он должен был с ревом умчаться прочь, набравшись мощи после того, как Мандор его усилил, — сказала Фиона. — Но что бы его ни контролировало, у загадочного нечто были явно другие планы. Странно, что смерч отрегулировался.

— …И это тоже феномен Хаоса, — продолжал Мандор. — Это можно было заметить по тому, как он стал черпать силу из Хаоса, когда я предоставил ему для этого способ. Но это выбило смерч за некий предел, и произошла коррекция. Кто-то играет с первозданными силами. Кто, или что, и почему, — этого я сказать не могу. Но думаю, это сильный довод за то, что Образ здесь ни при чем. С Хаосом он играть не станет. Так что Мерлин, пожалуй, прав. Я думаю, исток всего этого в ином месте.

— Ну хорошо, — согласилась Фиона. — Ладно. И с чем мы остались?

— С тайной, — сказал Мандор. — Но едва ли с непосредственной угрозой.

У меня в голове запорхал слабый светлячок интересной мысли. Легко может оказаться, что я здорово ошибаюсь, но даже если это и так, все равно своими догадками я ни с кем делиться не намерен. Светлячок уводил в ту область причин и следствий, которую так вот сразу исследовать было выше моих сил, но тем не менее любым кусочком, из которого могла сложиться картина, пренебрегать не стоило.

Фиона смотрела теперь на меня, но я сделал непроницаемое лицо. Тогда, увидев, что ее настойчивость пропадает зря, она вдруг решила поменять тему:

— Ты сказал, что оставил Льюка в несколько необычных обстоятельствах. И где он сейчас?

Напоследок мне очень хотелось вывести ее из себя. Но я не мог допустить, чтобы она отыгралась на Льюке в его теперешнем состоянии. Из всего, что я о ней знал, Фиона и правда могла бы его убить; это было бы своего рода страховкой ее собственной жизни. А мне не нужен был мертвый Льюк. Я чувствовал, что его можно подвергнуть чему-то вроде перенастройки, и мне хотелось дать ему хоть какой-то передых. Мы по-прежнему должны были

друг другу некоторое их количество — если честно, я даже сбился со счета сколько; да и кое-что надо было ему сказать в память о добрых старых временах. А если учитывать, в каком состоянии я его оставил, пройдет еще какое-то время, прежде чем он вновь обретет приличную форму. Ну а там уж я найду, что ему сказать.

— Прости, — сказал я. — Им я займусь сам.

— Полагаю, у меня в этом деле тоже есть кое-какой интерес, — отозвалась Фиона как ни в чем не бывало.

— Конечно, — сказал я, — но мне кажется, что мой интерес перевешивает и мы можем встать на пути друг у друга.

— Я сама могу оценить, чей интерес перевешивает, — сказала она.

— О'кей, — сказал я. — Он в оттяге — ЛСД, сама понимаешь. Любая информация, которую ты вытянешь из него, может, будет и красочной, но вряд ли тебя устроит.

— Как это произошло? — спросила она.

— Очевидно, маг по имени Маска вкатил ему химию, когда Льюк был у него в плену.

— Где это было? О Маске я никогда не слышала.

— Тот уголок называют Крепость Четырех Миров, — сказал я.

— Я про нее слышала, но это было очень давно, — сказала она. — Обычно ею владел колдун Шару Гаррул.

— Теперь он стал вешалкой, — сказал я.

— Что?

— Долгая история, но сейчас Крепостью владеет Маска.

Фиона внимательно разглядывала меня; похоже, до нее только сейчас дошло, что о недавних событиях она почти ничего толком не знает. Я понял, она решает, какой из нескольких явно напрашивающихся вопросов задать следующим. Тогда я решил, пока она не опомнилась, спросить первым.

— Как там Блейс?

— Ему лучше. Я сама за ним ухаживала, и дело идет на поправку.

Я собрался было спросить ее, где он, потому что знал, она отвечать откажется, и тогда, надо надеяться, мы оба улыбнемся друг другу, когда Фиона увидит, к чему я подвожу: нет адреса Блейса, нет и адреса Льюка; мы сохраним свои секреты и останемся друзьями.

— Алло! — услышал я голос Мандора, и мы оба повернулись в том направлении, куда он смотрел, — назад, через трещину.

Темное образование в виде торнадо сжалось до половины прежнего размера и, пока мы за ним наблюдали, продолжало уменьшаться. Оно равномерно проваливалось само в себя, съеживаясь и съеживаясь, и почти за полминуты исчезло

полностью.

Я не сумел подавить улыбку, но Фиона даже не обратила внимания. Она смотрела на Мандора.

— Думаешь, это из-за того, что ты сделал? — спросила она его.

— У меня нет способа это узнать, — отозвался он, — но может, и так.

— Но тебе это что-нибудь говорит? — сказала она.

— Наверное, тому, кто все это устроил, не понравилось, что я на скорую руку решил подправить его эксперимент.

— Ты правда веришь, что за этим стоит нечто разумное?

— Да.

— Кто-то из Дворов?

— Такое кажется более вероятным, чем если бы это был кто-то с твоего края мира.

— Да… пожалуй, — согласилась она. — А кто? Ты кого-нибудь подозреваешь?

Мандор ответил улыбкой.

— Я понимаю, — быстро сказала Фиона, — тебя это мало касается. Но общая угроза — это ведь дело каждого. Вот к чему я клоню.

— Верно, — признал он. — Поэтому я и предполагаю расследовать это дело. На данный момент я совершенно ничем не озабочен. Расследование же может оказаться занятным.

— Как-то даже неловко просить тебя поделиться со мной находками, — сказала Фиона, — я ведь не знаю, чьи интересы могут быть здесь замешаны.

— Я высоко ставлю твою точку зрения, — откликнулся он, — но, насколько мне известно, пункты договора по-прежнему сохраняют силу, и никто во Дворах ничего особенного против Янтаря не замышляет. Хотя… Если хочешь, мы могли бы вместе исследовать этот вопрос, по крайней мере вместе какое-то время.

— У меня время есть, — сказала она.

— А у меня нет, — быстро вмешался я. — У меня неотложные дела.

Мандор посмотрел на меня.

— По поводу моего предложения… — сказал он.

— Не могу, — сказал я.

— Хорошо. Тем не менее я не считаю наш разговор законченным. Позже я поговорю с тобою еще.

— О’кей.

Фиона тоже посмотрела в мою сторону.

— Дай мне знать, когда Льюк выздоровеет и что он собирается делать, — сказала она.

— Обязательно.

— Тогда всего хорошего.

На прощание мы с Мандором коротко друг другу отсалютовали. Я пошел и, как только скрылся с их глаз, начал перемещение.

Отыскав дорогу к скалистому склону, я остановился и вытащил Козырь Янтаря. Я поднял его, сфокусировал внимание и переправился, как только почувствовал путь. Я надеялся, что тронный зал будет пуст, хотя сейчас меня это не слишком заботило.

И — оказался как раз неподалеку от Джасры, через вытянутую левую руку которой был переброшен плащ. Второй, один был на ней. Я нырнул в дверь слева, она вывела меня в пустой коридор, и я прошел к черной лестнице. Несколько раз я нарывался на голоса и обходил говорящих стороной. До своей комнаты я сумел дойти незамеченным.

Похоже, за полтора столетия поспать мне посчастливилось только раз — однажды днем, целые пятнадцать минут, да и то накачанная наркотиком колдовская способность Льюка побудила его вытащить меня в Зазеркальный Бар через вызванный галлюцинацией Козырь. Когда это было? Возможно, вчера… вчера, которое было и без того набито разными разностями.

Я запер дверь на засов и завалился в кровать, растянувшись на ней, даже не сняв сапог. Конечно, мне надо было переделать множество разных дел, но я был просто не в силах. Я вернулся домой, потому что всего безопаснее по-прежнему чувствовал себя в Янтаре, несмотря на то что Льюк ухитрялся доставать меня и здесь.

Должно быть, кого-нибудь с подсознанием помощнее, чем у меня, все это дерьмо, через которое я недавно прошел, навело бы на откровение и он получил ответ, как ему действовать дальше. Меня — нет. Первый раз я проснулся в панике, не зная, где нахожусь. Но открыв глаза и поняв, что к чему и как, я заснул опять. Позже — намного позже — я постепенно выкарабкивался из сна, словно ошметок груза, смытого с палубы корабля и все дальше и дальше, волна за волной, выволакиваемого на твердый берег. Я не видел причин, почему бы мне не продолжать в том же духе, но скоро сообразил, что у меня болят ноги. Тогда я сел и стянул с ног сапоги, и это было одним из шести величайших удовольствий в моей жизни. Затем я быстро стащил носки и швырнул их в угол. Ну почему у любого, кто занимается такими же делами, при этом не стираются ноги? Наполнил тазик водой и некоторое время отмачивал в нем ступни, затем решил для себя, что следующие несколько часов буду ходить босиком.

Потом я встал окончательно, разделся, умылся и надел джинсы и пурпурную фланелевую рубашку, которую обожаю. Пусть идут к чертям до поры до времени все на свете мечи, плащи и кинжалы. Я распахнул ставни и выглянул наружу. Было темно. Из-за облаков я даже по звездам не мог определить, ночь сейчас, ранний вечер или же почти утро.

В коридоре была тишина, и пока я спускался по задней лестнице, то не услышал никаких звуков. В кухне тоже было безлюдно, в больших очагах пустота, лишь тихо тлели угли. Я не стал их сильно раскочегаривать, мне хватило небольшого огня, чтобы вскипела вода для чая, пока я искал хлеб и фруктовое варенье. В одном из ледников я наткнулся на кувшин с чем-то похожим на сок грейпфрута.

Пока я сидел, грея ноги и расправляясь с буханкой, я почувствовал вдруг себя неуютно. И только потом, когда прихлебывал чай, сообразил почему. Надо было срочно что-то предпринимать, а я понятия не имел что. Сейчас выпала коротенькая передышка, и уже само по себе это было странно. Так что я решил еще раз все хорошенько обдумать.

К тому времени, когда с едой было покончено, у меня обрисовалось несколько мелких планов. Первое, что я сделал, это прошел в тронный зал, снял с Джасры все шляпы и плащи и положил на пол. Позже, пока я нес ее негнущуюся фигуру по коридору верхнего этажа к себе в комнату, одна из дверей приоткрылась, и Дроппа затуманенным взглядом уставился на меня.

— А мне парочку таких можно? — спросил он.

— Уж очень напоминает мне мою первую жену, — добавил он и закрыл дверь.

Поставив Джасру в своих покоях, я подтащил кресло и уселся возле нее. В пух и прах разнаряженная — это тоже было частью жестокой шутки, которую с ней сыграли, — но при всем при этом ее резкая красота нисколько не пострадала. Однажды из-за нее я чуть не лишился жизни, и у меня не было желания освобождать ее в такое смутное время — вдруг та история повторится. Но заклятие, что ее удерживало, интересовало меня сразу по многим причинам, и поэтому мне хотелось полностью в нем разобраться.

Затем я осторожно принялся изучать ту мысленную конструкцию, которая удерживала Джасру. Она не казалась какой-то уж больно головоломной, но я видел — на то, чтобы исследовать все ее закоулки, потребуется время. Ладно. Останавливаться я не собирался. Так что я впрягся в работу, по пути мысленно кое-что отмечая.

Заняло это у меня не один час. Раскусив наконец заклинание, я решил заодно повесить несколько собственных: пожалуй, сейчас — самое время. Пока я работал, замок вокруг просыпался. День набирал силу, а я упорно трудился, пока все не легло по полочкам и я не удовлетворился своей работой. А еще я почувствовал голод.

Я задвинул Джасру подальше в угол, натянул сапоги, запер за собой дверь и направился к лестнице. По моим расчетам, где-то сейчас должно было наступить время для ленча; так что я проверил несколько обеденных залов, в которых в основном питалась семья. Но все они оказались безлюдны, ни в одном даже не накрывали на стол. Равно как ничто и не говорило, что обед уже кончился.

Наверно, что-то у меня с ощущением времени, решил я поначалу: то ли вышел слишком рано, то ли, наоборот, слишком поздно. Но тут же сообразил — рассвело-то уже давно, и не мог я так далеко промахнуться мимо нужного часа. Тем не менее за столами, похоже, никто не ел, так что с этим предположением тоже было что-то не так…

Затем я услышал, как где-то вилки и ножи негромко позвякивают о тарелки. Я двинулся в том направлении. Похоже, обедали в той столовой, где накрывали очень редко. Я свернул направо, потом налево. Да, столы были почему-то накрыты в гостиной. Впрочем, не важно.

Я вошел в комнату, где на красном диване рядом с Виалль, женой Рэндома, сидела Лльюилл; обед стоял на низком столике перед ними. Майкл, который служил на кухне, стоял поблизости при тележке, уставленной блюдами. Я откашлялся.

— Мерлин, — сказала Виалль с теплым чувством в голосе, от чего меня бросало всякий раз в холод — она была абсолютно слепа. — Как приятно!

— Здравствуй, — сказала Лльюилл. — Давай присоединяйся. Мы хотели бы услышать, что ты делал.

Я подтащил кресло к дальнему краю стола и сел. Подошел Майкл и поставил передо мной прибор. Я быстро соображал. Все, что услышит Виалль, без сомнения, дойдет до Рэндома. Так что лучше преподнести им слегка отредактированную версию недавних событий — с изъятием всех упоминаний о Мандоре, Фионе и обо всем, что связано со Дворами. Это значительно сократит рассказ и позволит скорее приняться за еду.

— Все были так заняты в последнее время, — сказала Лльюилл, когда я закончил, — что я чувствую себя почти виноватой.

Я смотрел на нежный зеленоватый оттенок ее оливкового

лица, ее пухлые губы, большие кошачьи глаза.

— Но не совсем, — добавила она после этого.

— Кстати, а где остальные? — спросил я.

— Джерард, — сказала она, — осматривает укрепления в гавани, а Джулиэн командует армией; она сейчас вооружена стрелковым оружием и поставлена защищать подходы к Колвиру.

— Ты хочешь сказать, что Далт уже разворачивается и идет оттуда?

Лльюилл покачала головой:

— Нет, это меры предосторожности из-за послания от Льюка. Сил Далта пока не видно.

— А хоть кто-нибудь знает, где он? — спросил я.

— Еще нет, — ответила Лльюилл, — но вот-вот должны поступить сообщения разведки.

Она пожала плечами. Затем:

— Наверное, Джулиэн их уже получил, — добавила она.

— Почему командует Джулиэн? — спросил я между глотками. — Я думал, такими вещами занимается Бенедикт.

Лльюилл отвернулась и перевела взгляд на Виалль; та, казалось, почувствовала, что Лльюилл на нее смотрит.

— Бенедикт с небольшим отрядом сопровождает Рэндома в Кашфу, — негромко сказала Виалль.

— Кашфа? — сказал я. — Но зачем? Ведь Далт обычно вокруг Кашфы и рыскает. Там же сейчас опаснее всего.

Виалль слабо улыбнулась.

— Поэтому Рэндому и понадобился Бенедикт и его гвардия. Для эскорта, — сказала она. — Они сами, если удастся, соберут там информацию, хотя поехали совсем по другому поводу.

— Не понимаю, — сказал я, — почему вообще возникла такая необходимость.

Виалль глотнула воды.

— Внезапный политический переворот, — сказала она. — Пока не было королевы и наследного принца, власть захватил один из военачальников. Недавно он был убит, и Рэндому удалось заключить соглашение о занятии трона кандидатом от нашей стороны — старшим придворным.

— Как ему это удалось провернуть?

— Каждый заинтересованный в этом деле еще больше был заинтересован в том, чтобы Кашфа присоединилась к договору Золотого Круга с правом преимущественной торговли.

— Значит, Рэндом их убедил, что на этом месте должен быть его человек, — заключил я. — А что, разве эти договоры Золотого Круга не дают обычно нам права перемещать войска через территорию королевства-союзника почти без предварительных

переговоров?

— Да, — сказала она, — дают.

Я вдруг вспомнил крепко сбитого посланника Короны, которого встретил «У Окровавленного Билла»; он тогда расплатился деньгами Кашфы. И решил, что лучше не лезть с расспросами, насколько близко это событие отстояло по времени от убийства, которое сделало возможным недавнее соглашение. А вот картина, что внезапно мне приоткрылась, была действительно как снег на голову: все это сильно походило на то, что Рэндом просто не дал Джасре и Льюку забрать обратно их узурпированный трон — который, если быть честным, Джасра сама когда-то давно узурпировала. Со всеми этими узурпациями, права собственности были для меня более чем туманны. Но если этические принципы Рэндома были не лучше, чем у тех, кто был до него, то уж во всяком случае и не хуже. Правда, теперь выходило, что любая попытка со стороны Льюка получить трон своей матери натолкнулась бы на отпор монарха, который ко всему прочему имел еще и союзный договор с Янтарем. Я готов был спорить на что угодно, что условия договора, обеспечивающего защиту союзника, непременно включали поддержку со стороны Янтаря как против внешней угрозы, так и против внутренней.

Блеск, да и только. Все выглядит так, будто Рэндом нагромоздил целую кучу проблем единственно ради того, чтобы отсечь Льюка от оплота его возможной власти и лишить его даже намека на какие-нибудь законные права сделаться главой государства. Я предположил, что следующим шагом будет объявление его вне закона как посягающего на трон опасного бунтовщика и назначение цены за его голову. Не перегибает ли Рэндом палку? Льюк не казался сейчас таким уж опасным, особенно когда его мать находилась в наших руках. С другой стороны, я мог строить только предположения относительно того, как далеко намерен зайти в этом деле Рэндом. То ли он действительно чувствовал угрозу с той стороны, то ли вправду выехал, чтобы добить Льюка. Вторая возможность беспокоила меня тем, что на данный момент Льюк, кажется, находился на полпути к состоянию пай-мальчика и, возможно, в эти минуты мучительно пересматривал собственную позицию. Мне не хотелось видеть, как его, словно бесполезную вещь, бросят на съедение волкам, и все это в результате перегибов со стороны Рэндома.

Итак:

— Полагаю, это сильно связано с Льюком, — сказал я Виалль.

Она секунду молчала, затем откликнулась:

— Кажется, его больше беспокоит Далт.

Я мысленно пожал плечами. Похоже, для Рэндома это было одно и то же, раз он рассматривал Далта как военную силу, которую мог бы развернуть Льюк, чтобы захватить трон. Поэтому я сказал: «О-о» — и продолжал есть.

Кроме сказанного, ничего нового я для себя не узнал, так что не было никаких возможностей проследить дальнейшее поведение Рэндома, и мы перешли к светской беседе. По ходу я продолжал обдумывать свою позицию в этом вопросе. За десертом направление главного удара моей будущей кампании неожиданно определилось само собой.

В комнату вошел слуга по имени Рэндел — высокий, тощий и смуглый, с вечно улыбающимся лицом. Я понял — что-то случилось, потому что сегодня улыбки не было и двигался он быстрее обычного. Он окинул нас взглядом, остановил его на Виалль, быстро приблизился и прокашлялся.

— Ваше Величество, моя госпожа… — начал он.

Виалль чуть повернула голову в его сторону.

— Да, Рэндел? — сказала она. — Что такое?

— Только что прибыла делегация из Бегмы, — ответил он, — а мне не оставили указаний, как их принимать и какие в их отношении требуется сделать приготовления.

— Ну вот! — сказала Виалль, отложив вилку. — Их не ждали до послезавтра, до возвращения Рэндома. Он единственный, с кем они хотят объясниться. Где ты их разместил?

— Они сидят в Желтом кабинете, — ответил слуга. — Я сказал, что пойду известить об их прибытии.

Она кивнула.

— Сколько их?

— Премьер-министр Оркуз, — сказал он, — его секретарь Найда — она же его дочь — и другая его дочь Корал. С ними четверо слуг: двое мужчин и две женщины.

— Иди оповести дворцовую челядь и проследи, чтобы для гостей приготовили подходящие апартаменты, — дала наставления Виалль. — И предупреди кухню. Они могли не успеть позавтракать.

— Хорошо, Ваше Величество, — сказал Рэндел, пятясь к двери.

— …Затем доложишь мне в Желтом кабинете, чтобы я была в курсе того, что сделано, — продолжала Виалль, — и я дам тебе дополнительные указания.

— Считайте исполненным, — ответил Рэндел и заспешил прочь.

— Мерлин, Лльюилл, — сказала Виалль, поднимаясь, —

помогите мне их развлечь, пока делаются приготовления.

Я проглотил последний кусок десерта и поднялся на ноги. Мне не слишком хотелось беседовать с дипломатом и его свитой, но раз уж оказался под рукой, то никуда не денешься: это одна из маленьких, но необходимых обязанностей местной жизни.

— Э-э… А все-таки зачем они здесь? — спросил я.

— Что-то вроде протеста против того, что мы делаем в Кашфе, — отозвалась Виалль. — Они никогда особенно не дружили с Кашфой, но точно я сказать не могу, — может, они здесь, чтобы протестовать против возможного включения Кашфы в Золотой Круг, может, недовольны нашим вмешательством во внутренние дела Кашфы. Или они боятся, что понесут убытки, имея под боком соседа, которому вдруг выпало такое же, как и им, счастье наслаждаться выгодами благоприятной торговли. А может, у них имелись другие виды на трон Кашфы, а мы им перебежали дорогу. Все может быть. Но как бы там ни было… мы не можем сказать им того, чего сами пока не знаем.

— Я просто хотел знать, каких избегать тем, — сказал я.

— Всего, о чем я тебе сейчас говорила, — ответила Виалль.

— Меня это тоже интересует, — сказала Лльюилл. — Хотя больше всего я хотела бы знать, нет ли у них какой-нибудь полезной для нас информации о Далте. Их разведка должна не спускать глаз с ситуации вокруг Кашфы.

— Особенно на этом не акцентируй, — сказала Виалль, направляясь к двери. — Если они проговорятся или захотят что-то рассказать сами — хорошо. Дому это пригодится. Но не показывай им, что тебя это сильно интересует.

Виалль взяла мою руку, и я вывел ее за дверь, провожая до Желтого кабинета. Лльюилл откуда-то вытащила небольшое зеркальце и стала в него смотреться. Явно собой довольная, она спрятала его и сказала:

— Вовремя ты появился, Мерлин. Еще одно улыбающееся лицо всегда полезно в подобные времена.

— Было бы отчего улыбаться, — ответил я.

Мы прошли до кабинета, где ждали премьер-министр и его дочери. Их слуг уже отослали на кухню за напитками. Официальная делегация все еще была не накормлена, а это уже кое-что говорит о существующем протоколе, особенно если не знаешь, как долго придется ждать, прежде чем где-то там соберут для тебя несколько подносов с едой. Оркуз был среднего сложения и вполне крепок, черные волосы сильно подернуты сединой, черты его широкого лица утверждали, что он привык больше хмуриться, нежели улыбаться, — должно быть, чтобы этого достичь, большую часть дня он провел, репетируя перед

зеркалом. Лицо Найды было как бы слепком с лица отца, правда, выглядело оно куда приятнее, и хотя, так же как и отец, она имела склонность к полноте, она держала себя в руках, и формы ее были весьма привлекательны. К тому же она много улыбалась, и у нее были красивые зубы. Корал, та была выше, чем отец и сестра, стройнее, волосы ее были рыжевато-коричневые. Когда она улыбалась, это выглядело не так официально. И еще в ней было что-то смутно знакомое. Интересно, не встречал ли я ее раньше на каком-нибудь тоскливом приеме. Хотя вряд ли, я бы ее запомнил.

После того как нас представили и по бокалам было разлито вино, Оркуз изложил Виалль краткий комментарий по поводу «недавних разочаровывающих новостей» из Кашфы. Мы с Лльюилл быстро сплотились возле королевы для моральной поддержки, но та просто сказала, что подобные вопросы следует улаживать окончательно только по возвращении Рэндома и что на данный момент она желала бы главным образом присмотреть за тем, чтобы гости ни в чем не нуждались. Он был полностью с этим согласен, даже выдавил из себя улыбку. У меня возникло впечатление, что он просто хотел, чтобы цель его визита была немедленно зарегистрирована. Лльюилл быстро перевела разговор на его путешествие, и он любезно соизволил сменить тему. Все политики запрограммированы просто замечательно.

Позже я узнал, что посол Бегмы не был даже осведомлен о прибытии Оркуза; это говорило о том, что прибыл Оркуз настолько стремительно, что обогнал сообщение в посольство. И он даже не побеспокоился заехать туда, а направился прямиком во дворец и отослал уведомление прямо оттуда. Об этом я узнал чуть позже, когда он спросил, доставили ли его послание. Чувствуя себя несколько лишним в грациозных каскадах нейтрального разговора Лльюилл и Виалль, я отступил назад, задумывая побег. Эти игры меня нисколько не волновали, во что бы здесь ни собирались играть.

Корал тоже отошла в сторону и вздохнула. Затем, посмотрев на меня, улыбнулась и, быстро оглядев комнату, подошла ближе.

— Мне всегда хотелось побывать в Янтаре, — сказала она.

— И как тебе здесь? Так, как ты себе и представляла? — спросил я.

— О да. Замечательно. Конечно, я еще не так много видела…

Я кивнул, и мы чуть дальше отделились от остальных.

— Я тебя раньше не мог где-нибудь видеть? — спросил я.

— Не думаю, — сказала она. — Я не так много путешествовала, а в наших краях ты бывал вряд ли. Верно?

— Нет, хотя с недавнего времени мое любопытство к ним

возросло.

— Но кое-что я о тебе знаю, — продолжала она, — в основном из сплетен. Я знаю, что ты из Дворов Хаоса, и знаю, что ты учился на том мире Тени, который вы, жители Янтаря, кажется, посещаете чаще всего. Меня всегда интересовало, на что похож этот мир.

Я заглотил наживку и принялся рассказывать ей об учебе и своей работе, о тех немногих странах, где я успел побывать, и о делах, которыми с удовольствием занимался. Пока я говорил, мы проделали путь через комнату до софы и устроились поудобнее. Оркуз, Найда, Лльюилл и Виалль, кажется, в нас не нуждались, и если уж мне пришлось здесь торчать, я подумал, что разговаривать с Корал гораздо приятнее, чем слушать их разговоры. Хотя, чтобы не монополизировать тему, я расспросил Корал о самой себе.

Она начала рассказывать о детстве, проведенном в Бегме и ее окрестностях, о своей страсти к прогулкам — лошадям и катанию на лодке по многочисленным озерам и рекам, — о книгах, которые она прочла, и об относительно невинном дилетантском баловстве с магией. Как раз, когда она добралась до описания некоторых ритуалов, выполняемых местной крестьянской общиной для обеспечения обильности урожаев, вошла женщина из прислуги, приблизилась к Виалль и что-то произнесла. Через дверной проем я увидел еще несколько человек из дворцовой прислуги. Тогда Виалль что-то сказала Оркузу и Найде, те кивнули в ответ и двинулись к выходу. Лльюилл отделилась от группы и подошла к нам.

— Корал, — сказала она, — твои покои готовы. Прислуга тебе покажет. Наверное, ты хотела бы освежиться и отдохнуть с дороги.

Мы поднялись.

— Я не устала, — сказала Корал, глядя скорее на меня, чем на Лльюилл; в уголках ее рта танцевал намек на улыбку.

Какого черта. Я вдруг сообразил, что нахожу удовольствие от ее общества, так что:

— Если ты согласна переодеться во что-нибудь попроще, то я с радостью покажу тебе город. Или дворец.

Намек стал полноценной улыбкой, достойной, чтобы на нее посмотреть.

— С превеликой охотой, — сказала Корал.

— Тогда через полчаса встречаемся здесь, — сказал я.

Она направилась к выходу, и я проводил ее и остальных до начала лестницы. На мне по-прежнему были «левисы» и пурпурная рубашка, и я подумал, во что же такое переодеться,

чтобы соответствовать местной моде. К дьяволу, решил я потом. Мы просто пошатаемся по окрестностям. Я добавлю к тому, что на мне есть, перевязь с оружием, плащ и мои лучшие сапоги. Заодно подстричь бороду, раз время у меня еще есть. А может, и маникюр на скорую руку…

— Ах, Мерлин…

Это была Лльюилл; положив ладонь на мой локоть, она увела меня в сторону алькова. Я позволил себя увести.

Затем:

— Да? — сказал я. — В чем дело?

— Хм… — сказала она. — Симпатичная, верно?

— Положим, да, — отозвался я.

— Разогрела она тебя?

— Боже мой, Лльюилл! Я не знаю. Просто встретил даму.

— …И назначил ей свидание.

— Кончай! Сегодня я заслужил право на отдых. Мне понравилось с ней болтать. И я хочу показать ей окрестности. По-моему, мы неплохо проводим время. Что здесь такого?

— Ничего, — ответила она, — если ты понимаешь, что происходит.

— Что ты имеешь в виду?

— Меня немного заинтересовало, — сказала она, — почему это Оркуз привез с собой двух хорошеньких дочерей.

— Найда — его *секретарь*, — сказал я, — а Корал захотела посмотреть город.

— Угу. И для Бегмы было бы очень заманчиво, если одна из них совершенно случайно подцепит члена королевской семьи.

— Лльюилл, ты дьявольски подозрительна, — сказал я.

— Когда долго живешь на свете, поневоле становишься такой.

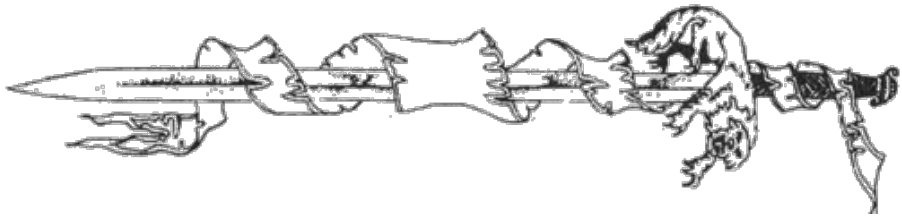
— Ну, в общем-то я и сам рассчитываю прожить долгую жизнь, и надеюсь, она не заставит меня выискивать скрытые мотивы в каждом человеческом поступке.

Лльюилл улыбнулась.

— Конечно. Забудь все, что я тебе говорила, — посоветовала она, зная, что я не забуду. — Желаю приятно провести время.

Я вежливо зарычал и направился к себе в комнату.

IV



Итак, посреди угроз, интриг, опасностей и тайн всех мастей я решил устроить себе маленький праздник и побродить по городу с милой дамой. Из всех возможных вариантов, которые я мог выбрать, этот, безусловно, был самым привлекательным. Кто бы ни был мой враг, с какой бы силой я ни столкнулся, жребий сегодня пал на сторону флирта. У меня не было ни малейшего желания охотиться на Джарта, вызывать на дуэль Маску или ходить дозором вокруг Льюка, пока он не очнется и не скажет, нужны ему по-прежнему или нет семейные скальпы. Далт стал не моей головной болью, Винта исчезла, Колесо-Призрак молчало, а вопрос об Образе моего отца мог подождать до лучших времен.

Сияло солнце, и ветер был ласков, хотя в это время года все могло быстро перемениться. Стыдно истратить впустую, может быть, последний хороший день в этом году на что-либо более мелкое, чем удовольствие. Я навел марафет и, напевая, направился вниз по лестнице чуть раньше назначенной встречи.

Корал управилась даже скорее, чем я рассчитывал, и явилась еще раньше меня. Я оценил ее со вкусом подобранные темно-зеленые бриджи, плотную рубашку медного цвета и теплый коричневый плащ. Сапоги на ней были как раз для прогулки, на голове — темная шляпа, почти полностью прикрывавшая копну волос. За поясом — кинжал и перчатки.

— Все готово, — сказала она, увидев меня.

— Отлично, — ответил я, улыбаясь, и вывел ее в коридор.

Она хотела свернуть к главному залу, но я повел ее направо, а потом налево.

— Лучше пройти через боковую дверь, будет не так заметно, — сказал я.

— Какие вы все скрытные, — сказала она.

— Привычка, — ответил я. — Чем меньше про тебя знают, тем лучше.

— Кого ты имеешь в виду? Ты чего-то боишься?

— На данный момент? Много чего. Но, честно говоря, не хочу провести такой замечательный день, перечисляя свои страхи.

Корал покачала головой; я это расценил за смесь благоговения и неприязни.

— Значит, то, что говорят, правда? — спросила она. — Ваши дела так запутаны, что вы постоянно ведете учет своих друзей и врагов?

— И на дела-то времени нет, какой уж там учет.

Затем:

— Прости, — сказал я, увидев, что она чуть зарделась. — Жизнь в последнее время стала для меня действительно немного запутанной.

— О-о. — Она бросила на меня взгляд, явно предлагая пояснить.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал я с натужным смешком, запахнул плащ и поприветствовал стражника.

Корал кивнула и дипломатично переменила тему:

— Наверно, сейчас не самое удачное время года, чтобы осмотреть ваши знаменитые сады.

— Да, они почти все уже укрыты на зиму, — сказал я, — кроме японского сада Бенедикта. Но он довольно далеко. Как-нибудь мы сходим туда и выпьем по чашке чая, но вообще-то я думал, что мы идем в город.

— Что ж, это просто замечательно, — согласилась она.

Я попросил стражника, стоявшего возле задней двери, сообщить Хендену, сенешалю Янтарного замка, что мы направляемся в город и неизвестно, когда вернемся. Он сказал, что, как только сдаст дежурство, обязательно сообщит. Мой опыт «У Окровавленного Билла» многому научил меня — с тех пор я стал оставлять такие послания; не то чтобы я полагал, что нам что-нибудь угрожает или недостаточно будет того, что Лльюилл знает про нашу прогулку, но…

Листья шуршали под ногами, пока мы шли к боковым воротам. Высоко в небе висели редкие завитки облаков; ярко сияло солнце. На западе над океаном трепетала крыльями стая птиц, держащая курс на юг.

— Везет вам, — сказала Корал. — А у нас уже снег.

— Теплое течение дает нам отсрочку, — сказал я, вспомнив кое-что из рассказов Джерарда. — Это благодаря ему климат у нас мягче, по сравнению с другими странами, расположенными на такой же широте.

— Ты много путешествовал? — спросила она.

— Больше, чем мне хотелось бы, — сказал я. — В основном в последнее время. Я бы с удовольствием посидел с годик на одном месте — пооброс мхом.

— А путешествовал по делу или для развлечения? — спросила она, как только стражник выпустил нас за ворота и я быстро осмотрелся по сторонам, не видно ли где «хвоста».

— Нет, не для развлечения, — ответил я, касаясь на мгновение ее локтя и увлекая Корал в нужном мне направлении.

Мы добрались до цивилизованных городских границ и некоторое время шли по Гран Конкур. Я указал на несколько примечательных зданий и богатых резиденций, включая Бегманское посольство. Желания туда наведаться у нее не возникло: все равно до отъезда ей придется официально посетить своих соотечественников — так она мне объяснила. Тем не менее она задержалась в лавке, на которую мы набрели позже, чтобы купить пару блузок, и отослала счет в посольство, а одежду — во дворец.

— Отец обещал, что я смогу походить по лавкам, — сказала она. — Только он, как всегда, забудет. Ну, а я напомню ему, что я не забыла про обещания.

Мы побродили по улицам, потолкались в торговых рядах и в переулке в каком-то кафе задержались немного выпить, наблюдая, как мимо идут прохожие и проезжают всадники. Я как раз повернулся к ней, чтобы рассказать анекдот, касающийся одного из всадников, когда почувствовал начало Козырного

контакта. Я выждал несколько секунд, пока ощущение крепло, но кроме вызова, не было никакого намека на то, кто это может быть. Я почувствовал на своей руке ладонь Корал.

— В чем дело? — спросил я.

Я мысленно потянулся, пытаясь помочь контакту, но собеседник, похоже, отступил. Но это не было попыткой нащупать меня наугад, как тогда, когда Маска поприветствовал меня дома у Флори в Сан-Франциско. Может, это кто-нибудь из знакомых пытается до меня дотянуться и у него проблемы с фокусировкой? Ранен? Или…

— Льюк? — спросил я. — Это ты?

Но ответа не было, ощущение стало таять и в конце концов исчезло совсем.

— С тобой все в порядке? — спросила Корал.

— Ага, все в порядке, — сказал я. — По-моему, кто-то хотел меня вызвать, а потом передумал.

— Вызвать? А-а, ты имеешь в виду те Козыри, которыми вы пользуетесь?

— Да.

— Но ты сказал «Льюк»… — задумчиво протянула она. — Никого из вашей семьи не зовут…

— Ты, может быть, знаешь его как Ринальдо, принца Кашфы, — сказал я.

Корал хмыкнула.

— Ринни? Конечно, я его знаю. Правда, ему не нравилось, когда его называли Ринни…

— Ты *действительно* его знаешь? Я хочу сказать, лично?

— Да, — отозвалась она, — хотя это было давно. Ведь Кашфа и Бегма рядом. Иногда мы с ними в ладах, иногда не очень. Знаешь, как это бывает. Политика. Когда я была маленькой, был долгий период, когда мы здорово дружили. Было много государственных визитов — и к нам, и от нас. Детьми мы часто возились вместе.

— Как он тогда выглядел?

— О, крупный, рыжий такой остолоп. Всегда из себя много корчил — какой он сильный, какой он быстрый. Помню, как он на меня обозлился, когда я его обставила в беге.

— Ты победила Льюка в беге наперегонки?

— Да. Я очень хорошо бегаю.

— Ну и ну.

— Несколько раз он брал нас с Найдой плавать на парусной лодке и в длинные пешие прогулки. А все-таки где он сейчас?

— Выпивает с Чеширским Котом.

— Что?

— Это длинная история.

— Мне бы хотелось послушать ее. Я беспокоилась за него после переворота.

М-м… Я быстро подумал о том, как бы получше отредактировать мой рассказ, чтобы не выдать дочери премьер-министра Бегмы никаких государственных секретов: например, родство Льюка с Домом Янтаря… Итак:

— Одно время мы были знакомы, — начал я. — А не так давно он навлек на себя гнев колдуна, который накачал его наркотиками и озаботился тем, чтобы сплавить его в тот необычный бар…

Продолжал я довольно долго, отчасти потому, что мне пришлось остановиться и кратко пересказать Льюиса Кэрролла. К тому же я пообещал одолжить ей одно из изданий переведенной на тари «Алисы» из Янтарной библиотеки. Когда я наконец закончил, Корал рассмеялась.

— Почему ты не привел его обратно? — сказала она затем.

О-хо-хо. Ну, не мог же я просто сказать, что, пока Льюк не очнется, его способность к тасованию теней будет срабатывать всякий раз против такого воздействия. Итак:

— Это часть заклинания; оно воздействует на его способности к колдовству, — сказал я. — Его не сдвинуть с места, пока не выветрится наркотик.

— Как интересно. А что, Льюк действительно колдун?

— Н-ну… да, — сказал я.

— Как он обрел такие способности? Когда я его знала, у него даже намека на это не было.

— Существует много путей, чтобы стать мастером в колдовском деле, — объяснил я. — Впрочем, ты это и сама знаешь. — Я вдруг подумал, что Корал умнее, чем могло показаться, если судить по ее невинному, улыбающемуся лицу. У меня было сильное ощущение, что она пытается направить разговор на признание за Льюком магии Образа, что, естественно, сказало бы много интересного о его родителях. — И его мать Джасра тоже своего рода колдунья.

— Правда? А я не знала.

Проклятье! Ну кто меня тянул за язык…

— Она где-то обучилась колдовству.

— А что с его отцом?

— Этого я не могу сказать, — отозвался я.

— Ты когда-нибудь с ним встречался?

— Только мимоходом, — сказал я.

Ложь вещь опасная; если Корал имеет хотя бы малейшее представление об истине, она сразу сделает вывод: раз я лгу,

значит, за этим скрывается что-то важное. Поэтому я сделал первое, что пришло в голову. Столик позади Корал не занимал никто, дальше за столом была только стена. Я потратил одно из заклинаний — незаметный жест и прошептанное тайком слово.

Стол подпрыгнул, потом его швырнуло назад, и он разлетелся о стену. Шум получился потрясающий. Несколько посетителей громко вскрикнули, а я вскочил на ноги.

— Пострадавших нет? — сказал я, озираясь и как бы подсчитывая потери.

— Что случилось? — спросила меня Корал.

— Неожиданный порыв ветра или что-нибудь в этом духе, — сказал я. — Может, лучше двинем отсюда?

— Хорошо, — сказала она, разглядывая обломки. — Береженого бог бережет.

Я рассчитался несколькими монетами, мы вышли из-за стола и пошли на выход; по дороге я сыпал без умолку все, что приходило на ум, лишь бы пооттянуть надольше эту щекотливую тему. Уловка сработала, к этому разговору Корал больше не возвращалась.

Мы продолжили нашу прогулку, потихоньку я выправлял маршрут в сторону Западной Виноградной. Когда мы на нее вышли, я решил спуститься по склону к гавани, вспомнив любовь Корал к прогулкам под парусами. Но Корал положила ладонь на мою руку и остановила меня.

— Это не там большая лестница, что ведет на Колвир? — спросила она. — По-моему, твой отец как-то попытался провести по ней войска, его заметили, и ему пришлось прорываться с боем.

Я кивнул.

— Да, это верно, — сказал я. — Давние дела. Лестница подводит к задним воротам города. В те дни ею не слишком часто пользовались. Но она все еще в приличном состоянии.

— Мне бы хотелось взглянуть на нее.

— Хорошо.

Я свернул направо, и мы пошли обратно, по склону вверх, в сторону Гран Конкур. Навстречу прошли двое рыцарей, одетых в цвета Лльюилл. Поравнявшись с нами, они отдали нам салют. Интересно, это они по какому-нибудь дворцовому поручению или выполняют задание не спускать с меня глаз? Корал, должно быть, пришло в голову то же самое, потому что она резко вздернула бровь.

Я пожал плечами и продолжал идти дальше. Когда чуть позже я оглянулся, рыцарей нигде не было видно.

По дороге мы встречали людей в одеждах самых разнообразных провинций, а в воздухе из открытых палаток

разливались запахи готовящейся еды. Пока мы поднимались вверх по холму, мы останавливались здесь и там, чтобы попробовать мясных пирогов, йогуртов и всяких прочих вкусных вещей. Трудно было удержаться от искушения, но большинство народа просто не обращало внимания на все это изобилие.

Я заметил, с каким изяществом Корал обходила препятствия. Это была не просто грациозность. Скорее, стиль поведения — подготовленность, полагаю. Несколько раз я обращал внимание, как Корал оглядывается в ту сторону, откуда мы пришли. Я тоже пару раз туда посмотрел, но ничего необычного не приметил. Был момент, когда из дверного проема, к которому мы как раз подходили, вдруг шагнул человек, и я увидел, как рука Корал метнулась к поясу, где у нее был кинжал.

— Здесь так людно… столько всего происходит… — объяснила она чуть позже.

— Верно. В Бегме, как я понимаю, шуму поменьше?

— Не то слово.

— А прогуливаться, как мы сейчас, там не очень страшно?

— О нет.

— Женщины там проходят военную подготовку или только одни мужчины?

— Не обязательно. А что?

— Просто интересно.

— Я изучала боевые приемы — без оружия и с оружием, — сказала она.

— А зачем? — спросил я.

— Отец предложил. Сказал, что пригодится для родственника человека его положения. Я подумала, что он, может быть, прав. На самом деле, по-моему, ему очень хочется иметь сына.

— Твоя сестра тоже занималась боевыми искусствами?

— Нет, ее это не интересовало.

— Ты собираешься сделать дипломатическую карьеру?

— Нет. Ты перепутал меня с сестрой.

— Ну а муж твой как — с состоянием?

— Пожалуй, только зануда и скука смертная.

— Кем же ты собираешься стать?

— Скажу позже, если будет настроение.

— Хорошо. Если забудешь, я напомню.

По Конкур мы прошли на юг, и как только приблизились к Краю Земли, поднялся ветер. Мы увидели океан, серый, как шифер, с белыми прожилками пены. Над волнами вдалеке кружили множество птиц и извивающийся на лету дракон.

Мы прошли сквозь Главную Арку и, наконец достигнув площадки лестницы, заглянули оттуда вниз. Зрелище было

головокружительное: за короткой, широкой ступенькой — сразу резкий спуск к буровато-белому берегу далеко внизу. Я взглянул на песок — разводы, оставленные отливом, были как морщины на лбу старика. Ветер здесь дул пронзительнее, а сырой запах соли, который делался все сильнее, пока мы подходили сюда, на площадке был особенно резок. Корал на мгновение отшагнула, потом подошла снова.

— Лестница выглядит опаснее, чем я думала, — сказала она чуть погодя. — Наверно, так не кажется, когда идешь по ней.

— Не знаю, — ответил я.

— Ты никогда не ходил?

— Нет, — сказал я, — все как-то не было повода.

— По-моему, тебе надо было попробовать, помня о неудачной битве твоего отца.

Я пожал плечами.

— Я сентиментален по иным поводам.

Она улыбнулась.

— Давай спустимся по ней к берегу. Пожалуйста.

— Конечно, — ответил я, и мы начали спуск.

Широкие ступени увели нас вниз, наверное, футов на тридцать, затем — поворот в сторону, и лестница вдруг стала намного уже. Хорошо еще, ступени были нескользкими. Где-то внизу, далеко, я увидел участок, где лестница вновь расширялась, позволяя идти рядом друг с другом. А пока нам приходилось двигаться друг другу в затылок, и я злился, что Корал каким-то образом успела меня обогнать.

— Посторонись немного, я пройду вперед, — сказал я.

— Зачем? — спросила она.

— А вдруг ты поскользнешься.

— Не бойся, — отозвалась она, — не поскользнусь.

Я решил, что спорить не стоит. Пусть идет, если ей так хочется.

Площадки, где лестница делала повороты, выбраны были случайно — просто их вырубали там, где позволял контур скалы. Постепенно отрезки спуска становились длиннее тех, что мы оставили позади, и наш маршрут продолжал петлять по склону горы. Ветер теперь был много сильнее, чем наверху, и мы ловили себя на том, что жмемся к самой горе. Впрочем, не будь здесь ветра, мы, наверное, сделали бы то же самое. Отсутствие каких бы то ни было ограждений или перил держало нас подальше от края. Иногда гора буквально нависала над нами, словно своды пещеры; в других местах гора выпирала, занимая чуть ли не весь проход, и мы чувствовали себя очень незащищенными. Несколько раз мне ударило по лицу плащом, и я выругался про себя,

вспомнив, что местное население редко посещает исторические места, расположенные по соседству. Я начал ценить их мудрость. Корал торопилась вперед, и я прибавил шагу, чтобы ее догнать. Впереди нее я уже видел площадку, означающую первый поворот пути. Я надеялся, что уж там-то Корал скажет, что передумала, и мы вернемся обратно. Но надежда оказалась напрасной. Она повернула и продолжала идти. Ветер похитил мой вздох и унес в сказочную пещеру, где оплакивают несбывшиеся желания.

И я по-прежнему не мог ничего поделать, разве что время от времени поглядывал вниз; и при этом я всякий раз вспоминал об отце, с боем пробивающем себе дорогу вверх по этим ступеням. Я бы не хотел пережить такое — по крайней мере, до тех пор, пока не перепробую все обходные варианты. И мне вдруг почему-то стало интересно, насколько ниже дворца мы сейчас оказались…

Когда мы наконец дошли до площадки, откуда лестница расширялась, я заторопился, чтобы догнать Корал и опять пойти рядом с ней. В спешке я зацепился ногой за камень и на повороте споткнулся. Такие дела. Я сумел вытянуть руку и удержать равновесие на краю утеса, как только почувствовал, что меня шатнуло вперед. Но что меня изумило, так это то, как Корал на это отреагировала, почувствовав изменение моего аллюра. Она вдруг резко развернулась ко мне. При этом руки ее сцепились с моими, и Корал оттолкнула меня к скале, вбок.

— Все в порядке! — сказал я рвущимися на части легкими. — Со мной все нормально.

Корал поднялась и отряхнулась, пока я приходил в себя.

— Я услышала… — начала она.

— Я понял. Ничего страшного — просто зацепился каблуком. Всего-то.

— Я бы так не сказала.

— Все хорошо. Спасибо.

Теперь мы спускались бок о бок, но что-то изменилось. Я затаил подозрение, которое мне было не по душе, но рассеять его я не мог. Пока не мог. То, о чем я подумал, было слишком опасным, если я догадался правильно.

Так что вместо этого:

— *The rain in Spain stays mainly in the plain*[54],— сказал я.

— Что? — спросила она. — Я не поняла…

— Я сказал: «Хороший день для прогулки с очаровательной дамой».

Она действительно зарумянилась.

Затем:

— На каком языке ты говорил… в первый раз?

— На английском, — ответил я.

— Никогда не сталкивалась с ним. Я же говорила тебе, когда мы беседовали об «Алисе».

— Я знаю. Просто вдруг взбрело в голову, — сказал я.

Берег теперь был гораздо ближе, полосатый, как тигр, и блестящий от набегов воды. Разводы пены тянулись вдоль его склонов, птицы с криком ныряли в гаснущую волну, чтобы проверить, нет ли чего поживиться. Недалеко от берега подпрыгивали на воде паруса, на юго-востоке, далеко в море, рябила дождевая завеса. Ветер здесь уже поубавил пыл, хотя все еще продолжал набрасываться и срывать с наших плеч плащи.

Мы молча добрались до основания лестницы. Сошли со ступеней и немного прошлись по песку.

— Гавань в той стороне, — сказал я, указывая направо, в западном направлении. — А вон там есть церковь, — добавил я, показывая на темное строение, где отпевали Кэйна и куда иногда приходят моряки помолиться о безопасном плавании.

Корал посмотрела, куда я показывал, а после окинула взглядом лестницу.

— Там спускаются какие-то люди, — сказала она.

Я посмотрел наверх и увидел у вершины лестницы три фигуры; они не двигались, просто стояли, спустившись на несколько ступеней. Вроде как любовались видом. Цветов Лльюилл ни на одном из них не было…

— Зеваки, — сказал я.

Корал задержала на них взгляд, затем отвернулась.

— А нет ли где-нибудь здесь пещер? — спросила она.

Я кивнул направо:

— Вон там. Целая цепь. Периодически кто-нибудь в них теряется. Попадаются вполне живописные туннели. Но в основном так — обычные коридоры сквозь тьму. А некоторые — просто расселины.

— Я хочу посмотреть, — сказала Корал.

— Нет ничего проще. Вперед.

Я пошел. Люди на лестнице даже не шевельнулись. Они по-прежнему неотрывно смотрели на море. Вряд ли это были контрабандисты. Не слишком подходящее занятие — днем, в таком месте, куда может забрести кто угодно. Нет, что ни говори, а подозрительность моя сегодня на высоте. В свете недавних событий это сейчас, пожалуй, самое нужное для меня. И объект главного моего подозрения, конечно, шел рядом со мной, переворачивая носком сапога плавник, поддевая пестрые камешки и заливаясь смехом, — но на данный момент я не был готов что-либо с этим сделать. Скоро…

Корал вдруг взяла меня за руку.

— Спасибо, что привел меня сюда, — сказала она. — Мне очень понравилось.

— О, мне тоже. Я рад. Если что, так всегда пожалуйста.

Это меня немного смутило, но, если моя догадка и неверна, большого вреда не будет.

— Наверно, мне понравилось бы жить в Янтаре, — сказала Корал, пока мы шли вдоль берега.

— Мне тоже, — ответил я. — Мне так по-настоящему и не довелось толком пожить здесь.

— О-о?

— Я ведь тебе не рассказал, сколько времени провел на тени Земля. А я там учился, работал, там, где я тебе говорил… — И вдруг я вывалил на Корал всю свою автобиографию… хотя обычно я так не поступаю. Не знаю, почему я так сделал, — наверно, просто очень хотелось с кем-нибудь поделиться. Пусть даже странные мои подозрения верны, роли это никакой не играло. Главное, что слушают тебя дружелюбно — уже от одного этого мне становилось лучше. А потом как-то незаметно для самого себя я стал рассказывать ей об отце — как этот человек, которого я почти не видел, вдруг долго и сбивчиво начал однажды излагать мне все про свои сражения, проблемы выбора и решения — словно пытался оправдаться передо мной, словно тогда случилась единственная в жизни возможность для разговора, — и как я слушал, задумываясь о том, про что он мне говорить не стал, о чем забыл и что мог бы истолковать в свою пользу или же приукрасить… Какие все-таки чувства он испытывал ко мне?..

— Вон там несколько пещер, — сказал я Корал, едва завидев темные лазы, и наконец прервал свой запутанный монолог. Корал начала что-то говорить мне в ответ, но я продолжил про пещеры: — Я и сам-то видел их всего раз.

Корал поняла мое настроение и сказала:

— А что, если мы в какую-нибудь заберемся?

Я кивнул. Хорошее место для того, что я задумал.

Я выбрал третью от края. Вход в нее был больше, чем в первые две, и через него можно было на большее расстояние видеть берег.

— Давай попробуем в эту. В ней вроде бы посветлее, — объяснил я.

Мы вошли в окутавшую нас прохладную тень. Некоторое время нас преследовал намокший песок, потом он от нас отстал, сменившись твердым каменным полом. Потолок несколько раз понижался и поднимался. Поворот налево воссоединился с еще одним переходом — должно быть, у него был свой вход,

поскольку, оглянувшись, я увидел, что света прибавилось. В другом направлении коридор уводил глубже в гору. Оттуда, где мы стояли, мы еще слышали отражающийся эхом пульс моря.

— Эти пещеры могут завести действительно далеко, — сказала Корал.

— Так и есть, — отозвался я. — Они сворачивают, пересекаются и кружат. Мне бы не хотелось забираться очень уж далеко без карты и света. Насколько я знаю, их полностью так и не нанесли на карту.

Корал огляделась по сторонам, изучая участки, где тьма становилась гуще; там начинались ответвления вбок.

— Как, по-твоему, насколько далеко они тянутся? — поинтересовалась она.

— Не знаю точно.

— Интересно, под дворец они тоже заходят?

— Вероятно, — сказал я, вспоминая череду боковых туннелей, которую я миновал на пути к Образу. — Вполне возможно, что они доходят до больших пещер под дворцом.

— А какие они? Как эти?

— Под дворцом? Ну, не знаю… просто большие и темные. Очень древние…

— А посмотреть можно?

— Зачем?

— Там внизу Образ. Должно быть, это очень красиво.

— О да… Яркая такая спираль. Хотя нет, он скорее пугает.

— Как ты можешь так говорить, когда прошел его сам?

— Пройти и любить — разные вещи.

— Просто я думала, если он в тебе, раз ты его смог пройти, то должен ощущать какую-то близость, какой-то отклик в душе, какое-то глубокое родство с Образом.

Я рассмеялся, и смех эхом разлетелся вокруг.

— Да уж. Пока я шел по нему, я понял, что он во мне. Хотя до этого не чувствовал ничего такого. А после я просто испугался. И мне он никогда не нравился.

— Странно.

— Почему? Образ похож на море или ночное небо. Он большой и могучий, он прекрасный, и он — там. Это естественная природная сила, и ты делаешь из нее что хочешь.

Корал вгляделась в проход, уводящий в сторону.

— Очень бы хотелось на него взглянуть.

— Отсюда дорогу я найти не смогу, — сказал я. — Почему ты все-таки так хочешь его увидеть?

— Просто чтобы понять, что я при этом почувствую.

— *Ты* странная, — сказал я.

— А когда мы вернемся, ты отведешь меня? Ты мне его покажешь?

Все шло совершенно не так, как я предполагал. Если она то самое, что я думал, то требование ее непонятно. Я наполовину соблазнился идеей взять ее к Образу, чтобы выяснить, что у нее на уме. Тем не менее я действовал по собственной системе приоритетов и чувствовал, что Корал что-то представляет собой, относительно чего я дал себе обещание и подготовил несколько хитроумных штучек.

— Может быть, — вяло ответил я.

— Ну прошу. Я правда очень хочу его увидеть.

Она казалась искренней. Но догадка моя, я чувствовал, попадала почти в десятку. Прошло достаточно времени, чтобы тот странный, меняющий тела дух, который вынюхивал мои следы во множестве обликов, нашел себе еще одного носителя, а потом опять нацелился на меня, вновь втираясь ко мне в доверие. Корал на эту роль подходила безупречно, ее приезд — по времени идеален, ее забота о моей целости и сохранности — проявилась, ее рефлексы — как ни у кого быстры. Мне бы хотелось как следует ее обо всем расспросить, но я знал, что она мне просто солжет, раз нет никаких доказательств и опасность еще не достигла предела. И я ей не доверял. Так что я вновь мысленно просмотрел заклинание, которое приготовил и задействовал уже раз по дороге от Лесного Дома, заклинание, разработанное мною специально, чтобы изгнать существо из занимаемого им тела. Правда, я на мгновение замешкался. Мои чувства к ней были двойственны. Даже если она действительно была тем существом, я мог бы с готовностью пойти с ней на мировую, когда б знал мотивы ее поступков.

Итак:

— Так что же ты хочешь? — спросил я.

— Просто посмотреть. Честно, — ответила она.

— Нет, я про другое. Если ты — то, о чем я полагаю, на самом деле являешься, самое главное, что я хочу у тебя спросить: «Зачем?»

Фракир начала дергаться у меня на запястье.

Корал молчала, я только услышал ее глубокий вздох. Затем:

— Откуда ты все узнал?

— Ты выдала себя в мелочах, понятных только тому, у кого недавно была паранойя, — ответил я.

— Магия, — сказала она. — Правильно?

— Почти, — откликнулся я. — Я мог бы скучать по тебе, но доверять не могу.

Я произнес ключевые слова заклинания, одновременно

плавно проделывая ладонями нужные жесты.

Последовало два жутких вопля, затем еще один — третий. Но кричала не Корал. Вопили из-за угла в проходе, из которого мы только что вышли.

— Какого… — начала Корал.

— …дьявола! — закончил я и ринулся мимо нее, завернув за угол и вытаскивая по дороге клинок.

На полу пещеры в неясном свете, льющемся из далекого выхода, взору моему предстали три человеческие фигуры. Две из них лежали ничком, не двигаясь. Третья сидела согнутая и ругалась. Я медленно подошел ближе, направив острие оружия на сидящего. Его спрятанная в тень голова повернулась ко мне, и он встал на ноги, по-прежнему нагнувшись вперед. Левую руку он придерживал правой и пятился, пока не уперся в стену. Остановившись, он что-то забормотал, но что — я не расслышал. Я продолжал осторожно двигаться на него, готовый к любой неожиданности. Я услышал за спиной шаги Корал, затем увидел мельком, как она, когда коридор раздался, присоединилась ко мне, встав по левую руку. Она вытащила свой клинок и держала его у бедра. Не время сейчас размышлять над тем, как могло подействовать на нее мое заклинание.

Добравшись до первого из тех, что лежали, я остановился. Ткнул в него носком сапога, готовый тут же ударить, если он ответит атакой. Ничего. Тело было на ощупь вялое, неживое. Я перевернул его движением ноги, и голова лежащего мотнулась в сторону входа, откуда в пещеру попадал свет. Я увидел полуразложившееся человеческое лицо. Нос сразу же дал мне понять, что никакая здесь не иллюзия. Я подошел ко второму, перевернул. Тоже внешность разлагающегося трупа. Но если первый сжимал кинжал, то второй был безоружен. Затем я заметил другой кинжал — на полу, возле ног живого. С кинжала я перевел взгляд на стоящего. Пока особого смысла во всем случившемся я не видел. Я рассудил, что двое, которые на полу, должно быть, мертвы уже несколько дней, но я понятия не имел, что представляет собой этот — который стоит.

— Ух ты… Эй, приятель, не скажешь ли мне, что происходит? — поинтересовался я.

— Будь ты проклят, Мерлин! — рыкнул он, и я узнал голос.

Перешагнув через трупы, я осторожно двинулся по дуге. Корал держалась неподалеку, двигаясь на тот же манер. Стоящий у стены повернул голову, отслеживая каждый наш шаг, и когда наконец свет упал ему на лицо, я увидел, что на меня здоровым глазом зло уставился Джарт — второй глаз прикрывала повязка; и еще я увидел, что у него недоставало примерно половины волос,

и обнажившийся скальп покрывали шрамы или рубцы; и был отчетливо виден наполовину отросший обрубок уха. Банданна[55], что, по-видимому, скрывала большую часть его повреждений, сползла на шею. С левой руки его капала кровь, и я вдруг сообразил, что там у него не хватает мизинца.

— Что с тобой? — спросил я.

— Зомби. Когда он падал, задел меня кинжалом по руке, — сказал Джарт, — после того как ты изгнал духов, что делали их живыми.

Понятно. Мое заклинание на вселившегося в тело духа… Они оказались в сфере его влияния…

— Корал, — спросил я, — с тобой все в порядке?

— Да, — откликнулась она. — Но я не понимаю…

— Потом, — сказал я.

Я не стал спрашивать Джарта, что случилось с его головой: достаточно было вспомнить сражение с одноглазым вервольфом в лесу к западу от Янтаря — зверем, чью голову я сунул тогда в костер. Я подозревал уже довольно давно, что это был Джарт, который просто сменил облик, — еще до того, как Мандор выложил мне целую кучу свидетельств, подтверждающих мои подозрения.

— Джарт, — начал я. — Я был источником многих твоих болячек, но ты сам должен понять — во всем виноват только ты. Если б ты не набросился на меня тогда, мне не пришлось бы защищаться…

До меня донеслись скрипы и щелканье. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что это скрежет зубов.

— То, что твой отец усыновил меня, ничего для меня не значит, — сказал я, — кроме того факта, что оказал мне этим большую честь. До недавнего времени я даже не знал, что это произошло.

— Врешь! — прошипел Джарт. — Ты его просто обманул, чтобы опередить нас в наследовании.

— Ты шутишь, — сказал я. — Мы все так далеки от начала списка, что это совсем неважно.

— Не ради короны, идиот! Ради Дома! Наш отец совсем плох!

— Мне грустно слышать это, — сказал я. — И я никогда не думал о наследовании с этой стороны. Но все равно Мандор впереди нас всех.

— Но ты теперь второй.

— Но не по своему же выбору. Кончай! Мне никогда не видать титула. Ты знаешь это!

Джарт с трудом выпрямился, и, когда сделал попытку пошевелиться, я заметил, что к его очертаниям примешался

слабый радужный ореол.

— Но не это настоящая причина, — продолжал я. — Я тебе никогда не нравился, но ты охотишься на меня вовсе не из-за наследства. Ты что-то скрываешь. И это что-то — нечто совсем иное, судя по всей горячке твоих действий. Кстати, Огненный Ангел — твоя работа?

— Он нашел тебя так быстро? — спросил Джарт. — Я и не предполагал, что могу на это рассчитывать. Полагаю, он оправдал свою цену. Но… Что с ним?

— Он мертв.

— Тебе везет. Слишком везет, — откликнулся он.

— Чего ты добиваешься, Джарт? Мне хотелось бы определиться с этим раз и навсегда.

— Мне тоже, — ответил он. — Ты предал кое-кого, кого я люблю, и только твоя смерть сможет все уладить.

— Не понимаю — о ком ты?

Джарт вдруг ухмыльнулся.

— Поймешь, — сказал он. — В последние мгновения твоей жизни я позволю тебе узнать — зачем.

— Значит, это будет не скоро, — ответил я. — Кажется, ты не в слишком хорошей форме для подобных штучек. Почему бы просто не сказать мне сейчас и не избавить нас обоих от кучи проблем?

Джарт рассмеялся, а радужный эффект стал заметнее; я вдруг догадался, что это было на самом деле.

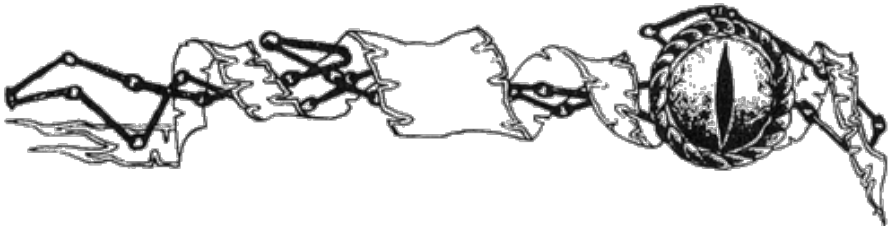
— Раньше, чем тебе кажется, — сказал он. — Скоро я стану могущественнее, чем вы все, вместе взятые.

— Но не менее неуклюжим, — пожал я плечами как в адрес Джарта, так и в адрес того, кто держал его Козырь, наблюдая через него за мной и готовый в любое мгновение вытащить Джарта отсюда…

— Это *ты,* Маска, верно? — сказал я. — Забери его. Тебе не придется посылать его вновь и смотреть, как он наломает очередных дров. Я передвину тебя в начало списка моих неотложных дел и скоро явлюсь на дуэль, если ты немедленно подтвердишь, что это действительно ты.

Джарт открыл рот и что-то сказал, но я не услышал слов — он быстро исчез, прихватив с собой все слова. И на меня что-то полетело; не было нужды прикрываться, но машинально я поднял руку.

На моем конце радуги[56], меж двух разлагающихся трупов, у мизинца Джарта на полу возле моих ног рассыпалось около дюжины роз.



Когда мы пошли вдоль побережья в сторону порта, Корал наконец-то заговорила.

— Неужели такие дела творятся у вас так часто?

— По-моему, ты просто приехала в неудачный день, — сказал я.

— Если ты ничего не имеешь против, я хотела бы, чтобы ты

рассказал, что там случилось на самом деле.

— Пожалуй, действительно, я задолжал немного разъяснений, — согласился я. — Потому что — не знаю, догадалась ты или нет, — но я допустил по отношению к тебе ошибку.

— Ты серьезно?

— Ага.

— Валяй. Мне на самом деле все это любопытно.

— Это долгая история… — начал я.

Корал посмотрела вперед, в сторону порта, а затем на высоты Колвира.

— …И долгая прогулка, — сказала она.

— …И ты — дочь премьер-министра страны, с которой в данный момент у нас несколько натянутые отношения.

— Что ты имеешь в виду?

— Некоторые вещи, которые сейчас происходят, могут представлять своего рода деликатную информацию.

Корал положила мне руку на плечо и остановилась. Пристально посмотрела в мои глаза.

— Я умею хранить секреты, — сказала она. — В конце концов, мой секрет ты знаешь.

Я поздравил себя с успехом: наконец-то я овладел уловкой своей родни — научился контролировать выражение лица, даже если здорово озадачен. Когда в пещере я обратился к ней как к тому существу, Корал уже *говорила* что-то такое, будто бы посчитав, что я наткнулся на связанную с ней тайну.

Поэтому я скривился в улыбке и кивнул.

— Вот именно, — сказал я.

— Вы ведь не задумали опустошить нашу страну или что-нибудь в этом роде, правильно? — спросила она.

— По моим сведениям, нет. И не думаю, что это вообще возможно.

— Ну ладно. Ты можешь говорить, лишь исходя из того, что тебе известно, так ведь?

— Верно, — согласился я.

— Так давай послушаем твой рассказ.

— Ладно.

Пока мы шли вдоль побережья и я говорил под аккомпанемент гулкой мелодии волн, я не мог снова не вспомнить долгий рассказ отца. Интересно, может, это семейная наша особенность — при неприятностях впадать в изложение автобиографий, буде представится нужный слушатель? Поскольку я осознал, что, повествуя, вдаюсь в подробности, уводящие далеко за пределы необходимого. И кстати, с чего это Корал стала

именно таким нужным слушателем?

Когда мы добрались до портовых районов, я вдруг понял, что голоден, а мне предстояло еще много чего рассказать. Было еще светло, и поэтому я чувствовал себя в безопасности, не то что тогда, когда я предпринял ночную прогулку по Портовой дороге — теперь, при дневном освещении она оказалась еще грязнее; скоро выяснилось, что и Корал проголодалась не меньше, и я повел ее в дальний конец бухты, задержавшись на несколько минут, чтобы посмотреть, как многомачтовый корабль с золотыми парусами огибает волнолом и направляется в бухту. Затем окольным путем мы проследовали к западному берегу, и я без проблем сумел отыскать улицу Морского Бриза. Было еще достаточно рано, поэтому среди попадающейся навстречу матросни мы заметили даже пару трезвых лиц. В одном из уголков в нашу сторону направил было курс какой-то грузный чернобородый детина с подозрительным шрамом на правой щеке, но живчик помельче успел догнать его и что-то шепнуть на ухо. Оба свернули прочь.

— Эй, — сказал я, — чего ему надо?

— Ничего, — сказал мелкий. — Ничего ему не надо.

Какое-то мгновение он изучал меня, а потом кивнул.

Затем:

— Я видел как-то тебя здесь ночью, — добавил он.

— А-а, — сказал я, пока они уходили за ближний угол.

— В чем дело? — сказала Корал.

— До этой главы романа я еще не добрался.

Но я живо вспомнил ее, когда мы миновали тот закоулок, где все это произошло. От стычки не осталось никаких следов.

И все же я чуть было не проскочил мимо того заведения, что когда-то называлось «У Окровавленного Билла». Теперь на нем красовалась другая вывеска. Свежей краской зелеными буквами на ней было выведено: «У Окровавленного Энди». Но внутри все было то же самое, за исключением человека за стойкой, который был костлявей и выше, чем та косматая личность с рожей, вырубленной топором, что обслуживала меня в прошлый раз. Имя его, как я узнал, было Як, и Энди он приходился братом. Он продал нам бутылку «Мочи Бэйля», а в дыру в стене прокричал заказ на два рыбных блюда. Столик, где я сидел тогда, был свободен, и мы его заняли. На стул справа я положил пояс с мечом, обнажив наполовину клинок, как и требовалось по здешнему этикету.

— Мне нравится это место, — сказала Корал. — Здесь… все так необычно.

— Н-да… — согласился я, посматривая на двух типов,

потягивающих из стаканов пойло: одного у двери, другого — в глубине заведения, — а также на три личности с бегающими глазами, которые негромко переговаривались в одном из углов. Пол украшало несколько разбитых бутылок и подозрительных пятен, а на дальней стене висел некий живописный шедевр амурного содержания — из тех, что рассчитаны на ценителей определенного сорта.

— Кормят вполне прилично, — добавил я.

— Никогда еще не была в таком ресторане, — продолжала Корал, наблюдая за черной кошкой, которая выкатилась из задней комнаты помериться силой со здоровенной крысой.

— Здесь есть свои прелести, — правда, посетители, которые в них разбираются, обычно держат язык за зубами.

Еда была даже лучше, чем в прошлый раз, и, пока мы ели, я продолжал рассказывать. Между тем смеркалось — заметил я это значительно позже, случайно, когда отворилась дверь, пропуская невысокого дядьку, хромоногого и с грязной повязкой на голове. Я как раз закончил рассказ, и похоже, было самое время отсюда сматываться.

Что я ей и сказал, но Корал положила свою ладонь на мою.

— Ты знаешь, что я — не это твое существо, — сказала она, — но если тебе нужна будет помощь, можешь рассчитывать на меня.

— Ты хороший слушатель, — сказал я. — Спасибо. Но сейчас нам лучше идти.

Мы покинули Гробовую аллею без происшествий и продолжили путь к Виноградной по Портовой дороге. Солнце собиралось садиться, и булыжники мостовой играли всеми цветами, от землисто-коричневого до огненного. Народу на улице было немного. В воздухе витали запахи кухни; на дороге шуршали листья; маленький желтый дракон катался на воздушных потоках над головой в вышине; на севере, за дворцом, рябила радужная завеса. Я ждал, что Корал начнет меня расспрашивать дальше, но она молчала. Еще бы! Если б кто бы мне нарассказывал такого — да одной истории мне бы хватило выше макушки, про остальное я уже и не говорю.

— Когда мы вернемся во дворец… — сказала Корал потом.

— Да?

— …ты *отведешь* меня посмотреть на Образ, ведь правда?

Я рассмеялся. Мысли мои сейчас занимало другое.

— Так вот сразу? Прямо с порога? — спросил я.

— Да.

— Конечно, — ответил я.

Затем, словно забыв об этом:

— Твой рассказ изменил мое видение мира, — сказала Корал. — Не мое, наверно, дело тебе советовать…

— …Но… — продолжил я.

— …скорее всего, нужные для тебя ответы хранит Крепость Четырех Миров. Все встанет на места, когда ты узнаешь, что происходит там. Но я не понимаю, почему ты не можешь просто сделать карту для Крепости и козырнуться туда.

— Хороший вопрос. Во Дворах Хаоса есть такие уголки, куда нельзя козырнуться, потому что они постоянно меняются и невозможно надолго остановиться на чем-то одном. То же самое относится и к тому месту, где находится мое Колесо-Призрак. Местность вокруг Крепости тоже слегка флюктуирует; правда, я не уверен, что именно в этом причина ее блокировки. Это место — центр силы, и вполне возможно, что часть этой силы кто-то перевел в заклинание, — в общем, сделал что-то вроде щита. Достаточно опытный маг смог бы пролезть сквозь него с помощью Козыря, но у меня такое чувство, что сила, которая на это потребуется, вполне может вызвать за стенами Крепости парапсихическую тревогу и свести на нет элемент внезапности.

— И все-таки, на что это место похоже?

— Ну… — протянул я. — Вот.

Я достал из кармана рубашки блокнот и «скрипто» и стал рисовать.

— Видишь, все это занимают вулканы. — Я нацарапал несколько фумарол и жгуты дыма над ними. — На этом участке — ледниковый период. — Еще каракули. — Здесь океан, здесь горы…

— Похоже, что лучше всего тогда делать ставку на Образ, — сказала она, изучив рисунок и покачав головой.

— Да, ты права.

— Думаешь скоро заняться этим?

— Возможно.

— А как будешь атаковать?

— Не знаю, пока еще не решил.

— Если я в чем-то могу тебе помочь, то, имей в виду, я готова.

— Нет, ни в чем.

— Не будь так самоуверен. Я хорошо обучена. У меня много всяких идей. Я даже знаю несколько заклинаний.

— Спасибо, — сказал я. — Нет.

— Без обсуждений?

— Если ты передумаешь…

— Не передумаю.

— …Дай знать.

Мы добрались до Конкур, пошли по ней. Ветер здесь дул с особенной силой, и вдруг что-то холодное коснулось моей щеки. Затем еще и еще…

— Снег! — воскликнула Корал в тот момент, когда я сообразил, что мимо нас и вправду несутся снежные хлопья, тут же исчезая, едва коснувшись земли.

— Удачно прибыла ваша делегация, — сказал я, — еще б немного, и не видать нам с тобой этой прогулки.

— Иногда мне везет, — сказала она.

К тому времени, как мы дошли до дворца, снег уже валил вовсю. Мы вновь воспользовались задними воротами, потом задержались на аллее, чтобы взглянуть на переливающийся огнями город, наполовину невидимый из-за снежных хлопьев. Корал все еще смотрела на город, когда я повернулся и посмотрел на нее. Она выглядела счастливой, наверное, оттого, что картинка эта теперь надолго останется вклеенной в альбом ее памяти. Я наклонился и поцеловал ее в щеку; мне показалось, что сейчас для этого самое время.

— Ой, — сказала она, поворачиваясь. — Ты застал меня врасплох.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Ненавижу посылать заранее телеграммы на такую тему. Может быть, выведем войска с этого холода?

Она улыбнулась и взяла меня за руку.

Стражник, который стоял внутри, сказал:

— Лльюилл хочет знать, не присоединитесь ли вы вдвоем ко всем за обедом.

— А *когда* обед? — спросил я его.

— Думаю, примерно через полтора часа.

Я глянул на Корал, та пожала плечами.

— Присоединимся, я полагаю, — сказал я стражнику.

— Парадная столовая, вверх по лестнице, — отозвался он. — Могу я сказать об этом сержанту — он скоро заступает, — чтобы он передал? Или вы хотите…

— Да, — сказал я. — Передайте. — Затем, уже обращаясь к Корал, как только мы от него отошли: — Ты не хочешь умыться, переодеться?..

— Образ, — сказала она.

— Это же черт знает сколько лестниц, — сказал я.

Корал повернулась ко мне, лицо ее напряглось, но она увидела, что я улыбаюсь.

— Сюда, — сказал я, проводя ее через тронный зал.

Я не узнал стражника, стоявшего в конце короткого коридора,

ведущего прямо к лестнице. Хотя он знал, кто я такой, все равно с любопытством взглянул на Корал, открыл дверь, нашел для нас лампу и засветил.

— Говорят, там есть шаткая ступенька, — заметил он, передавая мне лампу.

— Которая?

Он покачал головой.

— Принц Джерард несколько раз об этом докладывал, — сказал он, — но больше никто не замечал.

— О'кей, — сказал я. — Спасибо.

На этот раз Корал ничего не имела против того, чтобы я шел первым. По сравнению с той лестницей, что вела по утесу, эта казалась куда более устрашающей, в основном из-за того, что не было видно дна, а после нескольких шагов вообще ничего не было видно за пределами пузыря света, внутри которого мы находились, двигаясь по спирали вниз. И повсюду присутствовало тяжелое ощущение бесконечности. Я никогда не видел это место при свете, но, должно быть, мое впечатление не так уж не соответствовало истине. Пещера и так-то огромная, а идешь все кругами, кругами, и все время вниз, и все время мучась вопросом, когда же наконец дно.

Спустя некоторое время Корал откашлялась. Затем:

— Нельзя ли на минутку остановиться? — спросила она.

— Конечно, — сказал я, останавливаясь. — Выдохлась?

— Нет, — сказала она. — Далеко еще?

— Не знаю. Каждый раз, когда я туда иду, расстояние кажется разным. Если хочешь вернуться и пообедать, то мы можем и завтра туда сходить. День у тебя сегодня был и так тяжелый.

— Нет, — сказала она. — Но я ничего не имею против, если ты меня на минутку обнимешь.

Место для романтических приключений было не очень-то подходящим, так что я проницательно заключил, что причина была в чем-то другом. Но ничего не сказал и повиновался.

Прошло достаточно времени, прежде чем до меня дошло, что Корал плачет. Она очень хорошо это скрывала.

— Что случилось? — спросил я в конце концов.

— Так, — отозвалась она. — Должно быть, нервы. Примитивный рефлекс. Темнота. Клаустрофобия. Что-то вроде.

— Давай вернемся.

— Нет.

И мы снова пошли вперед.

Не прошло и минуты, как я заметил, что у края нижней ступени что-то белеет. Сбавил ход. Затем догадался, что это всего лишь носовой платок. Но, приблизившись, я увидел, что он

удерживался на месте кинжалом. А еще на платке были пометки. Я остановился, протянул руку, расправил платок и прочел: *«Вот эта, черт побери! Джерард».*

— Здесь поосторожнее, — сказал я.

Я приготовился перешагнуть ступень, но почему-то сперва попробовал легонько на нее наступить. Даже не скрипнула. Я надавил сильнее. Ничего. На ощупь прочная. Я встал на нее. То же самое. Я пожал плечами.

— Все равно осторожнее, — сказал я.

Ничего не случилось и тогда, когда на ступень встала Корал. Мы пошли дальше. Немного погодя я увидел вдалеке отблеск. Он смещался, и я подумал, что это патруль. Интересно знать, для чего? Здесь что, были узники, за которыми следовало присматривать? Или какие-нибудь пещеры считаются «горячими точками»? А что же с замком на дверях зала Образа и ключом, висящим на стене возле двери? Может, за всем этим кроется какая-нибудь опасность? Но откуда? И почему? Я решил, что на днях мне придется заняться этими вопросами.

Тем не менее, когда мы добрались до дна, стражника нигде не было видно. Стол, стойки и несколько ящиков — то, чем был оборудован пост, — освещались некоторым количеством ламп, но человека на посту не было. Скверно. Интересно было бы у него спросить, какие меры предусмотрены на случай чрезвычайных обстоятельств, — а заодно и получить перечень возможной природы этих самых обстоятельств. Хотя я заметил веревку, свисающую из тьмы в полумрак возле оружейной стойки. Я слабенько за нее дернул, и она поддалась, после чего откуда-то сверху раздался тихий металлический звук. Интересно. Очевидно, это считается сигналом тревоги.

— А теперь куда? — спросила Корал.

— А, да, пойдем, — сказал я, беря ее за руку, и повел Корал направо.

Я все ждал эха, пока мы двигались, но ничего не было слышно. Периодически я поднимал лампу. Тогда тьма чуть-чуть отступала, но, кроме лишних участков пола, в поле зрения ничего не попадало.

Корал двигалась теперь медленнее, и я ощущал какое-то напряжение в ее руке, когда она касалась моей. Тем не менее я тащился дальше, и ей тоже приходилось не отставать.

В конце концов:

— Должно быть, мы уже близко, — сказал я, как только раздалось первое негромкое эхо.

— Хорошо, — откликнулась Корал, но быстрее идти не стала.

Наконец показалась сереющая стена пещеры, а далеко слева

появился темный проем нужного нам туннеля. Я взял курс на него. Когда мы в конце концов добрались до него и вошли, я почувствовал, как она вздрогнула.

— Если б я знал, что это так на тебя подействует… — начал я.

— Со мной все в порядке, правда, — ответила она. — Я хочу его увидеть. Просто я не думала, что добираться будет так… сложно.

— Ну, самое худшее позади. Уже скоро, — сказал я.

Мы довольно быстро дошли до первого отвода налево и прошли мимо него. Вскоре показался и следующий, и я сбросил скорость и посветил в него лампой.

— Кто знает, — объяснил я, — может, он как-нибудь выводит на побережье.

— Надеюсь, мы не собираемся проверять?

Через некоторое время мы миновали третий проем. Я быстро в него заглянул. Туда уходила яркая жила какого-то минерала.

Я прибавил шагу, Корал не отставала, и наши шаги теперь отдавались громко и гулко. Прошли четвертый проем. Пятый… Мне показалось, что откуда-то доносятся слабые звуки музыки.

Когда мы дошли до шестого, Корал вопросительно глянула на меня, но я продолжал идти. Мне нужен был следующий, седьмой, и когда мы наконец к нему подошли, я повернул, сделал несколько шагов и поднял фонарь. Мы стояли перед окованной железом, массивной дверью.

С крюка на стене справа я снял ключ, вставил в замок, повернул, вынул и повесил обратно. Затем приложился к двери плечом и сильно нажал. Растянувшийся миг сопротивления — и дверь медленно подалась, сопровождая свое движение жалобами несмазанных петель. Фракир сжала мое запястье, но я продолжал толкать, пока дверь не открылась настежь. Затем я отступил и придержал дверь для Корал.

Она сделала два-три шага в открывшуюся перед ней странную комнату и замерла на месте. Я шагнул в сторону и дал двери захлопнуться, затем подошел к Корал.

— Вот он, — сказала она.

В полу сине-белым светом мерцал овал, почти эллипс. Образ. Я отставил лампу. На самом деле, она была уже не нужна. Света Образа здесь хватало вполне. Я похлопал по Фракир, успокаивая ее. Сноп искр взметнулся на дальнем крае огромного рисунка, быстро осел, опять поднялся, теперь уже ближе к нам. Комната, казалось, наполнилась полузнакомой пульсацией, которую я раньше сознательно не хотел замечать. Движимый импульсом — чтобы удовлетворить давно сдерживаемое любопытство, — я

вызвал Знак Логруса.

Это было ошибкой.

Едва вспыхнуло изображение Логруса, как по всей длине Образа пробежали искры и откуда-то на высоких тонах послышалось завывание баньши[57]. Фракир взбесилась, в уши как будто вогнали сосульки, а яркий свет корчащегося Знака резал глаза. В то же мгновение я изгнал Логрус, и беспорядок начал стихать.

— Что… — спросила Корал. — Что это было?

Я попробовал улыбнуться. Не получилось.

— Маленький эксперимент. Я давно хотел его провести, — сообщил я.

— Что же ты выяснил?

— То, что повторять его, пожалуй, больше не стоит, — ответил я.

— Или, по крайней мере, делать его, когда рядом никого нет, — сказала она. — Больно.

— Прости.

Корал поближе подошла к краю Образа, который опять успокоился.

— Жутко, — сказала она. — Как свет во сне. Но великолепно. И всем вам приходится проходить его, чтобы вступить в права наследства?

— Да.

Корал медленно двинулась вдоль периметра вправо. Я — следом, она шла, а взгляд ее блуждал по яркому пространству дуг и поворотов, коротких прямых, длинных размашистых кривых.

— Наверное, это сложно?

— Да. Хитрость в том, чтобы все время, не останавливаясь, идти вперед. Нельзя прекращать движение.

Мы продолжали идти направо, медленно огибая Образ. Рисунок, казалось, находился в глубине пола, а не на нем, видимый словно сквозь слой стекла. Но нигде не было стеклянной поверхности.

Примерно на минуту мы задержались, пока Корал смотрела на Образ с нового места.

— Ну и как он тебе? — наконец спросил я.

— Выглядит эстетично, — сказала она.

— А еще?

— Сила, — сказала она. — Кажется, от него исходит какая-то сила.

Она наклонилась и провела ладонью над ближайшей линией.

— Почти чувствуешь, как он давит, — добавила она.

Мы двинулись дальше вдоль тыльной линии большого

рисунка. Я посмотрел через Образ на то место, где возле двери пылала лампа. Свет ее казался игрушечным по сравнению с тем, на который мы смотрели сейчас.

Корал снова остановилась. Указала пальцем:

— Что это за одинокая линия, которая кончается прямо здесь?

— Это не конец, — сказал я. — Это начало. Это то самое место, откуда начинаешь преодолевать Образ.

Она пододвинулась ближе и опять провела рукой.

— Да, — сказала она. — Я чувствую, что начало — здесь.

Сколько мы там стояли, точно не знаю. Затем Корал протянула руку, взяла мою и сжала.

— Спасибо, — сказала она, — за все, за все.

Я уже собирался спросить, к чему такой прощальный аккорд, когда она шагнула вперед и поставила ногу на линию.

— Нет! — крикнул я. — Не надо!

Но было уже слишком поздно. Нога ее уже была там, и яркий свет обтекал очертания ее сапога.

— Не двигайся! — сказал я. — Что бы ты ни делала, стой спокойно!

Она повиновалась, замерев как стояла. Я облизал мгновенно пересохшие губы.

— Теперь попытайся поднять ногу — ту, что стоит на линии, — и отвести ее назад. Можешь?

— Нет, — отозвалась она.

Я встал возле нее на колени и осмотрел ногу. Теоретически, если уж поставил ногу на Образ, возврата нет. Остается лишь продолжать двигаться и либо пройти его, либо быть уничтоженным где-то на полдороге. С другой стороны, Корал уже должна была погибнуть. Опять же, теоретически, любой, в ком не течет кровь Янтаря, не может поставить ногу на Образ и выжить. Что-то слишком много теории.

— Не ко времени будет сказано, но зачем ты это сделала?

— Там, в пещере, ты сказал мне, что твоя догадка верна. Ты сказал, что знаешь, кто я.

Я помнил свои слова, но это была лишь догадка насчет того, что она — меняющее тела существо. За что же она их приняла, раз это имело отношение к Образу? И только я приготовился к заклинанию, которое могло бы освободить ее из хватки Образа, мне в голову пришел очевидный ответ.

— Твоя связь с Домом?.. — сказал я тихо.

— Считается, что король Оберон имел роман с моей матерью, перед самым моим рождением, — сказала она. — По времени сходится. Правда, это был только слух. Я ни от кого не сумела

добиться подробностей. Так что я не знала наверняка. Но я мечтала, чтобы это оказалось правдой. Я хотела, чтобы это было правдой. Я надеялась найти какой-нибудь туннель, который привел бы меня сюда. Я хотела проникнуть внутрь и пройти Образ, и чтобы тени развернулись передо мной. Но еще я боялась, потому что знала, что если ошибаюсь — погибну. А после тех твоих слов, я поверила, что не ошибаюсь. Но я и сейчас боюсь. Боюсь, что не окажусь достаточно сильной.

Вот откуда это чувство, что мы знакомы, которое я ощутил, впервые увидев ее… Я вдруг сообразил, что вызвано оно было фамильным сходством. Нос и лоб чуть-чуть напоминали Фиону, в подбородке и скулах было что-то от Флори. Хотя волосы, и глаза, и рост, и телосложение принадлежали исключительно ей самой. Но она явно была не похожа ни на того, кто формально считался ее отцом, ни на свою сестру.

Я вновь подумал о портрете моего деда — том самом, со слегка плотоядным взглядом, — который я часто рассматривал наверху в западном крыле дворцовых покоев. Распутный старый ублюдок и правда погулял вволю. Хотя нужно отдать ему должное — был он действительно привлекательным…

Я вздохнул и поднялся на ноги. Положил ладонь на плечо Корал.

— Слушай, Корал, — сказал я. — Всем нам дали достаточно наставлений, перед тем как мы проходили Образ. Я собираюсь тебе все это рассказать, прежде чем ты сделаешь еще один шаг, и пока я буду говорить, ты можешь почувствовать энергию, текущую от меня к тебе. Я хочу, чтобы ты стала как можно сильнее. Когда сделаешь следующий шаг, я не хочу, чтобы ты останавливалась, пока не доберешься до середины. В общем, так: ты двигаешься по Образу, а я буду тебе кричать, что делать. Что бы я ни сказал, выполняй сразу, не думая. Для начала я расскажу тебе о Вуалях, местах сопротивления…

Сколько времени я говорил, не знаю.

Я наблюдал, как Корал приближается к Первой Вуали.

— Не обращай внимания на холод и толчки, — сказал я. — Они тебе не повредят. Не позволяй искрам отвлекать твое внимание. Ты почти уже столкнулась с основным сопротивлением. Не дыши так часто.

Я смотрел, как она пробивается.

— Хорошо, — сказал я, как только Корал вышла на участок полегче, и решил не говорить ей, что следующая Вуаль еще хуже. — Скоро Образ начнет играть с твоей головой в разные игры. Так что не думай, что сходишь с ума.

— Уже, — отозвалась она. — Что мне делать?

— В основном это должны быть воспоминания. Пусть себе текут, а ты не отвлекайся, иди.

Она продолжала идти, и я рассказывал ей о Второй Вуали. Корал еще из нее не вышла, а искры уже достигли ей едва не до плеч. Я смотрел, как она поочередно расправляется с дугами, затем с хитроумно изогнутыми кривыми, потом еще с одной, длинной, размашистой, с поворотами и с переменами направления. Временами она двигалась быстро, временами сбавляла скорость почти до нуля. Но продолжала идти вперед. У нее была идея, и еще, похоже, у нее было желание. Не думаю, чтобы она так уж нуждалась теперь во мне. Я был уверен, что мне больше нечего ей предложить. Исход ситуации полностью был в ее руках.

Так что я прикусил язык и смотрел, злой от собственного бессилия. Смотрел — и никак не мог удержаться, чтобы не повторять всех ее движений, будто это я сам — там, в лабиринте Образа, предугадывающий и сполна берущий свое.

Когда Корал дошла до Великой Кривой, тело ее было подобно живому пламени. Продвижение шло очень медленно, но была в нем некая неумолимость. К чему бы ни привел результат, я знал, что Корал меняется, уже изменилась, что Образ запечатлевается в ней и все уже близится к завершению. Я почти закричал, когда она, казалось, замерла на мгновение, но слова застряли у меня в глотке, лишь только она вздрогнула и пошла дальше. Я вытер лоб рукавом: она приблизилась к Последней Вуали. Каков бы ни был конец, она доказала свои подозрения. Только дитя Янтаря прошло бы через все это живым.

Не знаю, сколько времени ей понадобилось, чтобы прорваться сквозь оставшуюся Вуаль. Ее усилия, казалось, потеряли счет времени, а сам я был захвачен и очарован этим бесконечным движением. Медленно перемещаясь по Образу, она сделалась центром горения; нимб, ее окружавший, освещал всю залу словно огромная, горящая голубым свеча.

А затем Корал прорвалась на завершающую небольшую дугу; последние три шага по ней могли оказаться почти такими же сложными, как весь Образ. Своего рода поверхностное психическое натяжение, казалось, соединилось с физической инерцией, с которой сталкиваешься как раз перед точкой выхода.

И вновь я подумал, что она остановилась, но это была лишь видимость. Словно смотришь на кого-то, выполняющего «тай-цзы»[58]; какая-то болезненная медлительность была в этом трио шагов. Но Корал одолела их и двинулась снова. Если последний шаг не убьет ее, значит, она обрела свободу. И тогда мы сможем

поговорить…

Последнее движение не желало заканчиваться. Затем я увидел, как ее нога уходит вперед, покидая Образ. Вскоре за ней последовала вторая, и Корал, тяжело дыша, встала в центре.

— Поздравляю! — крикнул я.

Она слабо махнула мне правой рукой, медленно поднимая при этом левую, чтобы прикрыть глаза. Так она стояла почти минуту; тот, кто проходил Образ, наверняка поймет это чувство. Я не стал больше кричать — дал ей восстановить силы, оставив ее один на один с тишиной, чтобы она смогла полностью насладиться своим триумфом.

Как раз в это мгновение Образ сделался ярче, как это часто бывает сразу после того, как кто-то с ним справится. Гроту это придало вид волшебной страны — синий свет, тени, — а озерцо стоячей воды в дальнем конце пещеры, где обитали слепые рыбы, превратилось в зеркало. Я попробовал осознать, что все это будет значить для Корал, для Янтаря…

Она вдруг выпрямилась и сказала:

— Я буду жить.

— Хорошо, — откликнулся я. — Теперь у тебя есть выбор.

— Что это значит? — спросила она.

— Теперь ты можешь приказать Образу перенести тебя куда ты захочешь, — объяснил я. — Ко мне, например, или — чтобы не тратить время на дорогу назад — прямо в свои покои. По-моему, ты и так уже насладилась моей компанией, поэтому, наверно, лучше выбрать второе, тем более ты устала. Отдохнешь, отмокнешь в ванне в теплой водичке, и у тебя еще будет время переодеться к обеду. Встретимся в столовой. О’кей?

Я увидел, что она улыбается и качает в ответ головой.

— Такую возможность я не буду тратить впустую, — сказала она.

— Слушай, я знаю, что ты сейчас испытываешь, — сказал я. — Но, по-моему, тебе следовало бы сдержаться. Опасно бросаться без оглядки в какие-нибудь непонятные края, а возвращение, когда нет навыка хождения по Тени, будет сложным.

— Вопрос лишь в желании и вероятности? — спросила она. — Ты вроде бы накладываешь по дороге воображаемое на действительное, так ведь?

— Похитрее, — сказал я. — Тебе надо научиться сосредоточиться на определенных признаках как отправных точках. Обычно в первую прогулку по Тени не ходят без опытного провожатого…

— О’кей. Как это делается, я представляю.

— Этого недостаточно, — сказал я. — Представление — это, конечно, здорово, но есть и обратная связь. Когда она начинает работать, ты достигаешь определенного ощущения. Этому нельзя научить. Это приходит с опытом — и пока нет уверенности, следует взять кого-нибудь в провожатые.

— Похоже на метод проб и ошибок.

— Может быть, — ответил я. — Но предположим, ты попадешь в опасность? Тогда уже поздно будет начинать обучение. На что-нибудь отвлечешь внимание…

— Ладно. Спасибо, что предупредил. Но я не планирую ничего такого опасного.

— А что ты планируешь?

Корал выпрямилась и сделала долгое движение рукой.

— С тех пор, как я узнала об Образе, мне хотелось кое-что попробовать сделать, если я когда-нибудь до него доберусь, — сказала она.

— А что, если не секрет?

— Я намерена попросить его послать меня туда, куда он захочет.

— Не понимаю.

— Я хочу, чтобы Образ сам сделал за меня выбор.

Я покачал головой:

— Так не получится. Образу нужен приказ.

— Откуда ты знаешь?

— Просто он так работает.

— А ты когда-нибудь пробовал то, о чем я говорю?

— Нет. Ничего бы не вышло.

— А ты знаешь кого-нибудь, кто пытался?

— Это пустая трата времени. Слушай, ты говоришь так, будто Образ разумен и способен самостоятельно приходить к решению, а потом его выполнять.

— Да, — ответила Корал. — Он наверняка должен знать меня после того, как я через него прошла. Я просто спрошу у него совета и…

— Подожди! — сказал я.

— Да?

— А если получится, как ты собираешься вернуться?

— Пешком, полагаю. Так ты признаёшь, что *может* получиться?

— Да, — сказал я. — Вполне возможно, что у тебя есть неосознанное желание посетить какой-нибудь мир, и Образ прочтет его и перенесет тебя, если ты отдашь приказ на переброску. Но это не доказывает разумности Образа — только его восприимчивость. Я бы на твоем месте поостерегся

использовать такую вероятность. Предположим, у меня склонность к самоубийству, о которой мне ничего не известно… Или…

— Хватит, — сказала она. — Я уже устала от этих «или».

— Просто я советую тебе сыграть с минимальным риском. У тебя есть целая жизнь для исследований. Глупо было бы…

— Хватит! — повторила она. — Решение принято. Я чувствую, что оно верно. Увидимся позже, Мерлин.

— Подожди! — опять крикнул я. — Ладно. Делай это, если должна. Но позволь мне сначала кое-что тебе дать.

— Что?

— Возможность сбежать, если что приключится. Вот.

Я вытащил Козыри, достал свой. Затем отстегнул от пояса кинжал вместе с ножнами. Обернул карту вокруг рукояти и привязал ее носовым платком.

— Ты имеешь понятие, как пользоваться Козырем?

— Просто смотришь на него внимательно и думаешь о человеке, пока не наступит контакт, верно?

— Сойдет для начала, — сказал я. — Это мой Козырь. Возьми его с собой. Когда захочешь вернуться, позови меня, и я проведу тебя назад.

Я кинул кинжал через Образ рукоятью вперед. Корал легко поймала его и повесила на пояс по другую сторону от своего собственного.

— Спасибо, — сказала она, выпрямляясь. — Теперь я попробую.

— Только смотри, если сработает, не пропадай надолго. О'кей?

— О'кей, — ответила Корал и закрыла глаза.

Через мгновение она исчезла. Ух ты!

Я подошел к Образу и подержал над его краем ладонь, пока не почувствовал зашевелившиеся там силы.

— Лучше бы тебе, правда, знать, что ты творишь, — сказал я. — Я хочу, чтобы она вернулась.

Выпрыгнувшая искра клюнула мне в ладонь.

— Хочешь сказать, что ты и в самом деле разумен?

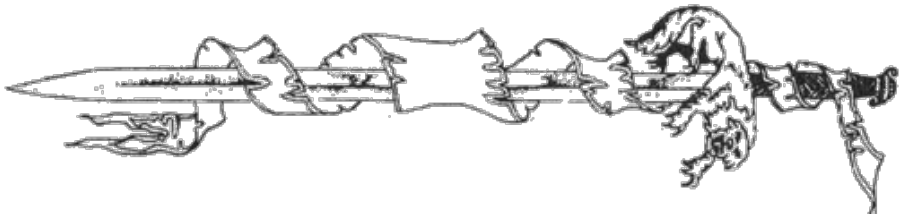
Вокруг меня все закружилось водоворотом. Головокружение мигом прошло, и первое, что я заметил, была лампа на полу у моей правой ноги. Оглядевшись по сторонам, я сообразил, что стою на другой стороне Образа, а не там, где был раньше, и гораздо ближе к дверям.

— Подумаешь, удивил. Просто я был в зоне твоего поля, и потом, я на тебя так и так настроен, — сказал я. — Плюс неосознанное желание поскорее убраться домой.

Я поднял лампу, запер за собой дверь, а ключ повесил на крюк. Я все еще не верил ему. Если бы Образ действительно хотел мне помочь, ему следовало отправить меня прямиком в мои апартаменты и избавить от хождений по этим бесконечным лестницам.

Я заспешил по туннелю. Из всех первых свиданий, что случались в моей жизни, это оказалось самым интересным.

VI



Когда я вышел из тронного зала и, пройдя по дальнему коридору, оказался возле одной из бесчисленных лестниц, из-за поворота направо вывернул парень в черной коже и увешанный множеством ржавых и блестящих цепей. Он остановился и уставился на меня. Волосы его были выкрашены в оранжевый цвет

и подстрижены под «мохавка», а в левом ухе рядом с чем-то, похожим на электрическую вилку, висело несколько серебряных колец.

— Мерлин? — сказал он. — Как дела?

— Пока нормально, — отозвался я, подходя ближе и пытаясь выяснить в полумраке, кто это такой.

— Мартин! — Наконец я его узнал. — Ты… изменился.

Он хмыкнул.

— Я только что вернулся из очень забавной тени, — сказал он. — Был там больше года — а все промелькнуло будто одно мгновенье.

— Что-нибудь высокотехничное, урбанистическое…

— Точно.

— Я думал, тебя больше тянет в деревню.

— Завязал. Теперь я знаю, почему папе нравится городской шум.

— Тоже заделался в музыканты?

— Вроде того. Правда, музыка немного другая. Ты на обед?

— Да, меня тоже включили в план. Если только почищусь и переоденусь.

— Там увидимся. Нам много о чем надо поговорить.

— Обязательно, кузен, обязательно.

Мартин сжал мне плечо и отпустил. Хватка у него по-прежнему была еще та.

Я пошел дальше. Но успел уйти далеко, как почувствовал начало Козырного контакта. Я остановился и потянулся навстречу, решив, что Корал захотела домой. Вместо этого встретился взглядом с улыбающимся Мандором.

— Как удачно я на тебя попал, — сказал он. — Ты один, и тебе, похоже, ничто не угрожает.

Когда видимость стала ясной, я разглядел с ним рядом Фиону; между прочим, они стояли слишком уж близко.

— Со мной порядок, — сказал я. — Я опять в Янтаре. У вас как?

— Целы, — сказал он, почему-то глядя мне за спину, хотя кроме стены и куска гобелена смотреть было вроде не на что.

— Сюда пройти не желаешь? — спросил я.

— Очень хочу увидеть Янтарь, — откликнулся он. — Но придется отложить это удовольствие до другого раза. Сейчас мы несколько заняты.

— Что, обнаружили источник возмущений? — спросил я.

Мандор посмотрел на Фиону, потом опять на меня.

— И да, и нет, — сказал он. — Есть несколько интересных мыслей, но нет уверенности.

— Н-нда! А я-то чем могу вам помочь?

Фиона вытянула указательный палец и сразу стала видна четче. Я догадался — должно быть, она коснулась моего Козыря, чтобы улучшить контакт.

— Мы познакомились с той машиной, которую ты построил, — сказала она. — Колесо-Призрак.

— Да? — сказал я.

— Ты был прав, машина разумна — ее индекс социальной приспособляемости не уступает техническому.

— Я думаю — раз она смогла пройти тест Тьюринга[59].

— О, в этом уж сомневаться не приходится, — отозвалась она, — ведь, по определению, тест Тьюринга требует, чтобы машина была способна лгать людям и вводить их в заблуждение.

— Чего ты добиваешься, Фиона? — спросил я.

— Это не просто уровень социальной приспособляемости. Это откровенно антиобщественное явление, — ответила она. — Я думаю, твоя машина сошла с ума.

— Чего же она такого натворила? — спросил я. — Напала на вас?

— Нет, в физическом плане ничего. Она — чокнутая: все время нам врет и оскорбляет, но мы сейчас слишком заняты, чтобы вдаваться во все подробности. Хотя я не уверена, что она когда-нибудь не захочет нагадить. Я не знаю. Мы просто хотели предупредить тебя, чтобы ты ей не верил.

Я улыбнулся:

— Это все? Конец сообщения?

— Пока все, — сказала она, отставляя руку и затуманиваясь.

Я перевел взгляд на Мандора и собрался было ему объяснить, что я встроил в эту штуку кучу предохранителей и никто не сможет так вот запросто до нее добраться. Хотя, в основном, я хотел ему рассказать о Джарте. Но наше собеседование было прервано, так и не начавшись, едва только я ощутил присутствие еще одного человека, пробивающегося ко мне на связь.

Такое дело меня сильно заинтриговало. Время от времени я задумывался, что будет в том случае, если кто-то попытается выйти на связь, когда я уже общаюсь с кем-нибудь по Козырю. Превратится ли разговор в общий? Или прозвучит сигнал «занято»? Или вызов будет отложен? Правда, я сомневался, что когда-нибудь это выясню. Такой вариант всегда казался мне статистически невероятным. Тем не менее…

— Мерлин, малыш… Со мной полный порядок.

— Льюк!

Мандор и Фиона исчезли.

— Со мной правда порядок, Мерль.

— Ты уверен?

— Ага, как только я стал приходить в себя, то переключился на скоростной режим. В этой тени прошло несколько дней с тех пор, как я не видел тебя.

На Льюке были только очки от солнца и зеленые плавки. Он сидел за маленьким столиком возле плавательного бассейна в тени огромного зонта, а перед ним были разбросаны остатки обильного ленча. Я увидел, как в воду нырнула дама в синем бикини и пропала из поля зрения.

— Ну, я рад слышать тебя и…

— Так все-таки, что со мной было? Я помню, ты что-то такое говорил, будто кто-то меня накачал наркотиками, когда я сидел в Крепости. Это действительно так?

— Во всяком случае, очень похоже.

— Полагаю, так всегда и бывает, когда пьешь воду, — заключил он. — О'кей. Что я пропустил?

Всегда было проблемой определить, сколько ему рассказывать. Итак:

— На чем мы остановились? — спросил я.

— А, ты про это, — сказал Льюк.

— Ага.

— Ну, у меня появилась возможность как следует обо всем подумать, — ответил он, — и я решил выйти из игры. Честь удовлетворена. Бессмысленно мстить кому-то еще. Но я не собираюсь отдаваться в руки Рэндому ради суда «кенгуру»[60]. Теперь ты мне скажи: насколько я далеко зашел по официальному мнению Янтаря? Следует ли мне поглядывать через плечо?

— Вроде бы пока таких разговоров не было. Но Рэндома сейчас в городе нет, и я сам здесь только недавно. У меня еще не было случая узнать, что думают остальные.

Льюк снял очки и внимательно посмотрел на меня.

— Понятно, раз Рэндома нет в городе…

— Ты здесь ни при чем, поверь, — сказал я, — потому что он в Каш… — Я остановился всего на слог позже, чем следовало.

— Кашфе?

— Насколько я понял.

— Какого дьявола он там делает? Янтарь эти края раньше не интересовали.

— Там произошло… смерть, одним словом, — объяснил я. — И из-за этого своего рода перетасовка.

— Ха! — сказал Льюк. — Тот ублюдок в конце концов сдох. Это хорошо! Но… Эй! Почему это Янтарь так внезапно зашевелился, а?

— Не знаю, — сказал я.

Он хмыкнул.

— Вопрос риторический, — сказал он. — Понятно, что происходит. Готов признать, что у Рэндома есть стиль. Слушай, когда ты выяснишь, кого он посадит на трон, дай мне знать, ладно? Мне бы хотелось быть в курсе происходящего на старушке-родине.

— О, конечно, — сказал я, безуспешно пытаясь выяснить, не опасна ли подобная информация. Впрочем, скоро это станет и так известно, если уже не стало.

— Так, что еще? Та личность, которая была Винтой Бэйль?..

— Исчезла, — сказал я. — Куда, не знаю.

— Очень странно, — задумчиво произнес он. — Сомневаюсь, что эта встреча была последней. Кстати, она же и *была* Гэйл. Я уверен. Дай мне знать, если она вернется, договорились?

— О'кей. Хочешь ее порасспрашивать?

Льюк пожал плечами, потом улыбнулся.

— Я мог придумать, как провести время и похуже.

— Тебе повезло, что она не попыталась *тебя* убрать — в прямом смысле.

— Не уверен, что она бы так поступила, — отозвался он. — Мы уже поладили. А вообще-то это не та причина, по которой я тебя вызвал…

Я кивнул, уже догадавшись.

— Как поживает мамочка? — спросил он.

— Не шелохнется, — ответил я. — Она в безопасности.

— Это уже что-то, — сказал он. — Знаешь, королеве вроде бы неприлично пребывать в таком положении. Вешалка. Бог ты мой!

— Согласен, — сказал я. — У тебя есть другие предложения?

— Ну, мне вроде бы как хотелось… освободить ее, — сказал Льюк. — Что для этого нужно?

— Вопрос весьма щекотливый, — ответил я.

— Да я понимаю.

— Знаешь, Льюк, у меня сильное ощущение, что она стояла за этой местью и что это она настропалила тебя гоняться за каждым из нас. Как с той бомбой. Как с оснащением того частного подразделения современным оружием, — чтобы использовать его против Янтаря. Как с попытками убить меня каждой весной. Как…

— Ладно, ладно. Ты прав. Я не отрицаю. Но все изменилось…

— Ага. Ее планы рухнули, и мы ее захватили.

— Я другое имел в виду. *Я* изменился. Я теперь понимаю ее и лучше понимаю себя. Больше она меня воевать не заставит.

— То есть?

— Все дело в «улете», в котором я побывал. Он слегка перетряхнул мои мысли. О ней и обо мне. У меня было несколько

дней, чтобы разложить все по полочкам, и не думаю, что мамочка теперь сможет вешать мне лапшу на уши.

Я вспомнил рыжеволосую женщину, привязанную к столбу и истязаемую демонами. Я догадался, на кого она была похожа.

— Но она же моя мать, — продолжал Льюк, — и мне не хотелось бы оставлять ее в таком недобром положении. Что можно такого придумать, чтобы вернуть ей свободу?

— Льюк, я не знаю. Вопрос еще не рассматривали.

— Ну, в общем-то она *твоя* пленница.

— Но она действовала против всех нас.

— Верно, но я-то ей больше не помощник. Ей придется искать себе кого-нибудь другого, чтобы продолжать в том же духе.

— Вот именно. Если у нее не будет тебя, то что ее удержит от того, чтобы найти кого-то еще? Выпусти ее на свободу, так она же опять примется за свое.

— Но теперь-то ты знаешь. Это слегка подпортило бы ей стиль.

— Это просто сделает ее изворотливей.

Льюк вздохнул.

— Да, в этом есть своя правда, — признал он. — Но она так же любит деньги, как и большинство людей. Главное, правильно определить цену.

— Не могу представить, чтобы Янтарь подкупал кого-нибудь таким образом.

— А я могу.

— Но только не тогда, когда человек уже и без того в нашем плену.

— Это чуть-чуть усложняет вопрос, — признался он. — Но непреодолимых барьеров почти не бывает. А если бы она была тебе полезнее на свободе, чем в виде мебели?

— Ты меня запутал, — сказал я. — Куда ты метишь?

— Пока никуда. Просто зондирую.

— Ответ честный. Но с налету я не могу представить то, что ты мне сейчас описываешь. Конечно, свобода для нас гораздо выгоднее, чем плен… И человек, понятно, обычно к выгоде и стремится. Но это всего лишь слова.

— А я просто пытаюсь понемногу тебя переубедить, только этого и добиваюсь. Какая у тебя на сегодня главная головная боль?

— У меня? Лично? Ты это серьезно?

— Еще бы.

— О'кей. Там, в Крепости, мой сумасшедший брат Джарт, похоже, вступил в союз с колдуном Маской. Эти двое открыли на меня охоту. Очередную попытку Джарт предпринял сегодня днем,

но, как я понял, вся инициатива исходит от Маски. В ближайшее время я собираюсь ими заняться.

— Эй, а я и не знал, что у тебя брат!

— Наполовину. У меня есть еще парочка. Но с ними я всегда могу договориться. А Джарт, он давно за мной гоняется.

— Интересные новости. Ты никогда об этом не говорил.

— Мы вообще никогда не говорили о наших семьях. Разве не помнишь?

— Ага. Но теперь ты меня озадачил. Кто этот Маска? Кажется, я что-то такое припоминаю, ты мне уже про него рассказывал. На самом деле это Шару Гаррул, верно?

Я покачал головой.

— Когда я вытащил твою мать из цитадели, там был еще один старикан — тоже парализованный, вроде нее; на ноге у него было вырезано «Ринальдо». В это время я обменивался заклинаниями с Маской.

— Совсем странно, — сказал Льюк. — Значит, он — узурпатор. Так это он впрыснул мне наркотик?

— Это кажется наиболее вероятным.

— Значит, с ним у меня еще и личные счеты… кроме того, что я ему задолжал за мамочку. А насколько крут Джарт?

— Он скорее противен. И неповоротлив. По крайней мере, сколько раз мы с ним ни сражались, всегда он оставлял на поле боя части тела.

— На ошибках обычно учатся.

— Это верно. Сегодня он сказал что-то уж больно загадочное. Будто бы собрался стать могущественнее всех.

— Ой-ей-ей, — сказал Льюк. — Похоже, Маска использует его в качестве морской свинки.

— Чего ради?

— Фонтан Силы, приятель. Знаешь, там, внутри цитадели, есть постоянный, пульсирующий источник чистой энергии. Межтеневая материя. Исходит от четырех миров, сжатых вместе.

— Я знаю. Видел, как он работает.

— У меня такое впечатление, что Маска пока еще не умеет им управлять.

— Когда мы встретились, он прекрасно с ним управлялся.

— Да, но эта штука — это тебе не просто вилку в розетку. Там есть некие тонкости, о которых он, должно быть, узнал и пытается в них разобраться.

— Например?

— Искупай в нем человека, если он будет соответственно защищен, и с его силой, выносливостью и магическими способностями произойдут чудеса. Если ты подготовлен, то

пройти это ничего не стоит. Я сам через это прошел. Но в лаборатории находились записи старика Шару, и в них чего только не было — способ замещения части тела энергией, упаковка энергии в теле. Вот это уже опасно. Запросто можно отбросить копыта. Но если сработает, получаешь что-то особенное, становишься вроде как суперменом, своего рода живым Козырем.

— Этот термин я уже слышал…

— Наверно, — ответил он. — Мой отец провел эту операцию на себе…

— Ну конечно! — вырвалось у меня. — Корвин утверждал, что Брэнд стал своего рода живым Козырем. Убить его было почти невозможно.

Льюк скрипнул зубами.

— Прости, — сказал я. — Я передаю тебе то, что слышал. Так *вот* в чем секрет силы Брэнда…

Льюк кивнул.

— У меня такое впечатление, что Маска надеется: ему известно, как это делается, а испытания он собирается начать на твоем братце.

— Дерьмо! — выругался я. — Не было печали. Джарт в качестве магического существа или природной силы — или черт знает чего еще. Это уже не смешно. Много тебе известно об этом процессе?

— О, почти все — правда, только в теории. Хотя сам я в это не впутывался. По-моему, это лишает тебя части человеческого. После этого все другие люди или человеческие ценности для тебя гроша ломаного не стоят. По-моему, так и получилось с моим отцом.

Что я мог тут сказать? Может быть, это правда, а может, нет. Я был уверен, что Льюку хотелось верить в некую внешнюю причину предательства его отца. Я знал, что никогда не стал бы возражать ему в этом, даже если бы узнал, что все было не так. И поэтому я засмеялся.

— В случае с Джартом, — сказал я, — ты не сможешь определить разницу.

Льюк улыбнулся. Затем:

— А ты не боишься сдохнуть, встав против такого парня, да еще поддерживаемого колдуном, да еще на их собственной территории?

— Можно подумать, что у меня есть выбор, — ответил я. — Они же на меня охотятся. Лучше уж начать первым. Джарт еще не прошел обработку. Кстати, долго ее проходят?

— Ну, там очень сложная подготовка, но объекту не

обязательно при этом присутствовать. Все зависит от того, как далеко продвинулся Маска в познании.

— Тогда мне лучше пошевеливаться.

— Мне не хотелось бы, чтобы ты шел один, — сказал он. — Это самоубийство. Я же знаю, что там за края. К тому же на бивуаке в Тени у меня есть отряд наемников, они готовы действовать по первому слову. Если мы доберемся до Крепости, они сдержат стражу, может быть, даже уберут ее.

— А срабатывает ли там тот хитрый боезапас?

— Нет. Мы пытались, когда я повел в атаку планеры. Придется справляться врукопашную. Доспехи и, может быть, мачете. Надо будет все хорошенько продумать.

— *Мы* могли бы воспользоваться Образом, чтобы пробраться внутрь, но как перетащить войска?.. Ведь Козыри там не годятся.

— Знаю. Об этом тоже придется подумать.

— Значит, мы с тобой против Джарта и Маски. Если я скажу остальным, они попытаются задержать меня до возвращения Рэндома, и мы можем опоздать.

Льюк улыбнулся.

— Знаешь, мамочка действительно могла бы нам пригодиться, — сказал он. — О Фонтане она знает больше меня.

— Нет! — сказал я. — Она пыталась меня убить.

— Полегче, старик, полегче, — сказал он. — Сначала выслушай.

— К тому же прошлую свою встречу с Маской она проиграла. Потому и стала вешалкой.

— Тем более у нее будет основание быть осторожнее. В тот раз она действовала хитростью, а не умением. Мамочка хороша. Маска, должно быть, застал ее врасплох. Нет, Мерль, это было бы ценное приобретение.

— Нет! Она хочет, чтоб мы все сдохли!

— Это уже детали, — сказал Льюк. — После Кэйна все остальные для нее только символические враги. Маска — он враг реальный, он отнял у нее кое-что и по-прежнему этим владеет. Дай ей выбор, и она пойдет против Маски.

— А если нам повезет, после этого она повернет на Янтарь.

— Нет, — сказал он. — В этом-то вся и прелесть моего плана.

— Ничего не хочу про него слышать.

— Потому что знаешь, что согласишься, верно? Я просто нашел способ решить все ваши проблемы. Отдай ей Крепость после освобождения как залог мира, и она забудет разногласия с вами, ребята.

— Просто вручить ей ту ужасную силу?

— Если бы она собиралась ею воспользоваться против вас, то

давно бы уже это сделала. Она боится раскрутить ее на всю катушку. Раз с Кашфой ей больше не светит, мамочка ухватится за возможность спасти хоть что-то. Вот где выгода.

— Ты серьезно так думаешь?

— Лучше быть королевой Крепости, чем вешалкой в Янтаре.

— Будь ты проклят, Льюк. Всегда ты делаешь привлекательными самые идиотские вещи.

— Это искусство, — ответил он. — Так что ты на это скажешь?

— Я подумаю, — сказал я.

— Тогда думай быстрее. Как раз сейчас Джарт, может быть, уже принимает ванну.

— Не дави на меня, старик. Я сказал, что подумаю. Это только одна из моих проблем. Сейчас я намерен пообедать и кое о чем поразмыслить.

— А о других проблемах ты рассказать не хочешь? Может быть, я сумею и их рассовать по пакетам?

— Нет, черт возьми! Я отзвоню тебе… скоро. О'кей?

— О'кей. Но мне бы лучше быть где-то неподалеку, когда ты вытащишь мамочку, чтобы разрядить обстановку. Ты *выяснил*, как разорвать заклинание, так ведь?

— Да.

— Рад слышать. Я не был уверен, что знаю, как это делается, так что одной заботой меньше. Ладно, пока сыр-да-бор — надо идти собирать войска, — сказал Льюк, поглядывая на даму в бикини, которая только что вылезла из бассейна. — Позвони мне.

— О'кей, — сказал я. Он исчез.

Черт возьми. Здорово. Теперь я понял, почему Льюк все время выигрывал призы за удачные продажи. Идею он мне подал, конечно, хорошую, несмотря на все мои чувства к Джасре. И опять же — Рэндом ведь не приказывал мне держать ее в плену. Правда, в последнее время у нас и возможностей-то особых для разговора не было. Хотя неизвестно, поведет ли себя Джасра и в самом деле так, как говорил Льюк? Смысл в его идее был, но ведь люди редко водят компанию с разумом именно тогда, когда это наиболее полезно.

Я прошел по коридору и решил подняться по дальней лестнице. Только я к ней повернул, как увидел, что на верхних ступеньках кто-то стоит. Женщина. Она смотрела в другую сторону. Длинные красно-желтые одежды. Темные, почти черные волосы. Плечи — глаз не оторвешь…

Она обернулась, услышав мои шаги, и я увидел, что это Найда. Она изучала мое лицо.

— Лорд Мерлин, — сказала она, — где моя сестра? Я так

понимаю, вы уходили вместе.

— Она осматривала нашу коллекцию живописи, а потом у нее было какое-то поручение, и она собиралась этим заняться, — отозвался я. — Я не уверен точно, куда она хотела пойти, но мне вроде бы показалось, что она скоро вернется.

— Ладно, — сказала Найда. — Просто скоро обед, и мы решили, что она к нам присоединится. Она хорошо провела день?

— Думаю, да, — сказал я.

— Последнее время она была в плохом настроении. Мы рассчитывали, что это путешествие ее немного взбодрит. Она его так ждала.

— Когда мы расстались, она казалась достаточно бодрой, — подтвердил я.

— О, а где это было?

— Недалеко отсюда, — сказал я.

— А куда вы ходили?

— Гуляли по городу, — объяснил я. — Еще я показывал ей дворец.

— Значит, она сейчас во дворце?

— Была, когда я видел ее в последний раз. Но она могла выйти.

— Ясно, — сказала она. — Извини, что так и не собралась поговорить с тобой раньше. У меня такое чувство, что мы знакомы очень давно.

— О-о? — сказал я. — Почему это?

— Я несколько раз читала твое досье. Очаровательно.

— Досье?

— Мы храним досье на людей, с которыми наверняка столкнемся в процессе работы. Мы этого ни от кого не скрываем. На каждого из Дома Янтаря есть досье, даже на тех, которые не слишком связаны с дипломатией.

— Я об этом не думал, — сказал я, — но могу представить.

— Правда, сведения о твоем прошлом смотрятся в лучшем свете, а вот недавние неприятности все сильно запутывают.

— Меня они тоже запутали, — сказал я. — Ты собираешься там что-то подправить?

— Нет, я просто любопытствую. Если какие-то из твоих проблем имеют отношение к Бегме, нам они интересны.

— Как вы вообще о них узнали?

— У нас очень хорошие разведывательные источники. Так часто бывает в небольших королевствах.

Я кивнул.

— Конечно, насчет источников я давить на тебя не стану, но только имей в виду, что у нас тут не дешевые распродажи

засекреченных данных.

— Ты меня не так понял, — сказала она. — Я не собираюсь добавлять в досье что-то новое. Я просто пытаюсь выяснить, не могу ли предложить тебе помощь.

— Спасибо. Ценю, — сказал я. — Но, извини, я даже представить себе не могу, как ты мне можешь помочь.

Найда улыбнулась, обнажив ряд превосходных зубов.

— Я тоже не могу быть более точной, не зная большего, — сказала она. — Но если ты решишь, что тебе нужна помощь, или просто захочешь поговорить — приходи меня навестить.

— Принято, — сказал я. — Увидимся за обедом.

— Надеюсь, и после обеда тоже, — сказала она, как только я прошел мимо и свернул в коридор.

Что она под этим имела в виду? Интересно. Намекала на тайное свидание? Если так, мотивы ее поведения казались до непотребства прозрачны. Или она просто хотела собрать информацию? Не знаю, не знаю.

Проходя по коридору в сторону своих комнат, я заметил впереди себя странную игру света: яркая белая лента дюймов шести-восьми в ширину, обегая обе стены, пересекала пол и потолок. Приближаясь, я задержал шаг, заинтересовавшись, не демонстрировал ли здесь кто-то новые способы освещения, пока меня не было.

Как только я перешагнул полосу, все исчезло, кроме самого света; он перетек в идеальный круг, разок подпрыгнул вокруг меня и установился на уровне моих ног, причем центром круга был я. За пределами круга вдруг появился мир, и выглядел он так, будто был сделан из зеленого стекла в форме купола. Поверхность, на которую я опирался ногами, была красноватой, неровной и влажной в этом бледном призрачном свете. И только когда мимо меня проплыла какая-то крупная рыба, я догадался, что меня окружает вода, а сам я, похоже, стою на коралловом рифе.

— Чертовски занятно, — сказал я, — но вообще-то я собирался к себе.

— Немного театра не помешает, — донесся знакомый голос, заполнивший все пространство за пределами моего магического круга; меня даже жуть взяла. — Чем я не Бог?

— Можешь называться как хочешь, — сказал я. — Все равно тебе никто не поверит.

— Как это, должно быть, весело — быть Богом.

— Кем же в таком случае окажусь я?

— Это труднейший теологический вопрос.

— Теологический? Да иди ты в задницу. Я инженер-

компьютерщик, и тебе известно, что тебя, Призрак, построил я.

Мой подводный отсек наполнил звук, похожий на вздох.

— Трудно оторваться от корней.

— А зачем? Что в них плохого? У всех полезных растений есть корни.

— Наверху цветочки — все мило, а внизу — грязь и навоз.

— В твоем случае это металл и криогенная установка — ну и еще кое-что — и все это очень чистое.

— Может, именно грязи и навоза мне и не хватает.

— Призрак, с тобой все в порядке?

— Я по-прежнему пытаюсь найти себя.

— Такое бывает с каждым. Это пройдет.

— Правда?

— Правда.

— Когда? Как? Почему?

— Сказать означало бы сжульничать. Кроме того, у всех это бывает по-разному.

Мимо проплыла целая школа рыбок — маленькие в черно-красную полоску ребята.

— Я не вполне разобрался со всеведением… — спустя некоторое время сказал Призрак.

— Это нормально. Кому оно надо? — сказал я.

— …И по-прежнему тружусь над всемогуществом.

— Это тоже нелегко, — согласился я.

— Ты все понимаешь, папа.

— Стараюсь. У тебя какие-то особые проблемы?

— В смысле те, что не связаны экзистенциальными?

— Ага.

— Нет. Я привел тебя сюда, чтобы предупредить о парне по имени Мандор. Он…

— Он мой брат, — сказал я.

Молчание.

Затем:

— Значит, он мой дядя, верно?

— Полагаю, да.

— А та дама, что с ним? Она…

— Фиона мне тетя.

— *Моя* двоюродная бабушка. Елки-моталки!

— Что-то не так?

— Негоже говорить о родственниках гадости, верно?

— Только не в Янтаре, — сказал я. — В Янтаре мы этим занимаемся постоянно.

Круг света снова подпрыгнул. Мы вернулись в коридор.

— Теперь мы в Янтаре, — сказал Призрак. — Значит, теперь я

могу говорить о них гадости. Будь я тобой, я не стал бы им доверять. Я думаю, они слегка чокнутые. К тому же врут и издеваются надо мной.

Я рассмеялся.

— Ты становишься истинным обитателем Янтаря.

— Да?

— Да. Все мы такие. Нечего беспокоиться. И все же, что там между вами произошло?

— Я предпочел бы справиться сам, если ты, конечно, не против.

— Что бы ты ни придумал, это будет лучше всего.

— Тебя мне не нужно предупреждать?

— Нет.

— О'кей. Это была моя главная головная боль. Пожалуй, сейчас я пойду и попробую увязнуть в грязи и — самую чуточку — в навозе…

— Подожди!

— Что такое?

— Кажется, ты здорово наловчился перетаскивать вещи через Тень?

— Да. Ведь я совершенствуюсь.

— А как насчет небольшого отряда воинов с командиром?

— Думаю, справлюсь.

— И меня.

— Конечно. Где они и куда тебе нужно?

Я порылся в кармане, нашел Козырь Льюка, показал ему.

— Но… Ты же сам предупреждал меня, чтобы я ему не верил, — сказал Призрак.

— Теперь все в порядке, — сообщил я. — В этом вопросе. А во всем остальном — нет. Кое-что слегка изменилось.

— Я не понимаю. Но тебе виднее.

— Сможешь найти его и все организовать?

— Постараюсь. Куда ты хочешь пойти?

— Ты знаешь Крепость Четырех Миров?

— Да. Но это опасное место, папа. Очень хитрые входы и выходы. Там еще одна рыжеволосая дама пыталась наложить на меня силовой захват.

— Джасра.

— Я так и не узнал ее имени.

— Это мать Льюка, — объяснил я, помахивая перед ним Козырем.

— Дурная кровь, — заявил Призрак. — Может, нам с ними не связываться?

— Она, наверное, пойдет вместе с нами, — сказал я.

— О нет. Опасная дама. Не нужно с ней иметь дел. Особенно в таком месте, где она сильна. Она может опять попытаться меня сцапать. А вдруг у нее получится?

— Она будет занята другими делами, — сказал я, — а мне она может понадобиться. Так что привыкай думать о ней как о части багажа.

— Ты уверен в том, что делаешь?

— Боюсь, что да.

— Когда ты хочешь туда отправиться?

— Это зависит, в частности, от того, когда будут готовы войска Льюка. Почему бы тебе не пойти и не выяснить?

— Хорошо. Но я по-прежнему считаю, что ты совершаешь ошибку, отправляясь в такое место с такими людьми.

— Мне нужен кто-нибудь, кто может помочь, а кости выпали чертовски удачно, — сказал я.

Призрак сжался в точку и погас.

Я начал делать глубокие вдохи, потом передумал и направился к первой двери, которая была неподалеку по коридору. Только я до нее добрался, как почувствовал шевеление Козырного контакта. Корал?

Я раскрылся. Передо мной опять появился Мандор.

— С тобой все в порядке? — сразу же спросил он. — Нас прервали на такой странный манер.

— Со мной все хорошо, — сказал я. — Нас прервали на манер, который случается только раз в жизни. Не беспокойся.

— Ты выглядишь слегка возбужденным.

— Это из-за слишком долгой прогулки вверх-вниз по лестницам. Тем более, что все силы вселенной сошлись в одной точке, чтобы меня задержать.

— Не понимаю.

— Крутой выдался денек, — сказал я. — До скорого.

— Я хотел еще немного поговорить с тобой о тех бурях и новом Образе, и…

— Потом, — сказал я. — Я жду звонка.

— Прошу прощения. Это не к спеху. Я загляну позже.

Мандор прервал контакт, а я протянул руку к щеколде. Интересно, разрешились бы все проблемы, если б я мог включить Призрака в режим автоответчика?

VII

Плащ я повесил на Джасру, а перевязь — на спинку кровати. Почистил сапоги, вымыл руки и лицо, раздобыл изысканную рубашку цвета слоновой кости — парчовую, в сборках, отделанную тесьмой, — и надел ее вместе с серыми штанами. Затем стряхнул пыль с темно-лиловой куртки, той, на которую я как-то наложил заклинание, делающее всякого, кто ее носит, с виду чуть более очаровательным, остроумным и внушающим доверие, чем было на самом деле. Кажется, подвернулся случай ею воспользоваться.

Когда я расчесывал волосы, в дверь постучали.

— Сейчас, минутку, — ответил я.

Кончив прихорашиваться и тем самым подготовившись к выходу, а заодно, понятно, и опоздав, — я пошел открывать.

За дверью стоял Билл Ротт — весь в коричневом и красном и смахивающий на престарелого кондотьера[61].

— Билл! — сказал я, пожимая ему ладонь, руку, плечо и затаскивая за собой в комнату. — Хорошо, что я тебя встретил. Я как раз выбрался из одной истории и собираюсь влипнуть в другую. Ты давно во дворце? Я собирался с тобой вновь

повидаться, как только дела сбавят темп.

Он улыбнулся и легонько хлопнул меня по плечу:

— Я буду на обеде, и Гендон сказал, что ты тоже. Я решил зайти за тобой, раз уж там будут эти люди из Бегмы.

— О-о? У тебя есть новости?

— Да. А что новенького слышно от Льюка?

— Я только что с ним говорил. Он клянется, что с вендеттой покончено.

— Какие шансы, что его оправдают?

— По его словам, никаких.

— Очень плохо. Я провел массу исследований и выяснил, что для оправдания вендетты есть несколько неплохих прецедентов — например, с твоим дядей Озриком, который сцепился со всем Домом Карма за смерть родственника со стороны матери. В те дни Оберон был в особенной дружбе с Кармом, а Озрик прикончил троих. Тем не менее на слушаниях Оберон его оправдал, основываясь на прежних прецедентах, и даже пошел дальше, установив основное правило…

— А еще Оберон послал его на передовую в одной очень гнусной войне, — прервал я, — и Озрик с нее не вернулся.

— Об этой половине истории я не знал, — сказал Билл, — но при дворе он имел немалый успех.

— Я перескажу это Льюку, — сказал я.

— Какую половину? — спросил он.

— Обе, — ответил я.

— Вообще-то я пришел тебе рассказать про другое, — продолжил он. — Идут какие-то военные приготовления.

— Ты о чем?

— Легче показать, — объяснил он. — Это займет минуту.

— О'кей. Пошли, — согласился я и последовал за ним в коридор.

Он провел меня черной лестницей, а внизу повернул налево. Прошел мимо кухни и проследовал в другой коридор, который выводил на зады дворца. Как только мы там оказались, я услышал какой-то лязг. Я взглянул на Билла, тот ответил кивком.

— То же самое я слышал и раньше, — сказал он, — когда проходил мимо. Вот почему я решил сюда прогуляться. Все это очень любопытно.

Я кивнул, я его понял. Тем более, что сообразил — звуки доносятся из главной оружейной.

Там посреди суматохи стоял Бенедикт и разглядывал ноготь большого пальца через ствол карабина. Он тут же поднял глаза, и наши взгляды столкнулись. Вокруг него копошилось не меньше дюжины человек — одни таскали оружие, другие — чистили,

третьи складывали его в штабеля.

— Ты разве не в Кашфе? — спросил я.

— Был, — отозвался он.

Я думал, что Бенедикт продолжит, но он молчал. Он вообще никогда не отличался болтливостью.

— Ты, похоже, к чему-то готовишься. Что-то неподалеку от дома? — Я знал, что порох здесь бесполезен, а наш специальный боезапас срабатывает только в окрестностях Янтаря и в прилегающих королевствах.

— Безопасность — это для нас самое главное, — сказал Бенедикт.

— А поподробнее можно? — спросил я.

— Не сейчас. — Фраза была вдвое длиннее, чем я ожидал, и даже содержала надежду на дальнейшее просвещение.

— Нам всем следует окопаться? — спросил я. — Укрепить город? Вооружиться? Поднять…

— До этого не дойдет, — сказал он. — Спокойно иди куда шел.

— Но…

Бенедикт отвернулся. Я понял, что беседа закончена. Он это и сам подтвердил, пропустив мимо ушей несколько моих следующих вопросов. Я пожал плечами и вернулся к Биллу.

— Пошли поедим, — сказал я.

Пока мы возвращались по коридору, Билл негромко сказал:

— У тебя есть какие-нибудь идеи по этому поводу?

— Где-то поблизости бродит Далт, — сказал я ему.

— Бенедикт был вместе с Рэндомом в Бегме. Далт ведь должен быть там.

— У меня такое ощущение, что он гораздо ближе.

— Если Далт захватит Рэндома…

— Невозможно. — Я почувствовал, как от этой мысли по телу пробежал холодок. — Рэндом может козырнуться сюда в любое мгновение, когда захочет. Нет. Когда я говорил об обороне Янтаря, а Бенедикт сказал: «До этого не дойдет», у меня создалось впечатление, что говорил он о чем-то совсем близком. О чем-то, что, по его мнению, он может контролировать.

— Я понимаю, о чем ты, — согласился он. — Но ведь он же тебе посоветовал не беспокоиться об укреплениях.

— Если Бенедикт говорит, что укрепления строить не надо, значит, укрепления строить не надо.

— Вальс и шампанское под пушечный гром?

— Почему бы и нет, если Бенедикт утверждает, что все в порядке.

— Ты действительно доверяешь этому парню? Что бы вы без

него делали?

— Сильнее нервничали, — сказал я.

Билл покачал головой.

— Извини, — сказал он. — Я плохо знаю ваши легенды.

— Ты мне не веришь?

— Мне не следовало бы тебе верить, но я верю. Вот в чем проблема. — Он молчал, пока мы заворачивали за угол и возвращались к лестнице. Затем добавил: — С твоим отцом было то же самое.

— Билл, — сказал я, когда мы начали подниматься. — Ты знал моего отца до того, как к нему вернулась память. Когда он был еще просто старым добрым Карлом Кори. Может быть, я делаю что-то не так? Не мог бы ты вспомнить что-нибудь о той его жизни. Может, это объяснило бы, где он может быть?

Билл на мгновение задержался и посмотрел на меня.

— По-твоему, Мерлин, я сам над этим не ломал голову? Много раз я задумывался, не впутался ли он во что-нибудь, когда был еще Карлом Кори? И не чувствовал ли по этой причине, что обязан что-нибудь сделать, раз его дела здесь были завершены? Но он был человек очень скрытный, даже в том своем воплощении. И парадоксальный тоже. Он делал кучу намеков на кучу разных военных ходов, что казалось вполне логичным. Но он иногда писал музыку, а вот это уже никак не вязалось с образом этакого крепкозадого воеводы.

— Он долго жил. Он много чего узнал, много перечувствовал.

— Да, вот поэтому так трудно догадаться, во что он мог впутаться на этот раз. Я помню пару случаев, когда он перебирал с выпивкой и упоминал имена людей искусства и науки, о которых я даже предположить не мог, что он с ними знаком. Он никогда не был просто Карлом Кори. Когда мы познакомились, в его памяти хранились воспоминания за несколько земных столетий. А это делает характер слишком сложным, чтобы легко предсказывать его действия. Я просто не знаю, к чему он мог вернуться — если вернулся.

Мы продолжали подниматься по лестнице. Откуда у меня это чувство, что Билл знает больше, чем рассказывает?

Как только мы подошли к столовой, я услышал музыку, а когда мы вошли, Лльюилл подарила мне презрительный взгляд. Я увидел, что на сервировочном столике у дальней стены дымится обед, но никто еще не садился. Народ стоял, разговаривая, с выпивкой в руках, и большинство посмотрело в нашу сторону, когда мы вошли. Справа от меня играли три музыканта. Слева возле южной стены стоял обеденный стол, из большого окна открывался великолепный вид на город внизу. По-прежнему

валил снег, затягивая Всю яркую перспективу полупрозрачной вуалью.

Быстрыми шагами подошла Лльюилл.

— Ты заставил всех ждать, — прошептала она. — Где девушка?

— Корал?

— Кто же еще?

— Я не знаю, — сказал я. — Пару часов назад мы разошлись.

— Так она придет или нет?

— Я не знаю.

— Дольше ждать мы не можем, — сказала она. — И так порядок мест перепутался. Что ты сделал, совсем ее затрахал?

— Лльюилл…

Она что-то прошепелявила на непонятном мне наречии Ратн-Я. Естественно, я не понял, и слава богу. Затем развернулась и двинулась к Виалль.

— Ты по уши в неприятностях, мой мальчик, — прокомментировал Билл. — Давай-ка вдарим по выпивке, пока она перетасовывает места.

К нам уже подходил человек с двумя бокалами на подносе.

— «Отборное Бэйля», — заметил он, как только мы забрали бокалы.

Я пригубил и понял, что он не соврал, и это меня чуточку приободрило.

— Я здесь многих не знаю, — сказал Билл. — Что это за парень в красном поясе рядом с Виалль?

— Это Оркуз, премьер-министр Бегмы, — сказал я, — а та симпатичная леди в желто-красном платье, которая разговаривает с Мартином, его дочь Найда. Корал — за которую я только что получил по мозгам, — это ее сестра.

— Угу. А кто эта сиплая блондинка, строящая глазки Джерарду?

— Не знаю, — сказал я. — И леди с молодым человеком справа от Оркуза, — их я тоже не знаю.

Мы смешались с толпой, и Джерард, чувствующий себя, должно быть, несколько неуютно под слоями своих оборок, представил нам леди, которую сопровождал: Дрета Ганнелл, помощник посла Бегмы. Послом, как выяснилось, была высокая дама, стоявшая рядом с Оркузом, — ее звали, как я узнал, Ферла Куист. Приятелем при ней был ее секретарь, чье имя звучало примерно как Кэйд. Пока мы смотрели в ту сторону, Джерард попробовал ускользнуть и скинуть Ферлу на нас. Но она ухватила его за рукав и что-то спросила о флоте. Я улыбнулся и, кивнув, отошел. Билл остался со мной.

— Господи! Мартин-то как изменился! — вдруг возвестил он. — Он похож на мальчика из видеоклипа. Я совсем его не узнал. А на прошлой неделе…

— Это было год назад, — сказал я, — для него. Он пытался себя найти на какой-то уличной сцене.

— И как, успешно?

— Все как-то забываю спросить, — отозвался я, но тут мне пришла в голову необычная мысль. Я припрятал ее на потом.

Музыка к этому времени стихла, и Лльюилл откашлялась и указала на Гендона, который объявил новый распорядок мест. Я расположился в конце стола; позже выяснилось, что Корал должна была сидеть слева, а Кэйд справа. Еще я узнал, что в последнюю минуту Лльюилл пыталась уговорить Флори, чтобы та села на место Корал, но Флори не поддалась.

Как и положено, Виалль была во главе стола, Лльюилл сидела от нее справа, а Оркуз — слева; Джерард, Дрета и Билл сидели дальше за Лльюилл, а Флори, Мартин, Найда и Кэйд — после Оркуза. Я обнаружил, что сопровождаю к столу Найду и усаживаю ее справа от себя, в то время как Билл устраивается от меня слева.

— Суета, суета, суета, — негромко пробормотал Билл. Я кивнул, затем представил его Найде как юридического советника при Дворе Янтаря. Это вроде бы произвело на нее впечатление, и она спросила его о работе. Билл выдал очаровательную историю про то, как однажды при разделе имущества представлял интересы собаки; к Янтарю это отношения не имело, но рассказ получился удачный. Найда немного повеселела, а заодно и Кэйд, который тоже прислушивался к рассказу.

Был объявлен первый перерыв между блюдами; снова полилась негромкая музыка, говорить теперь можно было накоротке и перевести разговоры на более интимный уровень. Билл просигналил, что хочет мне что-то сказать, но Найда опередила его на секунду-другую, и я уже слушал ее.

— По поводу Корал, — сказала мне Найда тихо. — Ты уверен, что с ней все хорошо? Она не выглядела больной, когда вы расстались… или что-то вроде того… верно?

— Нет. Она казалась вполне здоровой.

— Странно, — сказала Найда. — У меня было впечатление, что она всегда ждет не дождется таких событий, как этот обед.

— Наверно, она просто не рассчитала время — уж не знаю, чем там она собиралась заняться, — заметил я.

— Даже примерно не знаешь? — спросила Найда. — Где вы расстались?

— Здесь, во дворце, — отозвался я. — Я показывал ей

окрестности. Ей захотелось увидеть побольше местных достопримечательностей, чем я ей смог показать. Поэтому я пошел вперед.

— Вряд ли она могла забыть про обед.

— По-моему, она не смогла оторваться от произведений искусства.

— Значит, она наверняка в доме?

— Ну, это трудно сказать. Она же могла и выйти.

— То есть где она, в точности ты не знаешь?

Я кивнул.

— Не могу сказать с уверенностью, где она находится на данный момент, — сказал я. — Может, как раз сейчас она переодевается у себя в комнате.

— Лучше я проверю сразу после обеда, — сказала Найда, — если к тому времени она не объявится. Если что, ты поможешь мне ее найти?

— Я так и так собирался ее искать, — ответил я, — если она сама не придет.

Найда кивнула и взялась за свою тарелку. Да уж, влип. Не считая того, что я просто не хотел ее огорчать, я не мог даже связно ей рассказать, что случилось, чтобы при этом не всплыло известие, что Корал — незаконная дочь Оберона. Тем более при нынешних обстоятельствах, когда меня строго предупредили, чтобы я не ляпнул чего-нибудь, что может натянуть отношения между Янтарем и Бегмой. Не буду же я подтверждать дочери премьер-министра Бегмы слухи о том, что у ее матери был роман с покойным королем Янтаря. Может, в Бегме эта «тайна» известна всем, и никто и ухом не поведет. А вдруг нет? Я не хотел беспокоить Рэндома, спрашивая его совета. Во-первых, сейчас он мог быть под завязку загружен в Кашфе, но главное: он мог начать разговор о моих проблемах, а Рэндому я врать не стал бы. А от этого проблем бы только прибавилось. После такой беседы Рэндом запросто мог мне запретить атаковать Крепость. Единственным человеком, кому я мог рассказать о Корал и получить своего рода официальный ответ относительно того, насколько мне позволено информировать ее семью, была Виалль. К несчастью, Виалль была полностью занята приемом гостей.

Я вздохнул и вернулся к обеду.

Билл воспользовался моментом и слегка наклонился ко мне.

— Да? — сказал я.

— Я хотел тебе кое-что рассказать, — начал он. — Хотя я надеялся, что у нас будет некоторый досуг, тишина и уединение.

Я хмыкнул.

— Надеялся, — продолжал он. — Но похоже, что на данный

момент такого случая не предвидится. К счастью, если понизить голос, то, по всей видимости, нас никто не услышит. Во всяком случае, я не слышал ни слова из того, о чем вы говорили с Найдой. Так что, пока играет музыка, все в порядке.

Я кивнул, сделал несколько глотков.

— Дело в том, что, с одной стороны, представителям Бегмы этого слышать не стоит. Но с другой, я чувствую, что ты, наверное, это знать должен, потому что втянут в историю с Льюком и Джасрой. Так какое у тебя расписание? Я предпочел бы поговорить с тобой позже, но если ты намерен чем-то заняться, я лучше изложу тебе суть сейчас.

Я взглянул на Найду и Кэйда. Они, кажется, основательно занялись едой и, по-моему, подслушать нас не могли. Жаль, конечно, я не развесил никаких заклинаний против подслушивания.

— Давай, — шепнул я из-за бокала вина.

— Первое, — сказал Билл. — Рэндом мне послал на просмотр целый мешок бумаг. Это черновики соглашения, посредством которого Янтарь одаривает Кашфу привилегированным статусом в торговле, таким же, как и у Бегмы. Так что они определенно войдут в Золотой Круг.

— Ясно, — сказал я. — Для меня это вообще-то не новость, но знать, что происходит, наверняка неплохо.

Билл кивнул.

— Но к этому еще куча всяких подробностей, — сказал он.

Как раз в этот момент музыканты перестали играть, и со всех сторон снова прорезались голоса. Я поглядел направо и увидел, что музыкантам вынесли на подносе еду и немного вина. Они отложили инструменты и устроили себе перерыв. Вероятно, они уже играли какое-то время до моего прихода и утомились.

Билл усмехнулся.

— Потом, — сказал он.

— Ладно.

Подали блюдо с мелкими забавными фруктами под изумительным соусом. Как только я вычерпал его ложкой, Найда сделала знак, и я снова склонился к ней.

— Так как по поводу сегодняшнего вечера? — прошептала она.

— Что ты имеешь в виду? Я же сказал, что поищу ее, если она не появится.

Найда покачала головой.

— Я не об этом, — сказала она. — Я имела в виду: позднее. Будет у тебя время заглянуть ко мне и поговорить?

— О чем?

— Если верить досье, недавно ты попал в передрягу и кто-то пытался до тебя добраться.

Чертово это досье меня определенно заинтересовало.

Но:

— Это уже в прошлом, — сказал я. — Что бы там ни было, с этим делом все ясно.

— Точно? Значит, сейчас за тобой никто не охотится?

— Я бы так не сказал, — откликнулся я. — Состав команд постоянно меняется.

— Значит, кто-то по-прежнему в тебя метит?

Я внимательно посмотрел ей в лицо.

— Мне, конечно, очень приятна эта твоя забота, Найда, — сказал я, — но разреши спросить: тебе-то какое дело? У каждого свои проблемы. Просто на данный момент у меня их больше, чем обычно. И я как-нибудь с ними справлюсь сам.

— Или погибнешь?

— Может быть. Надеюсь, что нет. Тебя это очень волнует?

Найда бросила взгляд на Кэйда, который, казалось, был занят только едой.

— Возможно, я могла бы тебе помочь.

— Каким способом?

Она улыбнулась:

— Способом устранения.

— О-о? Это относится к кому-то конкретно или ко многим сразу?

— Не имеет значения.

— Наверно, у тебя есть особые возможности управляться с делами такого рода?

Найда продолжала улыбаться.

— Да, есть, и они хорошо помогают устранять проблемы, связанные с людьми, — продолжила она. — Все, что мне нужно, это их имена и адреса, где эти люди находятся.

— Какое-нибудь секретное оружие?

Найда вновь взглянула на Кэйда, потому что вопрос мой прозвучал чуть громче обычного.

— Можно сказать и так. — ответила она.

— Интересное предложение, — сказал я. — Но ты все еще не ответила на мой первый вопрос.

— Я забыла, напомни.

Нас прервали — как раз наполнили кубки, и стали произноситься тосты. Первый был за Виалль, и исходил он от Лльюилл. Затем Оркуз поднял свой бокал за «древний союз между Янтарем и Бегмой». Я выпил и услышал бормотание Билла:

— И будет он довольно-таки натянутым…

— Союз?

— Ага.

Я глянул на Найду, которая смотрела на меня, явно ожидая продолжения наших переговоров *sotto voce.* Билл тоже это заметил и отвернулся. Но именно в этот момент с Найдой заговорил Кэйд, так что я успешно справился с содержимым тарелки и сделал глоток вина. Чуть погодя тарелку заменили на новую.

Я посмотрел на Билла, тот в свою очередь посмотрел на Найду и Кэйда, затем сказал:

— Подождем музыку.

Я кивнул. На мгновение зал окутала тишина, и послышался голос Дреты:

— А правда, что иногда можно видеть призрак короля Оберона?

Джерард хмыкнул что-то в ответ, должно быть, поддакнул, но их снова заглушил шум. Голова у меня была набита больше желудка, и я продолжал есть. Чуть позже с вопросом о моей точке зрения на ситуацию в Эрегноре ко мне обратился Кэйд, то ли пробуя показать, что он тоже как-никак дипломат, то ли просто чтобы поддержать разговор. Затем он вдруг дернулся и посмотрел на Найду. У меня было сильное подозрение, что она пнула его под столом, и это мне было на руку, потому что, черт его знает, какая там нынче ситуация в Эрегноре. Я отделался какими-то общими фразами, впрочем, довольно дипломатично. А если бы в них и нашлось что-то обидное, то я в свою очередь мог бы прозрачно им намекнуть на то, что некоторые представители некоторых соседних держав завели привычку прибывать что-то уж слишком рано. Хотя на деле все могло оказаться проще — спор на эрегнорскую тему мог выйти утомительно долгим, и Найда намеренно не хотела в нем увязать, чтобы не обрывать нашего с ней разговора. А еще у меня вдруг возникло чувство, что внезапно рядом может материализоваться Лльюилл, и на этот раз пинок достанется мне.

Затем пришла мысль. Вот так всегда — нет бы ей прийти чуть пораньше. Раз им известно, что Рэндома в Янтаре нет, плюс то, что я уже знал, плюс то, что мне только что рассказал Билл, — откуда вытекает, что они не испытывают особой радости от трудов Рэндома, чем бы он там ни занимался в государстве-соседе. То, что они явились до срока, — должно было каким-то образом нас смутить. Не значило ли это, что предложение Найды, что бы там она мне ни предлагала, было частью некоего проекта, который соответствовал их общей дипломатической стратегии в этом вопросе? А если так, то почему я? Какой им резон был выбирать меня, если я ничего толком не знаю о внешней

политике Янтаря. Известно ли им об этом? Должно быть, известно, если учесть, как Найда расхваливала их разведку. Я был сбит с толку и уже готов был выяснить мнение Билла по поводу ситуации в Эрегноре. Но тогда уже он мог пнуть меня под столом.

Музыканты кончили перекусывать и первым номером заиграли «Зеленые рукава»[62]; Найда с Биллом одновременно наклонились ко мне, затем оба подняли глаза, и их взгляды встретились. Билл улыбнулся.

— Уступаю очередь даме, — громко сказал Билл.

Найда кивнула.

Затем:

— Ты успел обдумать мое предложение? — спросила она.

— Частично, — сказал я. — Но у меня был вопрос. Помнишь?

— Какой?

— Очень мило с твоей стороны, что ты хочешь оказать мне услугу, — сказал я, — но в таких делах человеку простительно проверять цены заранее.

— А что, если я скажу, что достаточно будет твоей доброй воли?

— А что, если я отвечу, что моя добрая воля не много стоит в политике?

Найда пожала плечами.

— Небольшая услуга — небольшая цена. Про это я знала и без тебя. Но ты в родственных связях с каждым в этом дворце. Пока еще, кажется, ничего не случилось, но вполне может быть, что кто-то начнет спрашивать твое мнение о нас. Я хочу, чтобы ты знал, что в Бегме у тебя есть друзья, и, если что-то случится, не считал нас врагами.

Лицо ее оставалось очень серьезным. Тут было наверняка нечто большее, и оба мы это понимали. Только я не знал, что могло оказаться за поворотом, а она, очевидно, знала.

Я протянул руку и погладил ее по щеке.

— Вообще-то, ребята, я и так собирался говорить про вас только хорошее, если бы кто стал спрашивать, а получается, ты за это еще пойдешь и убьешь кого-нибудь ради моего счастья и за так, за какие-нибудь нюансы доброго отношения. Я правильно тебя понял?

— В общем, да, — отозвалась она.

— Тогда я хочу спросить, почему ты думаешь, что можешь осуществить убийство лучше, чем мы. Мы в этом не одну собаку съели.

— А наше секретное оружие, разве не помнишь? И я думала, что для тебя это вопрос личный, а не государственный — и тебе не очень-то хочется впутывать сюда кого-то еще. К тому же я могу

устроить все так, что комар носа не подточит.

Опять одни сплошные узлы. Она что, думает, что я не доверяю всем остальным — или что мне не следует им доверять? Что она знает такого, чего не знал я? Или это только догадки, основанные на знании наших семейных интриг? Или она намеренно устраивает конфликт поколений? Интересно, в планы Бегмы это как-нибудь входит? Или… А может, она считает, что подобная ситуация существует, и предлагает ради меня убрать члена семьи? А если так, неужели она решила, что я настолько глуп, что доверю кому-то эту работу? Или хотя бы стану обсуждать подобную тему и дам таким образом Бегме посадить себя на крючок? Или…

Я посмотрел на это дело и так и этак. И порадовался, что моя думалка наконец-то заработала в крейсерском семейном режиме. (В двусемейном, так будет точнее.) Много же времени мне понадобилось, чтобы дойти до жизни такой. Даже дышать легче стало.

Простой отказ сразу бы зачеркнул все вопросы. Но, с другой стороны, если я хоть в чем-то с ней соглашусь, она может, соблазнившись ложной надеждой, стать ценным источником информации.

Итак:

— И ты взяла бы на душу любого, кого я назову? — сказал я. — Любого-любого?

Она очень тщательно изучала мое лицо. Затем:

— Да, — сказала она.

— Еще раз меня извини, — отозвался я, — но пойти на такое ради какого-то призрака, который называется «моя добрая воля», — одно это уже заставляет меня усомниться в твоей честности.

Лицо ее зарделось. Гнев ли это, или просто румянец, не знаю — Найда сразу же отвернулась. Меня это ничуть не обеспокоило: я был уверен, что рынок за покупателем.

Я опять вернулся к еде и сумел проглотить несколько кусков прежде, чем она продолжила разговор.

— Значит, сегодня вечером ты ко мне не зайдешь? — спросила она.

— Не могу, — сказал я. — Я буду очень занят.

— Могу представить, какой ты занятой человек, — сказала она. — Ну а вообще — когда-нибудь нам удастся поговорить?

— Это зависит от того, как все сложится дальше, — сказал я. — Мне сейчас столько всего надо сделать, и, может быть, мне даже придется в ближайшее время покинуть город.

Она слегка вздрогнула. Я был уверен, что она колебалась —

не спросить ли, куда я собрался, но решила не делать этого.

Затем:

— Это ужасно, — сказала она. — Так ты отказываешься от моего предложения?

— А что, ответ нужно дать обязательно сегодня? — спросил я.

— Нет, но я так понимаю, что ты в некоторой опасности. Чем скорее ты разделаешься с врагом, тем скорее будешь спать спокойно.

— Ты думаешь, что здесь, в Янтаре, я в опасности?

Найда на мгновение заколебалась, затем сказала:

— Нигде нельзя чувствовать себя в безопасности, если враг обладает достаточной решимостью и умением.

— У тебя есть ощущение, что угроза идет отсюда? — поинтересовался я.

— Я просила тебя назвать мне своих врагов, — заявила она. — В твоем положении тебе лучше самому знать, откуда она идет.

Я тут же пошел на попятный. Слишком простенькая ловушка, и, похоже, Найда поняла это тоже.

— Ты дала мне много пищи для размышлений, — сказал я и вернулся к еде.

Спустя некоторое время я увидел, что на меня смотрит Билл, как будто хочет что-то сказать. Я еле заметно качнул головой, и мне показалось, он понял.

— Тогда утром, за завтраком? — услышал я слова Найды. — Неизвестно, что может с тобой случиться, пока ты путешествуешь. Было бы хорошо уладить все до отъезда.

— Найда, — ответил я, когда проглотил кусок. — Мне бы хотелось прояснить вопрос о моих благодетелях. Если бы я обсудил все это с твоим отцом…

— Нет! — резко оборвала она. — Он ничего об этом не знает!

— Спасибо. Ты уж прости мое любопытство, но мне интересно знать, откуда идет этот план.

— Нет смысла искать источники, — сказала она. — Это целиком моя собственная идея.

— Кое-что из твоих заявлений заставляет меня сделать вывод, что у тебя есть особые связи с разведкой Бегмы.

— Нет, — сказала она, — только самые обычные. Предложение исходит от меня.

— Но кому-то пришлось бы… этот замысел осуществлять.

— Это относится к сфере деятельности секретного оружия.

— Мне хотелось бы узнать об этом побольше.

— Я предложила тебе сотрудничество и обещала полную свободу действий. Теперь все зависит от тебя.

— Если идея целиком твоя собственная, то, похоже, ты собираешься получить с нее какую-то выгоду. Или я не прав?

Она отвернулась. И долгое время молчала.

— Твое досье, — сказала она наконец. — Читать его было… увлекательно. Здесь у вас почти нет никого, кто был бы одного возраста со мной, — один ты, и жизнь у тебя такая интересная. Ты представить себе не можешь, какую скуку приходится мне вечно читать — сельскохозяйственные доклады, торговые расчеты, финансовые исследования. У меня нет никакой жизни. Я просто этого лишена. Каждая вечеринка, которую я посещаю, по сути все тот же государственный прием. Я перечитывала и перечитывала твое досье, мне было все про тебя интересно. Я… я тобой увлеклась. Знаю, звучит это глупо, но это правда. Когда я увидела некоторые из последних докладов и поняла, что тебе может грозить опасность, я решила помочь тебе, если смогу. У меня есть доступ ко многим государственным секретам. Один из них дал бы мне возможность тебе помочь. Осуществление возможности пошло бы тебе на пользу, не причинив Бегме вреда. Больше я тебе ничего сказать не могу — это было бы нелояльным. Я всегда хотела с тобой увидеться и очень ревновала к своей сестре, когда ты сегодня ее увел. И я по-прежнему очень хочу, чтобы ты заглянул ко мне вечером.

Я уставился на нее. Затем поднял свой бокал и выпил.

— Ты… замечательная, — сказал я. Больше мне ничего не пришло в голову. Либо все это она тут же наспех придумала, либо сказала правду. Если это правда, то выглядит несколько патетически; если нет, то ничего не скажешь — хорошенький образец быстрого поворота мыслей: так мгновенно все просчитать, чтобы ударить меня в самое уязвимое место — мое ego. Найда заслуживала или симпатию, или крайне настороженное восхищение. Поэтому я добавил:

— Хотелось бы мне встретиться с тем человеком, который писал про меня отчеты. Может быть, за канцелярским столом пропадает впустую великий творческий дар.

Она улыбнулась, приподняла бокал и коснулась краешка моего.

— Подумай об этом, — сказала она.

— Могу тебе честно пообещать, что я тебя не забуду, — ответил я.

Мы оба вернулись к еде, и следующие пять минут я провел, уткнувшись в тарелку. Билл любезно позволил мне это сделать. К тому же, я думаю, он решил убедиться, что наша с Найдой беседа закончилась.

Наконец он мне подмигнул:

— Есть у тебя минутка?

— Боюсь, что да, — сказал я.

— Даже не спрашиваю, чем ты занимался на той стороне — делами или же развлекался.

— Развлекался, — ответил я, — но и делами тоже, правда, довольно странными. Не спрашивай, не то я пропущу десерт.

— Итак, — сказал он, — коронация в Кашфе произойдет завтра.

— Значит, времени зря не тратим?

— Да. Джентльмен, который займет трон, это Арканс, герцог Шедбурн. Он годами был и в правящей партии, и в оппозиции, в различных правительствах Кашфы, всякий раз на весьма высоком посту. Он действительно знает, как все это делается, и еще он в дальнем родстве с прежними монархами. Не слишком хорошо ладил с группировкой Джасры и довольно долго затворничал в своем загородном доме, пока она пребывала у власти. Он не надоедал Джасре, а она не надоедала ему.

— Вроде бы вариант разумный.

— На деле, он разделял взгляды Джасры на ситуацию в Эрегноре, и в Бегме об этом хорошо знают…

— А в чем, — спросил я, — заключается ситуация в Эрегноре?

— Это их Эльзас-Лоррайн[63], — сказал он, — большой, богатый район между Кашфой и Бегмой. Он столько раз в течение последних столетий переходил из рук в руки, что обе стороны имеют на него примерно одинаковые права. Даже население этого района не так уж упорствует в этом вопросе. У них есть родственники на обеих сторонах. Я даже не уверен, волнует ли их, которая из сторон заявляет на них претензии, пока им не повышают налоги. Я думаю, заявка Бегмы будет чуть-чуть повесомее, но в любом случае дело можно оспорить.

— А Кашфа владеет районом сейчас, и Аркане говорит, что они очень даже неплохо им управляют.

— Верно. То же самое говорила и Джасра. Тем не менее временный правитель — его звали Джэстон, он из военных, — действительно хотел обсудить статус района с Бегмой, прежде чем так неудачно упал с балкона. Я думаю, он хотел пополнить казну и собирался передать этот район взамен выплаты убытков от какой-то древней войны. Все на деле неплохо сдвинулось с места и шло в нужном направлении.

— И?.. — сказал я.

— В бумагах, что я получил от Рэндома, Янтарь особо признает Кашфу, как включающую в свой состав Эрегнор. Аркане настоял, чтобы это вставили в договор. Обычно — судя по тому, что я сумел отыскать в архивах, — Янтарь избегает вовлекать себя

в щекотливые ситуации, подобные этой, когда дело касается спора между союзниками. Оберон редко напрашивался на неприятности. Но Рэндом, похоже, торопится и позволил этому парню заключить невыгодную для себя сделку.

— Рэндом слишком остро на все реагирует, — сказал я, — это я не в укор ему. Он сильно напоминает Брэнда.

Билл кивнул.

— Я просто наемный помощник, — сказал он. — Свое мнение я держу при себе.

— Ну, а что мне еще следует знать об Аркансе?

— О, жителям Бегмы в нем много чего не нравится, и это, пожалуй, сейчас самое главное, ведь население всерьез считает, что на данный момент совершилось некоторое продвижение вперед в вопросе, который на протяжении многих поколений был предметом национальных споров. В прошлом они даже войну устраивали. Не сомневаюсь, что именно поэтому они устремились в город. Их желание, естественно, — управлять самим.

Билл поднял кубок и пригубил вино.

Чуть позже Виалль что-то сказала Лльюилл, поднялась на ноги и объявила присутствующим, что ей надо за чем-то там присмотреть и что она через минуту вернется. Лльюилл тоже начала подниматься, но Виалль положила ей на плечо ладонь, что-то шепнула и удалилась.

— Интересно, что бы это могло значить? — сказал Билл.

— Не знаю, — ответил я.

Он улыбнулся.

— Может, поразмышляем на эту тему?

— У меня мозги на автопилоте, — сказал я.

Найда подарила мне долгий взгляд. Я выдержал его и пожал плечами.

Еще чуть-чуть погодя тарелки были убраны и принесены другие. Что бы в них ни было, все выглядело замечательно. Хотя прежде, чем я смог убедиться в этом окончательно, вошла женщина из обслуги.

— Лорд Мерлин, — сказала она, — королева хотела бы вас видеть.

Я уже был на ногах.

— Где она?

— Я провожу.

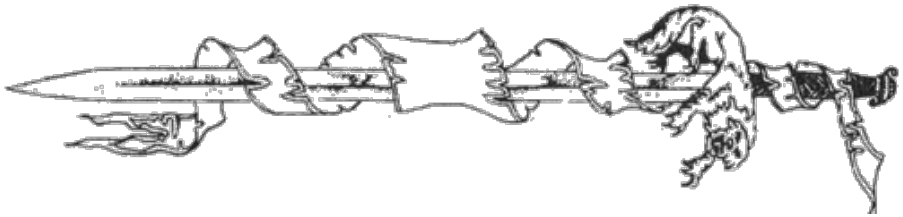
Я извинился перед собеседниками, позаимствовав фразу о том, что через минуту вернусь, и про себя гадая, окажется ли мой плагиат правдой. Я последовал за прислугой в небольшую гостиную, где и был оставлен с глазу на глаз с Виалль. Королева сидела в неудобном на первый взгляд кресле с высокой спинкой

из темного дерева, обитого кожей; по краям обивки виднелись шляпки литых железных гвоздей. Если бы ей понадобились мускулы, она бы послала за Джерардом. Если бы ей понадобился ум, набитый историческими событиями и политическим потворством, здесь оказалась бы Лльюилл. Так что я сделал вывод, что дело заключается в магии, поскольку в этом я считался авторитетом.

Но я ошибся.

— Я хотела бы с тобой поговорить, — сказала Виалль, — по поводу той небольшой войны, в которую мы вот-вот будем втянуты.

VIII



После приятного времяпрепровождения с милой дамой, череды возбуждающих кулуарных бесед и расслабляющего обеда с семьей и друзьями казалось почти естественным, что теперь самое время развлечься чем-нибудь погрубее. Тем более, война небольшая для меня привлекательнее, чем крупная, хотя Виалль я

этого сообщать не стал. Мгновенное осторожное обдумывание, и мой вопрос был готов:

— Что происходит?

— Люди Далта окопались возле западной оконечности Ардена, — сказала она. — Джулиэн, чтобы их удержать, растянул свои отряды по фронту. Бенедикт забрал у Джулиэна часть людей и вооружений. Говорит, что хочет выполнить фланговый маневр, который разделит войско Далта на части. Но я его пока отговорила.

— Не понимаю. Почему?

— Погибнут люди, — сказала она.

— На войне обычно так и бывает. Не всегда приходится выбирать.

— Дело в том, что выбор у нас есть, — сказала Виалль, — выбор, которого я не понимаю. И я хочу сначала во всем этом разобраться, прежде чем отдавать приказ, который станет причиной многих смертей.

— Какой еще выбор? — спросил я.

— Я пришла сюда в ответ на Козырное послание от Джулиэна, — сказала она. — Он только что говорил с Далтом под флагом перемирия. Далт сообщил, что на этот раз не имеет намерений разрушить Янтарь. Хотя сказал, что мог бы начать атаку и это дорого бы нам обошлось. Тем не менее он утверждает, что охотнее сэкономил бы затраты и нам, и себе. Ему от нас нужны только наши пленники — Ринальдо и Джасра.

— М-да? — сказал я. — Даже если ему так хочется, мы не можем отдать ему Льюка. Его здесь нет.

— Джулиэн так ему и сказал. Тот, кажется, очень удивился. Он почему-то считает, что мы держим Ринальдо под замком.

— Ну, вообще-то мы не обязаны заниматься просвещением этого парня. Я понимаю так, что некоторое время он был очень занозистым. Но думаю, у Бенедикта найдется для него нужный ответ.

— Я позвала тебя сюда не ради советов, — сказала Виалль.

— Прошу прощения, — сказал я. — Это из-за того, что я не люблю смотреть, как кто-то пытается выделывать подобные экзерсисы и еще при этом считает, что у него есть шанс на успех.

— Шансов у него нет, — сказала Виалль. — Но если мы покончим с ним прямо сейчас, то ничего не узнаем. А мне бы хотелось выяснить, что за всем этим стоит.

— Пусть Бенедикт приведет Далта сюда. У меня есть заклинания, которые быстро его расколют.

Виалль покачала головой.

— Слишком рискованно, — объяснила она. — Как только

начнут летать пули, есть вероятность, что одна может найти и его. Тогда мы проиграем, даже если победим.

— Не понимаю, чего же ты хочешь от меня?

— Далт попросил Джулиэна связаться с нами и изложить его требования. Он обещал держать перемирие до тех пор, пока мы не дадим ему официальный ответ. Джулиэн говорит, что у него создалось впечатление, что любой из ответов удовлетворит Далта.

— Я вообще не хочу отдавать ему Джасру.

— И я не хочу. Больше всего на свете я хочу понять, что происходит. Не слишком разумно было бы освобождать Джасру и расспрашивать ее — после всех этих недавних событий. Я хочу знать, нет ли у тебя способа связаться с Ринальдо. Я хочу с ним поговорить.

— Ну… э-э… да, — сказал я. — У меня есть его Козырь.

— Воспользуйся им.

Я достал карту. Уставился на нее. Переключил разум на особый режим активации и вызова. Картинка изменилась, ожила…

Сумерки, возле костра стоит Льюк. На нем зеленое обмундирование, легкий плащ бурого цвета, на плече застежка с изображением Феникса[64].

— Мерль, — сказал он. — Войска я могу переместить прямо сейчас. Когда ты соберешься ударить по крепости и…

— Отложи на полку, — прервал я. — Тут кое-что другое.

— Что?

— Далт у ворот, и Виалль хочет поговорить с тобой до того, как мы его разнесем на части.

— Далт? Там? В Янтаре?

— Да, да и да. Он говорит, что уйдет и станет играть где-нибудь в других краях, если мы выдадим ему две вещи, которые ему нужны больше всего на свете: тебя и твою мать.

— Он сумасшедший.

— Ага. Мы тоже так думаем. Ты поговоришь об этом с королевой?

— Будь уверен. Проведи меня че… — он запнулся и посмотрел мне в глаза.

Я улыбнулся.

Льюк протянул руку. Я тоже. И вот он уже здесь. Льюк огляделся, увидел Виалль. Тут же расстегнул перевязь и передал мне. Приблизился к королеве, припал на колено и склонил голову.

— Ваше Величество, — сказал он. — Я явился.

Она протянула руку и коснулась его.

— Подними голову, — сказала она.

Он поднял, и пальцы Виалль скользнули по его лицу.

— Сила, — сказала она. — И печаль… Значит, ты — Ринальдо. Ты доставил нам много горя.

— Себе тоже, Ваше Величество.

— Да, конечно, — отозвалась она. — Неправильное действие и неправильное возмездие эхом падает на невинных. Как далеко зашло все на этот раз?

— Дела с Далтом?

— Нет. С тобой.

— О-о, — сказал он. — Все кончено. Больше никаких бомб и засад. Я уже говорил Мерлину.

— Ты знаешь его много лет?

— Да.

— Вы подружились?

— Он — одна из причин, из-за которых я вышел из игры.

— Ты должен очень доверять ему, раз пришел сюда. Я уважаю это, — сказала она. — Возьми.

Виалль сняла перстень, который носила на правом указательном пальце. Золотой ободок, молочно-зеленый камень; выступы оправы охватывали его на манер паука-ворожея, охраняющего сокровища страны грез от подрассветного мира.

— Ваше Величество…

— Носи его, — сказала она.

— Да, — отозвался он, протискивая сквозь него мизинец левой руки. — Благодарю.

— Поднимись. Я хочу, чтобы ты полностью знал, что происходит.

Льюк встал на ноги, и Виалль принялась пересказывать ему то, что только что рассказала мне — о появлении Далта, расположении его сил, о его требованиях, — пока я стоял, оглушенный смыслом того, что она сделала. Она только что взяла Льюка под свое покровительство. Каждому в Янтаре было знакомо это кольцо. Мне стало интересно, что подумает Рэндом. Затем я сообразил, что не будет никакого слушания дела. Бедный Билл. Думаю, он действительно подготовился к выступлению на процессе Льюка.

— Да, я знаю Далта, — услышал я голос Льюка. — Когда-то нас с ним объединяли… некие общие цели. Но Далт изменился. Во время нашей последней встречи он пытался убить меня. Я не знаю, зачем. Сначала я подумал, что колдун из Крепости взял над ним контроль.

— А теперь?

— Теперь я просто не понимаю. У меня такое чувство, что

Далта водят на поводке, но я не знаю, кто это может быть.

— Разве это не колдун?

— Какой смысл забираться так далеко, чтобы предъявлять права на мое пленение, когда совсем недавно я был в руках у колдуна и тот отпустил меня всего несколько дней назад. Что стоило ему просто оставить меня в камере?

— Действительно, — отозвалась Виалль. — Как зовут этого колдуна?

— Маска, — ответил он. — Мерлин знает о нем больше меня.

— Мерлин, — сказала она. — Кто такой Маска?

— Колдун, который отобрал у Джасры Крепость Четырех Миров, — объяснил я, — а Джасра в свою очередь отобрала ее у Шару Гаррула — тот тоже стал вешалкой. Этот маг носит синюю маску и, похоже, черпает силу из странного фонтана, расположенного в цитадели. И, кажется, именно я сильно не нравлюсь Маске. Это все, что я могу сказать.

Про свой план отправится туда вскоре после заката я, естественно, промолчал — из-за того, что в деле замешан Джарт; к тому же я не хотел, чтобы об этом стало известно Рэндому. Я был уверен, что Льюк специально перекинул этот вопрос на меня, потому что не знал, насколько мне было выгодно его поднимать.

— Не много же ты нам можешь сказать о Далте, — произнесла Виалль.

— Может, тут и нет никакой связи, — сказал я. — Я понимаю так: Далт — наемник, а связь их — разовая. Теперь он либо работает еще на кого-нибудь, либо добивается чего-то для себя.

— Я не могу понять, зачем кому-то мы так позарез понадобились, чтобы для этого переться в такую даль, — сказал Льюк. — Но с этим парнем у меня свои счеты, и я намерен дело сочетать с удовольствием.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она.

— Мне кажется, что есть способ по-быстрому все уладить, — сказал он.

— Всегда можно козырнуться к Джулиэну, — сказал я, — но что ты задумал, Льюк?

— Хочу поговорить с Далтом.

— Это слишком опасно, — сказала Виалль, — ведь тебя-то он и хочет заполучить.

Льюк оскалился.

— Для Далта это тоже может оказаться хоть чуть-чуть, но опасно, — ответил он.

— Подожди-ка, — остановил я Льюка. — Если ты задумал что-то еще, а не только один разговор, ты можешь сорвать перемирие. Виалль пытается избежать конфликта.

— Не будет никакого конфликта, — сказал Льюк. — Слушай, я знаю Далта с тех пор, как мы были детьми, и, по-моему, он блефует. За ним это водится. У него не те силы, чтобы рисковать нападением на Янтарь. Вы, ребята, его просто раскатаете в блин. Если ему нужен я или мамочка, я думаю, ему захочется сказать мне — для чего. А ведь это мы и собираемся выяснить, верно?

— Ну, да, — сказал я. — Но…

— Позвольте мне добраться до него, — сказал Льюк Виалль, — и я найду способ снять Далта у вас с загривка. Обещаю.

— Ты меня искушаешь, — сказала Виалль. — Но мне не нравятся твои речи о сведении каких-то личных счетов. Как сказал Мерлин, я хочу избежать конфликта — по многим причинам.

— Обещаю не заходить так далеко, — заявил Льюк. — Я всегда угадываю заранее, как выпадет кость. И привык делать дела экспромтом. А вознаграждение может и подождать.

— Мерлин?.. — сказала она.

— В этом он прав, — ответил я. — Он самый настырный коммивояжер на всем юго-западе.

— Боюсь, я не понимаю, что это значит.

— Это очень своеобразное искусство на тени Земля, где мы оба одно время с ним жили. На самом деле он уже и сейчас им пользуется вовсю.

— Думаешь, мы можем ему позволить?

— Думаю, ему нет равных в искусстве добиваться желаемого.

— Это точно, — подтвердил Льюк. — И раз все мы здесь хотим одного и того же, думаю, будущее для нас представляется необыкновенно радужным.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала Виалль. — Ринальдо, а для тебя это не будет опасно?

— Я буду в такой же безопасности, как здесь, в Янтаре, — сказал он.

Виалль улыбнулась.

— Ладно, я поговорю с Джулиэном, — согласилась она. — Я договорюсь, чтобы он тебя встретил, и ты посмотришь, что можно узнать у Далта.

— Минуточку, — сказал я. — Там сейчас метель и дует так, что небесам дурно. А Льюк только что прибыл из мест с умеренным климатом, и плащ на нем всего ничего. Сначала я найду для него что-нибудь потеплее. У меня должен быть плотный плащ; если он подойдет, пусть пользуется.

— Хорошо, — сказала Виалль.

— Мы ненадолго.

Виалль задумчиво надула губы, затем кивнула.

Я вернул Льюку перевязь, и он ее прицепил на место. Я не сомневался, Виалль знает прекрасно, что я просто хотел поговорить с ним с глазу на глаз. А также ей было наверняка известно, что я это знаю. И мы оба знали, что она мне доверяет, и это облегчало мое существование в той же мере, как и осложняло его.

Пока мы шли по коридору к моим комнатам, я собирался пересказать Льюку то, что знаю о будущей коронации в Кашфе, и еще кое-что другое. Но все-таки я подождал, пока мы не отошли от гостиной подальше, потому что Виалль отличалась замечательно острым слухом. Это дало Льюку возможность сделать первый ход. Он сказал:

— Какой удивительный поворот. — Затем: — Виалль мне нравится, но у меня такое чувство, что она знает больше, чем говорит.

— Наверное, — ответил я. — Я думаю, все мы такие.

— И ты?

— В последнее время — да. Так уж получается.

— Ты знаешь об этой ситуации что-то такое, о чем мне тоже бы не мешало знать?

Я покачал головой.

— Для меня это все — как снег на голову. Она, насколько я понимаю, рассказала тебе всю историю целиком. Может быть, ты знаешь об этом что-нибудь, чего не знаем мы?

— Нет, — сказал он. — Для меня это тоже стало сюрпризом. Но получается, что продолжение за мной.

— Получается, так.

Мы почти приблизились к коридору, ведущему к моим апартаментам, и я почувствовал, что обязан подготовить Льюка к тому, что он там увидит.

— Сейчас мы придем ко мне, — сказал я. — Я просто хотел, чтобы ты знал, что там твоя мать. Она в безопасности, но едва ли ты найдешь ее очень разговорчивой.

— Я знаком с результатом того заклятия, — сказал он. — А потом, я же в курсе: ты знаешь, как его снять. Кстати… Это подводит нас к следующей теме. Хотя нет, погоди. Я вот что думаю. Эта интерлюдия несколько отдаляет наши планы похода на Маску и твоего брата.

— Не настолько, — ответил я.

— Хотя неизвестно, сколько потребует времени история с Далтом, — продолжал он. — Предположим, дело затянется? Или случится нечто такое, отчего и правда выйдет задержка?

Я выстрелил в него взглядом.

— Например, то, что ты задумал? — спросил я.

— Я не знаю. Я просто предполагаю. О'кей? Мне нравится строить планы заранее. Скажем, мы отложим эту атаку…

— Ладно. Скажем, так скажем. — Мы уже были у моей двери.

— Я это к чему, — продолжал он, — а что, если мы явимся слишком поздно? Допустим, мы будем там, а твой братец уже прошел ритуал, который превратил его в дьявола на колесах?

Я открыл дверь и чуть придержал, пропуская Льюка. Мне не нравились шуточки на такую тему — я помнил рассказ отца про тот случай, когда он встретил Брэнда и столкнулся с той жуткой силой.

Льюк шагнул в комнату. Я щелкнул пальцами, и ожили масляные светильники; мгновение их огни танцевали, потом пламя выровнялось.

Джасра стояла как раз перед Льюком, держа на вытянутой руке что-то из моей одежды. На миг мне стало не по себе — неизвестно, какой могла оказаться его реакция.

Он остановился, изучая ее, затем подошел ближе; про Джарта он больше не вспоминал. Секунд, наверное, десять он смотрел на нее, и все это время я чувствовал себя не в своей тарелке. Затем Льюк ухмыльнулся.

— Ей всегда нравилось рисоваться, — сказал он, — но чтобы соединить эту любовь с пользой для окружающих — об этом она никогда, кажется, не задумывалась. Нужно отдать Маске должное. Правда, мамочка, наверное, не поймет юмора.

Льюк отвернулся и посмотрел на меня.

— Нет, скорее всего, она очнется, едкая, как кошачья моча, и снова примется искать приключений на свою задницу, — задумчиво сказал он. Затем: — Плащ, что она держит, это не тот, про который ты говорил?

— Нет, сейчас достану.

Я подошел к гардеробу и достал один из плащей темного меха. Пока мы обменивались плащами, Льюк провел ладонью по густому меху.

— Мантикора[65]? — спросил он.

— Волк, — сказал я.

Я убрал его плащ и закрыл дверцу, пока Льюк натягивал мой.

— Так вот, мы не договорили, — сказал он. — Предположим, я не вернусь?

— Ты такого не говорил, — поправил я.

— Ну, может быть, другими словами, — ответил он. — Какая разница, маленькая выйдет задержка или большая? Главное: что, если Джарт пройдет ритуал и получит свою долгожданную силу прежде, чем мы сможем что-нибудь с этим сделать? И допустим, к

тому времени меня не окажется под рукой и помочь тебе будет некому?

— А не многовато ли допущений? — сказал я.

— Они-то и помогают нам побеждать, дружок. А плащ у тебя хороший.

Он подошел к двери, посмотрел на меня, на Джасру.

— О'кей, — сказал я. — Ты идешь туда, Далт отрезает тебе голову и делает из нее футбольный мяч, затем появляется Джарт десяти футов ростом и пердящий огнем. Спрашивается, помогут ли победить твои допущения?

Льюк шагнул в коридор. Я — за ним, на выходе щелкнув пальцами и оставив Джасру без света.

— Все зависит от твоих действий, — сказал мне Льюк, пока я запирал дверь.

Я догнал его и зашагал рядом, когда он направился обратно по коридору.

— Человек, который овладевает силой такого рода, одновременно приобретает и уязвимость, обусловленную источником силы. — сказал Льюк.

— И что это значит? — спросил я.

— Точно не знаю, — сказал он. — Но силу в Крепости можно использовать против человека, которому Крепость дала силу. Я узнал это из записей Шару. Но мамочка отобрала их раньше, чем я прочел все целиком, и больше я их не видел. Никогда не доверяй — по-моему, такой у нее девиз.

— То есть ты говоришь…

— Я говорю, что если со мной что-то случится, а противник окажется победителем в этой игре, то, кажется, ей известны какие-то способы его уничтожить.

— О-о!

— А еще я вполне уверен, что расспрашивать ее будет очень весело.

— Ну уж это-то я, положим, знаю.

Льюк выдал грустный смешок.

— Так ты скажи ей, что с вендеттой я завязал, а потом в обмен за помощь предложи цитадель.

— А если она скажет, что этого мало?

— Черт возьми! Тогда преврати ее снова в вешалку! Думаешь, этого парня нельзя убить? Мой отец умер от стрелы в глотке, и никакая чудесная сила ему не помогла! Удар насмерть это всегда удар насмерть. Просто нанести его такому человеку намного сложнее.

— Ты действительно думаешь, что этого будет достаточно? — сказал я.

Льюк остановился и хмуро посмотрел на меня.

— Она будет спорить, но в конце концов согласится, — сказал он. — Как-никак для нее это шаг наверх. И она захочет отомстить Маске — цитадель ведь тоже часть бывших ее владений. А что касается твоего вопроса — ответ такой: не доверяй ей. Неважно, что она пообещает, она никогда не удовлетворится меньшим, чем у нее было раньше. Она все равно станет интриговать. Она будет хорошим союзником, пока работа не будет сделана. Затем тебе придется подумать, как от нее защититься. Если, конечно…

— Если что?

— Если, конечно, не появлюсь я с чем-нибудь, что подсластит ей приз.

— С чем, например?

— Пока не знаю. Но не снимай заклинания, пока я не разберусь с Далтом. О'кей?

Льюк продолжал идти.

— Подожди минуту, — сказал я. — Что ты собираешься делать?

— Ничего особенного, — ответил он. — Как я сказал королеве, я просто собираюсь поиграть прямо с листа.

— Иногда мне кажется, что ты неискренен ровно настолько, насколько хочешь представить свою мамочку в таком свете, — сказал я.

— Может быть, ты и прав, — откликнулся он. — Но есть разница. Я — честен.

— Не знаю, решился бы я купить у тебя подержанную машину, Льюк.

— Каждая сделка, которую я с кем-нибудь заключаю, — особенная, — сказал он, — а для тебя — всегда лучший товар из партии.

Я взглянул на него; на лице Льюка не дрогнул ни один мускул.

— Больше тебе от меня ничего не надо? — добавил он, быстрым жестом показывая на гостиную.

— Сейчас ничего, — ответил я, и мы вошли в комнату.

Виалль повернула голову в нашу сторону; лицо ее было таким же непроницаемым, как у Льюка.

— Я понимаю так, что теперь ты одет и готов отправиться? — спросила она.

— Вполне, — сказал он.

— Тогда давайте займемся делом, — сказала Виалль, поднимая руку, в которой держала Козырь. — Пожалуйста, подойди сюда.

Льюк приблизился к ней, я — за ним. Я увидел, что это был Козырь Джулиэна.

— Положи ладонь мне на плечо, — сказала Виалль Льюку.

— Хорошо.

Он положил ладонь; она потянулась, нашла Джулиэна и заговорила с ним. Вскоре к беседе подключился и Льюк, объясняя, что он собирается сделать. Я случайно услышал, как Виалль говорит, что план Льюка одобрен.

Мгновением позже я увидел, как Льюк вытягивает свою свободную руку. Еще я увидел скрытую тенью фигуру потянувшегося вперед Джулиэна. Понятно, что в Козырной связи я не участвовал. Просто я вызвал зрение Логруса и стал восприимчив к подобным штукам. Зрение мне понадобилось, чтобы рассчитать момент. Льюк не должен был ускользнуть от меня раньше времени.

Я успел опустить свою руку ему на плечо и шагнул вперед, как только он подался туда же.

— Мерлин! Что ты делаешь? — услышал я окрик Виалль.

— Мне бы хотелось увидеть все самому, — сказал я. — Я сразу вернусь, как только все разрешится. — И радужные ворота за мной закрылись.

Мы стояли в мерцающем свете масляных фонарей внутри огромной палатки; снаружи завывал ветер и шелестели ветки. Лицом к нам стоял Джулиэн. Он отпустил руку Льюка и разглядывал того без всякого выражения.

— Значит, это ты убил Кэйна, — сказал он.

— Я, — отозвался Льюк.

Я вспомнил, что Кэйн и Джулиэн были особенно друг другу близки. Если Джулиэн собирается убить Льюка и объявить вендетту, то уверен, что Рэндом, не задумываясь, кивнет и даст на это добро. Наверное, даже улыбнется. Впрочем, трудно сказать. Если бы я был на месте Рэндома, то только бы с облегчением вздохнул, узнав, что Льюк выведен из игры. На самом деле это была одна из причин, почему я пошел сюда. А вдруг эта сделка просто подстроена? Я не мог, конечно, представить Виалль участницей заговора, но ее легко могли обвести вокруг пальца Джулиэн с Бенедиктом. Кто знает, может, здесь и нет никакого Далта?

Или он здесь — и действительно просит голову Льюка? В конце концов, он же на самом деле пытался Льюка убить. Такая возможность тоже не исключалась, и так же не исключалось, что Джулиэн наиболее вероятный кандидат в желающие принять участие в подобном проекте. Во имя блага Янтаря.

Джулиэн встретился со мной взглядом, и я скроил такую же

равнодушную маску.

— Добрый вечер, Мерлин, — сказал он. — У тебя какие-то особые полномочия в этом деле?

— Я наблюдатель, — ответил я. — Мои полномочия будут зависеть от обстоятельств.

Откуда-то снаружи донеслось ворчание адской гончей.

— Ты столько времени стоял в стороне, — сказал Джулиэн.

Я улыбнулся.

— У колдунов особые способы не мозолить глаза, — отозвался я.

Джулиэн вновь осмотрел меня, задумавшись — я был в этом уверен, — нет ли здесь своего рода угрозы: может, я хочу защитить Льюка или за него отомстить.

Затем он пожал плечами и повернулся туда, где на небольшом столике лежала карта, прижатая камнем и кинжалом. Он сделал знак, чтобы Льюк приблизился; я подошел тоже.

Это была карта западной оконечности Ардена, и Джулиэн указал на ней наше расположение. Гарнат лежал от нас к юго-западу, Янтарь — к юго-востоку.

— Наши войска расположены здесь, — сказал Джулиэн, тыча пальцем в карту. — Далт — вот здесь.

Он нарисовал еще одну линию, почти параллельную нашей.

— А отряды Бенедикта? — спросил я.

Джулиэн взглянул на меня, легонько нахмурившись.

— Льюку достаточно будет знать, что такие отряды есть, — сказал он, — а все остальное не обязательно. В этом случае если Далт возьмет его в плен и начнет допрашивать, то получит одну только головную боль и ничего больше.

Льюк кивнул.

— Неплохая мысль, — сказал он.

Джулиэн показал на точку между двумя линиями.

— В этом месте мы с ним встретились, когда договаривались в прошлый раз, — объяснил он. — Это ровный, открытый участок, и днем он хорошо просматривается с обеих сторон. Предлагаю им воспользоваться для твоей встречи.

— Хорошо, — сказал Льюк; я заметил, пока он отвечал, кончики пальцев Джулиэна поглаживали рукоятку кинжала. Еще я увидел, что правая рука Льюка как бы случайно легла на пояс чуть левее его собственного клинка.

Затем Льюк и Джулиэн одновременно улыбнулись друг другу и так, с улыбкой, продолжали стоять еще несколько долгих секунд. Льюк был крупнее Джулиэна, и я знал, что за ним быстрота и сила. Но за Джулиэном стояли столетия опыта обращения с оружием. Мне стало интересно, как я всему этому

помешаю, если каждый двинется против другого, потому что знал, что встрять мне придется. Но они опустили руки, будто по взаимному соглашению, и Джулиэн произнес:

— Позвольте предложить вам бокал вина.

— Не откажусь, — отозвался Льюк, а я подумал: уж не мое ли присутствие удержало их от того, чтобы схватиться. Хотя вряд ли. У меня было такое чувство, что Джулиэн просто хотел показать свое отношение к Льюку, а Льюк, в свою очередь, дал понять, что его на «ура» не возьмешь. Я не знаю, на кого бы из них поставил.

Джулиэн поставил на стол три чаши, наполнил «Отборным Бэйля» и сделал нам жест распоряжаться самим, пока он закупоривает бутылку; затем взял свою чашу первым и сделал глоток раньше, чем любой из нас успел хотя бы понюхать свое вино. Поспешное заверение, что нас не отравят и что он хочет поговорить о деле.

— Когда мы с ним встретились, каждый привел с собой двух слуг, — сказал он.

— Вооруженных? — спросил я.

Он кивнул.

— На самом деле, больше для показухи.

— Вы были верхом или пешие? — спросил Льюк.

— Пешие, — отозвался Джулиэн. — Каждый в одно и то же время оставил свои войска, и мы шли одинаковым шагом, пока не встретились посередине, в нескольких сотнях метров от каждой из сторон.

— Понятно, — сказал Льюк. — Никаких подвохов?

— Ни одного. Поговорили и разошлись.

— Когда это было?

— Перед самым заходом солнца.

— Как он выглядел? Я имею в виду — с головой у него было все в порядке?

— В общем, да. А надменная поза и выпады против Янтаря — это для Далта нормально.

— Понятно, — сказал Льюк. — Значит, ему нужен я или мамочка, или мы оба? И, не заимев нас обоих, угрожает напасть?

— Да.

— Он хоть как-нибудь намекнул, зачем мы ему понадобились?

— Нет, — отозвался Джулиэн.

Льюк отхлебнул вина.

— А он не сказал, живыми мы ему нужны или мертвыми? — спросил он.

— Сказал. Живыми, — ответил Джулиэн.

— И что же ты по этому поводу думаешь?

— Если я выдам ему тебя, то избавлюсь от тебя, — сказал Джулиэн. — Если я плюну ему в глаза и вызову на бой, то избавлюсь от него. В любом случае я выигрываю…

Затем его взгляд притянула чаша с вином, которую Льюк держал в левой руке; на мгновение глаза его округлились. Я сообразил, что Джулиэн только сейчас заметил кольцо Виалль.

— Похоже, Далта мне все равно придется убить, — заключил он.

— Тебе не показалось, — невозмутимо продолжил Льюк, — что он и вправду хочет напасть? А откуда он здесь оказался, про это ты что-нибудь знаешь? Или хотя бы есть какой-то намек, куда он мог бы направиться, когда покинет эти места… если покинет?

Джулиэн поболтал содержимым чаши.

— Я исхожу из предположения, что то, что он говорит, — правда, и что он действительно планирует нападение. Когда нам впервые стало известно о приближении войск Далта, он двигался со стороны Бегмы и Кашфы — вероятно, из Эрегнора, раз уж он так много там околачивается. Ну а насчет того, куда ему вздумается пойти потом, твоя догадка по этому поводу будет ничуть не лучше любой другой.

Льюк быстро глотнул вина, чтобы скрыть пробежавшую по лицу улыбку. Нет, сообразил я потом, догадка Льюка будет лучше любой другой. Чертовски лучше. Я тоже сделал быстрый глоток, хотя не был уверен, какое выражение на своем лице хотел скрыть.

— Спать можешь здесь. — сказал Джулиэн. — Если ты голоден, принесут еду. Мы устроим тебе встречу на рассвете.

Льюк покачал головой.

— Нет, сейчас, — сказал он, как бы ненароком повернув руку с кольцом к Джулиэну. — Мы хотим, чтобы встреча состоялась немедленно.

В течение нескольких биений пульса Джулиэн всматривался Льюку в лицо. Затем:

— Уже темно, и идет снег. Тебя будет плохо видно и им, и нам, — сказал он. — Любое недопонимание может привести к атаке, с любой из сторон.

— Если оба моих сопровождающих возьмут в руки по факелу и его сопровождающие — тоже, — предложил Льюк, — нас будет хорошо видно за несколько сотен ярдов.

— Возможно, — сказал Джулиэн. — Ладно. Я пошлю своих людей к нему в лагерь, а здесь сам подыщу тебе пару слуг.

— Я знаю, кого я хочу, — сказал Льюк. — Тебя и Мерлина.

— Ты любопытная личность, — сообщил Джулиэн. — Хорошо, я согласен. При любой раскладке мне бы хотелось быть там, с тобой.

Джулиэн подошел к выходу из палатки, откинул полог и вызвал дежурного офицера; несколько минут он что-то ему втолковывал. Пока они говорили, я решил объясниться с Льюком:

— Ты хоть знаешь, что делаешь, Льюк?

— Естественно, — отозвался он.

— Я сильно подозреваю, что все это несколько больше, чем игра с листа, — сказал я. — Или что-то тебе мешает открыть мне план?

Льюк мгновение меня оценивал, затем сказал:

— Я только недавно осознал, что я тоже сын Янтаря. Мы встретились и увидели, что очень и очень похожи друг на друга. О'кей. Все это хорошо. Это значит, что мы можем держаться вместе, согласен?

Я позволил себе нахмуриться. Я не был уверен в том, что он пытался сейчас сказать.

Льюк похлопал меня по плечу.

— Не волнуйся, — сказал он. — Можешь мне верить. Тебе все равно в этом деле особо выбирать не приходится. Может быть, я расскажу тебе позже. Но сейчас запомни: что бы ни случилось — не вмешивайся.

— А что, по-твоему, может случиться?

— На раздумья у нас, во-первых, нет времени, а потом не забывай — мы здесь не одни, — сказал он. — В общем, что будет, то будет, и, главное, помни все, что я тебе сегодня сказал.

— Значит, мне, говоришь, выбирать не приходится?

— Я хочу, чтобы об этом ты тоже не забывал, — сказал он, как только Джулиэн опустил полог и повернулся к нам.

— Предлагаю всем поужинать вместе, — громко сказал ему Льюк. — А, Мерлин? Ты как? Сильно голодный?

— Упаси боже, конечно, нет! — ответил я. — Я только что высидел официальный обед.

— О-о? — сказал он, будто бы без всякого интереса. — А по какому поводу?

Я рассмеялся. Для одного дня это уже перебор. Я чуть было ему не сказал, что «у нас, во-первых, нет времени, а потом — мы здесь не одни». Но Джулиэн как раз приоткрыл полог и прокричал приказ, а мне хотелось закинуть несколько крученых мячей на неухоженную площадку Льюка, чтобы посмотреть, что они сделают с его хладнокровием.

— О, обед был дан в честь премьер-министра Бегмы, Оркуза и кое-кого из его свиты, — объяснил я.

Льюк подождал, пока я изображал, что делаю долгий глоток вина. Затем, опустив чашу, сказал:

— Вот и все.

— Кончай, Мерлин. В чем дело? Я же от тебя ничего не скрываю.

— Да? — сказал я.

Сначала я не подумал, что Льюк увидит в этом что-то смешное, но он в ответ рассмеялся.

— Иногда мельницы богов мелют так дьявольски быстро, что нас по уши заваливает мукой, — сказал он. — Слушай, а почему бы тебе не отдать мне это бесплатно. Ты же знаешь, последнее время я был слишком далек от торговых дел. Что нужно Оркузу?

— А ты будешь иметь в виду, что до завтрашнего дня все это держится под секретом?

— О'кей. Так что же произойдет завтра?

— Аркане, герцог Шедбурн, будет коронован в Кашфе.

— Срань господня! — ответил на это Льюк. Посмотрел на Джулиэна, затем на меня. — Со стороны Рэндома это был чертовски умный выбор, — сказал, он спустя некоторое время. — Я не думал, что он настолько быстро сделает ход.

Льюк надолго уставился в какую-то невидимую точку. Затем произнес:

— Спасибо.

— Ну что, хорошо это или плохо? — спросил он.

— Мне или Кашфе? — сказал он.

— В таких тонкостях я не разбираюсь.

— Это хорошо, потому что я не знаю, как это воспринимать. Мне нужно немного подумать. Чтобы было из чего составить картину.

Я внимательно посмотрел на Льюка, и он опять улыбнулся.

— Во всяком случае, это уже *интересно,* — добавил он. — А больше новенького ничего?

— Обойдешься и этим, — сказал я.

— Пожалуй, ты прав. Не стоит перегружать систему. А то что-то слишком мы все усложняем, ты как, с этим согласен?

— Не совсем. Разве что только между собой, — сказал я.

Джулиэн отпустил полог, вернулся к нам и поискал свою чашу с вином.

— Сейчас принесут поесть, — сказал он.

— Спасибо, — ответил Льюк.

— По словам Бенедикта, — сказал Джулиэн, — ты сообщил Рэндому, что Далт — сын Оберона.

— Не отрицаю, — признался Льюк. — При этом прошедший Образ. Это что-то дает?

Джулиэн пожал плечами:

— У меня это не впервые — я имею в виду, желание прикончить родственника. Между прочим, ты мой племянник,

правильно?

— Правильно… дядя.

Джулиэн вновь поболтал чашей.

— Ну, добро пожаловать в Янтарь, — сказал он. — Прошлой ночью я слышал баньши. Интересно, с чем это связано?[66]

— Перемены, — ответил Льюк. — Они возвещают, что близятся перемены. И оплакивают то, что утеряно навсегда.

— Смерть. Они предвещают смерть, не так ли?

— Не всегда. Иногда они просто являются на поворотных пунктах истории. Для драматического эффекта.

— Плохо, — сказал Джулиэн. — Но всегда есть надежда.

Я подумал, что Льюк хочет еще что-то сказать, но Джулиэн заговорил раньше, чем тот успел раскрыть рот.

— Насколько хорошо ты знал своего отца? — спросил он.

Льюк сперва весь напрягся, потом сказал:

— Может, не так хорошо, как другие. Не знаю. Он был похож на коммивояжера. Придет, уйдет. Обычно он с нами не оставался надолго.

Джулиэн кивнул.

— Какой же он был, ближе к концу? — поинтересовался он.

Льюк изучал ладони.

— Что не в своем уме — так это наверняка, если ты это имеешь в виду, — наконец сказал он. — Я уже говорил Мерлину — по-моему, тот процесс, которому он подвергся, чтобы обрести силу, вывел его из равновесия.

— Я никогда не слышал этой истории.

Льюк пожал плечами.

— Детали не так важны… главное — результат.

— Говоришь, до этого он не был плохим отцом?

— Да не знаю я, черт возьми. У меня не было другого отца, чтобы сравнивать. Почему ты спрашиваешь?

— Просто из любопытства. Это та часть его жизни, о которой я ничего не знаю.

— Ну, а каким братом он был?

— Диким, — сказал Джулиэн. — Конечно, мы все друг с другом не слишком ладим. Поэтому и стараемся держаться друг от друга подальше. Но он был умен. Умен и талантлив. У него было призвание к искусству. Я просто пытался выяснить, сколько в тебе от него.

Льюк развел на это руками:

— Без понятия.

— Ну, ладно, это неважно, — ответил Джулиэн и, поставив чашу, вновь повернулся к выходу из палатки. — Думаю, еда сейчас будет.

И он отправился разбираться. Я слышал, как по ткани над головой шуршат ледяные иглы, а снаружи доносятся жалобы и ворчанье. Концерт для ветра и адских гончих. Баньши молчат. Пока молчат.

IX

Я шел примерно на шаг позади Льюка и парой ярдов левее,

пытаясь держаться на одной линии с Джулиэном, который шагал справа от него. Факел, который я нес, был довольно увесист — около шести футов просмоленного конического древка, заостренного на конце, чтобы легче было втыкать в землю. Я держал факел на вытянутых руках, потому что языки маслянистого пламени метались из стороны в сторону, повинуясь капризам ветра. Кусачие ледяные крошки впивались в руки, в щеки, в лицо; набивались в брови, схватывали ресницы. Я судорожно отмаргивался, когда жар факела превращал их в воду и она натекала в глаза. Трава была вся ломкая от морозца и похрустывала под моими шагами. Я видел, как спереди нам навстречу медленно приближались еще два факела; между ними маячила призрачная человеческая фигура. Я сморгнул и стал ждать, когда свет от какого-нибудь из факелов позволит мне его разглядеть получше. Я видел его лишь раз, очень недолго, по Козырю, в Лесном Доме. Волосы его отливали золотом, даже скорее медью; но я помнил — при свете дня они были грязновато-светлыми. Глаза его вроде бы были зелеными, хотя сейчас мне никак не удавалось их рассмотреть. Только теперь до меня дошло, какого он великанского роста, — либо это действительно было так, либо он сознательно выбрал в факельщики коротышек. В тот раз, когда я его увидел, он был один, так что сравнивать было не с кем. Когда до него добрался свет наших факелов, я увидел, что одет он в плотный зеленый дублет без рукавов и воротника[67] поверх чего-то черного и такого же плотного, но с рукавами, которые прятались в зеленых перчатках. Штаны на нем были черные, как и высокие сапоги, в которые они были заправлены; плащ был тоже черного цвета и изнутри подбит изумрудно-зеленым; когда под порывом ветра край плаща взлетел вверх, я увидел, как в нем отразился свет наших факелов; в изменчивом маслянистом желто-красном пейзаже, который нас окружал, выглядело это очень эффектно. На шее на цепи у него висел округлый тяжелый медальон, с виду казавшийся золотым; и хотя я не разобрал деталей, я был уверен, что изображает он Льва, терзающего Единорога. Он остановился шагов за десять-двенадцать от Льюка; тот — где-то секундой позже. Далт взмахнул рукой, и его сопровождающие воткнули свои факелы в землю. Мы с Джулиэном мгновенно сделали то же самое и остались стоять на месте, как и люди Далта. Затем Далт кивнул Льюку, и они оба шагнули вперед, встретившись в центре квадрата, который образовали факелы, пожали друг другу руки, глядя один другому в глаза. Льюк был ко мне спиной, но лицо Далта я видел. Оно казалось спокойным, но губы его уже двигались. Я не слышал слов, слова гасил ветер, к тому же тот и

другой намеренно говорили вполголоса. По крайней мере, наконец-то я получил представление о габаритах Далта. Льюк был примерно шести футов и трех дюймов ростом, и я видел, что Далт на несколько дюймов выше. Я взглянул на Джулиэна, но тот в мою сторону не смотрел. Мне стало вдруг интересно, сколько же сейчас глаз смотрят на нас с обоих краев поля.

Джулиэн всегда был не из тех, кто держит свои чувства открытыми. Он просто стоял и смотрел — флегматично, без всякого выражения. Я принял такой же вид; время шло; снег падал и падал.

Так продолжалось долго. Наконец Льюк повернулся и вновь направился к нам. Далт двинулся к своим факельщикам. Льюк остановился на полпути, и мы с Джулиэном приблизились, чтобы присоединиться к нему.

— В чем дело? — спросил я.

— О-о, — сказал он. — По-моему, я нашел способ, как обойтись без войны.

— Здорово, — сказал я. — И что же ты ему продал?

— Я продал ему мысль сразиться со мной на дуэли. Тогда все и определится, — объяснил он.

— Льюк, черт подери! — сказал я. — Он же — профи! Я уверен, что сила у него идет от тех же, что и у нас, генов. И все это время он жил в полевых условиях. Он сейчас в пике формы. Да и весит он больше, и руки у него длиннее твоих.

Льюк ухмыльнулся:

— Значит, будем надеяться на удачу. — И посмотрел на Джулиэна. — В общем, если ты сможешь передать приказ по рядам и убедить своих, чтобы, когда мы начнем, они оставались на месте, армия Далта тоже будет стоять.

Джулиэн увидел, как один из далтовых факельщиков направился обратно к своим. Затем повернулся к собственным войскам и что-то просигналил им руками. Вскоре из-за укрытия выскочил человек и побежал к нам.

— Льюк, — сказал я. — Это безумие. Единственный способ победить, это взять в секунданты Бенедикта, а потом сломать себе ногу.

— Мерль, — сказал он, — не надо. Это разборка моя и Далта. О’кей?

— Я могу тебе помочь заклинаниями, — сказал я. — Дадим дуэли начаться, а потом, когда надо, я ударю по Далту одним из них. А выглядеть будет так, что это твоя работа.

— Нет! — сказал он. — Это действительно вопрос чести. Так что тебе придется держаться подальше.

— О’кей, — сказал я, — если тебе так хочется.

— И потом, никто гибнуть не собирается, — объяснил он. — Никому из нас это пока не нужно, и это тоже часть сделки. Мы ценны друг для друга только живьем. Никакого оружия. Напрямую, *mano a mano*[68].

— Кстати, — поинтересовался Джулиэн, — а в *чем* состоит сделка?

— Если Далт надерет мне задницу, — отозвался Льюк, — то я стану его пленником. Он отведет войска, а я буду его сопровождать.

— Льюк, ты сумасшедший! — сказал я.

Джулиэн пристально посмотрел на меня.

— Продолжай, — сказал он.

— Если победа за мной, пленник — он, — продолжал Льюк. — Я его отвожу в Янтарь или куда мне хочется, а его офицеры отводят войска.

— Единственный способ гарантировать их отход, — сказал Джулиэн, — это дать им понять, что, если они этого не сделают, они обречены.

— Я знаю, — ответил Льюк. — Поэтому я сказал Далту, что на флангах ждет Бенедикт и, если что, он по ним ударит. Я уверен, что он согласился лишь по этой причине.

— Хитро придумано, — сказал Джулиэн. — В любом случае выигрывает Янтарь. Что ты пытаешься купить этим для себя, Ринальдо?

Льюк улыбнулся:

— Подумай сам.

— По-моему, ты выгадываешь здесь что-то большее, — ответил Джулиэн. — Не пододвинешься ли чуть правее, а?

— Зачем?

— Чтобы перекрыть Далту обзор, разумеется. Я хочу дать знать Бенедикту о том, что происходит.

Льюк пододвинулся, пока Джулиэн вынимал свои Козыри и искал нужный. Между тем от рядов прибыл гонец и встал в ожидании. Затем Джулиэн отложил все карты, кроме одной, и начал советоваться с Бенедиктом. Длилось это около минуты, затем Джулиэн сделал паузу, поговорил с гонцом и отправил его обратно. И снова продолжил беседу с картой. Когда он в конце концов перестал разговаривать или слушать, то не стал прятать Козырь в карман, где хранил остальные, а оставил в ладони — так, чтобы никто не видел со стороны. Я понял, что он это сделал, чтобы не прерывать контакт и все время оставаться с Бенедиктом на связи; так что Бенедикт сразу же узнает о результатах.

Льюк расстегнул плащ, который я ему одолжил, подошел и вручил его мне.

— Подержишь, пока я буду занят, ладно? — сказал он.

— Да. — Я взял плащ. — Удачи.

Льюк быстро улыбнулся и отвернул лицо. Далт уже двигался к центру квадрата.

Льюк тоже приблизился. Когда между ними оставалась пара шагов, они с Далтом остановились лицом друг к другу. Далт что-то сказал, что — я не расслышал, как и ответ Льюка.

Затем они подняли руки. Льюк принял боксерскую стойку; Далт больше всего походил на обороняющегося борца. Льюк сделал первый удар Далту в лицо — или, может быть, просто финт; в любом случае он не попал. Далт отмахнулся и отступил назад, а Льюк быстро переместился и впечатал ему два удара в корпус. Следующий удар в лицо натолкнулся на блок, и Льюк принялся кружить вокруг Далта, делая короткие быстрые удары. Затем Далт два раза попытался прорваться, и оба раза ему попало, после второго с губ у него тонкой ниткой потекла кровь. Хотя в третьем броске он все-таки опрокинул Льюка, но не смог навалиться сверху, — упав на землю, Льюк вывернулся и успел откатиться. Он попытался пнуть Далта по правой почке, как только оказался на ногах, а Далт схватил его за лодыжку и дернул вверх, отчего Льюк шлепнулся навзничь. Падая, свободной ногой Льюк достал его по колену, но Далт удержал ступню Льюка и, опускаясь, начал ее выкручивать. Морщась от боли, Льюк сумел перегнуться и ухитрился обеими руками схватить правое запястье Далта и вырвать ногу из хватки. Затем подобрался, переместился вперед и, все так же удерживая запястье, поднырнул справа под руку Далта, повернулся и бросил Далта лицом на землю. Затем быстро сдвинулся вбок, одновременно сгибая руку Далта в «замок» и левой рукой хватая Далта за волосы. Но пока он запрокидывал Далту голову — я был уверен, он готовится хорошенько долбануть ею о землю, — я понял, что это не сработает. Далт напрягся, рука в «замке» начала соскальзывать вниз. Он начал ее выпрямлять и отжимать захват. Тогда Льюк несколько раз попытался пригнуть голову Далта к земле, но без особого результата. Стало ясно, что если Льюк ослабит любую из своих рук, то у него будут крупные неприятности; удержать захват он не сможет. Далт был чертовски силен. Понимая это, Льюк навалился на него всем своим весом, оттолкнул и отпрыгнул в сторону. Но скорости ему не хватило; Далт успел откинуть освободившуюся руку назад и схватил Льюка за левую икру, как раз когда Льюк пытался на время ретироваться. Льюк споткнулся. Далт тут же распрямился и занес руку. Он впечатал Льюку мощный удар и сбил его с ног. На этот раз, когда Далт бросился на противника, Льюк не успел откатиться; ему удалось

лишь повернуться, и то — не до конца. Далт с силой плюхнулся сверху, увернувшись от выставленного колена, нацеленного ему в пах. Льюк вовремя не подставил руку, чтобы защитить себя от удара, и кулак угодил ему слева в челюсть. Ударом его развернуло и уложило плашмя. Затем его правая метнулась вперед, тыльной стороной запястья он ударил Далта под подбородок, пальцами нацеливаясь в глаза. Далт отдернул голову и отбил руку. Льюк, как молотом, ударил другой рукой ему по виску, и хотя удар достиг цели, Далт уже убирал голову, так что я не заметил никакого эффекта. Льюк уперся локтями в землю и, изгибаясь, вытолкнул себя вверх и вперед. Лбом он залепил Далту в лицо — куда, я не разглядел, — перед тем, как упал обратно. Через минуту, как раз когда Далт протянул левую руку, чтобы сгрести Льюка за шею, у Далта потекла носом кровь. Правой ладонью он хлестнул Льюка сбоку по голове. Еще до того, как удар угодил в цель, я увидел, как Льюк пытается вцепиться зубами в приближающуюся ладонь, но этому помешал захват шеи. Далт размахнулся, чтобы ударить снова, но на этот раз Льюк выставил в блоке левую руку, одновременно сжав правую на левом запястье Далта в попытке оторвать его руку от своей шеи. Затем правая ладонь Далта змеей скользнула мимо левой руки Льюка, чтобы присоединиться к захвату, и вот он уже двумя руками сжимал шею Льюка, а большими пальцами давил ему на дыхательное горло.

Я решил, что все кончено. Но правая рука Льюка вдруг метнулась к левому локтю соперника, левая рука накрест прошла мимо обеих рук Далта, чтобы сжаться на левом предплечье; затем Льюк извернулся и задрал локоть вверх. Далт отвалил налево, Льюк — откатился вправо и, мотая головой, стал подниматься. На этот раз он даже не попытался пнуть Далта, который уже стоял на ногах. Далт снова выставил руки вперед, Льюк поднял кулаки, и они оба опять принялись кружить, выбирая позицию.

Снег падал по-прежнему, ветер стихал и ударял вновь, то швыряя в лицо ледяными иглами, то позволяя снегу опускаться потревоженным занавесом. Я подумал обо всех войсках вокруг, и на мгновение мне стало интересно, не окажусь ли я в самом центре поля битвы, когда все закончится. Тот факт, что Бенедикт готов откуда-то устремиться сюда и нанести последний удар, меня не слишком-то успокаивал, даже если это и значило, что победа будет за нами. Затем я вспомнил, что никто меня сюда за уши не тянул.

— Давай, Льюк! — завопил я. — Раскатай его!

Это произвело крайне необычный эффект. Факелоносцы Далта тут же принялись орать, подбадривая своего вожака. Голоса

наши, должно быть, отнесло ветром, потому что вскоре поднялась новая волна звуков, которые я поначалу принял за отдаленные отголоски вьюги и лишь после сообразил, что это крики с обеих сторон. Только Джулиэн хранил непроницаемое молчание.

Льюк продолжал кружить возле Далта, время от времени поводя кулаками перед его носом и пробуя разные комбинации, а Далт по-прежнему от него отмахивался и пытался схватить Льюка за руку. У обоих лица были испачканы кровью, и оба, казалось, двигались чуть-чуть медленнее, чем раньше. Я чувствовал, что досталось обоим, хотя невозможно было сказать, кому больше. Льюк слегка поранил у Далта щеку. Лица у того и другого начали отекать.

Льюк ввязался в очередную атаку на корпус, но трудно было сказать, насколько мощны были его удары. Далт стоически их перенес и нашел в себе откуда-то силы, чтобы рвануться вперед и попытаться схватить Льюка. Льюк, замешкавшись, поздно ушел назад, и Далт сошелся с ним в клинче[69]. Оба пытались поставить друг друга на колени; оба уворачивались. Они долго продолжали переплетать руки и изворачиваться, и Далт все силился перехватить получше; Льюк ему не давал, одновременно стараясь вырвать руку и провести удар. Оба, перетаптываясь, несколько раз пытались ударить друг друга головой, но каждый раз уклонялись. В конце концов Льюку удалось подсечь ногу Далта и опрокинуть его на землю.

Уперев в Далта колено, Льюк выдал ему слева и тут же справа. Потом он вновь попытался ударить левой, но Далт перехватил кулак, рванул его вверх и сбросил Льюка с себя. Пока Далт наваливался на Льюка очередной раз — лицо его при этом было полумаской из крови и грязи, — Льюк каким-то образом сумел ударить его под сердце, но это не остановило правого кулака Далта, опустившегося, подобно камню, на челюсть Льюка. Далт подкрепил удар слабым тычком слева, потом слабым справа, немного передохнул, затем крепко впечатал правой. Голова Льюка свесилась набок, и он больше не двигался.

Далт сгорбился над ним, часто, по-собачьи, дыша и разглядывая лицо Льюка, словно подозревая какой-то подвох; правая рука его была сжата в кулак, словно бы он обдумывал, не начать ли драку сначала.

Но ничего не произошло. Десять-пятнадцать секунд они оставались в таком положении, прежде чем Далт медленно разогнулся, оттолкнул Льюка, затем осторожно встал на ноги, покачался секунду и выпрямился окончательно.

Я почти чувствовал на губах привкус смертоносного заклинания, которое у меня было в запасе. Пришить Далта можно

было за несколько секунд, и никто бы не понял, отчего он умер. Но я задумался, а что будет, если он тоже рухнет на землю. Не бросятся ли обе стороны в атаку? Тем не менее я удержался — и вовсе не из гуманных соображений. Нет, меня удержали слова Льюка: «Это действительно вопрос чести. Так что держись подальше» — и: «Никто умирать не собирается… мы слишком ценны друг для друга живыми».

О'кей. По-прежнему не было звуков труб. И люди не лезли в битву. Похоже, все может пойти так, как было оговорено. Этого Льюк и хотел. И вмешиваться я не собирался.

Я наблюдал, как Далт опустился на колени и приподнял Льюка с земли. Он тут же положил Льюка обратно, затем подозвал двух своих факелоносцев, чтобы те унесли тело. Далт поднялся опять и оказался лицом к лицу с Джулиэном.

— Я призываю тебя выполнить остальные пункты нашего соглашения, — сказал Далт громко.

Джулиэн слегка наклонил голову.

— Так и будет, если ты сам их не нарушишь, — ответил он. — Убери до рассвета отсюда своих людей.

— Мы уходим прямо сейчас, — отозвался Далт и стал разворачиваться.

— Далт! — выкрикнул я.

Он повернулся снова и уставился на меня.

— Мое имя Мерлин, — сказал я. — Мы встречались, хотя я не знаю, помнишь ли ты об этом.

Далт покачал головой.

Я поднял правую руку и произнес самое бесполезное, хотя и самое впечатляющее из моих заклинаний. Земля перед ним разверзлась, окатив его душем из грязи и гравия. Он отступил назад и обтер лицо, затем заглянул в неровную яму, которая перед ним открылась.

— Это твоя могила, — сказал я. — Смерть Льюка приведет тебя сюда.

Далт снова посмотрел на меня.

— В следующий раз я тебя смогу вспомнить. — Он повернулся и вслед за людьми, которые несли Льюка, пошел к своим войскам.

Я оглянулся на Джулиэна, который смотрел на меня. Он отвернулся и выдернул из земли свой факел. Я сделал то же. И пошел следом за ним туда, откуда мы пришли.

Позже, уже в палатке, Джулиэн заметил:

— Это решает одну из проблем. Возможно, две.

— Возможно, — ответил я.

— На какое-то время это Далта удержит.

— Полагаю.

— Бенедикт говорит, что этот парень уже сворачивает свой лагерь.

— Не думаю, что мы видели его в последний раз.

— Если это лучшее, что он может сделать на эти дни с войсками, тогда пускай.

— А не возникло ли у тебя впечатления, что миссия была выполнена экспромтом? — спросил я. — Что-то уж очень быстро он собрал войска. Похоже, у Далта было плотное расписание.

— Возможно, ты прав. Но он действительно здорово рисковал.

— И выиграл.

— Да, выиграл. И тебе не стоило демонстрировать ему свою силу в самом конце.

— Почему?

— Если ты когда-нибудь соберешься по его душу, твой враг будет предупрежден заранее.

— Ему нужно было это предупреждение.

— Ты пойми, этот парень живет рискуя. Он подсчитывает и делает ход. Как бы он тебя ни оценивал, своих планов он никогда не изменит. А потом, ведь ты и с Ринальдо виделся не в последний раз. Он такой же, как Далт. Эти двое понимают друг друга.

— Может быть, ты и прав.

— Еще бы не прав!

— Думаешь, если бы драка сложилась иначе, его армия бы это стерпела? — спросил я.

Джулиэн пожал плечами.

— Знаю, что, если б он победил, моя бы армия стерпела. Этого было достаточно.

Я кивнул.

— Прости, — сказал он. — Сейчас мне нужно доложить об этом Виалль. Думаю, ты захочешь козырнуться, когда я закончу?

— Да.

Джулиэн вытащил карту и занялся делом. Мне стало вдруг интересно, а что же ощущает Виалль, когда дело доходит до Козырного контакта; я задавался этим вопросом уже не раз. Я всегда вижу того, с кем соединяюсь по Козырю, и остальные тоже. Но Виалль, насколько я понимаю, была слепа от рождения. Я всегда чувствовал, что спрашивать ее об этом невежливо, и по этому поводу мне пришло в голову, что ее ответ, вероятно, не имел бы для зрячего особого смысла. Хотя мне всегда было интересно.

Пока Джулиэн обращался к ее затененному изображению, я

обратился мыслями к будущему. Скоро мне предстоит разбираться с Маской и Джартом, и теперь получалось так, что делать я это буду без Льюка. Хотелось ли мне действительно последовать его совету и попытаться уговорить Джасру на союз против них? Оправдает ли прибыль риск? И если откажусь, как мне исхитриться все это провернуть самому? Может, мне стоило бы проделать обратный путь в тот необычный бар и попробовать взять напрокат Бармаглота. Или Стрижающий Меч. Или и то, и другое. Может быть…

Я услышал, как в разговоре упомянули меня, и вынырнул в настоящем времени. Джулиэн что-то там объяснял Виалль, но я знал, что не так уж много надо ей объяснять. Так что я поднялся на ноги, потянулся и вызвал Зрение Логруса.

Я ясно увидел призрачный облик Виалль, когда направил свой взор на место перед Джулиэном. Виалль располагалась в том же самом жестком кресле, в котором я видел ее последний раз. Мне сделалось интересно, оставалась ли она там все это время или все-таки возвращалась в зал. Я надеялся, что она воспользовалась случаем вернуться и съесть не доставшийся мне десерт.

Джулиэн взглянул на меня, затем:

— Ты собрался? Она готова тебя принять, — сказал он.

Я подошел и встал рядом с ним, сбросив при этом Зрение Логруса. Я решил, что не стоит слишком близко сводить силы Логруса и Образа. Я протянул руку и коснулся карты, и изображение Виалль обрело четкость. Мгновение, и она перестала быть изображением.

— Пожалуйста, — сказала она, протягивая руку.

Я потянулся навстречу и осторожно взял ладонь королевы.

— До свидания, Джулиэн, — сказал я, делая шаг вперед.

Он не ответил. А может, я не услышал.

— Я совсем не рассчитывала, что все будет так, как вышло, — сказала Виалль, не отнимая руки.

— Нельзя было предвидеть того, что произошло, — сказал я.

— Льюк это знал заранее, — отозвалась она. — Теперь в этом не приходится сомневаться, разве не так? Вспомни кое-что из того, что он говорил. Наверняка свой план он разработал достаточно давно.

— Да, похоже, — ответил я.

— Он ведет какую-то рискованную игру. Хотела бы я знать, какую.

— Ничем не могу помочь, — сказал я. — Мне он об этом ничего не говорил.

— Но именно ты будешь тем человеком, с кем он со временем

выйдет на связь, — сказала она. — Когда это случится, немедленно сообщи мне.

— Хорошо, — согласился я.

Виалль отпустила мою руку.

— Вроде бы пока нам больше говорить не о чем?

— Ну, — начал я, — есть еще одно дело, о котором, по-моему, вам надо знать.

— Да?

— Это по поводу Корал — почему ее не было за обедом.

— Продолжай, — сказала Виалль.

— Вам известно, что сегодня мы с ней долго гуляли по городу?

— Известно, — сказала она.

— Мы спустились вниз, — продолжал я, — в зал Образа. Корал попросила на него посмотреть.

— Не она одна. Об этом многие просят. Вопрос в том, стоит ли туда всех пускать. Хотя многие передумывают, когда узнают о лестнице.

— Я сказал ей про лестницу, но ее это не остановило. Когда мы туда пришли, она ступила на Образ…

— Нет! — крикнула Виалль. — Почему ты ее не остановил! И так у нас трудности с Бегмой… а теперь еще это! Где ее тело?

— Хороший вопрос, — отозвался я. — Не знаю. Но когда я видел ее тело в последний раз, Корал была жива. Видите ли, она заявила, что ее отец — Оберон, а потом взялась проходить Образ. Когда она его прошла, то заставила Образ куда-то ее переправить. Теперь ее сестра… она знает, что мы были вместе… ее сестра волнуется. Она весь обед меня только и спрашивала, где может быть Корал.

— Что ты ей сказал?

— Я сказал, что оставил Корал наслаждаться красотами дворца и что она, возможно, чуть-чуть опоздает на обед. Хотя по ходу дела Найда, похоже, только больше разволновалась и заставила меня ей пообещать сегодня же заняться поисками сестры, если она не появится. Я не хотел рассказывать, что было на самом деле, потому что боялся касаться вопроса о родителе Корал.

— Это понятно, — сказала Виалль. — Ох ты…

Я подождал, но больше она ничего не сказала. Я продолжал ждать.

Наконец:

— Я не знала о романе покойного короля в Бегме, поэтому — так вот, с ходу — мне трудно оценить последствия того, что ты сейчас сказал. Давала Корал понять, как долго она намерена

отсутствовать? И кстати, ты обеспечил ей какой-нибудь способ для возвращения?

— Я дал ей свой Козырь, — сказал я, — но на связь она пока что не выходила. Хотя у меня было такое впечатление, что отлучаться надолго в ее намерения не входит.

— Это может быть и серьезно, — решила Виалль, — всего мы не можем знать. Как тебе показалась Найда?

— Дама вполне разумная, — сказал я. — И потом, я ей, по-моему, нравлюсь.

Виалль мгновение размышляла, затем сказала:

— Если это дойдет до Оркуза, он может подумать, что мы специально взяли Корал заложницей, чтобы он должным образом вел себя на переговорах, которые могут возникнуть из-за положения в Кашфе.

— Вы правы. Это я упустил из виду.

— Наверняка так и будет. Это первое, что придет человеку в голову, когда он имеет дело с нами. Итак, то, что нам нужно сделать, это получить в прикупе сколько-то времени и попытаться вернуть ее прежде, чем у них появятся подозрения.

— Я понял, — сказал я.

— Самое вероятное, он скоро пошлет за ней в апартаменты — если уже не послал, — чтобы выяснить, почему Корал не было на обеде. Так что, если он еще не трубит тревогу, то у тебя есть целая ночь, чтобы попробовать ее отыскать.

— Как?

— Ты же волшебник. Вот и выясни. Между прочим, ты говоришь, что Найда к тебе неравнодушна?

— Еще как.

— Вот и хорошо. Тогда, мне кажется, для начала надо попробовать заручиться ее поддержкой. Я думаю, тебе хватит такта и ты сделаешь это поделикатней, чтобы не слишком ее беспокоить…

— Естественно… — начал я.

— …Из-за ее недавней болезни, — продолжила Виалль. — Не хватало нам еще устроить второй дочери сердечный приступ.

— Болезни? — поинтересовался я. — Она ничего об этом не говорила.

— Еще бы. Конечно, воспоминание об этом все еще угнетает Найду, ведь это было совсем недавно. Она, кажется, была весьма близка к смерти, затем неожиданно выздоровела и настояла, что будет сопровождать отца в этой миссии. Это он рассказывал мне об этом.

— За обедом она чувствовала себя хорошо, — без уверенности сказал я.

— Постарайся, чтобы и впредь было так. Я хочу, чтобы ты немедленно пошел к ней, как можно дипломатичней рассказал ей о случившемся и попытался добиться, чтобы она выгораживала свою сестру, пока ты ее разыскиваешь. Существует, конечно, риск, что она тебе не поверит и пойдет прямиком к Оркузу. Наверное, в этом случае ты мог бы задействовать заклинание. Выбора у нас все равно нет. Может, я не права?

— Вы правы, — ответил я.

— Тогда, я думаю, ты этим сейчас и займешься… и немедленно сообщишь мне, если будут какие-то трудности или какой-то прогресс, — неважно, пусть даже ночью.

— Уже иду, — сказал я.

Я в спешке покинул комнату, но вскоре остановился, задумавшись. До меня вдруг дошло, что хотя я и знал в общих чертах, где во дворце квартировала бегманская делегация, но понятия не имел, какие комнаты отвели Найде. Мне не хотелось возвращаться и спрашивать королеву — я бы выглядел в ее глазах идиотом, раз уж сразу не расспросил обо всем за обедом.

Около десяти минут понадобилось мне, чтобы отыскать кого-нибудь из дворцовых слуг, кто мог бы мне указать направление — понятно, что объяснения при этом сопровождались самодовольными ухмылками, — а после трусцой последовать нужным маршрутом, пока я не оказался перед Найдиной дверью.

Я пригладил волосы, отряхнул куртку, штаны, обтер штанами носки сапог, сделал глубокий вдох, улыбнулся, выдохнул и постучал.

Дверь через секунду открылась. Найда. Она улыбнулась и сделала шаг в сторону.

— Заходи, — сказала она.

— Я думал, откроет горничная, — сказал я, входя. — Ты меня удивила.

— Я же тебя ждала. Поэтому рано отправила ее спать, — ответила Найда.

Она переоделась в одежку, которая походила на серый тренировочный костюм с черным кушаком. Еще на ней была пара комнатных туфель, и она удалила большую часть макияжа. Волосы ее теперь были строго зачесаны назад и стянуты черной лентой. Найда указала мне на кушетку, но я не сделал и намека на то, чтобы сесть.

Я слегка сжал ей плечо и заглянул в глаза. Найда пододвинулась ближе.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил я.

— А ты проверь, — негромко сказала она.

Я не позволил себе даже вздоха. Но долг есть долг. Я обнял

ее, привлек к себе и поцеловал. Так продолжалось несколько секунд, затем я отстранился, опять улыбнулся и произнес:

— По-моему, чувствуешь ты себя хорошо. Послушай, я тут кое-чего тебе не сказал…

— Может, мы все-таки сядем? — сказала она, беря меня за руку и подводя к кушетке.

Виалль велела мне быть подипломатичней, так что я отказываться не стал. Она немедленно продолжила обниматься и принялась добавлять жару. Проклятье, а мне предстояло уговорить ее выгораживать Корал. Если она согласится, я буду счастлив впоследствии выгораживать ее. Или кого угодно из делегации Бегмы, если они во что-нибудь влипнут. Нет уж, лучше поскорее спросить, решил я. Еще пара минут, и, пожалуй, уже будет недипломатично заводить разговор о сестре. Ну сегодня и день: времени не хватает просто катастрофически!

— Подожди, — сказал я, — сначала я хочу тебя попросить об одной услуге.

— Проси что угодно, — сказала Найда.

— Похоже, возвращение твоей сестры немного откладывается, — объяснил я, — а мне до смерти не хочется беспокоить твоего отца. Как ты думаешь, он уже посылал кого-нибудь в ее комнаты? Или, может, сам заходил проверить?

— Вряд ли. После обеда он ушел вместе с Джерардом и господином Роттом. Не думаю, чтобы он так рано вернулся.

— А не могла бы ты так все ему подать, будто Корал вовсе не потерялась? Это бы дало мне немного времени, чтобы я мог выяснить, где она?

Она, кажется, решила, что я с ней играю.

— А помнишь, как ты мне однажды о чем-то не хотел говорить?

— Я все тебе расскажу, только сделай это, пожалуйста.

Найда провела пальцем по моему подбородку.

— Хорошо, — сказала она. — Только не уходи.

Поднялась, пересекла комнату и вышла в коридор, оставив дверь приоткрытой. Почему после Джулии у меня все идет наперекосяк? Последняя женщина, с которой я занимался любовью, на самом деле находилась под контролем того странного существа, переселяющегося из тела в тело. А теперь… Теперь поперек кушетки легла легчайшая тень, как только я осознал, что охотнее обнимал бы Корал, нежели ее сестру. Смешно. Я знал ее всего лишь полдня.

Должно быть, это все оттого, что со времени моего возвращения на меня слишком много всего свалилось. И это вышибло меня немного из колеи. Да, не иначе, причина именно в

этом.

Вернувшись, Найда снова села рядом со мной на кушетку, но на этот раз в паре футов от меня. Она казалась довольно веселой, хотя теперь уже не пыталась лезть ко мне со своими нежностями.

— Об этом позаботятся, — сказал она. — Если он спросит, ему доложат, именно так, как ты хотел.

— Спасибо, — сказал я ей.

— Теперь твоя очередь. Рассказывай.

— Ладно. — И я начал рассказывать ей о Корал и Образе.

— Нет, — оборвала Найда. — Начни с самого начала, хорошо?

— Что ты имеешь в виду?

— Начни с того времени, как вы вместе ушли из дворца.

— Это же слишком долго, — запротестовал я.

— Ну пожалуйста, — сказала она. — Ты же мне должен, помнишь?

— Ладно, так уж и быть, — согласился я и начал рассказывать снова. Я сумел перескочить через разбитый столик в кафе, но, когда я дошел до нашего приключения в прибрежных пещерах и попытался отговориться тем, что они нам показались довольно милыми, Найда меня остановила.

— Стой, — сказала она. — Ты кое-что пропустил. Что случилось в пещерах?

— Там должно было что-то случится? Почему ты это решила? — спросил я.

— Это секрет, которым я пока не собираюсь с тобой делиться, — объяснила она. — Главное, чтобы ты знал, что у меня есть способы проверить твою правдивость.

— Тот случай к делу не относится, — сказал я. — Он бы только помешал рассказу. Поэтому я и опустил эту часть.

— Ты сказал, что расскажешь мне о своем дне целиком.

— Ладно, леди, уговорили. — И я начал рассказывать без лакун.

Пока я рассказывал ей о Джарте и его зомби, она нервно закусила губу и теперь медленно слизывала выступившие капельки крови.

— И что ты собираешься с этим делать? — вдруг спросила она.

— Это моя проблема. Я обещал дать тебе полный отчет, а не мемуары и не планы спасения.

— Да, конечно… Помнишь, я предлагала тебе помочь?

— Что ты хочешь этим сказать? Что ты сможешь ради меня пришить Джарта? Так вот, у меня для тебя есть новости: на данный момент он практически кандидат в божество.

— Божество? Как это понимать? Объясни, — спросила она.

Я покачал головой.

— Чтобы подробно пересказать эту историю, потребуется почти вся ночь, так что как-нибудь в другой раз — не сейчас, когда я собираюсь искать Корал. Сейчас я тебе просто дорасскажу историю с Образом, ладно?

— Хорошо, поехали.

Я так и сделал. Насчет отцовства своей сестры она даже особо не удивилась. Я хотел спросить, откуда такое равнодушие, но подумал и сказал сам себе: черт с ним. Она то, что пообещала, сделала, я ей тоже все рассказал. Сердечного приступа с ней не случилось. И вообще мне пора идти.

— Вот и все, — сказал я и добавил: — Спасибо.

И начал подниматься. Она быстро пододвинулась ближе и вновь повисла на мне.

В ответ я ее слегка приобнял, затем отпустил и сказал:

— Мне, правда, лучше идти. Корал может грозить опасность.

— Дьявол с ней, — сказала она. — Оставайся со мной. Есть более интересные вещи, о которых мы можем поговорить.

Я был удивлен ее бессердечностью, но попытался не подать виду.

— У меня есть перед ней долг. Я просто не могу не пойти.

— Ладно. — Она вздохнула. — Тогда я пойду тебе помогу.

— Как? — спросил я.

— Это будет сюрприз, — сказала Найда и с кривой улыбочкой поднялась на ноги.

Я кивнул, понимая, что она, возможно, права.

X

Мы прошли по коридору ко мне. Когда я открыл дверь и зажег свет, Найда быстро обежала взглядом первую комнату. И замерла, наткнувшись на мою вешалку.

— Королева Джасра! — сказала она.

— Угу. Она не поладила с колдуном по имени Маска, — объяснил я. — Догадываешься, кто победил?

Найда подняла левую руку и стала медленно выводить какой-то сложный узор — от затылка Джасры и вниз по спине, потом спереди, через грудь и опять вниз. Я не узнал ни одного исполненного ею движения.

— Только не говори мне, что ты тоже колдунья, — сказал я. — Кажется, все, с кем я сталкиваюсь в последние дни, упражнялись в Искусстве.

— Я не колдунья, — ответила она, — и никогда не училась. Я владею всего одним фокусом; это не колдовство, но я использую его всегда.

— И что же это за фокус? — спросил я.

Она оставила мой вопрос без внимания, затем сказала:

— О-о, крепко же ее спеленали. Ключ лежит где-то поблизости от ее солнечного сплетения. Ты это знаешь?

— Да, — отозвался я. — Я полностью раскусил заклинание.

— Почему она здесь?

— Ну, во-первых, я обещал ее сыну Ринальдо спасти ее от Маски, а потом — как залог его хорошего поведения.

Я захлопнул дверь и запер ее. Когда я повернулся, Найда смотрела на меня.

— Ты давно его видел? — сказала она уже другим тоном.

— Недавно. А что?

— Да так, ничего.

— Я думал, мы хотели друг другу помочь, — сказал я.

— Я думала, мы ищем мою сестру.

— С этим можно минутку и подождать, если ты знаешь что-то особенное о Ринальдо.

— Мне просто любопытно, где он может сейчас находиться.

Я отвернулся и подошел к ящику, где храню рисовальные принадлежности. Вынул что нужно и отнес к чертежной доске. Потом сказал:

— Я не знаю, где он.

Я подготовил кусок картона, сел и закрыл глаза, вызывая в памяти образ Корал, чтобы начать набросок. И который раз я очень смутно представлял, хватит ли мне лишь ее мысленного изображения для должного магического воплощения. Но сейчас на эксперименты времени не было. Я открыл глаза и принялся рисовать. Я воспользовался техникой, которой выучился во Дворах; она отличается от принятой в Янтаре и тем не менее чем-то с ней схожа. У меня хватало квалификации выполнить карты на любой вкус, но быстрее всего у меня получается работа в том стиле, который я освоил самым первым.

Найда подошла и встала неподалеку, наблюдая, но не отвлекая вопросами о моих намерениях. Как всегда, ничего определенного в голове у меня не было.

— Когда ты видел его в последний раз? — спросила она.

— Кого?

— Льюка.

— Сегодня вечером, — сказал я.

— Где?

— Он был здесь немного раньше.

— Он сейчас здесь?

— Нет.

— Где ты его видел в последний раз?

— В лесу Ардена. А что?

— Странное место для расставаний.

Я трудился над бровями Корал.

— Да и расстались-то мы при довольно странных обстоятельствах, — сказал я.

Еще чуть-чуть поработать вокруг глаз, чуточку над волосами…

— Странных? В каком смысле? — спросила она.

Больше краски на щеки…

— Неважно, — сказал я.

— Ну ладно, — сказала она. — Это действительно не так важно.

Я решил побороть искушение, потому что у меня вдруг что-то начало получаться. Как временами в прошлом, моя сосредоточенность на Козыре, когда я накладывал заключительные штрихи, была уже достаточно сильной, чтобы прорваться и…

— Корал! — сказал я, как только черты шевельнулись и перспектива сместилась.

— Мерлин?.. — ответила она. — Я… у меня неприятности.

Странно, за ее спиной ничего не было. Просто чернота. Я почувствовал на своем плече руку Найды.

— С тобой все в порядке? — спросил я Корал.

— Да… Здесь темно, — сказала она. — Очень темно.

Понятно. Нельзя манипулировать Тенью, если нет света. Или хотя бы воспользоваться Козырем, когда ничего не видно.

— Это туда тебя отослал Образ? — спросил я.

— Нет, — ответила она.

— Возьми меня за руку, — сказал я. — Потом расскажешь.

Я поднял руку, Корал потянулась ко мне.

— Они… — начала она.

Контакт был прерван жалящей вспышкой. Я почувствовал, как рядом со мной напряженно замерла Найда.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю. Нас неожиданно заблокировали. И никакого понятия, что за силы были задействованы.

— И что ты собираешься делать?

— Немного погодя попробую еще раз, — сказал я. — Если это было реакцией на контакт, то сейчас, вероятно, сопротивление еще слишком сильно; потом оно может уменьшиться. По крайней мере, она сказала, что с ней все в порядке.

Я вытащил колоду Козырей — других, тех, что ношу обычно, — и вытасовал карту Льюка. Кажется, самое время

проверить, как он там поживает. Найда взглянула на карту и улыбнулась.

— Я думала, ты его видел совсем недавно, — сказала она.

— Много чего может случиться за короткое время.

— Я уверена, что *уже* много чего случилось.

— Ты знаешь, что с ним? — спросил я.

— Да. Знаю.

Я поднял Козырь.

— И что? — сказал я.

— Могу держать пари, что ты к нему не пробьешься.

— Увидим.

Я сосредоточился и потянулся. Потянулся еще. Где-то через минуту я вытер лоб.

— Как ты узнала? — спросил я.

— Льюк от тебя закрывается. Я бы тоже… в его обстоятельствах.

— Каких обстоятельствах?

Найда подарила мне короткую улыбку, подошла к креслу и села.

— Теперь мне снова есть чем с тобой торговаться, — сказала она.

— Снова?

Я уставился на нее. Что-то во мне подпрыгнуло и встало на место.

— Ты зовешь его Льюком, а не Ринальдо, — сказал я.

— Так и есть.

— А я все гадал, когда же ты вновь появишься.

Она продолжала улыбаться.

— Зря я, выходит, потратил тогда в пещере свое заклинание, — сказал я. — Хотя грех пожаловаться. Пожалуй, оно спасло мне жизнь. За это я перед тобой в какой-то мере в долгу.

— Я не гордая. Я воспользуюсь этим долгом.

— Я еще раз хочу спросить: чего ты добиваешься? Если ты снова начнешь разглагольствовать про помощь или защиту, я превращу тебя в вешалку, ясно?

Найда рассмеялась.

— Я почему-то думала, что сейчас ты примешь любую помощь, — сказала она.

— Это зависит от того, что ты понимаешь под словом «помощь».

— Если ты мне скажешь, что у тебя на уме, я скажу, смогу ли я тебя поддержать.

— Ну ладно, — сказал я. — Разговоры разговорами, а мне надо переодеться. Не думаю, что мне понравится штурмовать

цитадель в таком виде. Хочешь, я одолжу тебе что-нибудь понадежнее, чем твой тренировочный костюм?

— Я в порядке. Начни с Лесного Дома, о'кей?

— О'кей, — сказал я и, пока переодевался, не переставал нагружать ее разнообразными сведениями о предстоящем деле. Для меня она перестала быть милой дамой, а стала скорее существом неопределенного пола в человеческом облике. Она сидела, пока я рассказывал, и неотрывно смотрела в стену, или, скорее, сквозь стену, поверх сложенных «пирамидкой» пальцев. Когда я закончил, она все еще продолжала смотреть. Я подошел к рабочему столу, взял Козырь Корал, сделал еще попытку, но пробиться так и не смог. То же самое я повторил с картой Льюка, и снова результат нулевой.

Я уже собрался убрать Козырь Льюка, выровнять колоду и спрятать ее в чехол, когда заметил карту под ним; цепочка воспоминаний и размышлений молнией пронеслась в моей голове. Я вынул карту и сосредоточился на ней. Потянулся…

— Да, Мерлин? — услышал я через мгновение. Он сидел на террасе, на фоне вечернего города, за небольшим столом и ставил чашку кофе — похоже, «эспрессо» — на крохотное белое блюдце.

— Ты мне нужен. Прямо сейчас. Скорее, — сказал я.

В тот момент, когда совершился контакт, Найда начала негромко ворчать и, поднявшись на ноги, стала двигаться в мою сторону. При этом она не отрывала взгляда от Козыря. Но Мандор уже взял мою руку и сделал шаг. Когда высокая, вся в черном фигура выросла перед ней, Найда остановилась. Какое-то мгновенье они без всякого выражения вглядывались друг в друга, затем она сделала длинный скользящий шаг в его направлении и начала поднимать руки. Тут же из глубины внутреннего кармана плаща, куда нырнула правая рука Мандора, раздался резкий металлический звук.

Найда замерла.

— Интересно, — сказал Мандор, поднимая левую руку и проводя ладонью перед ее лицом. Взгляд Найды никак не отреагировал на это движение. — Это то, о чем ты мне говорил раньше? Винта, по-моему, ты ее так называл?

— Да, только теперь она Найда.

Мандор достал откуда-то небольшой темный шар из металла и, положив его на ладонь левой руки, протянул к ней. Шар начал медленно описывать круг против часовой стрелки. Найда испустила что-то среднее между криком и всхлипом и рухнула на четвереньки с опущенной головой. С места, где я стоял, я видел капающую из ее рта слюну.

Мандор произнес что-то очень быстрое на архаичной разновидности тари — что, я не разобрал. Ответила она утвердительно.

— По-моему, я разгадал твою тайну, — сказал мне после этого Мандор. — Ты помнишь уроки по соответствиям и высшим непреодолимостям?

— Что-то такое было, — сказал я. — Но интерес был чисто академический. По правде говоря, меня никогда особенно не влекло к этим темам.

— К несчастью, — заявил он. — Иногда тебе следовало бы возвращаться к Сугуи на курсы усовершенствования.

— Ты хочешь сказать…

— Создание, которое ты видишь перед собой и обитающее в не таком уж непривлекательном человечьем обличье, — это *тай'ига*, — объяснил Мандор.

Я уставился на него. *Тай'ига* были расой демонов, обычно не имеющих тел, и жили они во тьме за Ободом. Я вспомнил, как мне рассказывали, что они очень могучи и очень трудно поддаются контролю.

— Ух ты… а ты можешь сделать так, чтобы этот вот экземпляр перестал пускать слюни на мой ковер? — сказал я.

— Запросто, — отозвался Мандор и отпустил сферу, которая упала на пол перед ней. Шар не подпрыгнул, но немедленно принялся кататься, описывая быстрые круги вокруг нее.

— Встань, — сказал Мандор, — и перестань испускать телесную жидкость.

Она сделала то, что ей приказали, прыжком встав на ноги, и без всякого выражения.

— Сядь в это кресло, — указал Мандор на кресло, которое она занимала минутой раньше.

Она подчинилась, а катающийся шар подладился под ее шаги и продолжал теперь кружить вокруг кресла.

— Освободить это тело оно не может, — сказал затем Мандор, — пока я не освобожу его. А я могу заставить его мучиться как угодно внутри моей силовой сферы. Теперь я могу получить ответы на твои вопросы. Что ты собирался спросить?

— Она сейчас нас слышит?

— Да, но не может говорить, пока я не позволю.

— Ну, наверно, нет смысла причинять ей без надобности боль. Самой угрозы может оказаться достаточно. Я хочу знать, почему она меня преследует.

— Очень хорошо, — сказал Мандор. — Это вопрос, *тай'ига.* Отвечай!

— Я следую за ним, чтобы его защитить, — сказала она

ровным голосом.

— Это я уже слышал, — сказал я. — Я хочу знать, почему.

— Почему? — повторил Мандор.

— Я должна, — ответила она.

— Почему ты должна? — спросил он.

— Я…

Она прикусила нижнюю губу, и вновь потекла кровь.

— Почему?

Лицо ее вспыхнуло, и на лбу проступил пот. Глаза по-прежнему смотрели в пространство, но теперь были полны слез. Тонкая ниточка крови тянулась по подбородку. Мандор протянул к ней сжатый кулак и раскрыл его, на ладони обнаружился еще один металлический шар. Он не донес его дюймов на десять до ее лба и отпустил. Шар повис в воздухе.

— Пусть откроются двери боли, — сказал он и легонько щелкнул по шару кончиком пальца.

Маленькая сфера тут же начала двигаться. Она описывала вокруг головы Найды медленный эллипс, на каждом витке приближаясь к ее вискам. Найда начала выть.

— Молчание! — сказал Мандор. — Страдай молча!

По щекам ее текли слезы, по подбородку — кровь…

— Прекрати! — сказал я.

— Хорошо.

Мандор протянул руку и на мгновение зажал шар между большим и средним пальцем левой руки. Когда он его отпустил, тот остался висеть на небольшом расстоянии от ее правого уха.

— Теперь можешь отвечать на вопрос, — сказал он. — Это была лишь самая малость того, что я могу с тобой сделать. Я могу полностью тебя уничтожить.

Она разлепила рот, но слов не последовало. Одно бульканье.

— По-моему, мы неправильно поставили дело, — сказал я. — Может, не надо этих вопросов и ответов — пусть она говорит нормально.

— Ты его слышала, — сказал Мандор. — Это и моя воля.

Она всхлипнула, потом сказала:

— Мои руки… Пожалуйста, освободи их.

— Давай, — сказал я.

— Они свободны, — заявил Мандор.

Она согнула пальцы.

— Платок, полотенце… — сказала она тихо.

Я открыл ящик ближайшего комода, достал носовой платок. Когда я собрался передать его Найде, Мандор стиснул мое запястье и взял у меня платок. Швырнул его ей, и она поймала.

— Не входи в мою сферу, — сказал мне Мандор.

— Я не сделаю ему вреда, — сказала она, вытирая глаза, щеки и подбородок. — Я же сказала, что собиралась его только защищать.

— Нам требуется больше информации, — сказал Мандор и снова протянул руку к сфере.

— Подожди, — сказал я. Затем ей: — Можешь ты, по крайней мере, сказать, почему тебе нельзя говорить?

— Не могу, — ответила она. — Это почти одно и то же.

Я вдруг стал рассматривать ее как своего рода задачу по программированию и решил опробовать новую тактику.

— Ты должна защищать меня любой ценой? — спросил я. — Это твоя первоочередная функция?

— Да.

— И предполагается, что ты не скажешь мне, кто поставил перед тобой эту задачу и почему?

— Да.

— Предположим, что единственный способ защитить меня будет заключаться в том, что ты расскажешь мне это.

Она нахмурила брови.

— Я… — сказала она. — Я не… *Единственный* способ?

Она закрыла глаза и подняла к лицу руки.

— Я… Тогда мне пришлось бы тебе рассказать.

— Ну вот, мы чего-то добились, — сказал я. — Ты нарушила бы второй по важности приказ, чтобы выполнить первый?

— Да, но то, что ты описал, нереальная ситуация, — сказала она.

— Я рассматриваю ее как реальную, — вдруг сказал Мандор. — Ты не можешь следовать тому приказу, если перестанешь существовать. Следовательно, позволив себя уничтожить, ты его нарушишь. А я тебя уничтожу, если ты не ответишь на эти вопросы.

Она улыбнулась.

— Не думаю, — сказала она.

— Почему?

— Спроси Мерлина, какая сложится дипломатическая ситуация, если дочь премьер-министра Бегмы будет найдена мертвой в его комнате да еще при таинственных обстоятельствах — особенно если на нем уже лежит ответственность за исчезновение ее сестры.

Мандор нахмурился и посмотрел на меня.

— Не понимаю, о чем она, — сказал он.

— Неважно, — сказал я. — Она лжет. Если с ней случится нечто подобное, просто вернется настоящая Найда. Я видел, как это было с Джорджем Хансеном, Мег Девлин и Винтой Бэйль.

— Так обычно и происходит, — сказала она, — за одним исключением. Они были живы, когда я забиралась в их тела. А Найда уже мертва, после тяжелой болезни. Но она оказалась в точности тем, что мне было нужно, так что я завладела ею и исцелила тело. Здесь ее больше нет. Если я уйду, вы останетесь либо с трупом, либо с человеком — растением.

— Ты блефуешь, — сказал я, но вспомнил, как Виалль говорила про болезнь Найды.

— Нет, — сказала она. — Нет.

— Это неважно, — сказал я.

— Мандор. — Я повернулся к нему. — Ты сказал, что можешь ее удержать, чтобы она не покинула это тело и не последовала за мной.

— Да, — откликнулся он.

— О'кей, Найда, — сказал я. — Сейчас я кое-куда пойду и там окажусь в сильной опасности. Но я не намерен разрешать тебе отправляться за мной и исполнять данные тебе приказания.

— Не надо, — ответила она.

— Ты не оставила мне иного выбора, кроме как держать тебя взаперти, пока я буду заниматься своими делами.

Она вздохнула.

— Итак, ты нашел способ заставить меня нарушить один приказ, чтобы выполнить другой. Очень умно.

— Значит, ты скажешь мне то, что я хочу знать?

Она покачала головой:

— Я физически неспособна тебе это сказать. Это не зависит от моей воли. Но… Думаю, я знаю обходный путь.

— Какой еще?

— По-моему, я могу довериться кому-нибудь третьему, кто также желает твоей безопасности.

— Ты имеешь в виду…

— Если ты на время покинешь комнату, то я попытаюсь сказать твоему брату то, что не могу объяснить тебе.

Мой взгляд встретился со взглядом Мандора. Затем:

— Я на секунду выскочу в коридор, — сказал я.

Так я и сделал. Меня много чего беспокоило, пока я разглядывал гобелен на стене, и не самым последним из всего этого было то, что я никогда не говорил Найде, что Мандор мой брат.

Дверь долго не открывалась, а когда Мандор ее наконец открыл, первое, что он сделал, — это внимательно огляделся по сторонам. Я двинулся было к нему, но он поднял руку. Я замер, тогда он шагнул наружу и подошел ко мне. При этом он

продолжал оглядываться.

— Это Янтарный дворец? — поинтересовался он.

— Да. Может быть, не самое фешенебельное крыло, но я зову его домом.

— Мне бы хотелось осмотреть его в более спокойной обстановке, — сказал он.

Я кивнул.

— Назначь время. Итак, скажи мне, что там случилось?

Мандор отвернулся, увидел на стене гобелен, стал рассматривать.

— Очень уж все необычно, — сказал он. — Я не могу.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты мне по-прежнему веришь?

— Конечно.

— Тогда поверь мне и в этот раз. Есть серьезная причина не говорить тебе того, что я только что узнал.

— Кончай, Мандор! Какого черта! Что происходит?

— *Тай'ига* для тебя не опасна. Она действительно заботится о твоем благополучии.

— Так, еще новости есть? Я хочу знать, почему.

— Оставь, — сказал он, — на время. Так будет лучше.

Я помотал головой. Сжал кулак и огляделся в поисках, по чему бы такому врезать.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но я прошу тебя — оставь это, — сказал Мандор.

— Хочешь сказать, что знание каким-то образом может мне повредить?

— Этого я не говорил.

— Или ты просто боишься мне об этом сказать?

— Оставь! — сказал он.

Я отвернулся и взял себя в руки.

— Да, причина, должно быть, серьезная, — в конце концов решил я.

— Так и есть.

— Но сдаваться я не намерен, — сказал я. — У меня нет времени продолжать сейчас в том же духе, когда такое сопротивление. О'кей, у тебя есть свои причины, а у меня есть неотложное дело в другом месте.

— Она упомянула Джарта, Маску и Крепость, где Брэнд обрел свою силу, — сказал он.

— Вот-вот, именно туда я и собрался.

— Она надеется, что будет тебя сопровождать.

— Зря надеется.

— Я бы тоже не советовал ее брать.

— Присмотришь за ней, пока я там все улажу?

— Нет, — сказал он, — я иду с тобой. Только сначала я погружу ее в транс.

— Ты не знаешь, что произошло здесь после обеда. Столько всего случилось, что у меня просто времени нет все тебе пересказывать.

— Это неважно, — сказал он. — Я знаю, кто здесь замешан. Колдун, Джарт плюс то опасное место. Этого достаточно. Я пойду с тобой и помогу.

— Кого достаточно? Их? — воспротивился я. — А *нас?*

— Я тебя понимаю. Но *тай'ига,* по-моему, будет нам только мешать.

— Я не о ней. Я имел в виду ту задеревеневшую даму, что стоит у меня возле двери.

— Я собирался тебя про нее спросить. Это кто-то из твоих наказанных врагов?

— Да, была. Та еще стерва, доверять ей нельзя ни на грамм, и еще у нее ядовитый укус. К тому же она — потерявшая трон королева. Правда, заморозил ее не я. Это сделал колдун, тот самый, который за мной охотится. Она мать моего друга, я спас ее и оставил у себя на хранение. До нынешнего времени у меня не было причин ее размораживать.

— Понятно. Значит, она наш союзник в борьбе против ее старого врага.

— Именно. Она хорошо знакома с теми краями, куда я собираюсь отправиться. Но от меня она особенно не в восторге, и вообще с ней не так-то просто договориться — тем более, что я реально не знаю, предоставил ли ее сын мне достаточно средств защиты, чтобы ей доверять.

— Думаешь, она действительно будет для нас таким уж ценным приобретением?

— Да. Мне бы хотелось иметь на своей стороне такую ненависть, как у нее. К тому же, насколько я знаю, она хорошо колдует.

— Если нужно на нее надавить, могу предложить угрозы и подкуп. У меня есть несколько индивидуальных преисподен, которые я создал и оформил… чисто из эстетических побуждений. Можно для нее устроить их беглый обзор, я думаю, это бы на нее произвело впечатление. С другой стороны, я могу послать за горшком с драгоценными камнями.

— Не знаю, — сказал я. — Я не очень пока понимаю всех ее побуждений. Дай мне сначала во всем этом разобраться, насколько получится.

— Конечно. Это только лишь предложения.

— Я предлагаю такой порядок — разбудить ее, сделать ей предложение и попытаться правильно оценить ответ.

— Есть ли еще кто-то из твоих здешних родственников, кого ты мог бы позвать с собой?

— Мне даже сказать кому-нибудь из них страшно, куда я собрался. Запросто получишь приказ ждать возвращения Рэндома. А ждать у меня нет времени.

— Я мог бы вызвать из Дворов подкрепление.

— Сюда? В Янтарь? Да я по уши окажусь в дерьме, если Рэндом что-то такое пронюхает. Он тут же заподозрит, что его собираются свергнуть.

Мандор улыбнулся.

— Это место чем-то напоминает мне мой собственный дом, — сказал он, подходя к двери.

Когда мы вошли, я увидел, что Найда по-прежнему сидит, руки сложены на коленях, взгляд прикован к металлическому шарику, висящему в воздухе примерно в футе от нее. Второй шар продолжал неторопливо описывать круги на полу.

Увидев, что я на нее смотрю, Мандор заметил:

— Состояние легкого транса. Она нас слышит. Ты можешь разбудить ее, когда пожелаешь.

Я кивнул. Теперь настало время для Джасры.

Я освободил ее от висевшей на ней одежды и сложил все это кучей на кресло. Сходил за тряпкой и тазиком и смыл клоунскую раскраску с ее лица.

— Я что-нибудь забыл? — Вопрос относился наполовину к себе.

— Зеркало и стакан воды, — подсказал Мандор.

— Зачем?

— Она может захотеть пить, — сказал он, — и наверняка ей захочется посмотреться в зеркало.

— Пожалуй, ты прав, — сказал я, подтаскивая к ней столик. На него я поставил кувшин и кубок; рядом положил небольшое ручное зеркальце.

— Я думаю, стоило бы ее поддержать — на случай, если она упадет в обморок, когда будут сняты чары.

— Верно.

Я обнял ее левой рукой за плечи, подумал о смертельном укусе, отступил назад и стал придерживать ее на расстоянии вытянутой руки.

— Если она укусит, это меня сразу сшибет с катушек, — сказал я. — Поэтому, если что, приготовься.

Мандор подбросил в воздух еще один металлический шарик. Он завис в верхней точке и оставался там неестественно долго,

затем упал обратно ему на ладонь.

— Ладно. — Я произнес слова заклинания.

Не случилось ничего драматического. Джасра тяжело повалилась назад, и я ее поддержал.

— Ты в безопасности, — сказал я и добавил: — Ринальдо знает, что ты здесь. — Это я уже так, на всякий случай, чтобы сослаться на общих знакомых. — Вот кресло. Хочешь воды?

— Да, — сказала она, и я налил ей немного и передал.

Глаза ее, пока Джасра пила, стреляли из стороны в сторону, подмечая все окружающие детали. Мне стало вдруг интересно, не пришла ли она в себя сразу, как только очнулась, и теперь тянет время, пока мысли мечутся в ее голове, а заклинания вертятся на кончиках пальцев. Ее оценивающий взгляд почасту останавливался на Мандоре, но не задерживался надолго, хотя, увидев Найду, она моментально вцепилась в нее глазами.

В конце концов Джасра опустила кубок и улыбнулась.

— Я так понимаю, Мерлин, что я твоя пленница, — сказала она, немного при этом поперхнувшись. И сразу отхлебнула еще.

— Гостья, — поправил я.

— О-о? И как же это случилось? Что-то я не припомню, чтобы я принимала от тебя приглашение.

— Я перенес тебя сюда из цитадели в Крепости Четырех Миров. Ты была, так сказать, в состоянии каталепсии.

— «Сюда» — это куда?

— В мои комнаты в Янтарном Дворце.

— Понятно. Значит, все-таки пленница, — сказала она.

— Гостья, — повторил я.

— В таком случае, меня, наверно, надо представить, так?

— Прошу прощения. Мандор, позволь представить Ее Высочество Джасру, королеву Кашфы. — Я намеренно приуменьшил титул. Потом как бы исправился: — Ваше Величество, прошу позволения представить моего брата, лорда Мандора.

Джасра склонила голову, а Мандор приблизился, опустился на одно колено и поднес ее руку к губам. Он настолько лучше меня поднаторел в подобных жестах придворной учтивости, что даже не засопел, обнюхивая тыльную сторону ладони на предмет запаха горького миндаля. Могу сказать, что Джасре явно пришлись по вкусу его манеры… и после всей этой церемонии она продолжала его разглядывать.

— Я не знала, — сообщила она, — что в здешнем королевском доме проживает особа с таким именем.

— Мандор — наследник герцогства Всевидящего во Дворах Хаоса, — ответил я.

Она широко открыла глаза.

— Так ты говоришь, он твой брат?

— Так точно.

— Ты продолжаешь преподносить мне сюрпризы, — сказала она. — Я забыла о твоей двойной родословной.

Я улыбнулся, кивнул, шагнул в сторону и показал на Найду.

— А это… — начал я.

— С ней я уже знакома, — сказала она. — Почему девушка… так занята своими мыслями?

— Сложный вопрос, — сказал я, — но есть кое-что другое, и, я уверен, ты это найдешь гораздо более занимательным.

Она вздернула бровь.

— Ах! Какой это все же хрупкий и недолговечный предмет — истина, — сказала она. — Когда она так быстро всплывает на поверхность, обычно оказываешься в довольно стеснительных обстоятельствах. И чего же ты от меня хочешь?

Я сдержал улыбку:

— Очень полезно уметь разбираться в обстоятельствах.

— Я прекрасно понимаю тот факт, что нахожусь в Янтаре, и жива, и сижу не в камере, а имею удовольствие разговаривать с двумя джентльменами, обращающимися со мной на столь обходительный манер. А еще я хорошо понимаю тот факт, что я не в том бедственном положении, в котором, как подсказывают мне недавние воспоминания, находилась. И я должна отблагодарить тебя за освобождение?

— Да.

— Я несколько сомневаюсь, что с твоей стороны это был чистый альтруизм.

— Я сделал это ради Ринальдо. Он пытался тебя вытащить и крепко схлопотал по мозгам. Тогда я выяснил способ, который мог бы сработать, попробовал, и у меня получилось.

При упоминании имени сына лицо ее на мгновение напряглось. Я специально не назвал его Льюком, решив, что Джасра предпочитает слышать то имя, которое дала ему сама.

— С ним все в порядке? — спросила она.

— Да, — сказал я, надеясь, что это Так.

— Тогда почему его здесь нет?

— Он где-то с Далтом. Я не уверен где. Но…

Как раз в этот момент Найда издала тихий звук, и мы все посмотрели на нее. Но она не пошевелилась. Мандор бросил на меня вопросительный взгляд, но я чуть качнул головой. Я не хотел, чтобы она сейчас просыпалась.

— Значит, он опять с этим варваром? Нашел с кем общаться, — сказала Джасра, еще раз поперхнувшись и делая

новый глоток. — Я так хотела, чтобы Ринальдо приобрел побольше придворных манер, а не выделывал все эти дикарские штуки на спине лошади, — продолжила она, поглядывая на Мандора и одаривая его слабой улыбкой. — Я разочарована. Есть у вас тут что-нибудь покрепче воды?

— Да, — отозвался я, откупорил бутылку вина и налил ей немного в кубок. Глянул на Мандора, потом на бутылку, но Мандор покачал головой. — Но ведь, признайся, он хорошо выглядел на дорожке в той встрече с командой UCLA[70] на втором курсе, — сказал я, не давая Джасре окончательно размазать Льюка по мостовой. — В какой-то степени все это благодаря его подвижному образу жизни.

Джасра улыбнулась, принимая выпивку.

— Да. В тот день он побил мировой рекорд. Я все еще вижу, как он берет финальный барьер.

— Ты была там?

— О да. Я не пропустила ни одной вашей встречи. Я даже видела, как бежал ты, — сказала она. — Неплохо.

Она пригубила вино.

— Может быть, послать за едой? — спросил я.

— Нет. Я не голодна. Не так давно мы говорили об истине…

— Да, верно. Я понимаю так, что тогда, в Крепости, между тобой и Маской был какой-то обмен колдовскими любезностями…

— Маской? — спросила она.

— Колдун в синей маске, который там теперь правит.

— О да. Правильно.

— Я ничего не перепутал?

— Нет, но схватка обошлась без увечий. Прости мое замешательство. Тогда меня застали врасплох, и я не успела вовремя поставить защиту. Вот, пожалуй, и все, что было. Второй раз этого не случится.

— Уверен. Но…

— Ты вытащил меня оттуда тайком? — прервала меня Джасра. — Или ты действительно дрался с Маской, чтобы освободить меня?

— Мы сражались, — сказал я.

— И в каком состоянии ты оставил Маску?

— Погребенным под кучей навоза, — сказал я.

Джасра хихикнула.

— Великолепно! Мне нравятся мужчины с чувством юмора.

— Мне придется туда вернуться, — добавил я.

— О! А это еще зачем?

— Потому что Маска теперь в союзе с моим врагом…

человеком по имени Джарт, который добивается моей смерти.

Джасра нехотя пожала плечами.

— Если Маске с тобой не справиться, то я не понимаю, в чем же тогда проблема, пусть с ним даже кто-то еще.

Мандор откашлялся.

— Прошу позволения, — сказал он. — Но Джарт — оборотень и младший волшебник из Дворов. К тому же он обладает властью над Тенью.

— Это действительно немного меняет дело, — сказала Джасра.

— Не столько это, сколько то, что эти двое, еще немного, и явно осуществят свой план, — сказал я. — Я уверен, что Маска намерен провести над Джартом тот же самый ритуал, какой совершил твой покойный супруг… что-то связанное с Фонтаном Силы.

— Нет! — воскликнула Джасра и вмиг оказалась на ногах; остаток вина смешался со слюной Найды и несколькими застарелыми пятнами крови на ковре из Тебриза[71], который я приобрел из-за его изящно сработанной пасторальной сцены. — Этого не должно повториться!

Буря в ее глазах поднялась и утихла. Впервые за это время Джасра показалась мне не такой уж железной женщиной.

— Я потеряла его из-за этого… — сказала она.

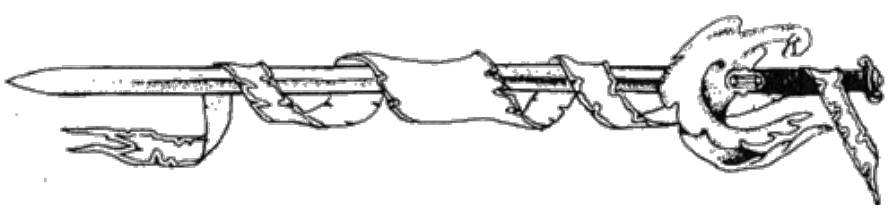
Затем она стала прежней. Вернулась твердость.

— Я выпила бы еще вина, — сказала Джасра, снова усаживаясь в кресло.

— Я налью, — сказал я.

— А там, на столе, что — зеркало?

XI



Поглядывая в окно на снег и украдкой снова и снова пытаясь дотянуться до Корал или до Льюка — раз уж все равно я стоял к Джасре спиной, — я ждал, когда она наконец справится со своей прической. Но конца этому не предвиделось. Когда она все же закончила и, отложив позаимствованные у меня расческу и щетку, чуть погодя, добавила к ним и зеркало, я понял, что заодно с прической она привела в порядок и мысли и готова была снова продолжать разговор. Я медленно повернулся и подошел.

Некоторое время мы просто изучали друг друга, упражняясь в невыразительности лица, потом Джасра спросила:

— Кто-нибудь в Янтаре знает, что ты меня разбудил?

— Нет, — отозвался я.

— Хорошо. Значит, у меня есть шанс остаться в живых. Я так понимаю, тебе понадобилась моя помощь против Маски и этого

Джарта?

— Да.

— Ну а конкретно? Какая помощь? И чем ты собираешься за нее платить?

— Я хочу пробраться в Крепость и нейтрализовать Маску и Джарта, — сказал я.

— «Нейтрализовать»? Это один из скромных маленьких эвфемизмов для слова «убить»[72], не так ли?

— Ну… допустим, — ответил я.

— Что-то я не припомню, чтобы Янтарь когда-нибудь отличался подобной брезгливостью, — сказала она. — Наверно, ты начитался всех этих американских писак. Итак, тебе известно о моем знакомстве с Крепостью и ты хочешь, чтобы я помогла тебе убить тех двоих. Правильно?

Я кивнул:

— Ринальдо говорил мне, что если мы опоздаем и Джарт уже завершит ритуал трансформации, то ты вроде бы знаешь какой-то способ использования той же самой силы против него.

— Значит, в тех записях он продвинулся дальше, чем я думала, — сказала она. — Хорошо, попробую быть с тобой откровенной, раз уж дело касается нашей жизни. Да, такой технический прием существует. Только нам он не поможет. Чтобы обратить силу на подобную цель, требуются некоторые приготовления. Так просто этого не достигнешь.

Мандор прочистил горло.

— Я все же бы предпочел, чтобы Джарт остался живым, — заявил он. — И если это возможно, я забрал бы его обратно во Дворы Хаоса в качестве пленника. Джарта можно наказать. Должен быть способ нейтрализовать его без реальной… нейтрализации, в том смысле, как ее понимаешь ты.

— А если такого способа нет? — спросил я.

— Тогда я помогу тебе его убить, — сказал он. — В отношении Джарта у меня нет никаких иллюзий, но я чувствую себя обязанным попробовать что-то другое. Боюсь, наш отец этого не перенесет.

Я отвернулся. Он был прав. И хотя лично для него смерть старого Всевидящего могла означать наследование Мандором титула и контроль над значительными владениями, я был уверен, что он не хочет получить их такой ценой.

— Понимаю, — сказал я. — Об этом я не подумал.

— Так дай мне шанс поставить его на место. Если я проиграю, то обещаю тебе помогать во всем, что должно быть сделано.

— Хорошо, — сказал я, глядя, как на это отреагирует Джасра.

Она смотрела на нас с любопытством.

— «Наш отец»? — спросила она.

— Да, — сказал я. — Не хотелось при тебе говорить, но раз уж так вышло… Джарт — в общем, он наш младший брат.

Глаза Джасры загорелись огнем.

— Вот оно что. Значит, дело в семейных разборках? — спросила она.

— Можно сказать и так, — сказал я.

— Не совсем, — сказал Мандор.

— И что, во Дворах ваша семья занимает какое-то высокое положение?

Мандор пожал плечами. Я тоже. У меня было такое чувство, что она пытается отыскать ходы, как бы с нас подороже содрать, и я решил поставить ей на этом пути побольше преград.

— Сейчас мы здесь обсуждаем непосредственные задачи, — сказал я. — Я хочу провести вас туда и принять вызов Маски. Если по дороге нам попадется Джарт, мы постараемся его взять и передать Мандору. Если взять не получится, мы его убираем. Так как, ты с нами?

— Мы еще не обсудили награду, — сказала она.

— Ладно, — согласился я. — Я говорил об этом с Ринальдо, и он просил тебе передать, что он с вендеттой закончил. Он считает, что, раз Кэйн умер, его счет Янтарю оплачен. Если ты с этим согласна, он просил освободить тебя и предложил, что в обмен на твою помощь против нового повелителя цитадели мы отдаем тебе Крепость Четырех Миров. И все — больше никаких торгов, так он говорит. Что скажешь?

Она взяла кубок и сделала долгий, неторопливый глоток. По-моему, Джасра просто тянула время, пытаясь придумать способ выжать из этой сделки побольше.

— Ты давно говорил с Ринальдо? — спросила она.

— Недавно.

— Мне не очень ясно, почему он отправился с Далтом, а не остался здесь, с нами, если он сам согласился на этот план.

Я вздохнул:

— О'кей, я расскажу. Но если ты с нами, я бы хотел поскорее выступить.

— Рассказывай, — сказала она.

Я перечислил вечерние приключения в Ардене, опустив лишь то, как Виалль взяла Льюка под свою защиту. Пока я рассказывал, Найда, казалось, забеспокоилась: время от времени она начинала тихо постанывать.

Когда я закончил, Джасра оперлась о руку Мандора и поднялась, задев его легонько бедром; потом подошла к Найде.

— Теперь скажите мне, почему дочь высокого официального лица из Бегмы удерживают здесь, — спросила она.

— В нее вселился демон, которому нравится вмешиваться в мои дела, — сказал я.

— Правда? Меня всегда интересовало, какие могут быть хобби у демонов. По-моему, этот ваш демон пытается что-то сказать, а это может оказаться для меня интересным. Я хочу с ним поговорить. Если вы его ненадолго освободите, я обещаю подумать над вашим предложением.

— Время дорого, — сказал я.

— В таком случае, мой ответ — «нет», — сказала она. — Заприте меня где-нибудь и отправляйтесь в Крепость одни.

Я посмотрел на Мандора.

— Ринальдо назвал бы это расходами на прием гостей, — добавила Джасра.

— Не вижу в этом вреда, — сказал Мандор.

— Тогда пусть говорит, — сказал я.

— Можешь говорить, *тай'ига*, — разрешил он.

Но первые ее слова были адресованы не Джасре, а мне:

— Мерлин, ты должен позволить мне тебя сопровождать.

Я обошел ее, чтобы видеть лицо.

— Ни в коем случае, — сказал я.

— Почему?

— Я думаю, мне придется пойти на какой-то риск. Так что твоя забота о моей жизни может мне помешать.

— Такова моя сущность, — отозвалась она.

— И моя проблема, — сказал я. — Я не имел в виду, что ты для меня — зло. Я с радостью с тобой поболтаю, когда все закончится, но на этот раз ты останешься здесь.

Джасра откашлялась.

— Это все, что ты хотела сказать? Или есть что-нибудь для меня? — спросила она.

Последовало долгое молчание, затем:

— Ты будешь их сопровождать или нет? — задала вопрос Найда.

Джасра отвечала, явно взвешивая слова:

— Про нападение на Крепость никто, кроме Мерлина, не знает. Это его личная операция, — сказала она. — И я совсем не уверена, что она будет одобрена здесь, в Янтаре. Так что если я даже и соглашусь, а потом добьюсь, чего я хочу, то все равно я здорово при этом рискую. Разумеется, мне нужны и свобода, и Крепость. В этом смысле наша торговля честная. Но он еще просит о том, чтобы я объявила конец вендетте. А где у меня гарантии, что здесь это хоть что-нибудь значит и что иерархия

Янтаря не станет потом на меня охотиться как на возмутительницу спокойствия? Раз Мерлин действует тайно, он не может говорить за других.

Таким образом, вопрос оказался переадресован мне, и поскольку это был очень хороший вопрос, на который у меня и вправду не было ответа, я обрадовался, что *тай'ига* приняла удар на себя:

— Я уверена, что смогу тебя убедить. Потому что в твоих собственных интересах сопровождать их и оказывать им любую поддержку, какую только сумеешь, — предложила она.

— Хорошо, начинай, — сказала ей Джасра.

— Я буду говорить с тобой только наедине.

Джасра улыбнулась — из любви к интригам, я уверен.

— Меня это устраивает, — сказала она.

— Мандор, заставь ее говорить при нас, — сказал я.

— Подожди! — заявила Джасра. — Или мы будем говорить один на один, или можешь забыть о моей помощи.

Я подумал, а насколько реальной будет помощь от Джасры, если она не сумеет воззвать к Фонтану, чтобы отделаться от Джарта; и не станет ли эта помощь самой крупной нашей проблемой. Да, она знала Крепость. Но я даже не мог с уверенностью сказать, насколько опытная она колдунья.

С другой стороны, я хотел все уладить сейчас, и еще один адепт в нашу пользу — разница очень существенная.

— Найда, — сказал я, — ты, случайно, ничего не задумала, что может повредить Янтарю?

— Нет, — отозвалась она.

— Мандор, чем обычно клянутся *тай'ига?* — поинтересовался я.

— Ничем.

— Что за черт, — сказал я. — Сколько тебе нужно на это времени?

— Дай нам десять минут, — сказала она.

— Пойдем погуляем, — сказал я Мандору.

— Да, конечно, — ответил он и кинул в сторону Найды еще один металлический шар. Он присоединился к другим шарам, очертив орбиту на уровне ее пояса.

Перед уходом я достал из ящика стола ключ. Как только мы оказались в коридоре, я спросил Мандора:

— Джасра ее никак не может освободить?

— Только не с дополнительным кругом ограничения, который я там поставил. Не много таких, кто может отыскать путь, минуя круг. Во всяком случае, не за десять минут.

— Она просто кладезь секретов, эта проклятая *тай'ига,* —

сказал я. — Причем таких, что меня начинает интересовать, кто же на самом деле тут пленник.

— Она всего лишь выторговывает сотрудничество Джасры в обмен на какую-нибудь мелкую информацию, — сказал Мандор. — Она хочет, чтобы леди сопровождала нас, раз уж не может пойти сама; все дело в дополнительной защите для тебя.

— А почему при этом не можем присутствовать мы?

— Темный вопрос. Во всяком случае, из всего того, что я от нее узнал, ничего по этому поводу сказать не могу.

— Послушай, раз уж несколько минут у нас есть, я тут сбегаю, пожалуй, по одному дельцу. Присмотришь здесь за событиями? А если она позовет вдруг раньше, чем я вернусь, побудешь пока один, хорошо?

Мандор улыбнулся:

— А если явится кто-нибудь из твоих родственников, как прикажешь мне представляться? Повелителем Хаоса?

— Я вообще-то всегда считал, что ты еще и повелитель иллюзий.

— Это верно. — Он хлопнул в ладоши и исчез.

— Постараюсь не задерживаться, — сказал я.

— Будь здоров, — донесся откуда-то его голос.

Я поспешил по коридору. То, что я собирался сделать, — было своего рода паломничеством — одним из тех, какие я давненько не совершал. В преддверии того серьезного предприятия, которое мы задумали, оно казалось очень даже уместным.

Добравшись до двери, я мгновение, закрыв глаза, постоял снаружи — оживляя в памяти интерьер, каким я видел его в последний раз. Это были комнаты моего отца. Я множество раз забредал сюда, пытаясь из обстановки, по расположению предметов, по книжным полкам и всевозможным коллекциям выудить что-нибудь в дополнение к тому, что я уже знал об этом человеке. Всегда обнаруживалась какая-нибудь мелочь, привлекавшая мое внимание и отвечавшая на вопрос или пробуждавшая новый: записи на форзаце книги или заметка на

полях, серебряная расческа с неправильными инициалами, дагерротип эффектной брюнетки с подписью: «Карлу с любовью, Каролин», фотография отца, пожимающего руку генералу МакАртуру[73].

Я отпер дверь.

Несколько секунд я не двигался, пока внутри разгорался свет. Еще несколько долгих мгновений я прислушивался, но за порогом все было тихо. Тогда я осторожно вошел. На шкафу у дальней стены горели свечи. Никого не было видно.

— Эй? — позвал я. — Это я, Мерлин.

Никакого ответа.

Я закрыл за собой дверь и прошел вперед. На шкафчике между свечами стояла небольшая пузатая ваза. С одной-единственной розой; она была серебряной — или это мне показалось? Я подошел ближе. Да, роза была настоящей. Серебряной — я действительно не ошибся, В какой тени растут такие цветы?

Я вынул одну свечу из подсвечника, прикрывая пламя ладонью. Пошел налево, в следующую комнату. Едва приоткрыв дверь, я понял, что брал с собой свечу зря. Здесь горели другие, еще больше.

— Э-эй? — повторил я.

И снова никакого ответа. Ни звука.

Я поставил свечу на стол и подошел к кровати. На покрывале лежали штаны, рядом со штанами — рубашка. Я взял за рукав, поднял его, опустил. Рубашка — серебристая, штаны — черные. Цвета моего отца. Когда я был здесь в последний раз, ничего такого тут не лежало.

Я сел рядом с одеждой и бросил взгляд через комнату в затененный угол. Что все это значит? Некий эксцентричный домашний ритуал? Явление призрака? Или…

— Корвин!? — наугад позвал я.

Вряд ли я ждал ответа. Но, поднявшись, вдруг ударился обо что-то тяжелое, висевшее на ближнем кроватном столбике. Протянув руку, я приблизил к себе неизвестный предмет, чтобы взглянуть получше. Это был пояс с оружием в ножнах. Вот этого в прошлый раз точно не было. Я взялся за рукоять и вынул клинок.

Часть Образа, содержащегося в сером теле металла, затанцевала в свете свечей. Грейсвандир, меч моего отца. Что тут делал клинок, я понятия не имел.

С внезапной болью сообразил: не могу я так вот стоять, гадая, что здесь было и почему. Пора вернуться к своим проблемам. Да, время сегодня определенно не на моей стороне.

Я сунул Грейсвандир в ножны.

— Папа? — сказал я. — Если ты меня слышишь. Я так хочу с тобой встретиться, еще раз поговорить. Но сейчас мне надо идти. Что бы ты ни делал — удачи тебе.

Я покинул комнату; проходя мимо серебряной розы, коснулся ее осторожно; запер дверь и только сейчас, в коридоре, почувствовал, что дрожу.

На обратной дороге я никого не встретил и, подходя к своей двери, задумался — войти сразу или же сперва постучать. Что-то коснулось моего плеча; я оглянулся, но сзади никого не было. Повернувшись снова, я увидел, что передо мной стоит Мандор — на лице легкое удивление.

— В чем дело? — спросил он. — Когда ты уходил, ты выглядел не таким встревоженным, как сейчас.

— Тут другое, — сказал я. — Я просто задумался. От них никаких вестей?

— Джасра разок вопила, — сказал он. — Я открыл, а это она, оказывается, смеялась. Попросила меня уйти.

— Либо *тай'ига* еще и специалисты по части шуточек, либо новости и правда благоприятные.

— Мне тоже так показалось.

Чуть погодя дверь открылась, и Джасра кивнула нам:

— Мы закончили.

Проходя в комнату, я не спускал с нее глаз. Она явно выглядела веселее, чем когда мы ее оставили. Морщинок в уголках глаз собралось больше, и нетрудно было заметить, что она едва удерживается от смеха.

— Надеюсь, это было плодотворное интервью? — спросил я.

— Да. Я бы сказала, что свои плоды оно принесло, — ответила Джасра.

Я посмотрел на Найду, но ни в ее лице, ни во всем ее облике ничего не изменилось.

— И что же ты наконец решила? — сказал я. — Я не могу больше тянуть.

— Что будет, если я скажу «нет»? — спросила Джасра.

— Я отправлю тебя назад в твою комнату и сообщу остальным, что ты оправилась и пришла в норму, — сказал я.

— Я останусь на положении гостя?

— Гостя, только хорошо охраняемого.

— Понятно. Ну, на свою комнату я уже насмотрелась достаточно. Поэтому я решила сопровождать вас и помогать на твоих условиях.

Я поклонился ей.

— Мерлин! — сказала Найда.

— Нет! — ответил я и посмотрел на Мандора.

Он приблизился и встал перед Найдой.

— Лучше всего, если ты сейчас уснешь, — сказал ей Мандор, и глаза Найды закрылись, плечи обмякли. — Есть тут подходящее место, где она могла бы поспать? — спросил он меня.

— Вон там, — сказал я, указывая на дверь в соседнюю комнату.

Мандор взял Найду под руку и увел туда. Через некоторое время я услышал, как он тихо что-то бормочет, а затем наступила тишина. Чуть погодя Мандор вышел, а я подошел к двери и заглянул в комнату. Найда вытянулась на моей кровати. Никаких металлических сфер я не заметил.

— Уже отключилась? — спросил я.

— И надолго, — ответил он.

Я посмотрел на Джасру, которая смотрела на себя в зеркало:

— Ты готова?

Она глянула на меня сквозь опущенные ресницы:

— Как же ты собираешься перенести нас в Крепость?

— А что, у тебя есть какой-нибудь хитрый способ проникнуть внутрь?

— На данный момент нет.

— Тогда я вызову Колесо-Призрак, и оно нас туда проведет.

— Ты уверен, что это безопасно? Я общалась с этим… устройством. Сомневаюсь, что ему можно доверять.

— За него будь спокойна, — сказал я. — Не желаешь подкрепиться каким-нибудь заклинанием на дорожку?

— Зачем. Я и так… в полном порядке.

— Мандор?

Я услышал металлический стук где-то в глубинах его плаща.

— Я готов, — сказал он.

Я вытащил Козырь Колеса-Призрака и внимательно посмотрел на него. Начал медитацию. Затем потянулся в карту. Ничего не произошло. Я опять попробовал, вызывая, настраиваясь, простираясь. Вновь потянулся, вызывая, нащупывая…

— Дверь… — сказала Джасра.

Я взглянул на дверь в коридор — ничего особенного. Посмотрел на Джасру, проследил ее взгляд…

Дверь в комнату, где спала Найда, начала наливаться жаром. Желтый свет, который от нее исходил, делался прямо на глазах ярче. Затем в центре двери появилась одна особенно яркая точка. Она вдруг принялась медленно двигаться — вверх-вниз, вверх-вниз…

Затем послышалась музыка — откуда, понять было трудно, — и голос Призрака возвестил:

— Следуй за прыгающим мячом.

— Прекрати! — сказал я. — Это меня сбивает.

Музыка стихла. Круг света замер на одном месте.

— Прости, — сказал Призрак. — Я подумал, тебе нужна какая-нибудь расслабка. И решил тебя немного развеселить.

— Не тем местом подумал, — ответил я. — Я хотел, чтобы ты провел нас к цитадели в Крепости Четырех Миров.

— А войска тебе не нужны? Почему-то мне никак не найти Льюка.

— Нет, без войск. Только нас троих, — сказал я.

— А что с той, что спит в соседней комнате? Я встречал ее раньше. Она неверно сканируется.

— Я знаю. Она не человек. Пусть спит.

— Тогда все в порядке. Идите сквозь дверь.

— Пошли, — сказал я остальным, подбирая перевязь и застегивая ее на поясе; туда же я добавил свой запасной кинжал, забрал с кресла плащ и набросил его на плечи.

Я двинулся прямо к двери; Мандор и Джасра — следом. Я шагнул внутрь, но комнаты там уже не было. Вместо этого на миг все расплылось, а когда мои ощущения снова сделались ясными, передо мной лежала огромная равнина под плотно задернутым облаками небом и холодный ветер трепал мой плащ.

Слева из-за спины я услышал, как вскрикнул Мандор, а мгновением позже к нему добавился голос Джасры. Справа раскинулось белое, словно кость, ледяное поле, а в противоположной стороне — серое, будто сланец, море расшвыривало над собой буруны; они были похожи на змей в бидоне с молоком. Далеко внизу подо мной вскипала и дымилась темная почва.

— Призрак! — крикнул я. — Где ты?

— Здесь, — донесся слабый ответ; я опустил глаза и увидел крошечное колечко света возле левого своего носка.

Прямо впереди и внизу неподвижно застыла Крепость. Далеко от нас. Вокруг стен не видно было ни единого признака жизни. Я догадался, что мы, должно быть, сейчас в горах, неподалеку от того места, где однажды я вел длительную беседу со старым отшельником по имени Дэйв.

— Я хотел, чтобы ты доставил нас в цитадель внутри Крепости, — сказал я. — Почему ты привел нас сюда?

— Я же говорил, что мне там не нравится, — ответил Призрак. — Я хотел дать вам шанс подумать и точно решить, надо вам туда или нет. Я не хочу надолго оставаться с той силой, которая там, в Крепости; она меня беспокоит. А доставить вас туда я могу очень быстро.

Я продолжал изучать Крепость. У внешних стен опять крутилась пара смерчей. Если там до сих пор не было рва с водой, то им наверняка придется здорово постараться, чтобы его прорыть. Они держались точно друг против друга и светились, вращаясь. Ближайший искрился развилками молний, жутко раскаляясь при этом; как только он начинал увядать, становился ярче второй. Пока я смотрел, они проделали этот цикл несколько раз.

Джасра издала слабый звук, и я повернулся к ней:

— В чем дело?

— Я чувствую, там идет ритуал, — сказала она. — Кто-то играет с силой.

— Ты можешь сказать, как далеко они продвинулись?

— Вряд ли. Может, они только начали, а может, уже кончают. Единственное, что я знаю точно, — они сейчас там, на месте. Об этом говорят огненные столбы.

— Тогда где это место, Джасра? — сказал я. — Где нам лучше всего появиться?

— Там есть два длинных коридора, ведущих к залу Фонтана, — сказала она. — Один — на том же уровне, а второй — на этаж выше. Сам зал высотой в несколько этажей.

— Я помню, — признался я.

— Если они работают с силой напрямую, а мы просто появимся в зале, — продолжала она, — преимущества от внезапности не будет почти никакого. Не могу сказать точно, чем они могут по нам ударить. Лучше приблизиться по одному из коридоров и дать мне шанс оценить ситуацию. По нижнему коридору идти не стоит — они нас сразу заметят; верхний во всех отношениях был бы для нас безопаснее.

— Хорошо, — согласился я. — Призрак, ты можешь нас перенести в верхний коридор?

Круг растянулся, опрокинулся, пошел вверх, мгновение постоял высоко над нами, затем опустился снова.

— Вы… уже… там, — сказал Призрак, как только в глазах у меня поплыло и нас окатило с головы до ног светом. — Прощай.

Он был прав. На этот раз мы попали в цель. Мы стояли в длинном, сумрачном коридоре; стены его были из тесаного темного камня. Один его конец терялся во тьме. Второй вел в освещенное место. Потолок был из грубого дерева, тяжелые поперечные балки увешаны клочьями паутины. Несколько магических сфер на кронштейнах мигали, рассеивая блеклый голубоватый свет — значит, заклинания на них почти потеряли силу. Другие уже потухли. Ближе к освещенному концу коридора некоторые из сфер были заменены лампами. Сверху доносился

негромкий шорох каких-то мелких существ, которые шмыгали между балками. Пахло сыростью и плесенью. Воздух был насыщен электричеством, мы как будто дышали озоном. Нас буквально пронизывало нервное возбуждение в предчувствии критического момента.

Я обратился к зрению Логруса, и сразу стало намного светлее. Повсюду пылающими желтыми кабелями бежали линии сил и добавляли света. И каждый раз, когда мы пересекали какую-нибудь из линий, она усиливала уже знакомый мне эффект пульсирующего покалывания. Я увидел, что Джасра стоит на пересечении нескольких линий и, кажется, перекачивает энергию из них в свое тело. Она стала светиться, и я не уверен, что обнаружил бы это свечение обычным зрением. Когда я глянул на Мандора, то увидел Знак Хаоса, который висел перед ним; это значило, что он видит то же, что вижу я.

Джасра медленно двинулась к освещенному концу коридора. Мандор пошел за ней, ступая настолько тихо, что временами мне приходилось оглядываться, чтобы удостовериться, что он по-прежнему с нами. По дороге я ощутил вибрацию, как будто от биения чьего-то мощного пульса. Передавалась ли она через пол или по тем вибрирующим линиям, которые мы постоянно встречали, — этого я сказать не могу.

Я опасался, не узнает ли о нашем присутствии тот, кто сейчас работает с энергией Фонтана, раз мы тревожим эту часть силовой сети. Или сосредоточенность на своей задаче полностью его отвлекает, и мы сможем приблизиться незаметно?

— *Это* началось? — шепнул я Джасре.

— Да, — откликнулась она.

— Сколько еще?

— Основная фаза, должно быть, закончена.

Еще несколько шагов, и теперь она уже спрашивала меня:

— Какой у тебя план?

— Если все, что ты говорила, правильно, тогда мы немедленно атакуем. Для начала попробуем вывести из игры Джарта — все мы, я имею в виду; если он вот-вот сделается настолько могущественным, потом это будет опасно.

Джасра облизнула губы:

— Пожалуй, я лучше всех вооружена, чтобы с ним справиться. Я ведь имею связь с Фонтаном. Так что не путайся у меня под ногами, а занимайся Маской, пока я занята. Мандора хорошо бы оставить в резерве, если кому-то из нас вдруг понадобится помощь.

— Согласен, — сказал я. — Мандор, ты слышал?

— Да, — ответил он тихо. — Я сделаю как она говорит.

Затем:

— Что случится, если я разрушу Фонтан? — спросил он Джасру.

— Я не верю, что это получится, — ответила она.

Мандор фыркнул; я почувствовал опасное направление, в котором потекли его мысли.

— Ну а все-таки? В качестве допущения? — сказал он.

Джасра некоторое время молчала, затем:

— Если ты сможешь его заглушить, пусть даже ненадолго, — сказала она, — цитадель, скорее всего, падет. Я использовала его излучение, чтобы укрепить это сооружение. Цитадель — древняя, и у меня руки не доходили поставить подпорки там, где это нужно. Хотя то количество энергии, что требуется, чтобы успешно атаковать Фонтан, лучше было бы приложить в другом месте.

— Спасибо, — ответил Мандор.

Джасра остановилась, протянула руку к одной из силовых линий и закрыла глаза, как будто щупала пульс.

— Очень сильно, — сказала она чуть погодя. — Кто-то теперь копается на глубинных уровнях.

Джасра двинулась вперед. Свет в конце коридора стал ярче, затем потускнел, снова сделался ярче, опять тусклее. Наши тени прыгали, то сжимаясь, то вырастая. Я услышал какой-то звук, похожий на гудение высоковольтных проводов. Джасра заторопилась, я тоже удвоил шаг. Впереди вдруг раздался смех. Фракир сжала мое запястье. У выхода из коридора полыхнули искры.

— Проклятье, проклятье, проклятье, — услышал я бормотание Джасры.

Как только перед нами открылась площадка, где когда-то во время нашего поединка стоял Маска, Джасра вскинула руку. Я остановился, а она очень медленно подошла к перилам. Справа и слева располагались лестницы, ведущие вниз в противоположные концы зала.

Джасра смотрела только мгновение; затем отпрянула, упала и покатилась по полу. Оранжевый пламенный шар, снеся часть ограждения, пролетел вверх, подобно неторопливой комете, как раз в том месте, где только что находилась Джасра. Я рванулся к ней, сунул руку под плечи и начал приподнимать.

Я почувствовал, как она напряглась, когда голова ее чуть повернулась влево. Я почему-то уже знал, что увижу, когда поворачивался в ту сторону.

Там стоял Джарт, абсолютно голый, если не считать повязки, прикрывающей глаз, пылающий, улыбающийся, пульсирующий на грани реальности и фантома.

— Было б лучше, если бы ты бросил все это, брат, — сказал он. — Жаль, ты не можешь остаться.

На кончиках его пальцев затанцевали искры, когда он взмахнул рукой в мою сторону. Сомневаюсь, чтобы он собирался пожать мою.

Единственным ответом, который мне пришел в голову, было: «У тебя шнурки развязались», — что, конечно, его не остановило, но озадачило на секунду-другую.

XII

Джарт никогда не играл в футбол. Ни за что не поверю, чтобы он ожидал, что я быстро встану и кинусь на него; а когда это случилось, он, по-моему, и не думал, что я окажусь настолько низко от пола.

Ну а что до того, что я ударил его выше колен и, сбив с ног, опрокинул его спиной в пролом в ограждении, уверен, что он был удивлен. По крайней мере выглядел Джарт удивленным, когда кувырнулся через спину и стремительно полетел вниз, а искры

по-прежнему плясали на кончиках его пальцев.

Я услышал, как хмыкнула Джасра — как раз в тот момент, когда он, не долетев до пола, прямо на наших глазах растворился в воздухе и исчез. Затем я мельком увидел, что Джасра поднимается.

— Теперь я с ним справлюсь, — сказала она. И: — Нет проблем. Он увалень, — как раз когда Джарт появился на верхушке лестницы справа от нее. — Займись Маской!

Маска стоял по другую сторону черного каменного фонтана, глядя на меня сквозь оранжево-красные гейзеры пламени. Ниже, в бассейне, языки огня рябили желтым и белым. Когда он зачерпнул пригоршню и свел вместе ладони, будто ребенок, который лепит снежок, огни раскалились до синевы. Затем он резко выбросил руки в мою сторону.

Я просто парировал удар. Я понял, он действует не Искусством, это была работа с элементарными энергиями. Но это послужило напоминанием; тем более, когда я увидел, как Джасра выполняет подготовительные жесты для опасного заклинания; правда, это был лишь обманный маневр, чтобы оказаться к Джарту поближе и, захватив врасплох, столкнуть его спиной вниз по лестнице.

Да, это было не Искусство. Любой, кто бы ни наслаждался роскошью жить поблизости от подобного источника силы и пользоваться ею для своих целей, несомненно со временем становится крайне небрежен; он пользуется лишь основными костяками заклинаний в качестве проводников, чтобы по ним бежали потоки силы. Неискушенный или крайне ленивый мог, вероятно, спустя некоторое время обходиться даже и без этого и играть напрямую с необработанными силами — своего рода шаманство, в противоположность чистоте Высшей Магии, этакое сбалансированное уравнение, — и получать максимальный результат с минимумом затрат.

Джасра все это прекрасно знала. Я сказал бы, что формальную подготовку она получила, занимаясь именно такими вещами. Ничего, и это сойдет, решил я, отражая еще один шар пламени и отодвигаясь влево.

Я начал спускаться по лестнице — боком, — не спуская глаз с Маски. Я был готов защититься или ударить в любое мгновение.

Ограждение передо мной начало наливаться жаром, затем оно вспыхнуло. Я отступил на шаг и продолжил спуск. Едва ли стоило переводить заклинание на то, чтобы погасить перила. Все это явно было рассчитано больше на показуху…

Ну…

Существовала и другая возможность, осознал я потом, как

только увидел, что Маска просто наблюдает за мной, не делая и движения, чтобы швырнуть в мою сторону что-то еще.

Еще это могло оказаться проверкой. Может, Маска просто пытался выяснить, не ограничен ли я количеством и качеством принесенных с собой заклинаний… или не узнал ли я чего-нибудь, чтобы подключиться к источнику силы напрямую и вскоре вышибить из него дух, как сейчас явно готовились поступить друг с другом Джарт и Джасра. Хорошо. Пусть выясняет. Значит, ограниченное количество заклинаний против почти безграничного источника энергии?

Джарт вдруг объявился на подоконнике, левее и много выше меня. Он успел только на секунду нахмуриться, а завеса огня уже обрушилась на него с головой. Мгновением позже исчезли и он и завеса, и я услышал смех Джасры и его проклятие, последовавшие за грохотом в другом углу комнаты.

Как только я шевельнулся, чтобы спуститься на ступень ниже, ступень под ногой исчезла. Заподозрив иллюзию, я продолжил медленно опускать ногу. Но ничего не нащупал и в конце концов шагнул через брешь на следующую ступень. Однако она тоже исчезла, как только я перенес вес. Со стороны Маски донесся смех, когда движение мое перешло в прыжок, потому что я попробовал избежать опасный участок. Но прыжку моему не видно было конца — ступени одна за другой исчезали, а я летел мимо них.

Я был уверен, что Маска думает просто: если я сделал ставку на местную силу, то рефлекс заставит меня выдать подключение к ее источнику. А если нет, то это хотя бы вынудит меня потратить еще одно заклинание.

Я примерно прикинул, сколько мне осталось до пола. Если ступени перестанут исчезать, я, быть может, сумею ухватиться за следующую, повиснуть, а затем спрыгнуть вниз. Вариант вполне безопасный. А если я промахнусь или исчезнет еще одна ступень… У меня по-прежнему было чувство, что приземлюсь я относительно целым. Но лучше, на всякий случай, воспользоваться заклинанием совершенно другого вида.

Я уцепился за край самой дальней ступени, повис и упал, разворачивая тело и произнося слова заклинания, которое назвал Падающей Стеной.

Фонтан содрогнулся. Хлестнуло и разбрызгалось пламя, перелившись через тот край бассейна, который был ближе к Маске. А затем, когда мое заклинание продолжило свой путь вниз, самого Маску отбросило на пол.

Руки Маски поднялись; тело, кажется, губкой впитало закрутившийся водоворотом жар; ладони раздвинули огонь.

Между ними зажглась ослепительная дуга, затем возник похожий на щит купол. Колдун поднял купол над собой, прикрываясь от сокрушительной силы моего заклинания. Я уже быстро двигался в направлении к Маске. И в то же самое время над Маской на дальнем краю Фонтана появился разглядывающий меня Джарт. Тем не менее прежде, чем я успел вынуть клинок, бросить Фракир или пробормотать еще одно заклинание, Фонтан наполнился, огромная волна опрокинула Джарта, смыла его к подножию другой лестницы, по которой, как я теперь видел, осторожно спускалась Джасра.

— То, что ты умеешь переноситься с места на место, еще ничего не значит, — сказала она. — Все равно ты во всех этих местах ведешь себя как дурак.

Джарт зарычал и вскочил на ноги. Затем посмотрел наверх, мимо Джасры…

— И ты, брат? — сказал он.

— Я здесь, чтобы сохранить тебе жизнь, если такое вообще возможно, — услышал я ответ Мандора. — Сейчас я предложил бь: тебе вернуться со мной…

Джарт вскрикнул — без всякого смысла, просто животное блеяние. Затем:

— Не нужно мне твоего попечительства! — заорал он. — И ты дурак, раз доверился Мерлину! Ты стоишь между ним и королевством!

Меж ладонями Джасры пылающими дымными кольцами поплыла вереница горящих кругов. Опускаясь, они нанизывались на тело Джарта. Джарт тут же куда-то исчез, но мгновением позже я услышал, как он кричит на Мандора с другой стороны.

Я продолжал надвигаться на Маску, который все-таки сумел уберечься от моей Падающей Стены и теперь уже поднимался. Я произнес слова Ледяной Тропы, и ноги колдуна начали разъезжаться. Да, я собрался бросить против источника его силы ограниченное количество заклинаний. Пусть это самоуверенность. А у Маски сила. Зато у меня были план и средства для его исполнения.

Из пола выломилась плита, с треском и грохотом превратилась в щебень, затем шрапнелью полетела в меня. Я произнес слова Сети и сделал жест.

Все осколки собрались вместе прежде, чем достигли меня. Затем я их обрушил на Маску, который все еще силился встать.

— Ты понимаешь, что я по-прежнему не знаю, почему мы сражаемся? — сказал я. — Это была твоя идея. Я еще могу…

На мгновение Маска прекратил попытки подняться. Он опустил левую руку в кипящую лужу света и вытянул правую,

ладонью ко мне. Лужа исчезла, а из правой ладони вырвался душ огня и устремился ко мне, словно брызги из поливального фонтанчика на газоне. Но к этому я был готов. Если Фонтан мог сдержать огонь, значит, должна существовать против него изоляция.

Я бросился плашмя по другую сторону темного сооружения, воспользовавшись его основанием, словно щитом.

— Похоже, что кто-то из нас умрет, — выкрикнул я, — раз уж мы решили драться всерьез. В любом случае у меня не будет шанса спросить у тебя потом: «Какого хрена? Что я тебе такого сделал?»

Единственным ответом стал смешок с другой стороны Фонтана, и пол подо мной начал двигаться.

Откуда-то справа, от подножия лестницы, я услышал Джарта: «Дурак в любом месте? А как насчет врукопашную?» — и увидел, как он появился перед Джасрой и схватил ее.

Мгновением позже он вскрикнул, потому что та опустила голову и ее губы коснулись его предплечья. Затем Джасра его оттолкнула, и он поленом скатился по оставшимся ступеням до пола и застыл без движения.

Я прополз от Фонтана вправо, через острые края разбитого покрытия пола, которое качалось и пилило меня внутри матрицы силы Маски.

— Джарт вне игры, — сказал я. — Маска, теперь ты остался один против нас троих. Скажи: «хватит», и я сделаю так, чтобы ты остался живым.

— Троих, говоришь? — донесся ровный, искаженный голос. — Значит, не можешь меня побить без чужой помощи?

— «Побить»? — сказал я. — Наверное, ты считаешь все это игрой. А я — нет. Если хочешь знать, я не собираюсь себя связывать никакими правилами. Скажи: «хватит», — или я убью тебя, с чужой помощью или без, любым доступным мне способом.

В воздухе вдруг появился какой-то темный предмет, и я откатился прочь от Фонтана, когда предмет рухнул в бассейн. Это был Джарт. Не способный нормально двигаться из-за укуса Джасры, он козырнулся от подножия лестницы прямиком в Фонтан.

— У тебя свои друзья, Повелитель Хаоса, у меня — свои, — отозвался Маска, пока Джарт негромко стонал и напитывался жаром.

Маска вдруг закрутился винтом, и я услышал, как раскололся пол. Фонтан сник, будто сам собой, ослаб, а к потолку из новой дыры в полу вздымалась, вращаясь, пылающая башня, возносящая Маску на гребне золотого плюмажа.

— И враги, — возвестила Джасра, подходя поближе.

Маска растопырил руки и ноги и медленно покатился по воздуху колесом; полет его теперь стал управляемым. Я встал и попятился от Фонтана. Я редко чувствую себя хорошо в эпицентре геологических катастроф.

Раздвоившийся Фонтан фырчал и рокотал, и звуки эти сопровождались высокой нотой непонятно из какого источника. Среди стропил слабо вздыхал ветер. Башня огня, на вершине которой катился Маска, продолжала медленно вращаться спиралью, и струи в ставшем ниже Фонтане начали сходное с этим движение. Джарт пошевелился, застонал, поднял правую руку.

— И враги, — согласился Маска, начиная череду жестов, которые я тут же узнал, поскольку кучу времени потратил на то, чтобы в них разобраться.

— Джасра! — закричал я. — Берегись Шару!

Джасра сделала три быстрых шага и улыбнулась.

Затем со стропил обрушилось что-то, сильно схожее с молнией, обуглив место, где только что стояла Джасра.

— Он всегда начинает ударом молнии, — пояснила она. — Слишком он предсказуемая личность.

Она разок крутанулась и со звуком бьющегося стекла исчезла в красноватой вспышке.

Я тут же посмотрел туда, где стоял старик; на правой ноге у него было вырезано: «Ринальдо». Сейчас он прислонился к стене, одна рука — у лба, вторая выполняла простое, но могущественное заклятие, которое должно было прикрывать словно щит.

Я чуть было не крикнул Мандору, чтобы он убрал старикана, когда Маска ударил по мне Клаксонным заклинанием, которое меня на какое-то время оглушило, а в носу у меня полопались кровеносные сосуды.

Капая на себя кровью, я пригнулся и откатился, чтобы вновь поднявшийся Джарт оказался между мной и колдуном в воздухе. Джарт, судя по всему, выглядел так, будто избавился от последствий укуса Джасры. Поэтому я, поднявшись, развернул его так, чтобы он служил мне вместо щита, и саданул ему кулаком в живот. Ошибка. Я получил от его тела разряд, чем-то похожий на электрический, только много противнее, и, когда я упал, Джарт даже ухитрился коротко рассмеяться.

— Он весь твой, — услышал я затем его всхлип.

Краешком глаза я увидел, как стоят Джасра и Шару Гаррул, и каждый, по-видимому, держал один из длинных концов огромного макраме, сплетенного из проводов. Линии пульсировали и меняли цвет, и я знал, что они представляют

собой скорее силы, чем материальные объекты, видимые лишь благодаря зрению Логруса, с которым я продолжал действовать. Пульсация увеличила темп, и оба они медленно опустились на колени — руки по-прежнему вытянуты, лица блестят. Короткое слово, жест, и я мог бы сломать равновесие. К несчастью, к тому времени у меня появились собственные трудности. Маска метнулся ко мне, как какое-то огромное насекомое — без всякого выражения, мерцающее, смертоносное. Во внешней стене Крепости послышалось какое-то похрустывание; вниз черной молнией побежала вереница зубчатых трещин. Я увидел сквозь спирали огня, как поднимается пыль, услышал грохот и завывание — правда, тихие, но, наверное, оттого, что у меня звенело в ушах, — почувствовал нескончаемую вибрацию пола под моими наполовину онемевшими ногами. Но все было в порядке. Я поднял левую руку, а правая скользнула внутрь плаща.

В правой руке Маски появился огненный клинок. Я не шелохнулся, только выждал секунду перед тем, как произнести направляющие слова моего заклинания под названием «Фантазия Для Шести Ацетиленовых Горелок», и перед тем, как прижать руки к лицу и откатиться в сторону.

Удар прошел мимо меня, рассек и без того уже расколотый камень. Тем не менее левая рука Маски ударила мне в грудь, а локоть пришелся по нижним ребрам. Хотя я не остановился, чтобы оценить повреждения, потому что услышал треск

огненного меча, выдернутого из камня. И тогда, разворачиваясь, я ударил своим более чем банальным стальным кинжалом, по рукоять всадив его в левую почку Маски.

Последовал крик, колдун застыл и рухнул возле меня. Почти сразу же меня с силой пнули по правому бедру. Я извернулся ужом, и другой удар угодил мне в правое плечо. Уверен — метили в голову. Как только я прикрыл руками виски и шею и откатился прочь, я услышал проклятие Джарта.

Вытаскивая клинок подлиннее, я поднялся на ноги, и мы с Джартом встретились взглядами. Он поднялся в то же самое время, на руках он держал Маску.

— Позже, — сказал он мне и исчез, унося с собой тело. На полу рядом с большим пятном крови лежала синяя маска.

Джасра и Шару по-прежнему стояли лицом друг к другу, оба — на коленях, та и тот — тяжело дыша; тела обоих пропитаны силой; она закручивается вокруг каждого из них тусклой змеей.

Затем, словно рыба, всплывающая на поверхность, внутри башни сил позади Фонтана возник Джарт. Именно в этот момент Мандор метнул две из своих сфер — которые, кажется, росли в размерах, пока летели вниз через комнату, а потом врезались в Фонтан и разнесли его в щепки. В общем, сейчас я увидел то, что, по-моему, никогда больше уже не увижу.

Как только разнесся раскат от обвалившегося Фонтана, и скрежет и стон внутри стен сменились треском и раскачиванием, а пыль, щебень и балки усыпали вокруг меня пол, я двинулся вперед, огибая обломки, уклоняясь от новых гейзеров и ручейков пылающей силы, плащ приподнят, чтобы защитить лицо, клинок вытянут.

Как только я подошел, Джарт обложил меня последними словами. Затем:

— Что, брат, доволен? Доволен? — сказал он. — Да положит лишь смерть между нами мир.

Я пропустил его невольные излияния мимо ушей, поскольку теперь мог получше взглянуть на то, что, как мне показалось, заметил несколькими мгновениями раньше. Я перепрыгнул через кусок отвалившейся лепнины и увидел внутри языков пламени лицо поверженного колдуна, голова которого лежала на плече у Джарта.

— Джулия! — крикнул я.

Но только я к ним шагнул, как оба они исчезли; я понял: настал и мой черед уходить.

Повернувшись, я побежал сквозь пламя.

Словарь имен

Бансес (Bances) — banc — скамья, на которой сидит судья в суде; in bances — присутствие суда в полном составе, полный двор.

Бенедикт (Benedict) — благословенный. Орден св. Бенедикта, первый монашеский орден на Западе, представлял собой военный отряд монахов, проповедовавших аскезу, что в самом основном значении есть «военная подготовка». В кельтском эпосе существует аналог этого персонажа — непобедимый воин Нуаду («собиратель облаков»), который, потеряв в бою руку, не мог больше править Племенами и отказался от трона; впоследствии врачеватель Диан Кехт заменил ему руку протезом из серебра и хрусталя, который двигался как живая рука. Св. Бенедикт — покровитель всей Европы.

Блейс (Bleys) — предположительно от blaze — вспышка, сияние; в тексте постоянно подчеркивается рыжий цвет волос Блейса, напоминающих пламя.

Брэнд (Brand) — brand — выжженное место, головня, факел, участок горящего леса, а также клеймо, выжигаемое на коже преступника.

Виалль (Vialle) — виал, иногда фиал, небольшой сосуд для хранения жидкостей, часто стеклянный.

Грейсвандир (Grayswandir) — имя меча может означать как Серый Лебедь, в которых, по преданию, воплощались серые ангелы, так и Серое Заклятие. Серебряные мечи принадлежали магам, использовавшим их для колдовства, для уничтожения оборотней и прочей нечисти, а также по прямому назначению. В тексте с именем Грейсвандир употребляется женский род, потому что по традиции все мечи, имеющие имя, — женского рода.

Глайт (Glait) — есть такое ощущение, что имя змейки собрано из слов glide — скользить и skate — катиться.

Далт (Dalt) — daleth — четвертая буква еврейского алфавита, означающая «дверь» или «привратник».

Дваркин (Dworkin) — в корне имени присутствует явный намек на dwarf — карлик. В слове — kin — уменьшительно-ласкательный суффикс. Что-то вроде «Карличек». Если быть совсем точным, дварфы (отныне мы будем называть их именно так) к гномам не имеют ни малейшего отношения. Произошло это слово от староанглийского dweorg, а то, в свою очередь, — от германского zwerg (цверг). Цверги в германо-скандинавской мифологии — природные духи, как и альвы (эльфы). Иногда цвергов называют черными альвами, в отличие от светлых, или

белых. Живут они в земле, подобно червям, от которых произошли; дневной свет губителен для них; они искусные кузнецы, они изготовили сокровища асов и молот Тора.

Джарт (Jurt) — jurat — посвященный; присягнувший.

Джасра (Jasra) — jass — карточная игра для двоих человек, в которую играют колодой из тридцати шести карт (без младших, начиная с шестерки); также название козырного валета.

Джулиэн (Julian) — возможна аллюзия на римского императора Флавия Клавдия Юлиана, имевшего прозвище Отступник. Император Юлиан пытался изгнать христиан из империи и восстановить язычество.

Джулия (Julia) — julia — «сноп»; тот же корень, что и в имени Джулиэн.

Корал (Coral) — коралл, также женское имя.

Корвин, Кэвин (Corwin) — от corvinus, то есть имеющий свойства ворона, принадлежащий к воронам, вороненок. В ирландской традиции вороны — боевые птицы. Облик воронов принимают богини войны и разрушения Бадб и Морриган. И как говорят на Британских островах: «Пока вороны живут в Тауэре, Англия может спать спокойно». Во многих мифологиях ворон связан с царством мертвых и со смертью, с кровавой битвой, он посредник между мирами — небесным, земным, загробным (подземным или морским), а также первопредок, демиург, могучий шаман или колдун, имеет большую семью и очень любит поесть. В имени главного героя есть также аллюзия на сэра Гавейна, одного из самых популярных героев фольклора и средневековой литературы, персонаж, в котором сочетаются благородство и коварство, добродушие и мстительность.

Кэйн (Caine) — в Ирландии и Шотландии так называлась плата за землю в виде продуктов, а также штраф, взятый натурой. К библейскому Каину имеет отношение разве что по созвучности имен, хотя в десятой книге «Янтарных хроник» г-н Желязны именует его героем-братоубийцей.

Лльюилл (Llewella) — вероятно, от lew — луг, луговая трава. В Англии существует мужское имя Лльюиллин; возможно, имя принцессы — женская форма от него.

Льюк (Luke) — укороченное от Lucas. Возможна отсылка на св. Луку — евангелиста и живописца, одного из семидесяти учеников Вседержителя, посланных в мир. Отличался удивительной верностью.

Мандор (Mandor) — в йеменской мифологии существуют демоны по имени мандах, духи-хранители дома, очага, семьи и человека лично. В общем, Мандор занимается чем-то очень похожим. Кстати, у древних ирландцев черно-белое сочетание

цветов, как и зеленый цвет, считались цветом потустороннего, демонического мира, но не злобного, а скорее наоборот.

Мерлин (Merlin) — merlin — «кречет»; в кельтской мифо-поэтической традиции и «Артуровском» средневековом цикле маг, поэт и провидец; сын инкуба — демона в мужской форме, вступающего в сношение со спящей женщиной, — воспитывался у фейери в полых холмах, предпочитает творить свои чары под сенью дуба. Существует вероятность прототипа — Мирддин Дикий.

Оберон (Oberon) — правитель эльфов, по одной легенде живущий во дворце за широкой рекой, по другой, более ранней, — в холме эльфов. Имя происходит от Альберих, что в дословном переводе и означает «король эльфов». В поздней английской литературной традиции Оберон обязан своим маленьким ростом проклятию, наложенному на него за любвеобильность.

Рэндом (Random) — random — выбранный или сделанный наугад, случайно; случайный; at random — наобум, наудачу.

Сугуи (Suhuy) — sough или sugh — топкое, болотистое место; hue — оттенок.

Эрик (Eric) — eric — так называлась у древних ирландцев плата родственникам за убитого члена семьи.

notes

Примечания

1

Кастильоне, Бальдассаре (1478–1529) — итальянский дипломат и писатель. В трактате «Придворный» он имитировал беседы реальных лиц, создав картины придворной жизни как искусства, выявляющего различные грани личности человека.

Байрон, Джордж Ноэль Гордон (1788–1824) — английский поэт-романтик; пэр; член палаты лордов. Участник движения итальянских карбонариев, повстанческого движения в Греции. Самые известные произведения: «Паломничество Чайльд Гарольда», поэмы с «восточным» колоритом «Гяур» и «Корсар», драматическая поэма «Манфред», мистерия «Каин», сатирическая эпопея «Дон Жуан».

2

Ловушкой-сюрпризом или миной-ловушкой называется мина или бомба, размещенная таким образом, что срабатывает неожиданно для человека, когда он задевает внешне безопасный предмет.

3

Вендетта — в переводе с итальянского «месть». Обычай кровной мести между родами, когда за убитого родственника убивают родню убийцы.

4

Андрогиния — в переводе с греческого означает «двуполость», то есть наличие у особи одного пола признаков другого, главным образом так называемых вторичных (то есть внешних) половых признаков.

5

Видимо, Мерлин не слишком силен в классической мифологии, иначе он бы понял, что ему на голову свалились цветы, в окружении которых обычно появлялась Афродита, богиня любви и красоты в греческой мифологии.

6

Горменгхаст — это название громадного замка Мерлин позаимствовал в одном из романов Мервина Пика.

7

Глаз бури — он же «иллюминатор», он же «бычий глаз» — область прояснения и тихой погоды, иногда почти штиля, в центре циклона. Облака окружают глаз в виде громадного облачного амфитеатра. Воздух внутри него суше и теплее, чем в окружающей его стене ветра и ливневых облаков.

То есть глубокого синего цвета с зеленоватым оттенком. В состав краски входит оксид кобальта, придающий ей такой цвет.

9

Хэллоуин, или канун Дня Всех Святых, — вечер тридцать первого октября. Название происходит из слияния слов all hollows even, что и означает «канун всех святых». Очень древний кельтский праздник, позже совмещенный с христианским. В Хэллоуин вся нечистая сила выбирается на землю, и самый лучший способ спрятаться от нее — переодеться в подходящий костюм и притвориться «своим». Обычно в этот вечер устраиваются карнавалы, где дети, а иногда и взрослые, одеты в жуткие маски, и принято пугать друг друга. Также в окнах выставляют вырезанные из высушенных тыкв головы. Внутри тыквы зажигается свечка, чтобы глаза и рот полыхали в темноте огнем. Очень веселый праздник, хотя раньше в этот день приносились кровавые жертвы, в основном человеческие, чтобы задобрить Дагду. Дагда — в кельтской мифологии, один из вождей Туатха Де Даннан, хозяин котла изобилия, олицетворял потусторонний мир.

10

Домино — широкий и просторный плащ с рукавами и капюшоном, который обычно носят с небольшой маской на маскарадах. Название произошло от латинского dominus — «господин», — так называлась одежда монахов.

11

Конкур — большой бульвар или другое большое открытое пространство, вмещающее огромное количество народа и специально созданное для прогулок, спортивных состязаний, встреч и прочего.

12

В оригинале употреблено слово, означающее как шоссе, особенно в горах, имеющее много крутых поворотов, подъемов, зигзагов, так и аттракцион, в России более известный как «американские», а в Америке как «русские» горки.

13

То есть лицом друг к другу, практически нос к носу. Фехтовальный термин.

14

Во время сильных переживаний, усиленной мышечной работы в крови повышается содержание адреналина — гормона мозгового слоя, вырабатываемого надпочечниками. Он повышает потребление кислорода, артериальное давление, содержание сахара в крови и вообще стимулирует обмен веществ. Человек оживлен, хорошо себя чувствует. В некоторых случаях может произойти адреналиновое отравление, по симптомам схожее с алкогольным или наркотическим. А потом наступает упадок сил, вялость, у человека дрожат руки. Это и есть постадреналиновая реакция. Похмелье, короче говоря.

15

Планшир, или планширь, — деревянные или металлические перила поверх леерного заграждения; на шлюпках — деревянный брус с гнездами для уключин, покрывающий верхние концы шпангоутов.

16

От французского «неверный шаг». Ошибка или промашка в этикете, в манерах.

17

Беркли — пригород Сан-Франциско, в котором расположено одно из крупнейших отделений Калифорнийского университета.

18

В начале XX в. в Великобритании полковник Баден-Пауэлл основал систему внешкольного воспитания, известную как скаутизм, от английского scout — «разведчик». Организация не является однородной, так как туда могут входить ребята в возрасте от семи до двадцати лет, и к тому же у них существуют различного рода звания или степени, присваиваемые за определенные достижения, например, за умение разжечь костер в самую неподходящую для этого погоду и прочее. За определенное количество жетонов, вручаемых после подобных испытаний, скаут получает определенное звание. «Волчата» находятся где-то посередине табели о рангах.

19

Бигамия — в бытовом значении «двоеженство», то есть наличие двух жен или же мужей в одно и то же время.

20

Гильотину изобрел врач Ж. Гильотен во время Великой Французской революции для обезглавливания осужденных на казнь. Состоит из деревянного каркаса, на котором крепится что-то вроде колодок для головы, а сверху нож. Потяни за веревочку, голова и отвалится.

21

Имеется в виду «харлей дэвидсон», один из самых крутых, роскошных, делающихся по индивидуальному заказу, но и самых тяжелых мотоциклов.

22

Герилья — уменьшительное от испанского слова guerra — «война» — партизанская война в Испании и странах Латинской Америки; широкое распространение термин получил во время Испанской революции 1808–1814 гг.

23

Тролли — в германо-скандинавской мифологии обитатели гор, часто гигантского роста, хотя существуют и тролли-карлики. Они уродливы, обладают огромной силой, но абсолютно глупы. Как правило, вредят людям, крадут как скот, так и его хозяев. В Британии есть существа с похожим названием, очевидно, поэтому на русский язык их «перевели» как троллей. Но эти существа — маленькие, лохматые, с вредным характером и живут под мостами, требуя плату с прохожих.

24

По-английски эти огоньки называются «вилли-с-клочком соломы» или «джекки-с-лампой». Совершенно безобидные огоньки, напоминающие мерцающее пламя вдали, водятся в болотистых местностях, если не считать вредной привычки заманивать заблудившихся путников дальше в лес, и хорошо, если не в болото.

25

Путь в подземное царство мертвых лежит через покрытые глухим туманом мрачные пустоши. Вход в это царство находится под одним из корней мирового дерева Игтдрасиля, ветвь от которого отломил, а впоследствии посадил у своего Образа Корвин.

26

Армрестлинг — это такой вид борьбы, когда двое пытаются положить на стол руку друг друга. Раньше это называлось померяться силой, теперь используется красивое английское название.

27

Конфирмация — у католиков и протестантов обряд приема в общину подростков, достигших определенного возраста. В общем смысле — посвящение во что-либо.

28

В Японии выкрик, обращенный императору и желающий ему долгой жизни. Японскими военными, как современными, так и древними, использовался как аналог российского «ура!» во время особо стремительной атаки.

29

Кенотаф — пустая гробница или монумент, воздвигнутые в память умершего, чье тело погребено где-то в другом месте или не найдено.

30

МакДональд, Джон Дэнн (1916–1986) — американский писатель и бывший подполковник армии США, известный в основном эскапистскими триллерами об отчаянной храбрости и страстных причитаниях о судьбе человеческой расы.

31

«Мост над бурными водами» — песня Пола Саймона и Арта Гарфинкла.

32

А полностью: Delirium tremens a deux — то есть «белая горячка на двоих». Delirium tremens — чрезмерно беспокойное состояние, связанное с избыточным потреблением алкоголя, характеризующееся дрожью конечностей и галлюцинациями.

33

Автором этой песни является Роберт Бернс, хотя в Шотландии она давно уже считается народной, а название переводится как «старые, добрые времена» (искаженное английское old long since). Песня исполняется большим количеством человек в конце бурной вечеринки — обнявшись за плечи и раскачиваясь в такт музыке.

34

Рэндом имеет в виду витамин B_{12}, он же цианокобаламин, игольчатые кристаллы рубиново-красного цвета без запаха и вкуса, хорошо растворяющиеся в воде и спирте. Активирует в организме созревание красных кровяных телец и положительно влияет на работу сердца. Применяется при анемиях (малокровии) и гепатитах, при общей слабости и упадке сил.

35

Льюк напивается с персонажами книг Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Сквозь зеркало, Или что там увидела Алиса».

36

В буквальном переводе «бросок с использованием „силы дыхания“». Один из приемов айкидо.

37

Белый Кролик, Чеширский Кот и прочие посетители — персонажи «Алисы в Стране Чудес» и «Сквозь Зеркало» Льюиса Кэрролла. Рассел, Бертран Артур Уильям (1872–1970) — британский математик и философ, в 1950 году получивший Нобелевскую премию по литературе. По мнению некоторых исследователей, Кэрролл сделал Болванщика похожим на Рассела. Фамилия Льюка франкоязычная, хоть слегка и подогнана под английское произношение, и означает имя лиса в средневековом зверином эпосе. Так же широко известен Лис Рейнеке, но уже у немцев.

38

Кальян — прибор для курения табака у восточных народов, в котором табачный дым очищается, проходя через сосуд, наполненный водой, часто ароматизированной.

39

Дзен — так называемый дзен-буддизм; учение «махаяны» («большой колесницы», когда считается, что возможность достижения состояния будды дается всем существам) проникло из Индии в Китай в VI в. нашей эры и дальше в Японию в XII в., где претерпело значительные изменения в догматах и концепциях. Просветления последователи дзен-буддизма достигают наиболее прямыми из возможных способов, включающих внешние, официальные учения и ритуалы, только когда они образовывают часть этих способов. «Дзен» — японское произношение китайского слова «чань», что в свою очередь является калькой санскритского «дхьяна» (религиозная медитация).

40

Логрус — кельтское название земли к югу (черная дорога идет на юг) от реки Трент и к востоку от реки Северн, которая была заселена англосаксонскими племенами — Логрское королевство, или Логрис.

Сейчас это Центральная Англия. Особенно добрососедских отношений между этими племенами и кельтами не существовало. Логос — философский принцип, который управляет и развивает, совершенствует Вселенную; творение мира словом. Если в Янтаре, чтобы достичь чего бы то ни было, необходимо нарисовать или представить себе картинку желаемого, то есть магию творит художник, то в Хаосе для этого пользуются словом — логосом. Видимо, из этих двух понятий и сложилось имя Логрус.

41

Тенниел, сэр Джон (1820–1914) — английский карикатурист и иллюстратор, в частности и «Алисы».

42

Граффити — слова, фразы, иногда рисунки, выполненные краской на тротуарах, стенах домов и общественных уборных.

43

Байонет — штык в виде кинжала, который крепился к дулу ружья для использования в рукопашной схватке. Назван так по городу Байонна на юго-западе Франции.

44

Мандала — один из сакральных символов в индуизме и буддизме; слово означает «круг», «колесо»; наиболее характерная схема изображает мандалу как круг с вписанным в него квадратом, в который в свою очередь вписан внутренний круг, сегментированный на восемь частей. Квадрат ориентирован на стороны света и окрашен в соответствующие этим сторонам цвета. В центре изображается объект почитания, его символ или атрибут. Это основной вариант мандалы, существуют многочисленные модификации. Наиболее универсально толкование мандалы как модели Вселенной, карты космоса, есть также интерпретация мандалы как «колеса времени» или «колеса бытия».

45

Янтарь — представление Янтаря как символа власти достаточно непривычно для книги, построенной на кельтских и ирландских мифах. В такой роли Янтарь, или «белый нефрит», больше известен в древней культуре Поднебесной империи. Тем не менее янтарь и в европейском сознании отождествляется с камнем власти. Например, у Редьярда Киплинга в рассказе «Нож и Меловые холмы»: «Когда мы шли по пастбищу, брат моей матери — Вождь Мужчин — снял свое ожерелье Вождя, составленное из желтых морских камешков… — Из чего? А, вспомнил! Янтарь!» С янтарем связан и древний друидический ритуал тайгерм, ритуал посвящения в высшую власть. У славян тоже известен бел-горюч камень алатырь, легенды о котором восходят к представлениям о янтаре как о предмете, обладающем магическими свойствами отвращать зло; на этом камне стоит мировое древо, а из-под него растекаются по миру целебные реки. Персонажи книги достаточно часто используют со словом «Янтарь» местоимение «она», что, безусловно, должно отражать величие города Янтарь, но, вероятно, означает и имя маленького беленького существа с одним рогом на голове, хвостом льва, ногами оленя и телом козы, играющего немалую роль в жизни этой семьи Оберона.

46

Термин из карточных игр. «Дикая карта» имеет достоинство, каким его наделяют сами игроки.

47

Немезида — в греческой мифологии дочь Никты (Ночи), богиня, наблюдающая за справедливым распределением благ среди людей и обрушивающая свой гнев (nemesao — «справедливо негодую») на тех, кто преступает закон.

48

Торазин (хлорпромазин) — гораздо более известен как аминазин. Обладает сильным психотропным действием, применяется при психических расстройствах, связанных с возбуждением, при маниакальных и галлюцинаторно-бредовых состояниях. Лечение шизофрении должно проводиться достаточно высокими дозами, так что Мерлин, вероятно, был прав, влив в Льюка лошадиную дозу.

49

Триптофан — незаменимая, но не синтезируемая в организме человека и многих животных аминокислота, входящая в состав гамма-глобулинов, казеина и прочих белков; в фармакологии используется в виде бесцветных кристаллов. Из триптофана клетки вырабатывают никотиновую кислоту. Нарушение обмена триптофана приводит к тяжелым заболеваниям. Фенилаланин — ароматическая аминокислота, присутствующая в организме как в составе белков, так и в свободном виде. Нарушение обмена фенилаланина приводит к умственной отсталости.

50

Четвертое Июля — День Независимости, национальный праздник США в честь принятия в 1776 году в этот день Декларации Независимости. Обычно вечером устраиваются грандиозные фейерверки.

51

Галлюциноген — природные и синтетические вещества, вызывающие галлюцинации и психические расстройства, в частности некоторые наркотики.

52

Трюизм — общеизвестная, избитая истина, банальность.

53

Коммандос — спецподразделения, возникшие в период Второй Мировой войны и предназначенные для проведения десантных и разведывательно-диверсионных действий.

В английском языке эта фраза предназначена для отработки произношения дифтонга «ai». В переводе значит: «Дожди в Испании в основном выпадают на равнине».

55

Банданна (от индийского «бандху») — большой платок красного или синего цвета, обычно в белый горох; надевается на голову или шею.

56

На другом конце радуги можно отыскать горшочек с золотом, или свое счастье, если сумеешь пройти по ней.

57

Баньши — в ирландском фольклоре дух в виде воющей женщины, которая либо является лично, либо ее только слышат члены той семьи, в которой намечается чья-либо смерть. Первоначальное значение «женщина из сида», то есть живущая в волшебном холме-сиде.

Китайский комплекс специальных упражнений «тай-цзы» рассчитан на очень медленное и плавное выполнение, иначе он теряет смысл.

59

Тьюринг, Алан (1912–1954) — английский математик, один из основоположников современной теории алгоритмов; тест Тьюринга — некий логический тест в теории искусственного интеллекта, при выполнении которого вычислительная машина может считаться разумной.

60

Судом «кенгуру» называется самоназначенный или выбранный толпой «суд», не принимающий во внимание или пародирующий нормы закона, права человека и тому подобное. Также этим термином часто называется инсценировка суда, когда обвинительный приговор заранее предрешен.

61

Кондотьер — в Италии XIV–XVI вв., а также в Европе предводитель наемного военного отряда на службе у отдельных властителей или Папы Римского. Сначала вербовались преимущественно из иноземных рыцарей.

62

Чуть ли не самая известная народная ирландская песня. Очередное напоминание господина автора, что Янтарное государство он писал на основе ирландских мотивов.

63

Эльзас-Лоррайн — район на северо-востоке Франции, включающий в себя бывшие провинции Эльзас и Лоррайн. С 1871 по 1917 год и с 1940 по 1944 год им владела Германия. Отношения Франции и Германии в этом вопросе столь же запутанны, как у Кашфы с Бегмой. В русской традиции Лоррайн обычно называют немецким названием — Лотарингия.

64

Феникс — волшебная птица в виде орла красно-золотых и огненных тонов. Феникс сжигает себя в гнезде, вдыхая ароматические травы, которыми оно набито; из семени и праха Феникса рождается новая птица. Средневековые герметисты-алхимики считали сгорающего в гнезде Феникса символом завершения Великой Работы, в результате чего человек становится равным Отцу.

65

Мантикора — зверь для охоты на драконов, описание в Янтарных хрониках вполне соответствует действительности. «Тело огненного цвета, по форме подобное льву. У нее три пары зубов, человеческие голова и уши, голубые глаза, хвост, который кончается рядом колючек и шипов, как у скорпиона, и голос, трубе подобный».

66

Джулиэн намекает на то, что обычно баньши воют на крыше дома, куда скоро придет смерть.

67

Дублет — короткая одежда типа кафтана, перетянутая в поясе.

По-испански «один на один», то есть на равных условиях.

69

Прием в боксе, когда один из боксеров держит другого (или оба друг друга) за руки или корпус, чтобы уклониться или предотвратить удар противника.

UCLA — общепринятое сокращение Калифорнийского университета (University of California, Los Angeles).

71

Тебриз — город в провинции Азербайджан на северо-западе Ирана. Ковры, выделываемые в этом городе, очень ценны и красивы.

72

Эвфемизмом называют более мягкое слово или выражение вместо грубого или непристойного.

73

МакАртур Дуглас (1880–1964) — генерал американской армии. Во время Второй мировой войны командовал войсками США на Дальнем Востоке, а затем союзными войсками в юго-западной части Тихого океана и оккупационными войсками в Японии. В 50-е годы руководил союзными войсками в Корейской войне.